Равницкій и Бяликъ

АГАДА

Digitized by the Internet Archive
in 2014

https://archive.org/details/agadaskazaniapri00frug

Часть I.

Часть I.

АГАДА

СКАЗАНІЯ, ПРИТЧИ, ИЗРЕЧЕНІЯ,

ТАЛМУДА и МИДРАШЕЙ.

въ 4-хъ частяхъ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ВВЕДЕНІЕМЪ

С. Г. ФРУГА.

по „Сеферъ-Гаагада“, составленному І. Х. Равницкимъ и Х. Н. Бяликомъ.

LIBRARY
NOV 11 2013
UNIVERSITY OF TORONTO

Тип. М. А. Миньковскаго, Одесса.
Пушкинская, 34.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ настоящемъ изданіи собрана большая часть легендъ, притчей и афоризмовъ, разсѣянныхъ на страницахъ обоихъ Талмудовъ (Палестинскаго и Вавилонскаго), Мидрашей и пр.

Время возникновенія такъ называемаго „Устнаго ученія“ относятъ къ эпохѣ возвращенія евреевъ изъ Вавилонскаго плѣна. Съ этимъ моментомъ (начало V в. до хр. лѣтосчисленія) совпадаетъ учрежденіе пророкомъ Ездрою „Великаго Собора“, положившаго начало той колоссальной работѣ, которая впослѣдствіи стала извѣстна подъ названіемъ Талмудъ.

Эпоха созиданія Талмуда распадается на три періода: соферовъ (книжниковъ), таннаевъ (учителей) и амораевъ (толкователей).

Дѣятельность *соферовъ* обнимаетъ періодъ времени отъ возвращенія изъ Вавилонскаго плѣна до 220-го года до хр. лѣтосчисленія. Соферы были собирателями „Устнаго ученія“, которое путемъ преданій переходило отъ одного поколѣнія къ другому.

Таннаи (220 до хр. лѣтосчисленія—220 хр. лѣтосчисл.) продолжаютъ работу соферовъ, пріумножаютъ и развиваютъ ее при помощи школъ и академій, учреждаемыхъ въ Палестинѣ. Накопившаяся впродолженіи почти пяти столѣтій масса преданій, законоположеній и мнѣній разныхъ талмудическихъ школъ приводится въ систему однимъ изъ послѣднихъ таннаевъ, раби Іегудою Святымъ (конецъ II в.) и кодифицируется подъ названіемъ „*Мишна*“—второученіе.

Результатомъ дѣятельности *амораевъ* въ теченіе трехъ столѣтій (200 — 500) явилась „*Гемара*“ — дополненіе къ Мишнѣ, ея толкованіе и объясненіе.

Мишна и Гемара составляютъ Талмудъ. Послѣдній въ то-же время состоитъ изъ двухъ элементовъ: *Галахи*

и *Агады*. Галаха—сводъ законодательныхъ нормъ, религіозныхъ и гражданскихъ; Агада—кодексъ обще-этическихъ нормъ. Въ Галахѣ этика обрѣла свою логику, въ Агадѣ—свою философію и поэзію. Трудъ составленія Талмуда завершился, но преемственная работа мысли продолжалась въ тѣхъ-же двухъ основныхъ направленіяхъ. Въ области Галахи, благодаря противорѣчивымъ мнѣніямъ разныхъ школъ, стали возникать новые вопросы, властно требовавшіе отвѣта въ примѣненіи къ религіозной практикѣ. Разработка этихъ вопросовъ продолжалась потомъ учеными, извѣстными подъ названіемъ сабореевъ и гаоновъ. Въ то-же время изъ Агады сталъ возникать особый родъ письменности подъ названіемъ „Мидрашъ", каковы: Мидрашъ-Раба (на Пятикнижіе и пять мегилотъ), Песикта, Танхума, Тана дебэ Еліагу и друг.

Впродолженіи многихъ вѣковъ совершался этотъ процессъ кристаллизаціи мыслей и грезъ, чувствъ и переживаній многихъ поколѣній еврейскаго народа, то усиливаясь, то ослабѣвая, но не прерываясь и не останавливаясь въ своемъ созидательномъ движеніи.

Передъ нами мозаика удивительной сложности и разнообразія рисунка: рядомъ съ тезисомъ, жесткимъ и непоколебимымъ какъ скала—ласковое, увѣщательное слово добраго, стараго наставника. Элементы (правда, едва намѣченные неопытной рукой) героическаго эпоса пересыпаны трепетными вспышками живого, самороднаго юмора. Тутъ и характеристики личныя и общественныя, и силуеты религіознаго аскетизма, и загадочныя явленія вѣроотступничества, и апоѳеозъ великомученичества. Тутъ-же: картины яркаго реализма, бытового и художественнаго, и рядомъ — едва уловимое мерцаніе далекаго миѳа; подавляющая мощь и блескъ Откровенія, тяжеловѣсные проповѣдническіе шаблоны, отчаянный крикъ измученной души: „Лучше-бы человѣку не родиться!" и вѣчная, свѣтлая сказка о свѣтлой и радостной жизни.

И, не смотря ни на сложную мозаичность этой работы, ни на отдаленность другъ отъ друга, по времени ихъ происхожденія, многихъ изъ этихъ притчей и сказаній, всѣ онѣ носятъ одинъ общій характеръ, и сущность ихъ, философская и моральная — одна и та-же повсюду.—Оно и понятно:

Агада представляетъ, въ широкомъ смыслѣ, комментарій къ текстамъ библейскаго повѣствованія. Правда, она расширяетъ рамки послѣдняго, вводитъ новые эпизоды, устанавливаетъ связь между отдаленнѣйшими событіями, лицами, пророчествами, образуетъ—или, по крайней мѣрѣ, усиливается образовать—„обстановку“, то бытовую, то мистическую, каждаго момента, каждаго событія. Самый-же трактуемый моментъ, какъ въ его фактическомъ или символическомъ содержаніи, такъ равно и въ моральномъ воздѣйствіи, какое онъ имѣетъ оказать, долженъ оставаться непоколебимымъ въ сознаніи каждаго, какъ непоколебимо само библейское повѣствованіе или слово пророческое.

Нерѣдко „Агадою“ видоизмѣняется весь, установленный исторической традиціей, антуражъ событія, лицамъ приписываются чуждыя имъ, казалось-бы, свойства и дѣйствія, общественнымъ группамъ и народнымъ массамъ—размѣры маловѣроятные, иногда прямо сказочныя. Но и въ этихъ случаяхъ историческій *смыслъ* событія сохраняется во всей его ясности и глубинѣ; *назидательность-же* его, составляющая конечную цѣль всей работы, пріобрѣтаетъ особенную выпуклость, полноту и значительность.

И вмѣстѣ съ тѣмъ—какая мощь и ширь миѳотворческаго размаха и какая трогательная, интимная упрощенность въ обращеніи съ высшими формами мистическаго міропредставленія!

Земной міръ—только преддверіе къ жизни загробной, жизни вѣчной. Да, но міръ этотъ, самъ по себѣ—изумительный шедевръ, дивный филигранъ геніальнѣйшаго мастера. Богъ, Жизнедатель, на херувимахъ Возсѣдающій, Богъ Великій, Сильный и Страшный—не только „владыка“ міра, но также его добрый, безконечно радушный „хозяинъ“. Человѣкъ является не только „вѣнцомъ“ творенія, но и первоцѣлью его, и объясненіемъ, и оправданіемъ. Смертному завидуютъ духи безсмертные, для его просвѣтлѣнія и совершенствованія они существуютъ, скорбятъ его скорбями, его радостями ликуютъ. Они берегутъ, обслуживаютъ, лелѣютъ душу его, которая вся — одинъ немолчный аккордъ, одна вѣчно и радостно звучащая пѣснь о мудрости и благости Господней, о красотѣ и совершенствѣ созданнаго Имъ міра.

Въ трактатѣ „Сотта" приведенъ такой случай: Въ одномъ городѣ поучали народъ одновременно раби Абагу и равъ Хія. Равъ Хія объяснялъ Галаху, и слушатели вскорѣ отошли отъ него и собрались вокругъ р. Абагу послушать притчи Агады. Въ утѣшеніе огорченному р. Хіи, р. Абагу обратился къ нему со слѣдующей притчей: — „Пришли въ одно мѣсто два торговца: одинъ продаетъ драгоцѣнные камни, другой—простые, но полезные предметы домашняго обихода. Не натурально-ли, что у второго окажется несравненно больше покупателей, чѣмъ у перваго?"

„Простые, но полезные предметы домашняго обихода",—таковою почиталась „Агада" самими творцами и популяризаторами ея. „Агада" была не только популярной, но впродолженіи многихъ вѣковъ и единственною формою духовнаго общенія съ массой. Тамъ, гдѣ вся красота и поэзія быта исчерпывались однимъ, окаменѣвшимъ въ своихъ формахъ, ритуаломъ; въ тѣ времена, когда малѣйшій уклонъ въ сторону чужеземнаго и иноплеменнаго почитался за смертный грѣхъ—„Агада" была для народа всѣмъ: она была его каѳедрой, его сценой и эстрадой, мистеріей, сказкой, сатирой, торжественной одой и пѣснью колыбельной—свѣтомъ и воздухомъ народной души.

Мужи Великаго Собора, созидая Талмудъ, говорили: „Дѣлайте ограду вокругъ закона". И въ тѣ, ставшіе историческими, моменты, когда въ духовную жизнь палестинскаго еврейства стала проникать *новая* проповѣдь съ новыми формулами морали, „ограда" эта должна была сослужить особую службу, въ смыслѣ сохраненія народной души во всей ея традиціонной неприкосновенности. Галаха видѣла единственное средство для этого въ высотѣ и неприступности „ограды" и въ крѣпости засововъ и замковъ, ее запирающихъ. Но врядъ-ли это оказалось-бы вполнѣ достаточнымъ, если-бы не вліяніе Агады, которая и ласково-увѣщательною рѣчью, и самою формой этой рѣчи созидала внутри ограды атмосферу не холодной, застывшей буквы, но живой, чуткой и подвижной мысли. Евреямъ не было надобности искать у другихъ того, что они находили у себя-же, и въ томъ „новомъ", что имъ сулились дать, для нихъ, такимъ образомъ, не оказывалось ничего дѣйствительно новаго.

Агада пользовалась широкой популярностью въ народѣ. Но это не все. Агада въ то же время являлась

несомнѣннымъ продуктомъ *народной* мысли, *народнаго* творчества. Патріархъ и кузнецъ, іерей и башмачникъ, ученый математикъ и портной, и простой сельчанинъ, и пекарь, и могильщикъ, и сынъ поденнаго работника-дровосѣка—вотъ какихъ различныхъ положеній люди были творцами „Агады" и ея популяризаторами. Тутъ совершался процессъ творческаго взаимообмѣна, какъ между росой и туманомъ, между морской влагой и дождевымъ облакомъ. „Агада" черпалась изъ родниковъ народной грезы, и ею-же орошалась нива народнаго сознанія.

Опытъ изданія въ оригиналѣ отдѣльнымъ сборникомъ легендъ и изреченій „Агады" предпринимался неоднократно и въ прежніе годы, но выполнена эта задача,—и выполнена превосходно,—лишь въ послѣднее время, гг. І. Х. Равницкимъ и Х. Н. Бяликомъ, издавшими „Sefer ha-Agada", куда вошло все, что представляется сколько нибудь цѣннымъ въ этомъ культурно-историческомъ наслѣдіи нашего прошлаго. Работа эта окажетъ неоцѣнимую услугу широкимъ кругамъ еврейскихъ читателей, отъ которыхъ невозможно требовать непосредственнаго обращенія къ первоисточникамъ.

Тѣмъ болѣе насущною представлялась потребность въ появленіи такого изданія на русскомъ языкѣ. Огромной части нашего поколѣнія, а главное—болѣе свѣжимъ и чуткимъ его элементамъ — современной еврейской молодежи (за малыми исключеніями), древнееврейскій языкъ совершенно не знакомъ, и тутъ никакія антологіи, разъ онѣ изданы на языкѣ подлинника, помощи не окажутъ.

И мы издаемъ эту книгу въ надеждѣ, что она найдетъ читателей въ этой именно средѣ, открывъ передъ нею обширную область народнаго мышленія, тысячелѣтнюю сокровишницу національныхъ цѣнностей.

И какъ знать, быть можетъ, въ наше время, время мучительныхъ „бореній" и „исканій", найдется коечто назидательное и для объективной мысли въ этомъ памятникѣ народнаго творчества далекаго прошлаго.

Въ распредѣленіи матеріала мы придерживались слѣдующаго порядка: въ I части помѣщены матеріалы историческія, отъ сотворенія міра до разрушенія Вто-

рого храма; часть II содержитъ жизнеописаніе таннаевъ и амораевъ; часть III—культурно-историческое достояніе народа и этику религіозную и національную; часть IV—отношенія личныя и соціальныя; отношенія человѣка къ природѣ и пр.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда сюжетомъ легенды взято событіе изъ библейской или исторической хроники и планомѣрность повѣствованія нарушена излишними повтореніями, мы брали только тѣ моменты, которые являются болѣе существенными въ данномъ сюжетѣ, опуская остальное, какъ лишній балластъ, только заслоняющій коренную мысль повѣствованія.

Наиболѣе популярныя имена и названія мѣстностей мы передаемъ по русско-греческому произношенію, прочія имена и названія — въ транскрипціи болѣе близкой къ ихъ еврейскому произношенію.

Переводчикъ.

О ПРИТЧѢ.

Не относись къ притчѣ пренебрежительно. Подобно тому, какъ при свѣтѣ грошовой свѣчки отыскивается оброненный золотой или жемчужина, такъ помощью притчи познается истина.

(Ш.-Гаш. Р.).

* * *

„Сверхъ того, что Екклезіастъ былъ мудръ, онъ еще училъ народъ знанію. Онъ все изучалъ, изслѣдовалъ и много притчей составилъ".

Равъ Нахманъ училъ: „До Соломона Тора, источникъ мудрости и истины, представлялась людямъ въ видѣ лабиринта со множествомъ входовъ и выходовъ, въ которыхъ невозможно было не заблудиться. Явился Соломонъ—и притча стала тѣмъ клубкомъ нитокъ, помощью котораго люди стали свободно ходить по лабиринту Торы".

Раби Ханина говорилъ: „Былъ глубокій колодезь съ превосходной, студеной водой, которою долгое время никто не пользовался, пока не нашелся человѣкъ, который, связавъ вмѣстѣ нѣсколько веревокъ, началъ черпать воду изъ колодца, а за нимъ и другіе стали черпать и пить. Такъ и Соломонъ: сказаніе за сказаніемъ, притча за притчей — онъ достигъ до сокровеннѣйшихъ источниковъ знанія". *(тамъ-же).*

* * *

Въ одномъ городѣ поучали народъ одновременно раби Абагу и равъ Хія баръ [1]) Аба. Равъ Хію, который объяснялъ галаху (законъ), вскорѣ всѣ покинули и собрались вокругъ раби Абагу, съ увлеченіемъ слушая сказанія и притчи. Покинутый слушателями, равъ Хія палъ духомъ. Видя это, раби Абагу обратился къ нему со слѣдующей притчей: „Въ одно мѣсто пришли два торговца: одинъ продаетъ драгоцѣнные камни, другой — простые, но

[1]) Сынъ.

полезные предметы домашняго обихода. Не естественно-ли, что у второго окажется несравненно больше покупателей, нежели у перваго? (*Сота, 40*).

***

Велико было соперничество между галахистами и агадистами.

Раби Исаака Нафха [1]) пришли послушать равъ Ами и равъ Аси. Первый желалъ поучиться галахѣ, второй послушать агаду, и каждый просилъ о своемъ, не давая учителю приступить ни къ той, ни къ другой лекціи.

По поводу этого раби Исаакъ сказалъ: „Своимъ соперничествомъ вы поставили меня въ положеніе человѣка среднихъ лѣтъ, имѣющаго двухъ женъ—молодую и старую: первая выщипываетъ у него сѣдые волосы, чтобъ онъ имѣлъ видъ молодого, а вторая—темные волосы, чтобъ онъ болѣе походилъ на старика. Въ концѣ-концовъ, бѣдный человѣкъ остается лысымъ“.

(*Б.-К., 60*).

***

„До предѣловъ вселенной слова ихъ доходятъ“. Это сказано о словахъ притчи. (*Т. д. Ел.*).

***

„Ты пьешъ вино—кровь виноградныхъ ягодъ“. Подобно вину, притча влечетъ къ себѣ сердце человѣческое. (*Сифре*).

***

„Освѣжите меня яблоками“,—говоритъ Суламита въ „Пѣснѣ пѣсней“.

Читайте притчи: вкусомъ и ароматомъ плодамъ яблони подобны онѣ.

***

Галаха—хлѣбъ, агада—вино. (*Ваик.-Р., 1*).

---

[1]) Нафха—кузнецъ.

Сотвореніе міра и первыя поколѣнія.

I. Сотвореніе міра.

Повѣствованіе о сотвореніи міра начинается съ буквы *бетъ* (ב), имѣющей начертаніе, открытое только съ одной, передней стороны. Этимъ предуказано, что только то, что послѣдовало *послѣ* начала божественнаго міростроительства, можетъ быть доступно человѣческому разумѣнію. *(Бер.-Р., 1)*.

Былъ у царя кубокъ тончайшаго стекла.

— Чѣмъ, думалъ царь, кубокъ этотъ наполнять? Горячей влаги стекло не выдержитъ, отъ холодной потускнѣетъ.

И царь бралъ кубокъ только для теплыхъ напитковъ.

Сотворилъ Богъ вселенную и подумалъ — какъ руководить Своимъ твореніемъ: однимъ строгимъ правосудіемъ — міру грозитъ разрушеніе; однимъ милосердіемъ—земля въ грѣхахъ потонетъ. „Соединю,—рѣшилъ Господь,—правосудіе съ милосердіемъ. И то, устоитъ-ли?“ *(тамъ-же, 12)*.

II. Небо и земля.

Раби Елеазаръ бенъ [1]) Симеонъ училъ:

— Въ Писаніи упоминается то сначала небо, потомъ земля, то въ обратномъ порядкѣ. Этимъ указано, что земля и небо вполнѣ равноцѣнны передъ Господомъ. *(тамъ-же, 2)*.

III. Свѣтъ.

— Какъ былъ сотворенъ свѣтъ?—спросилъ раби Симеонъ бенъ Егосадокъ?

— Господь,—отвѣтилъ раби Самуилъ баръ Нахманъ,—облачился въ ослѣпительно бѣлыя ризы, отъ которыхъ потоками хлынулъ свѣтъ, засіявшій отъ края до края вселенной. *(тамъ-же)*.

Раби Елеазаръ училъ:

— Свѣтъ, сотворенный Предвѣчнымъ въ первый день творенія, былъ такой чистоты и силы, что человѣкъ могъ видѣть

---

[1]) Сынъ.

отъ конца до конца вселенной. Съ появленіемъ на землѣ грѣха и порока дивный свѣтъ этотъ началъ тускнѣть и, наконецъ, отнятъ былъ Всевышнимъ у земного міра и пріуготованъ для праведниковъ въ загробной жизни. (*Хаг.*, *12*).

IV. Деревья и злаки.

Когда сотворено было желѣзо, трепетъ страха прошелъ по деревьямъ.

Но желѣзо сказало:

— Не давайте рукоятки для топора—и ни одно изъ васъ повреждено не будетъ. *(Бер.-Р., 5)*.

Раби Симонъ училъ:

— Каждая былинка имѣетъ ангела-хранителя, который властно повелѣваетъ ей: „Расти!“ *(тамъ-же*, *10)*.

V. Солнце и луна.

„И создалъ Богъ два свѣтила великія“ [1]).

— Господи, — сказала луна, — невозможно двумъ царямъ одинъ вѣнецъ носить.

— Иди,—отвѣтилъ Всевышній,—и сама умали себя.

— За то-ли, Господи, что правдивое слово я молвила, Ты умалить себя повелѣваешь мнѣ? —взмолилась луна.

Отвѣчалъ Всемилосердный:

— Звѣзды да будутъ спутниками тебѣ. *(Хул., 60)*.

VI. „И всякая тварь“.

Равъ Іегуда училъ со словъ Равва:

Ничто въ мірѣ Божьемъ не сотворено безъ цѣли.

— Даже тѣ твари, существованіе которыхъ кажется человѣку совершенно нецѣлесообразнымъ, содѣйствуютъ строю и порядку мірозданія, и Создатель творитъ волю Свою черезъ каждое Свое твореніе, не исключая даже змѣи, лягушки, комара.

(Шаб., 77; Бер.-Р., 10)

Раби Негорай училъ:

— Когда люди грѣшатъ, и кара небесная грозитъ обрушиться на нихъ, милосердный взоръ Всевышняго останавливается на гадахъ и паразитахъ,—и Господь говоритъ:

— Этимъ, въ которыхъ надобности нѣтъ, я даю жизнь. Отниму-ли ее у тѣхъ, кому Мною дано высокое назначеніе на землѣ? *(Іеруш., Бер.)*.

---

[1]) Одинаковой величины.

VII. Человѣкъ.

Р. Симонъ училъ:

Когда Всевышній рѣшилъ создать человѣка, между духами небесными произошелъ расколъ. Одни говорили: „сотвори человѣка“, другіе: „не твори его“.

— Сотвори его,—говорилъ духъ Милосердія,—онъ будетъ творить милость на землѣ.

— Не твори его, — говорилъ духъ Правды, — онъ ложью осквернитъ душу свою.

— Сотвори его,—говорилъ духъ Справедливости,—добрыми дѣлами онъ жизнь украситъ.

— Не твори его,—говорилъ духъ Мира,—землю враждою наполнитъ онъ.

Повергъ Господь Правду на землю. И взмолились Ангелы-Служенія, говоря:

— Владыка міровъ! Зачѣмъ пятнаешь Ты Правду, печать величія Твоего? Подними ее съ земли, Господи!

И пока духи вели споръ между собою, осуществилось дѣло божественнаго творчества.

— Для чего,—сказалъ Господь,—пререканія ваши? Сотвореніе человѣка уже совершилось. *(Бер.-Р., 8)*.

Раби Меиръ училъ:

— Со всѣхъ концовъ земли слетѣлись пылинки, частицы того праха, въ который Господь вдохнулъ животворящее начало, душу живую и безсмертную. *(Санг., 38)*.

Сотворенъ былъ только *одинъ* человѣкъ.

Это должно служить указаніемъ, что:

тотъ, кто губитъ хотя одну человѣческую душу, разрушаетъ цѣлый міръ, и кто спасаетъ одну душу, спасаетъ цѣлый міръ;

не можетъ одинъ человѣкъ возгордиться передъ другимъ человѣкомъ, говоря: мой родъ знатнѣе твоего рода;

каждому человѣку слѣдуетъ помнить, что для него и подъ его отвѣтственность сотворенъ міръ. *(тамъ-же, 37)*.

Создавъ человѣка, Господь повелъ его по садамъ Эдема, говоря:

— Гляди, какъ прекрасенъ этотъ міръ, созданный Мною для тебя. Береги его и помни, что поврежденнаго тобою некому будетъ исправить. *(Ког.-Р., 9)*.

VIII. Въ канунъ Субботы.

Десять вещей предуготовано было въ канунъ Субботы, въ сумерки: пасть земли (поглотившая Корея и его сообщниковъ), устье колодца (по сказанію—слѣдовавшаго за израильтянами въ

пустынѣ), человѣческiй голосъ Валаамовой ослицы, радуга (появившаяся послѣ прекращенiя потопа), манна, посохъ Моисея, шамиръ (червь, помощью котораго, по древнему сказанiю, Соломонъ тесалъ гигантскiе камни при построенiи храма), письмена, стиль для письма, скрижали Завѣта.

По другому сказанiю—также: злые духи, гробница Моисея, овенъ, принесенный Авраамомъ въ жертву вмѣсто Исаака, и *первые* щипцы (безъ которыхъ не могли-бы быть изготовлены другiе щипцы). (*П. Аб., 5*).

IX. Апоѳеозъ вселенной.

Равъ Хама баръ Ханина училъ:

— Подобно царю, который любуется построеннымъ имъ чертогомъ, Господь, взирая на юный мiръ, говорилъ:

— „Мiръ мой, мiръ мой! О, если-бы вѣчно пребывалъ ты такимъ-же прекраснымъ и чистымъ въ очахъ Моихъ, какъ въ первые дни твоего существованiя!“ (*Бер. Р., 9*).

Разукрашенному съ царской пышностью вѣнчальному балдахину подобенъ былъ мiръ въ вечеръ шестого дня. И снизошелъ къ мiру, подобно невѣстѣ, святой покой Субботы.

(*тамъ-же, 10*).

„Все сдѣлалъ Онъ прекраснымъ въ свое время“ [1]).

Раби Танхума училъ:

— Мiръ былъ сотворенъ въ урочное время, ранѣе котораго ему не подобало быть созданнымъ.

Раби Абагу училъ:

— Мiровъ многое множество созидалъ и разрушалъ Всевышнiй,—созидалъ и уничтожалъ, пока не была сотворена вселенная. И сказалъ Господь: „Тѣ мiры не годились, а въ этомъ все прекрасно“. (*тамъ-же, 9*).

Съ гордостью взиралъ Создатель на вселенную, говоря (духамъ небеснымъ):

— Видите существа, созданныя Мною, и образы, Мною начертанные? „Вотъ какъ возникли небо и земля при сотворенiи ихъ“. Творецъ ихъ воздаетъ имъ хвалу, — кто-же ихъ унизитъ? Творецъ славитъ ихъ, — кто-же порицать ихъ станетъ? Прекрасны и совершенны творенiя Мои. (*тамъ-же 12*).

X. Ева.

„И Господь образовалъ Еву изъ ребра Адама“.

Разсудилъ Господь такъ:

[1]) Екклезiастъ.

— Не сотворю ее изъ головы его, дабы она не была высокомѣрной; не изъ глаза его—чтобы она не была любопытной; не изъ уха—чтобы не подслушивала; не изъ устъ — чтобы не была болтливой; не изъ сердца—чтобы завистливой не была; не изъ рукъ—чтобы не была любостяжательной; не изъ ногъ, чтобы не была праздношатающейся.

Изъ ребра — скромной и скрытой части тѣла — сотворилъ Господь женщину и, по мѣрѣ образованія каждаго изъ членовъ тѣла ея, приговаривалъ: „Будь кроткою, женщина! Будь добродѣтельной, женщина!"

Однако-же, ни отъ одного изъ пересчитанныхъ недостатковъ не свободна женщина. (*тамъ-же, 18*; *Танх.*).

— Вашъ Богъ — воръ, сказалъ кесарь рабанъ Гамліелю: усыпилъ Адама—и у соннаго ребро укралъ.

— Позволь мнѣ, отецъ,—сказала дочь р. Гамліеля—отвѣтить вмѣсто тебя.

И, обращаясь къ кесарю, продолжала:

— Я требую правосудія: прошлой ночью къ намъ забрались воры и, похитивъ серебряный кубокъ, оставили намъ кубокъ изъ чистаго золота.

— О, если-бы каждый день посылали намъ боги подобныхъ воровъ!—воскликнулъ кесарь.

— Такъ дурно-ли было для Адама, что взамѣнъ ребра ему дана была женщина? (*Санг.*, *39*).

Изъ сказанія раби Симеона бенъ Манасіи:

— Съ материнской заботливостью Господь собственноручно заплелъ въ косы волосы Евѣ передъ тѣмъ, какъ впервые показать ее Адаму. (*Бер.-Р.*, *61*).

XI. Огонь

Раби Іосэ говорилъ:

Огонь имѣлъ быть созданъ въ канунъ Субботы, но сотвореніе его было отложено до исхода субботняго дня. Предвѣчный зародилъ въ умѣ Адама божественный начатокъ творчества. Взялъ Адамъ два камня и, высѣкая изъ нихъ огонь, произнесъ:

„Благословенъ творящій свѣтильники огненные!"

(*Пес. 54*; *Бер.-Р.*, *11*).

XII. Грѣхопаденіе.

„Змѣй былъ хитрѣе всѣхъ звѣрей полевыхъ".

Онъ разсуждалъ: „Если я обращусь прямо къ Адаму, онъ меня не послушается. Обольщу сначала Еву, — женщины легковѣрны.

И началъ змѣй хулить Господа, говоря:

— Онъ самъ вкусилъ отъ этого дерева—и создалъ міръ. А вамъ, людямъ, сказалъ: „Не ѣшьте отъ него“, ибо опасался, чтобы вы не стали тоже творить міры.

И еще говорилъ змѣй:

— Будущее принадлежитъ позжеродившемуся. Вы созданы послѣ всѣхъ твореній, дабы властвовать надъ міромъ. Поспѣшите-же поѣсть плодовъ этихъ, пока Богъ еще не создалъ другихъ людей, которые начнутъ властвовать надъ вами.

Подошелъ змѣй къ дереву, взялся за стволъ и началъ трясти его. Затрепетало дерево, зашумѣла листва его: „Не смѣй дотрагиваться до меня, нечестивецъ!“ А змѣй говоритъ Евѣ:

— Вотъ, я дотронулся до дерева—и не умеръ. Дотронься и ты; увидишь—жива останешься.

Дотронулась Ева до дерева и видитъ—призракъ смерти стоитъ передъ нею.

— Горе мнѣ!—воскликнула она,—теперь я умру, а Богъ сдѣлаетъ другую женщину и дастъ ее Адаму!

Тотчасъ-же она взяла плодовъ и ѣла, и дала также Адаму, и онъ ѣлъ.

И не только Адаму дала Ева поѣсть плодовъ отъ запретнаго дерева, но покормила ими и животныхъ, и птицъ, и звѣрей. Не поддалась искушенію одна только птица фениксъ.

Эта птица и живетъ вѣчно, черезъ каждыя тысячу лѣтъ сгоряя въ пламени, выходящемъ изъ ея гнѣзда, и снова возрождаясь изъ пепла. *(Бер. Р., 19; П. д. Ел.)*.

Равъ Симеонъ бенъ Манасіи училъ:

— Не осуществись грѣхопаденіе, искуситель сталъ-бы вѣчнымъ слугою роду человѣческому. Каждому добродѣтельному человѣку дано было-бы въ услуженіе по два змѣя, которые добывали-бы для него изъ сокровищницъ Сѣвера и Юга жемчугъ и всевозможные драгоцѣнные камни. *(Санг., 59)*.

XIII. Послѣ грѣхопаденія.

Наступилъ первый солнечный закатъ послѣ изгнанія изъ рая. Похолодѣло отъ страха сердце Адама.

— Горе мнѣ!—возопилъ онъ,—за грѣхъ мой погасъ свѣтильникъ дня, и міръ снова обращается въ хаосъ. Это смерть, посылаемая въ наказаніе мнѣ небомъ!

Всю ночь просидѣли Адамъ и Ева, каясь и плача. Когда-же снова взошло солнце, они поняли, что таковъ порядокъ въ природѣ, и жертвоприношеніемъ возблагодарили Господа.

(Ав.-З., 8).

XIV. Каинъ и Авель.

И сказалъ Каинъ Авелю, брату своему:

— Подѣлимъ міръ между собою.

— Подѣлимъ,—согласился Авель.

Взялъ Каинъ землю, а Авель стада. И условились не затрагивать одинъ владѣнія другого.

Погналъ Авель свои стада въ поле, а Каинъ кричитъ ему: „Земля, по которой ты ходишь, *моя*!"—„А одежда, которая на тебѣ, не изъ шерсти-ли *моихъ* овецъ сдѣлана?—отвѣчаетъ Авель.

— Прочь съ *моей* земли!

— Долой одежду изъ *моей* шерсти!

Погнался Каинъ за Авелемъ по холмамъ и долинамъ, пока не настигъ его. Завязалась борьба. Не выдержалъ Каинъ, упалъ и, прижатый къ землѣ, сталъ молить о пощадѣ: „Авель, братъ мой! Насъ двое на землѣ. Умертвивъ меня, что ты отвѣтишь отцу нашему?" Сжалился Авель надъ Каиномъ, освободилъ его. Всталъ Каинъ и убилъ Авеля.

Медленно, долго убивалъ его Каинъ: схвативъ камень, но не зная, какъ нанести смертельный ударъ, онъ наносилъ ему побои по всему тѣлу, пока не перешибъ ему горло, — и Авель умеръ.

Убивъ брата, Каинъ подумалъ:

— Спрячусь отъ отца и матери; вѣдь отъ меня они и станутъ взыскивать за убитаго брата, потому что кромѣ меня и его нѣтъ никого на свѣтѣ.

Въ это время предсталъ Каину Господь, говоря:

— Отъ родителей своихъ ты можешь бѣжать, но отъ Меня скрыться-ли тебѣ? Отвѣчай: гдѣ Авель, братъ твой?

— Не знаю, — отвѣчалъ Каинъ, — почему Ты спрашиваешь меня? Скажи Ты мнѣ, гдѣ онъ?

— Злодѣй!—сказалъ Господь,—голосъ крови брата твоего вопіетъ ко Мнѣ отъ земли.

Подобно вору, который сталъ-бы возлагать вину свою на стражу, не устерегшую его, Каинъ говорилъ:

— Да, я убилъ брата моего, но не Тобою-ли внушено мнѣ это злое дѣло? Вѣдь Ты — стражъ всего сущаго на землѣ. Кромѣ того, если-бы Ты не отвергъ моей жертвы, я не сталъ-бы завидовать и мстить ему.

И еще говорилъ Каинъ:

— Владыка вселенной! Я никогда не видалъ убитаго и не зналъ, что, нанося Авелю удары камнемъ, я этимъ убью его. И откуда Ты узналъ объ убійствѣ? Отецъ и мать находятся на землѣ и не знаютъ; какъ-же объ этомъ узналъ Ты, находясь на небѣ?

— Глупецъ! Всю тяжесть мiра я въ долготерпѣнiи ношу на Себѣ,—сказалъ Господь,—и отъ Меня ничего сокровеннаго нѣтъ.

— Такъ Тебѣ-ли, Господи, — взмолился Каинъ, — трудно снести единый грѣхъ мой? „Наказанiе-же мое больше, нежели снести можно".

— Раскаянiе спасаетъ тебя,—сказалъ Господь.

„И пошелъ Каинъ отъ лица Господня и поселился въ землѣ Нодъ".

Каинъ шелъ, и земля дрожала подъ его ногами, и лютые звѣри метались кругомъ, и звучалъ ихъ ревъ и вой: „Вотъ онъ, вотъ онъ, братоубiйца, изгнанникъ и скиталецъ на землѣ. Растерзаемъ его, сожремъ его!"

Ручьями полились слезы изъ глазъ Каина; и взмолился онъ:

„Куда уйду отъ духа Твоего?
Куда отъ лика Твоего я скроюсь?
На небо вознесусь-ли я,—Ты тамъ;
Сойду-ли въ преисподнюю,—Ты тамъ-же.
Возьму-ли крылья утренней зари,
Переселюсь на край-ли океана,—
И тамъ меня рука Господня поведетъ,
И тамъ десница Божья остановитъ!"...

(Танх.; Бер.-Р., 22)

Истерзанное тѣло Авеля лежало въ полѣ; кровью его обрызганы были кусты и камни. Вѣрная собака его, овчарка, стерегла убитаго, отгоняя хищныхъ птицъ и звѣрей.

Полными ужаса глазами глядѣли Адамъ и Ева на убитаго сына, не зная, что слѣдуетъ сдѣлать съ этимъ похолодѣвшимъ, неподвижнымъ тѣломъ. Недалеко отъ того мѣста лежалъ павшiй воронъ. И вотъ, бывшiй тутъ другой воронъ подумалъ: „покажу этимъ людямъ, что слѣдуетъ сдѣлать съ трупомъ", разгребъ землю и закопалъ въ ней мертваго товарища. Видя это, Адамъ и Ева вырыли могилу и похоронили Авеля. *(П. д. Ел.)*.

XV. Енохъ.

„И ходилъ Енохъ путями Господними".

Отвратилъ Енохъ душу свою отъ порочныхъ дѣлъ людскихъ и скрывалъ отъ людей чистые тайники души своей. Долгое время жилъ такъ Енохъ, проводя въ молитвѣ дни свои въ уединенной кельѣ въ жилищѣ своемъ.

И однажды, во время молитвы, возвалъ къ Еноху Ангелъ Божiй.

И отвѣчалъ Енохъ:

— Вотъ я!

И сказалъ Ангелъ Божій:

— Встань, Енохъ, выйди изъ кельи своей, ступай къ людямъ и поучай ихъ, какими путями ходить и дѣлать дѣла угодныя Господу.

Всталъ Енохъ, вышелъ изъ кельи своей и изъ жилища своего. И начали собираться къ Еноху люди со всей земли, чтобы послушать поученія его. И люди поставили его царемъ надъ собою, приходили и кланялись ему до земли, и слушали всѣ и слѣдовали наставленіямъ его.

Двѣсти сорокъ три года царствовалъ Енохъ, творя судъ и милость въ народѣ.

Однажды, когда Енохъ поучалъ народъ, воззвалъ къ Еноху Ангелъ Божій и возвѣстилъ ему, что рѣшено призвать его на небо, дабы онъ поучать сталъ Сыновъ Господнихъ такъ, какъ онъ поучалъ дотолѣ сыновъ человѣческихъ.

И вотъ, въ то время, когда Енохъ поучалъ народъ, подняли люди глаза и увидѣли: несется съ неба нѣчто въ образѣ исполинскаго коня и летитъ направляясь къ землѣ. Сказали люди объ этомъ Еноху. И отвѣчалъ Енохъ:

— Для меня посланъ этотъ конь, ибо наступило мнѣ время уйти отъ васъ навсегда.

Въ эту минуту конь достигъ земли и сталъ передъ Енохомъ. И всѣ бывшіе тутъ видѣли это. Тогда повелѣлъ Енохъ оповѣстить по всей землѣ, чтобы всѣ желающіе послушать слово Божіе, пришли еще сегодня, передъ тѣмъ, какъ Енохъ будетъ взятъ съ земли. Собрались къ Еноху всѣ люди съ ихъ вождями и правителями и весь день тотъ слушали наставленія въ мудрости, знаніи и страхѣ Божіемъ; и заключилъ Енохъ миръ между всѣми людьми, послѣ чего сѣлъ на коня и поѣхалъ шагомъ неторопливымъ. И пошли вслѣдъ за нимъ люди, около восьмисотъ тысячъ человѣкъ. Весь день тотъ они шли за Енохомъ.

— Возвращайтесь къ жилищамъ своимъ, дабы не умереть вамъ въ пути,—говорилъ имъ Енохъ. Часть провожавшихъ возвратились; другіе шли еще шесть дней за нимъ. Тѣ-же, которые и на седьмой день продолжали идти за нимъ, говорили:

— Съ тобою пойдемъ мы, куда бы ни шелъ ты. Клянемся, что только смерть разъединитъ насъ съ тобою!

Упрашивалъ ихъ Енохъ уйти пока не поздно, но они не послушались его. Отвернулся отъ нихъ Енохъ и болѣе не говорилъ съ ними.

И вотъ, налетѣла буря... Огненная колесница съ конями огненными появилась въ вихрѣ—и вознесся Енохъ на небо.

Ходившіе потомъ на поиски за послѣдними, провожавшими Еноха, людьми, пришли на то мѣсто и видятъ: все пространство покрыто сплошнымъ снѣгомъ и ледяными глыбами, и ни единаго признака жизни незамѣтно кругомъ. *(Сеф. Гаіаш.)*

XVI. Потопъ.

Вначалѣ, до сотворенія человѣка, однѣ только воды славили Всевышняго.

„Пуще гула многихъ водъ могучихъ, въ небесахъ могучъ Господь!“—пѣли моря, пѣли озера.

И сказалъ Господь:

— Такъ славитъ имя мое стихія, лишенная живой рѣчи. Какимъ-же сладостнымъ гимномъ огласитъ вселенную человѣкъ, котораго Я сотворю!

У царя былъ великолѣпный дворецъ, всѣ обитатели котораго были глухонѣмые. Не умѣя говорить, они привѣтствія свои царю выражали знаками и поклонами. Вмѣсто нихъ поселилъ царь во дворцѣ людей, обладающихъ даромъ рѣчи. Что-же отъ этихъ людей услышалъ царь?

— Мы—хозяева этого дворца; онъ нашъ!

И повелѣлъ царь возвратить дворецъ прежнимъ жильцамъ, глухонѣмымъ.

Такъ и Господь—направилъ снова водяную стихію на ту землю, на которой люди перестали признавать Господа творцомъ и хозяиномъ всего сущаго. *(Бер.-Р., 28).*

Когда въ эпоху, предшествовавшую потопу, люди, вмѣсто Бога Живого, стали служить идоламъ, предъ лице Предвѣчнаго предстали два ангела, Шемхазай и Азаилъ. Видя скорбь Господа, они говорили:

— Властитель вселенной! Когда Ты созидалъ этотъ міръ, не предостерегали-ли мы Тебя, говоря: достоинъ-ли человѣкъ, чтобы Ты помнилъ его, и сынъ праха, чтобы Ты милостью посѣщалъ его?

— Что-же теперь съ міромъ дѣлать?—сказалъ Господь.

— Мы найдемъ для него другое назначеніе.

— А мнѣ,—отвѣчалъ на это Господь, — вѣдомо и несомнѣнно, что, если-бы вмѣсто людей жили на землѣ вы, ангелы, искушеніе овладѣло-бы вами еще легче и скорѣе, чѣмъ это случилось съ родомъ человѣческимъ.

— Испытай, Господи,—сказали они,—позволь намъ поселиться на землѣ, и Ты увидишь, какъ мы возвеличимъ святое имя Твое.

Сошли сыны Божіи на землю и—стали входить къ дочерямъ человѣческимъ, ихъ земной красотой обольщенные.

Встрѣтилъ Шемхазай одну дѣвицу по имени Истеарь и плѣнился ею. Но Истеарь сказала:

— Я соглашусь отвѣтить на твою любовь, если ты откроешь мнѣ „Шемъ-Гамфорошъ“ [1]) произнося которое ты возносишься на небо, когда этого пожелаешь. Ангелъ исполнилъ

---

[1]) Имя Божіе, произнесенное въ полной его транскрипціи.

ея требованіе. Тогда Истеарь произнесла Святое Имя и вознеслась на небо, сохранивъ безпорочность свою. Въ воздаяніе за ея добродѣтель Всевышній обратилъ Истеарь въ звѣзду и помѣстилъ ее въ плеядѣ.

Послѣ этого Шемхазай и Азаилъ взяли себѣ женъ, и у Шемхазая родились два сына: исполины Гива и Гійа.

Архангелъ Метатронъ послалъ сказать Шемхазаю, что готовится потопъ, и міру грозитъ полное разрушеніе. Поднялъ голосъ свой Шемхазай и горько зарыдалъ:

— Горе мнѣ,—вопилъ онъ,—что станется съ моими дѣтьми послѣ разрушенія міра? Чѣмъ они питаться будутъ?

А съѣдалъ каждый изъ нихъ по тысячѣ верблюдовъ, тысячѣ лошадей и тысячѣ быковъ ежедневно.

Въ ту-же ночь обоимъ было сонное видѣніе. Одному приснилось: лежитъ на землѣ гигантскій камень въ видѣ стола, поверхность котораго вся покрыта рядами письменъ. А съ неба сходитъ ангелъ и, держа въ рукахъ нѣчто похожее на ножъ, соскабливаетъ и уничтожаетъ строку за строкой, до тѣхъ поръ, пока не осталось всего четыре слова.

Другому привидѣлось: роскошный садъ, засаженный всевозможными деревьями, и ангелы съ топорами въ рукахъ вырубаютъ деревья одно за другимъ и оставляютъ единственное дерево с трехъ вѣтвяхъ.

Сны эти Шемхазай истолковалъ какъ предвѣщаніе близкаго потопа, послѣ котораго на землѣ останутся въ живыхъ только Ной и три сына его.

Впослѣдствіи Шемхазай раскаялся въ земномъ грѣхѣ своемъ и добровольно покаралъ себя, повиснувъ въ пространствѣ между небомъ и землей, гдѣ виситъ и понынѣ, внизъ головою, въ скорби покаянной.

Азаилъ-же не раскаялся и продолжаетъ свое грѣшное бытіе и понынѣ. *(Мидр. Абк.).*

XVII. Ной.

Равъ Гуно со словъ раби Іосэ училъ:

— Впродолженіи ста двадцати лѣтъ до потопа Господь предостерегалъ родъ человѣческій и, не видя ни въ комъ раскаянія, повелѣлъ Ною приступить къ сооруженію ковчега.

Сталъ Ной сажать кедровыя деревья.

— Для чего тебѣ эти деревья?—спрашивали его люди.

Ной отвѣчалъ:

— Господь рѣшилъ послать потопъ на землю и повелѣлъ мнѣ построить ковчегъ, чтобы спастись отъ потопа мнѣ и семьѣ моей.

Смѣялись надъ Ноемъ люди, издѣвались надъ нимъ. Смѣялись и шутили люди, видя, какъ усердно онъ поливаетъ свои кедры, заботясь объ успѣшномъ ростѣ ихъ; не переставали смѣ-

яться и тогда, когда онъ, срубивъ деревья, принялся распиливать ихъ на доски. Всѣ предупрежденія были напрасны—и насталъ потопъ.

Видя неизбѣжную гибель свою, озлобленные, обезумѣвшіе люди пытались опрокинуть ковчегъ, но ковчегъ, по мановенію перста Господня, оказался окруженнымъ львами.

(Танх.).

Изъ всѣхъ исполиновъ отъ потопа спасся одинъ только Огъ, царь Васанскій. Онъ былъ взятъ Ноемъ въ ковчегъ послѣ того какъ поклялся быть вѣчнымъ слугою Ною и потомкамъ его. Ной и прокармливалъ его, просовывая пищу въ особое отверстіе, продѣланное имъ для этого въ ковчегѣ. *(П. д. Ел.).*

Выпущенный Ноемъ голубь вернулся со свѣжимъ масличнымъ листомъ въ клювѣ. И взмолился голубь къ Господу, говоря:

— Господи! Лучше кормъ, горькій какъ листъ масличный, отъ Твоей руки, нежели сладкій какъ медъ—отъ рукъ человѣческихъ. *(Санг., 108).*

Двѣнадцать мѣсяцевъ пробылъ Ной въ ковчегѣ и за все это время не зналъ покоя ни днемъ, ни ночью. Одинъ прокормъ разнороднѣйшихъ обитателей ковчега требовалъ неимовѣрнаго труда и терпѣнія. Одни животныя принимаютъ кормъ въ часъ дня, другія—въ два часа, третьи—въ три и четыре; эти—въ первую ночную смѣну, тѣ—въ полночь, еще другія—на разсвѣтѣ. Верблюду давалась солома, слону—древесная листва, оленю трава и мохъ, а прожорливому страусу—всякая всячина.

Были и такія животныя, которыхъ Ной и вовсе не зналъ чѣмъ кормить. Съ хамелеономъ былъ такой случай. Однажды, Ной разрѣзывалъ гранатовое яблоко; оно оказалось червивымъ. Находившійся близко хамелеонъ сталъ жадно подбирать выпавшихъ изъ яблока червячковъ. Съ тѣхъ поръ ему начали давать овощи съ червоточиной.

Изъ всѣхъ обитателей ковчега только фениксъ лежалъ, скромно прикурнувъ въ уголкѣ, и на вопросъ Ноя: „Отчего ты не требуешь себѣ пищи?"—отвѣчалъ:

— Я видѣлъ, какъ много у тебя хлопотъ съ другими, и не рѣшился безпокоить тебя.

Тронутый этими словами, Ной сказалъ:

— Ты пожалѣлъ моего труда, соболѣзнуя моимъ огорченіямъ. Да пошлетъ тебѣ Всевышній жизнь вѣчную. *(тамъ-же).*

Причта р. Леви:

— Узнавъ о повелѣніи Ною ввести въ ковчегъ и представителей „всякой плоти", пришла и Ложь, стараясь прокрасться туда-же. Но Ной замѣтилъ ее и сказалъ:

— Въ ковчегъ принимается и всякая нечистая тварь, но только „по парѣ". Иди-же, сперва найди себѣ своего суженаго.

Пошла Ложь искать себѣ суженаго, а на встрѣчу—Проклятіе.

— Откуда,—спрашиваетъ,—идешъ ты?

— Ходила я,—отвѣчаетъ Ложь,—къ Ною, а онъ говоритъ: „найди себѣ сперва свою пару". Не согласишься-ли ты сочетаться со мною?

— Чѣмъ-же ты меня вознаградишь за это?

— А вотъ чѣмъ. Составимъ договоръ, чтобы все пріобрѣтаемое мною, принадлежало тебѣ.

На томъ и покончили. И съ той поры все, что пріобрѣтается Ложью, становится достояніемъ Проклятія и гибели. *(Шох.-Т., 7).*

Когда Ной пошелъ насадить виноградникъ, предсталъ предъ нимъ нѣкій духъ по имени Самдонъ [1]) и предложилъ вступить съ нимъ въ компанію на равныхъ началахъ.

— Но только,—сказалъ Самдонъ,—помни, что если ты станешь затрагивать мою долю, ты горько поплатишься за это. *(Бер.-Р., 36).*

Посадилъ Ной первую виноградную лозу. А Сатана пришелъ и спрашиваетъ:

— Что будетъ изъ этой посадки?

— Виноградникъ,—отвѣтилъ Ной.

— Не желаешь-ли взять меня въ компаньоны?

Ной согласился. Что-же сдѣлалъ Сатана? Привелъ къ винограднику овцу, льва, обезьяну и свинью и, заколовъ ихъ, поочередно полилъ виноградникъ ихъ кровью.

Человѣкъ, пьющій вино, обнаруживаетъ поочередно-же природныя свойства всѣхъ названныхъ тварей: вначалѣ онъ кротокъ какъ овечка, потомъ становится отважнымъ какъ левъ, по мѣрѣ опьяненія начинаетъ кривляться какъ обезьяна, и, наконецъ, валяется въ грязи подобно свиньѣ.

Все это произошло и съ праведнымъ Ноемъ. *(Танх.).*

XVIII. Нимродъ и столпотвореніе.

Кожаныя одежды, которыя сдѣланы были Всевышнимъ для Адама и Евы, перешли черезъ Ноя къ Нимроду. Одежды эти обладали свойствомъ—однимъ видомъ своимъ укрощать самыхъ лютыхъ звѣрей. И когда облаченный въ эти одежды Нимродъ выходилъ на ловлю, птицы, животныя и звѣри покорно склонялись передъ нимъ. Отсюда пошла слава его, какъ замѣ-

---

[1]) Повидимому—символъ пьянства.

чательнаго звѣролова, и этой славѣ онъ обязанъ избраніемъ его на царство. *(П. д. Ел.)*.

„И сказали они: построимъ себѣ городъ и башню, высотою до небесъ“.

Держали совѣтъ приближенные Нимрода — Футъ, Мицраимъ, Хушъ, Ханаанъ и другіе родоначальники того поколѣнія:

— Городъ,—говорили они,—съ грозной крѣпостной башней небывалой донынѣ высоты—это дастъ намъ возможность сосредоточить свои силы въ одномъ мѣстѣ, прославитъ насъ по всей землѣ и дастъ намъ господство и власть надъ всѣми нашими недругами.

Въ народѣ говорили:

— Черезъ каждыя тысячу шестьсотъ пятьдесятъ шесть лѣтъ [1]) устои небесные расшатываются. Сдѣлаемъ небу подпоры со всѣхъ четырехъ сторонъ свѣта.

И еще про Бога говорили:

— По какому праву Онъ избралъ для себя небесныя высоты, а для насъ юдоль земную оставилъ? Пойдемъ, построимъ башню и на вершинѣ ея поставимъ идолъ, грозящій простертымъ къ небу мечемъ и какъ-бы вызывающій Бога на бой.

Съ каждымъ днемъ башня росла все выше и выше и, наконецъ, достигла такой высоты, что добраться до-верху для доставки строительнаго матеріала требовалось не менѣе года времени.

Семь подъемовъ было у башни съ восточной стороны и семь сходенъ съ западной. Если падалъ человѣкъ и убивался на смерть, никто на это не обращалъ вниманія, а потеря одного кирпича вызывало вопли отчаянія:

— Горе намъ! сколько придется ждать изготовленія другой плитки, когда каждая минута дорога!

Смѣшалъ Господь языкъ ихъ, такъ что одинъ не понималъ рѣчи другого. Одинъ скажетъ другому: „принеси воды“, а тотъ несетъ песку; „подай топоръ“,—подаетъ лопату. Разсвирѣпѣетъ тотъ и раскроетъ ему черепъ. *(Бер.-Р., 38; П. д. Ел.; Сеф. Гаіаш.)*.

---

[1]) Періодъ отъ сотворенія міра до потопа исчисляется въ 1,656 лѣтъ, и столько-же отъ потопа до воцаренія Нимрода. Потопъ считался явленіемъ періодическимъ, и именно черезъ каждыя 1,656 лѣтъ.

Праотцы.

I. Авраамъ.

Отъ Ноя до Авраама десять поколѣній, и за всѣ эти долгіе годы Господь не говорилъ ни съ кѣмъ изъ смертныхъ, кромѣ Авраама.

Притча раби Нехеміи:

— У царя во время путешествія выпала изъ короны жемчужина. Велѣлъ царь принести сито и просѣять песокъ на томъ мѣстѣ. Просѣяли разъ—не нашли, другой разъ—не нашли, на третій разъ нашлась жемчужина. И со вздохомъ облегченія пронеслось кругомъ: „Царь отыскалъ свою жемчужину!"

Такъ и Господь говорилъ объ Авраамѣ:

„— Какая надобность была-бы перечислять родословную всѣхъ этихъ Сима, Арпахсада, Селаха, Евера, Фалека, Рэу, Серуга, Нахора, Ѳераха, если не ради тебя, Авраамъ?" *(Бер.-Р. 39).*

Въ тотъ часъ, когда родился Авраамъ, на восточномъ склонѣ небесъ появилась звѣзда, поглотившая свѣтъ четырехъ звѣздъ на четырехъ сторонахъ небосвода. Видя это, звѣздочеты сказали Нимроду:

— Сейчасъ у Ѳераха родился сынъ, будущій родоначальникъ племени, которому предопредѣлено унаслѣдовать и земной міръ, и загробный. Прикажи весь домъ Ѳераха засыпать серебромъ и золотомъ, только-бы онъ далъ умертвить новорожденнаго.

Послалъ Нимродъ сказать, по совѣту звѣздочетовъ, Ѳераху: дай умертвить родившагося у тебя младенца, и царь наполнитъ твой домъ серебромъ и золотомъ.

На это Ѳерахъ отвѣтилъ притчей:

Одному коню сказали: „Дай отрѣжемъ тебѣ голову, а въ награду за это дадимъ тебѣ полный амбаръ овса".

— Глупцы,—отвѣчалъ конь,—если отрѣжете мнѣ голову, кто-же ѣсть будетъ овесъ?

Отвѣчу и я: „если вы умертвите моего сына, кто-же унаслѣдуетъ серебро и золото?

— Впрочемъ,—прибавилъ Ѳерахъ,—у меня, дѣйствительно, родился сынъ, но онъ умеръ.

Пришлось Ѳераху прятать сына отъ Нимрода, и онъ укрылъ его въ пещерѣ, гдѣ Авраамъ оставался три года. Для питанія его Богъ сдѣлалъ въ стѣнахъ пещеры два отверстія, изъ которыхъ текли медъ и елей.

Трехъ лѣтъ отъ рожденія вышелъ Авраамъ изъ пещеры и, увидя міръ Божій, сталъ размышлять о томъ, кѣмъ созданы земля и небо, и онъ самъ. Очарованный величественнымъ видомъ солнца, его свѣтомъ и тепломъ, онъ весь день возносилъ молитвенную хвалу солнцу. Когда солнце зашло, а на небѣ появилась луна, окруженная миріадами звѣздъ, Авраамъ подумалъ: „Вотъ это свѣтило, очевидно, и есть божество, а маленькіе свѣтильники, его окружающіе, это его вельможи, воины и слуги. Всю ночь онъ пѣлъ гимны лунѣ. Но вотъ, наступило утро; луна зашла на западѣ, а на востокѣ снова появилось солнце.

— Нѣтъ,—сказалъ Авраамъ,—есть Нѣкто, который и надъ солнцемъ властенъ, и надъ луною. Къ Нему стану я возносить моленія мои. *(М.-Авр., Бетъ-гам.)*.

Ѳерахъ занимался изготовленіемъ идоловъ, которыми торговалъ на базарѣ. Однажды онъ поручилъ продажу своего товара Аврааму. Подходитъ на базарѣ человѣкъ къ Аврааму и спрашиваетъ:

— Не найдется-ли для меня подходящаго бога?

— А тебѣ какого надо?—спрашиваетъ Авраамъ.

— Видишь-ли,—отвѣчаетъ тотъ,—я богатырь, и хотѣлъ-бы пріобрѣсти себѣ бога-богатыря.

Авраамъ снялъ истуканъ, помѣщавшійся выше остальныхъ, и говоритъ:

— Вотъ этотъ самый для тебя подходящій.

— Но развѣ онъ богатырь?

— Глупецъ!—отвѣчаетъ Авраамъ, — ужъ таковъ искони порядокъ среди идоловъ: который поставленъ *выше* остальныхъ, тотъ богатыремъ и слыветъ.

Когда этотъ человѣкъ собирался уходить со своей покупкой, Авраамъ остановилъ его вопросомъ:

— Скажи, сколько тебѣ лѣтъ?

— Семьдесятъ.

— И тебѣ, прожившему на свѣтѣ семьдесять лѣтъ, не стыдно воздавать божескія почести идолу, сдѣланному день назадъ.

Покупатель съ презрѣніемъ бросаетъ идолъ, беретъ обратно деньги и уходитъ.

Подошла женщина и передала Аврааму, въ даръ идоламъ, полную миску тонко-просѣянной муки. Взялъ Авраамъ палку, разбилъ всѣ идолы, кромѣ одного, самого крупнаго,

которому и вложилъ въ руки палку. Приходитъ отецъ и спрашиваетъ:

— Какъ это произошло? Кто это сдѣлалъ?

— Разскажу, — отвѣчаетъ Авраамъ,—ничего отъ тебя не скрывая. Дѣло было такъ: принесла женщина миску съ мукою и проситъ принести въ жертву идоламъ. Сталъ я совершать, какъ слѣдуетъ, жертвоприношеніе, а идолы и завели споръ между собою, — одинъ кричитъ: „я хочу поѣсть раньше", а другой: „нѣтъ, я раньше!" Но тутъ всталъ самый крупный идолъ и—видишь—разбилъ все.

— Но ты издѣваешься надо мною, — закричалъ отецъ, — развѣ способны эти...

— Да? Такъ вдумайся-же самъ, отецъ, въ слова свои...

Повелъ Ѳерахъ сына на судъ къ Нимроду.

— Это ты и есть Авраамъ, сынъ Ѳераха?—проговорилъ знаменитый звѣроловъ, вперивъ въ юношу грозный взоръ,— отвѣчай-же мнѣ: развѣ неизвѣстно тебѣ, что я господинъ надъ всѣмъ твореніемъ, и солнце, и луна, и звѣзды, и планеты, и люди—все движется волей моей. Какъ-же ты дерзнулъ священныя изображенія уничтожить?

Въ эту минуту озарилъ Господь умъ Авраама мудростью, и такъ отвѣчалъ онъ Нимроду:

— Позволь мнѣ слово сказать не въ укоръ, но въ хвалу тебѣ.

— Говори,—сказалъ Нимродъ.

— Исконный порядокъ въ природѣ таковъ: солнце всходитъ на востокѣ, а заходитъ на западѣ. Такъ вотъ, прикажи, чтобы завтра оно взошло на западѣ, а зашло на востокѣ, и тогда я признаю, что ты подлинно господинъ надъ всѣмъ твореніемъ. И еще вотъ что: для тебя не должно быть ничего сокровеннаго. Скажи мнѣ сейчасъ: что у меня въ мысляхъ и что я сдѣлать намѣренъ?

Нимродъ задумался, важно поглаживая рукою свою бороду.

— Нѣтъ, — продолжалъ Авраамъ, — напрасно ты ищешь отвѣтъ. Не владыка вселенной ты, а сынъ Хуша. И если-бы ты дѣйствительно былъ Богомъ, то отчего ты не спасъ отца своего отъ смерти? И также, какъ ты отца своего не спасъ отъ смерти, ты и самъ не спасешься отъ нея.

Тутъ Нимродъ обратился къ Ѳераху, говоря:

— Не заслуживаетъ-ли жестокой кары сынъ твой, отрицающій божественное всемогущество мое? Онъ долженъ быть сожженъ!

И, обращаясь къ Аврааму, продолжалъ:

— Поклонись огню какъ божеству, и я пощажу тебя.

— Огню?—отвѣтилъ Авраамъ,—не правильнѣе-ли поклоняться водѣ, которая тушитъ огонь?

— Хорошо, поклонись водѣ.

— Не поклониться-ли лучше облаку, насыщенному водою?
— Я и на это согласенъ,—поклонись облаку.
— Но развѣ не сильнѣе вѣтеръ, разгоняющій облако?
— Поклонись-же, наконецъ, вѣтру!
— Но развѣ человѣкъ не преодолѣваетъ и силу вѣтра?
— Довольно!—воскликнулъ Нимродъ,—я поклоняюсь огню и тебя заставлю ему поклоняться.

— Бросить его въ огонь! — приказалъ онъ слугамъ, — и увидимъ, спасетъ-ли его тотъ Богъ, которому онъ поклоняется.

Повели Авраама къ калильной печи, связали его, распростерли на каменномъ помостѣ, обложили дровами съ четырехъ сторонъ, съ каждой стороны на пять локтей въ ширину и на пять локтей въ вышину, и подожгли. Видя это, сосѣди Ѳераха и прочіе сограждане его стали наступать на него съ угрозами, говоря:

— Стыдъ и позоръ тебѣ! Не самъ-ли ты говорилъ, что сыну твоему суждено унаслѣдовать и земной міръ, и загробную жизнь, и ты-же предалъ его Нимроду на казнь!

Но самъ Всевышній сошелъ съ неба и спасъ Авраама отъ смерти. *(Т. д. Ел.; Бер.-Р., 38).*

Въ ту минуту, когда Авраамъ былъ брошенъ въ печь, воззвалъ архангелъ Гавріилъ къ Господу:

— Владыка міровъ! Позволь мнѣ сойти, остудить печь и спасти праведника.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Господь,—Я Единъ въ вышнихъ, а онъ единъ на землѣ. Единому и подобаетъ спасти единаго. Но и тебя, Гавріилъ, ждетъ подвигъ: ты въ свое время спасешь троихъ изъ потомковъ его [1]. *(Пес., 118).*

И зазвучалъ Аврааму голосъ нагорный:

Я былъ съ тобой, когда, во славу Божью,
Безстрашно въ лютый пламень ты сошелъ
И на землѣ къ святынѣ вѣры чистой
Народамъ путь свободный указалъ.
Тебя избралъ и возлюбилъ Я прежде,
Чѣмъ первую денницу Я зажегъ,—
И благодатна жизнь твоя для міра,
Какъ благодатны росы для полей. *(Бер.-Р., 39).*

Авраамъ, оставаясь въ Харанѣ, подобенъ былъ сосуду, наполненному благовоннымъ елеемъ, но закупоренному и лежащему безъ употребленія, почему аромата его и не слышно. Откройте сосудъ, дайте ему движеніе съ мѣста на мѣсто,—и тогда только обнаружится сила его благоуханія. И Господь сказалъ:

[1]) Хананію, Мисаила и Азарію

— Авраамъ, много добрыхъ дѣлъ, много подвиговъ вѣры и благочестія ты можешь совершить. Встань-же, пойди изъ земли твоей, отъ родни твоей, изъ дома отца твоего,—и имя твое возвеличится въ мірѣ Моемъ *(Бер.-Р., 39; Ш.-Гаш. Р., 1)*.

„И я произведу отъ тебя великій народъ".

И отчеканена была монета съ изображеніемъ: на одной сторонѣ—старика и старухи, а на другой—юноши и дѣвушки, (символъ непрерывнаго возрожденія и обновленія жизни).

(Бер.-Р., 39).

„И взялъ Авраамъ съ собою Сарру, жену свою"—„и всѣхъ людей которые были пріобрѣтены ими въ Харранѣ".

Домъ Авраама служилъ гостепріимнымъ пріютомъ для всякаго, и люди находили тамъ не только радушный пріемъ, но также и наставленіе въ истинной вѣрѣ. А приведеніе хотя одной души „подъ сѣнь крыльевъ Шехины" (духа Божія) равносильно созданію ея и утвержденію въ жизни вѣчной. *(Ш.-Гаш., Р.)*.

Приближаясь вмѣстѣ съ Саррою къ границамъ Египта и зная дурные нравы потомковъ Мицраима, Авраамъ спряталъ Сарру въ сундукѣ. У заставы стали его допрашивать, что онъ везетъ въ этомъ сундукѣ.

— Ячмень,—сказалъ Авраамъ.

— Не пшеницу-ли?—спросили надсмотрщики.

— Возьмите пошлины какъ за пшеницу.

— Можетъ быть—перецъ?

— Возьмите какъ за перецъ.

— А не находится-ли въ этомъ сундукѣ золото?

— Я готовъ заплатить какъ за золото.

— А вдругъ тамъ окажутся шелковыя ткани?

— Считайте какъ за шелковыя ткани.

— Но въ сундукѣ можетъ быть и жемчугъ?

— Пусть по вашему—заплачу какъ за жемчугъ.

— Нѣтъ,—заявили они,—тутъ что-то неладное. Въ этомъ сундукѣ, должно быть, находится нѣчто необыкновенно цѣнное, и ты шагу не сдѣлаешь прежде, чѣмъ сундукъ не будетъ открытъ.

Пришлось подчиниться. И когда Сарра вышла изъ сундука, отъ красоты ея разлилось сіяніе по всему Египту. *(Б.-Р., 40; Танх.)*.

Желая, со свойственнымъ ему радушіемъ, достойно принять трехъ странниковъ (ангеловъ), посѣтившихъ его у дуба Мамврійскаго, Авраамъ поспѣшилъ въ шатеръ къ Саррѣ заказать лепешки, масла и молока, а затѣмъ побѣжалъ къ стаду „выбрать теленка нѣжнаго и хорошаго". Но теленокъ побѣжалъ въ сторону отъ шатра и скрылся въ пещерѣ Махпела. Проникнувъ въ

эту пещеру, Авраамъ невольно остановился, пораженный чуднымъ видѣніемъ: озаренные пламенемъ свѣтильниковъ, въ гробницѣ покоились Адамъ и Ева, и благоуханіе исходило отъ останковъ первородной четы. Эту пещеру Авраамъ и избралъ мѣстомъ вѣчнаго успокоенія для себя и для Сарры.

(П. д. Ел.).

II. Грѣхи Содома.

Молясь о прощеніи грѣховъ Содому и Гоморрѣ, Авраамъ взывалъ къ Всевышнему, говоря:

— „Судья всей земли поступитъ-ли неправосудно“? Господи! Если Ты желаешь, чтобъ міръ устоялъ, отмѣни судъ Свой, а исполнится судъ Твой—міру не быть. Ты затягиваешь петлю съ обоихъ концовъ; ослабь сколько нибудь одинъ ея конецъ— прости людямъ хотя часть ихъ грѣховъ, ибо иначе — міру не устоять. *(Бер.-Р., 49)*.

Содомъ находился въ цвѣтущемъ состояніи, и это сдѣлалось причиною гордыни и порочности жителей его.

— Мы, — говорили они,—живемъ въ покоѣ и изобиліи, — хлѣбъ идетъ изъ Содома, отсюда-же вывозится серебро, золото, драгоцѣнные камни и жемчугъ. Для чего намъ пускать сюда странниковъ, отъ которыхъ одинъ только убытокъ? Воспретимъ-же постороннимъ вступать въ предѣлы нашего города.

Четверо судей было въ Содомѣ: Шакрой, Шакрурай, Зайфой и Мацли-динъ [1]). Этими судьями были установлены такія правила:

Кто имѣетъ вола, обязанъ пасти общественное стадо одинъ день, а кто никакого скота не имѣетъ—два дня.

Былъ тамъ нѣкій бѣднякъ, сынъ вдовы; заставили его пасти стадо. Всталъ этотъ пастухъ и убилъ весь скотъ, а жителямъ заявилъ такъ: „Тотъ, у кого была скотина, получаетъ кожу одного животнаго, а тотъ, кто скотины не имѣлъ, получаетъ двѣ кожи. Это будетъ вполнѣ послѣдовательно по вашимъ законамъ“.

Далѣе:

Если кто отрѣжетъ ухо у чужого осла, животное поступаетъ въ полное его распоряженіе до тѣхъ поръ, пока не отростетъ отрѣзанное ухо.

Если кто нанесетъ другому увѣчье, пострадавшій вноситъ ему плату какъ за кровопусканіе.

Кто пройдетъ черезъ мостъ, уплачиваетъ четыре зуза [2]), а кто переберется вбродъ—восемь зузъ.

---

[1]) Шакрой и Шакрурай—отъ слова „шекеръ“. т. е. ложь; Зайфой—отъ „зайфонъ“—поддѣлыватель; Мацли-динъ—извращающій правосудіе.

[2]) Серебряная монета.

Попалъ туда однажды человѣкъ, по ремеслу шерстобитъ. Потребовали съ него четыре зуза мостовой платы.

Но вѣдь я мостъ не переходилъ,—возражалъ онъ, — а перешелъ вбродъ.

— Тогда уплати восемь зузъ.

Тотъ не согласился. Избили его. Пошелъ онъ съ жалобой въ судъ; а тамъ его присудили къ уплатѣ восьми зузъ за переправу черезъ бродъ, и отдѣльно за то, что ему кровь отворили.

Былъ случай съ Елеазаромъ, слугою Авраама. Его избили, а когда онъ пришелъ жаловаться, судья постановилъ взыскать съ него за кровопусканіе. Поднялъ Елеазаръ камень и, изувѣчивъ судью, заявилъ:

— Слѣдуемое мнѣ отъ тебя заплати моему истцу, а мои деньги при мнѣ останутся.

Завернулъ въ Содомъ на ночлегъ нѣкій странникъ. На ослѣ его навьюченъ былъ, перевязанный шнуромъ, дорогой, разноцвѣтнаго узора коверъ. Странника встрѣтилъ одинъ содомлянинъ и любезно пригласилъ его на ночлегъ. Впродолженіи двухъ дней не отпускалъ его гостепріимный хозяинъ. Когда-же странникъ собрался, наконецъ, въ дорогу и спросилъ у хозяина коверъ со шнуромъ, тотъ прикинулся непонимающимъ, о чемъ ему говорятъ:

— Коверъ? Какой коверъ?... Ага, понимаю: тебѣ приснился коверъ... Разноцвѣтный, говоришь ты? И еще шнуръ приснился тебѣ? Это, милый человѣкъ, сонъ хорошій, къ добру тебѣ: шнуръ, который ты видѣлъ во снѣ, предвѣщаетъ тебѣ долгую жизнь, а коверъ разноцвѣтный означаетъ, что ты пріобрѣтешь прекрасный садъ со всевозможными плодовыми деревьями. Вотъ, другъ мой, что означаетъ сонъ твой.

— Какой тамъ сонъ!—запротестовалъ странникъ, — не во снѣ, а на яву я сдалъ тебѣ на храненіе коверъ со шнуромъ и требую, чтобъ ты мнѣ ихъ возвратилъ.

Отправились къ судьѣ. А судья, выслушавъ обоихъ, заявилъ страннику:

— Сей почтенный гражданинъ, оказавшій тебѣ столь радушный пріемъ, издавна извѣстенъ у насъ какъ превосходный толкователь сновъ, и за то, что онъ такъ хорошо истолковалъ твой сонъ о коврѣ и шнурѣ ты долженъ уплатить ему четыре серебреника,—это по таксѣ, и сверхъ того за все, что съѣдено и выпито тобою въ эти два дня.

Стояла у нихъ кроватъ, на которой укладывали спать странниковъ. Если человѣкъ оказывался ростомъ длиннѣе кровати, ему обрубали ноги; если короче—у него вытягивали члены. [1]).

Если попадалъ туда нищій, хлѣба ему не подавали, а каждый давалъ по монетѣ, на которой надписывалъ свое имя, и бѣднякъ, въ концѣ концовъ, умиралъ голодной смертью. Тогда каждый бралъ свою монету обратно.

Была тамъ одна дѣвушка, которая принесла тайкомъ, спрятаннымъ въ кувшинѣ, кусокъ хлѣба для нищаго. Прошло три дня, а нищій былъ еще живъ. Узнавъ о поступкѣ дѣвушки, содомляне вымазали тѣло ея медомъ и, поставивъ дѣвушку на верху городской стѣны, выпустили на нее рой пчелъ. Дѣвушка въ страшныхъ мученіяхъ скончалась.

Былъ еще такой случай.

Встрѣтились у колодца двѣ дѣвушки. Одна изъ нихъ имѣла видъ крайне изможденный и съ трудомъ держалась на ногахъ. На вопросъ подруги—что съ нею, она разсказала, что въ домѣ у нихъ всѣ припасы истощились, и семью ждетъ голодная смерть. Другая, желая помочь несчастнымъ, сходила домой и, наполнивъ свой кувшинъ мукою, тайкомъ помѣнялась съ подругою кувшинами. Но это открылось—и „преступницу“ предали сожженію.

И Господь сказалъ:

— „Теперь, если-бы Я и хотѣлъ промолчать, голосъ этой мученицы властно требуетъ отъ Меня отвѣта“.

(Санг., 108—109; Сеф. Гаіаш.; Бер.-Р., 49).

Жена Лота стала солянымъ столбомъ.

Кара эта постигла ее за то, что въ ту ночь, когда къ нимъ въ домъ пришли три странника-ангелы, она пошла по сосѣдямъ, говоря: „Одолжите соли,—у насъ гости“. А цѣлью ея было накликать на странниковъ содомлянъ. Господь и обратилъ ее въ соляной столбъ. Ежедневно къ тому мѣсту приходили козы и слизывали столбъ до основанія; на завтра-же столбъ появлялся снова. *(Бер.-Р., 49; Сеф. Гаіаш.).*

III. Потомство Авраама.

Раби Леви, со словъ р. Іоханана, разсказывалъ притчу:

Одному страннику лежалъ путь черезъ пустынную мѣстность. На всемъ пути впродолженіи десяти дней не встрѣтилъ онъ ни поселенія, ни корчмы, ни даже воды и какой ни на есть растительности. Наконецъ, показалось вдали дерево. А подъ

---

[1]) Варіантъ преданія о древнемъ легендарномъ разбойникѣ въ Аттикѣ, Прокрустѣ, которому приписывается изобрѣтеніе т. н. „прокрустова ложа“.

деревомъ оказался и источникъ. Поѣлъ странникъ плодовъ отъ дерева, утолилъ свою жажду, отдохнулъ въ тѣни и, собравшись въ дальнѣйшій путь, обратился къ дереву съ такими словами:

— Милое дерево! Какъ тебѣ благодарить и чего пожелать тебѣ? Чтобъ ростъ твой былъ хорошъ? Но ты и такъ стройно и прекрасно; чтобъ вѣтви твои были густолиственны? Но листва твоя и теперь уже густа и обильна. Чтобъ плоды твои были сочны и сладки? Но они и теперь сочны и сладки. Чтобы ты не терпѣло недостатка во влагѣ? Но источникъ прекрасной воды бьетъ у корней твоихъ, и мѣсто, гдѣ ты растешь, прекрасно. Остается пожелать тебѣ одного: чтобы всѣ побѣги, которые пойдутъ отъ тебя, были во всемъ тебѣ подобны.

Такъ, послѣ двадцати поколѣній, представлявшихъ собою пустыню, появляется Авраамъ, самоотверженный служитель Господа, гостепріимный хозяинъ, наставникъ истинной вѣры, возвеличивающій въ мірѣ имя Бога живого и вѣчнаго. И вотъ, остановивъ на немъ взоръ Свой, Господь говоритъ:

— Авраамъ! Что Мнѣ сказать тебѣ и чѣмъ тебя благословить? Ты и теперь уже образецъ праведности и совершенства, и жена твоя, Сарра, исполнена благочестія и добродѣтели, и всѣ домочадцы твои—люди праведные. Одного пожелаю тебѣ: чтобы всѣ потомки твои были тебѣ подобны. *(Бам.-Р. 11)*.

„На смѣхъ поступилъ со мною Богъ. Кто услышитъ обо мнѣ, разсмѣется", — говорила девяностолѣтняя Сарра, — „кто сказалъ-бы Аврааму: Сарра будетъ кормить *дѣтей* грудью?

Сколько-же дѣтей кормила грудью Сарра?

Рожденіе Исаака вызывало у всѣхъ естественное недоумѣніе, и клевета стала переходить изъ устъ въ уста: „Полюбуйтесь,—говорили кругомъ,—старикъ и старуха подобрали гдѣ-то подкидыша и выдаютъ его за собственнаго ребенка! И мало того, еще пиршество устраиваютъ по этому случаю. Однако, кого-же они этимъ убѣдятъ?"

Слыша эти пересуды, Авраамъ пригласилъ на пиръ почтеннѣйшихъ сосѣдей съ ихъ женами, а послѣднихъ Сарра попросила принести съ собою грудныхъ дѣтей своихъ, но безъ ихъ кормилицъ. Когда приглашенные явились, Богъ сотворилъ чудо: превратилъ сосцы Сарры въ неистощимый источникъ молока, и она поочередно накормила грудью всѣхъ принесенныхъ дѣтей.

Не видя возможности послѣ этого отрицать подлинность материнства Сарры,—клеветники попытались, было, опорочить супружескую вѣрность ея, указывая на слишкомъ преклонный возрастъ Авраама. Но сходство лица Исаака съ лицомъ Авраама сдѣлалось настолько полнымъ и очевиднымъ, что всѣ поневолѣ стали говорить: „Да, Исаакъ—сынъ Авраама".

(Б. М., 87).

Авраамъ всталъ рано утромъ, взялъ хлѣба и мѣхъ воды и далъ Агари и отпустилъ ее съ отрокомъ ея, Измаиломъ, въ пустыню Вирсавіи.

Чадру Агари Авраамъ прикрѣпилъ у нея къ поясу, дабы конецъ ткани, влачась за нею по песку, оставлялъ слѣдъ, по которому онъ могъ бы опредѣлить, въ которую сторону она направилась.

Измаилъ поселился въ пустынѣ Фаранъ; и мать его взяла ему жену изъ степей Моавитскихъ, по имени Исса.

По прошествіи трехъ лѣтъ пошелъ Авраамъ въ пустыню Фаранъ повидать Измаила; а Саррѣ поклялся онъ, что не сойдетъ съ верблюда въ томъ мѣстѣ, гдѣ живетъ Измаилъ.

Прибылъ Авраамъ къ шатру Измаила въ полдень и, заставъ только жену его, спросилъ:

— Гдѣ находится Измаилъ?

— Онъ ушелъ вмѣстѣ съ матерью, — отвѣтила Исса, — за финиками и другими плодами въ оазисъ.

— Я очень усталъ отъ пути въ пустынѣ, — сказалъ Авраамъ,—дай мнѣ немного воды и хлѣба.

— Нѣтъ у насъ,—отвѣтила она,—ни воды, ни хлѣба.

Отъѣзжая отъ шатра, Авраамъ сказалъ:

— Когда возвратится мужъ твой, Измаилъ, скажи ему: пріѣзжалъ нѣкій старецъ изъ Ханаана, чтобы повидать тебя, и велѣлъ тебѣ сказать: не хорошъ порогъ въ жилищѣ твоемъ.

Когда возвратился Измаилъ, жена разсказала о пріѣздѣ Авраама, повторивъ послѣднія слова его.

Измаилъ отослалъ Иссу обратно въ домъ ея родителей, а мать взяла ему другую жену, изъ рода отца своего, и звали ее Фетума.

Прошло еще три года, и снова отправился Авраамъ повидать сына своего Измаила и, какъ и въ первый разъ, поклялся Саррѣ не сходить въ томъ мѣстѣ со своего верблюда. Прибылъ онъ и на сей разъ въ полдень и, заставъ у шатра жену Измаила, спросилъ:

— Гдѣ находится Измаилъ?

— Погналъ,—отвѣтила она,—вмѣстѣ съ матерью верблюдовъ на пастбище.

— Я очень усталъ,—сказалъ Авраамъ, — отъ пути въ пустынѣ. Дай мнѣ немного воды и хлѣба.

Вынесла Фетума воды и хлѣба и дала ему.

Всталъ Авраамъ и вознесъ молитву къ Господу, — и домъ Измаиловъ наполнился всякаго добра въ изобиліи.

Когда возвратился Измаилъ, жена его разсказала ему о происшедшемъ. И понялъ тогда Измаилъ, что отнынѣ милость отца его почила на немъ. *(П. д. Ел., 30).*

IV. Жертвоприношеніе Исаака.

Когда Исаакъ былъ отнятъ отъ груди, Авраамъ устроилъ большой пиръ. Сатана-же говорилъ передъ Господомъ:

— Владыка! Вотъ каковъ этотъ праведникъ Твой: пируетъ съ гостями, а принесъ-ли въ жертву Тебѣ хотя одного вола, хотя одну горлицу, одного птенчика?

— Авраамъ, — отвѣтилъ Господь, — находитъ высшую радость въ сынѣ, но вотъ, увидишь, я велю ему принести сына въ жертву, и онъ тотчасъ исполнитъ Мою волю.

Въ послѣдній разъ передъ вѣчной разлукой съ сыномъ Авраамъ отпраздновалъ рожденіе его семейнымъ пиромъ, а Саррѣ сказалъ такъ:

— Я позналъ Истиннаго Бога, когда мнѣ было три года, сынъ-же нашъ подросъ и до сихъ поръ не получилъ еще наставленія въ истинной вѣрѣ. Я знаю одно мѣсто, гдѣ дѣтямъ дается хорошее воспитаніе, и желаю отвести туда нашего сына.

— Отправляйся съ миромъ,—отвѣтила Сарра.

Снаряжая сына въ дорогу, Сарра надѣла на него лучшую одежду его, а голову повязала дорогой шалью съ застежкой изъ драгоцѣнныхъ камней, и провизіи дала вдоволь для него и для Авраама. На прощаніе обнимая Исаака и не въ силахъ удержать душившія ее слезы, Сарра говорила Аврааму:

— Умоляю тебя, господинъ мой, не спускай глазъ съ сына нашего въ пути, береги его, давай ему поѣсть и попить во время, не утомляй его ходьбой по жарѣ,—ты знаешь, нѣтъ у меня ни сына, ни дочери кромѣ него, единственный онъ у меня.

Долго и горько плакала Сарра, провожая сына съ мужемъ. Плакали и всѣ бывшіе при этомъ люди, слуги и служанки Авраама и Сарры.

Не мало слугъ было у Авраама, но онъ самъ осѣдлалъ себѣ осла: такъ сильна была и въ этотъ часъ величайшаго испытанія любовь его къ Богу.

Предсталъ сатана Аврааму въ образѣ старца и спрашиваетъ:

— Куда это идешь ты, Авраамъ?

— На богомолье,—отвѣчаетъ Авраамъ.

— А для чего ты огонь, ножъ и дрова взялъ съ собою?

— Чтобъ можно было, на случай, если задержимся въ пути день-другой, горячую пищу приготовлять себѣ.

— Старикъ,—сказалъ сатана,—не самъ-ли слышалъ я, какъ Богъ сказалъ тебѣ: „Возьми сына своего“? И у тебя, старика, хватаетъ жестокости повести сына на закланіе?

— Такова воля Божія,—отвѣчалъ Авраамъ.

Предсталъ сатана Исааку въ образѣ юноши и спрашиваетъ:

— Куда идешь ты, отрокъ?

— Поучиться слову Божію,—отвѣчаетъ Исаакъ.

— Когда именно,—продолжаетъ сатана,—при жизни, или-же послѣ смерти?... О, несчастное дитя несчастной матери! Сколько дней провела въ постѣ и скорби мать твоя, вымаливая себѣ сына, а этотъ безумный старикъ отнялъ тебя у нея и ведетъ на закланіе!

— Если-бы это и было такъ, какъ ты говоришь, то и тогда я не пойду противъ велѣнія моего Творца и воли отца моего.

Видя невозможность совратить ихъ, пошелъ сатана и обратился въ многоводную рѣку, заградивъ имъ дальнѣйшій путь. Вступилъ Авраамъ въ рѣку, а когда вода стала достигать ему до шеи, поднялъ онъ взоръ свой къ небесамъ, взывая:

— Владыка міра! Ты избралъ меня и открылся мнѣ, говоря: „Единъ Я, и ты единственный, чрезъ кого міръ познаетъ имя Мое". Повелѣлъ мнѣ закласть сына, и я немедля пошелъ исполнить Твое велѣніе. А теперь,—Боже, спаси меня! Ибо воды дошли до души моей. Если утонемъ, я или сынъ мой, кто-же исполнитъ слово Твое и кѣмъ провозглашено будетъ Единство Твое?

— Клянусь,—сказалъ Господь,—что черезъ тебя міръ узнаетъ о Единомъ.

Прикрикнулъ Господь на сатану, и въ тотъ-же мигъ высохла рѣка.

Что придумалъ сатана? „Слышалъ я изъ-за Горней Завѣсы—говоритъ онъ Аврааму—такія слова: „Не Исаакъ, но овенъ предназначенъ для жертвы всесожженія".

На это Авраамъ отвѣтилъ:

— Такова судьба лжеца: когда онъ и правду скажетъ, ему никто не вѣритъ.

Три дня продолжался путь, дабы люди не стали говорить объ Авраамѣ: ему не дали опомниться; обезумѣлъ человѣкъ и заколол ъ сына.

Дальнѣйшій путь шелъ по долинѣ. Но такъ какъ мѣсто жертвоприношенія Исаака должно было стать обителью Духа Святого, совершилось чудо: по мановенію перста Божьяго окружающіе долину горы сомкнулись и образовали одну горнюю возвышенность, достойную служить подножіемъ для Духа Вѣчнаго.

— Видишь-ли ты, сынъ мой?—спросилъ Авраамъ.

— Вижу, отецъ, дивныхъ очертаній гора поднялась, и облакомъ повита вершина ея.

— А вы,—обратился Авраамъ къ сопровождавшимъ его отрокамъ,—видите вы что-нибудь?

— Нѣтъ,—сказали отроки,—ничего особеннаго не видимъ; все тѣ-же пустыри кругомъ.

— Останьтесь-же тутъ, при ослѣ,—сказалъ имъ Авраамъ.

Взялъ Авраамъ дрова для всесожженія и возложилъ на Исаака—подобно тому, какъ возлагаютъ крестъ на плечи человѣка, ведомаго на распятіе, взялъ въ руки огонь и ножъ, и по шли дальше.

Тутъ великій страхъ напалъ на Исаака. „Отецъ,—сказалъ онъ,—я вижу огонь и дрова; гдѣ-же агнецъ для всесожженія?"

— Тебя, сынъ мой, избралъ Господь на жертву Себѣ,—отвѣтилъ Авраамъ.

И сказалъ Исаакъ:

— Если такъ угодно Богу, да исполнится воля Его. Объ одномъ только скорбитъ моя душа: что станется съ матерью моей?

И оба они, этотъ отецъ, готовый казнить собственнаго сына, и этотъ отрокъ, безропотно идущій на закланіе, принялись за работу: дѣлали помостъ изъ камня, складывали костеръ, высѣкали огонь. Авраамъ подобенъ былъ отцу, ведущему сына къ вѣнцу, Исаакъ—жениху, приготовляющему себѣ вѣнчальный балдахинъ.

— Скорѣе, отецъ!—торопилъ Исаакъ Авраама,—спѣши исполнить волю Господа и, смотри, хорошенько сожги меня, а пепелъ мой собери и отнеси къ матери,—она сохранитъ его какъ память обо мнѣ, казненномъ тобою. Ахъ отецъ, отецъ! Что вы станете дѣлать на старости, осиротѣлые и одинокіе?

— Сынъ мой,—отвѣчалъ Авраамъ, — намъ жить осталось не долго, и Тотъ, Кто донынѣ былъ утѣшеніемъ нашимъ, насъ и впредь не оставитъ.

— Отецъ, — говорилъ Исаакъ, — ты знаешь, душа строптива; трудно ей разстаться съ тѣломъ. Боюсь, какъ-бы, увидѣвъ ножъ, занесенный надо мною, я какъ-нибудь не пошевельнулся-бы, и жертва сдѣлается несовершенной и непріемлемой. Такъ смотри, отецъ, хорошенько, по рукамъ и ногамъ свяжи меня.

— И матери,—продолжалъ онъ,—не говори, если застанешь ее стоящей возлѣ колодца или на кровлѣ, — она, упаси Богъ, упадетъ и разобьется на смерть.

Лежалъ Исаакъ иа жертвенникѣ, устремивъ взоръ въ глубину небесъ. И не въ силахъ былъ Авраамъ оторвать глазъ отъ сына; и плакали эти старые глаза слезами безпредѣльнаго горя и отчаянія. Вотъ онъ взялъ въ руку ножъ... Не дрогнетъ его рука, пока четвертая часть крови не выйдетъ изъ тѣла сына. Но сатана оттолкнулъ руку Авраама, и ножъ, падая, со звономъ

ударился о камни жертвенника. Нагнулся Авраамъ за ножомъ, но въ это мгновенiе потрясающiй вопль вырвался изъ груди его, глаза, полные невыразимой скорби, поднялись къ небесамъ, и голосъ его зазвучалъ:

„Подъемлю къ горамъ очи мои—
Откуда придетъ помощь моя?"

Въ это мгновенiе небеса разступились надъ Исаакомъ, и видѣлъ онъ: въ ослѣпительномъ блескѣ катится Колесница Небесная; тѣсными рядами сонмы ангеловъ сомкнулись, и звучатъ ихъ голоса: „Глядите, Единственный единственнаго на закланiе привелъ!"

Въ это мгновенiе раздался небесный голосъ: „Не поднимай руки твоей на отрока".

— Кто ты, говорящiй ко мнѣ?—спросилъ Авраамъ.

— Я—ангелъ Господенъ,—былъ отвѣтъ.

— Нѣтъ,—сказалъ Авраамъ,—я не могу послушаться словъ твоихъ. Господь *Самъ* повелѣлъ мнѣ принести въ жертву сына моего, и отъ Него я желаю услышать объ отмѣнѣ Его велѣнiя.

Разорвались облака, распахнулась лазурь.

— „Клянусь!"—раздался голосъ Господенъ.

— Ты поклялся, Господи,—вновь заговорилъ Авраамъ,—но и я поклялся, что не сойду съ этого жертвенника прежде, нежели не выскажу всего, чего желаю я.

— Говори,—сказалъ Господь.

И говорилъ Авраамъ:

— Не обѣщалъ-ли Ты, Господи, говоря: „Сосчитай звѣзды,—также неисчислимо будетъ потомство твое?"

— Да, обѣщалъ,—отвѣтилъ Господь.

— Отъ кого-же пойдетъ потомство мое?

— Отъ Исаака.

— Не говорилъ-ли Ты далѣе: „И сдѣлаю потомство твое, какъ песокъ земной?"

— Да, Я говорилъ это.

— Отъ кого?

— Отъ Исаака.

— И вотъ, Господи, я могъ-бы сказать Тебѣ: „вчера Ты обѣщалъ мнѣ потомство отъ Исаака, а нынѣ велишь повести его на закланiе", но я преодолѣлъ ропотъ сердца моего и не сталъ заклинать Тебя, такъ поступи и Ты, Господи: когда согрѣшатъ потомки Исаака и навлекутъ на себя несчастiе, вспомни тогда жертвоприношенiе Исаака, и да зачтется это передъ Тобою, какъ если-бы отъ него одинъ ворохъ пепла остался на жертвенникѣ; вспомни объ этомъ и прости потомкамъ его и избавь ихъ отъ бѣдствiя.

Отвѣчалъ Господь:

— Я выслушалъ слова твои; теперь, слушай, что Я скажу: предопредѣлено потомкамъ Исаака грѣшить предо Мною; и разъ

въ году, въ день Новолѣтія, совершаться будетъ судъ Мой надъ ними. А дабы Я смягчалъ вину ихъ, вспомнивъ о жертвѣ Исаака, пусть они трубятъ въ рогъ этотъ — — — —

— О какомъ рогѣ говоришь Ты, Господи?

— Оборотись назадъ.

И взглянулъ Авраамъ, и видитъ: овенъ запутался въ чащѣ рогами своими.

Весь день послѣ этого передъ Авраамомъ мелькалъ овенъ: зацѣпитъ рогами за вѣтви дерева и едва успѣетъ высвободиться, какъ тутъ-же запутается въ кустарникѣ.

— Авраамъ!—сказалъ Господь,—такъ и потомкамъ твоимъ суждено: запутавшись въ грѣхахъ, они будутъ скитаться изъ страны въ страну, изъ царства въ царство.

— Господи!—вырвался крикъ изъ груди Авраама,—когда-же наступитъ конецъ ихъ скитальчеству?

И былъ отвѣтъ:

„Придетъ Господь. Какъ молнія изъ тучи,
Сверкнетъ стрѣла Его; Онъ возгремитъ трубой,
И въ буряхъ юга шествовать онъ будетъ.
Сыновъ твоихъ Богъ-Воинствъ защититъ;
И будутъ ликовать они, какъ отъ сикеры,
И камни пращные ногами попирать:
И радостью и мощью ихъ сердца
Наполнятся, какъ жертвенная чаша
И какъ алтарь по всѣмъ его угламъ.
Подобно пастырю, Господь спасетъ народъ Свой,
И онъ въ странѣ Господней возсіяетъ,
Какъ адаманты въ царственномъ вѣнцѣ“...

(Танх.; Санг., 9.; Сеф. Гаіаш.; Еруш., Таан).

V. Цѣлебный камень.

По преданію отъ р. Симеона бенъ Іохай, Авраамъ носилъ на шеѣ нѣкій драгоцѣнный камень, при взглядѣ на который люди излѣчивались отъ всякой немощи. Послѣ кончины Авраама Всевышній вправилъ этотъ чудесный камень въ солнечный дискъ.

Абайя, по поводу этого преданія, вспоминалъ древнюю поговорку: „встанетъ солнце—встанетъ и больной“ [1]).

И недаромъ, — какъ говорилъ равъ Хананъ баръ Аба со словъ Рава,—люди, узнавъ о смерти Авраама, восклицали:

— Горе міру, лишившемуся своего руководителя! Горе кораблю, потерявшему кормчаго своего!“ *(Б.-Б., 17 и 91).*

---

[1]) Примѣнительно къ свойствамъ солнечной теплоты, цѣлебная сила которой, повидимому, признавалась и въ древнія времена.

VI. Іаковъ и Исавъ.

Два побѣга вышли рядомъ изъ земли, одинъ—мирта, другой—терновника. Вначалѣ они мало чѣмъ отличались одинъ отъ другого, а когда выросли и расцвѣли, одинъ покрылся душистой листвой, а другой колючками.

Такъ росли рядомъ Іаковъ съ Исавомъ, въ ранней юности ничѣмъ не отличаясь другъ отъ друга. Но они подросли и разошлись въ разныя стороны: Іаковъ посвятилъ себя служенію Истинному Богу, а Исавъ—идоламъ. *(Бер.-Р., 63).*

VII. Слѣпота Исаака.

Раби Елазаръ бенъ Азарія говорилъ:

— Видя Исаака, лежащимъ на жертвенникѣ, плакали ангелы, и слезы ангельскія падали на глаза Исаака, оставляя слѣды на зеницахъ его. Отъ этого къ старости и потускнѣли глаза Исаака. *(Мид. Абк).*

VIII. Благословеніе Исаака.

Домашніе скрывали отъ Исаака идолопоклонство Исава, а самъ онъ, вслѣдствіе слѣпоты, не могъ видѣть этого.

Былъ канунъ пасхальной ночи [1]). И сказалъ Исаакъ Исаву:

— Знаешь, сынъ мой, эту ночь весь міръ встрѣчаетъ хвалебнымъ гимномъ. Въ эту ночь родники росы открываются. Приготовь мнѣ мое любимое кушанье, и, пока я живъ, я благословлю тебя.

И не разслышалъ онъ голоса Духа Святого: „Не вкушай пищи у человѣка завистливаго и не прельщайся лакомыми яствами его".

Отправился Исавъ на ловлю и замѣшкался тамъ. Ибо послалъ Господь сатану задержать его тамъ подольше. А сдѣлалъ это сатана такъ: поймаетъ Исавъ оленя, свяжетъ ему ноги и оставитъ лежать, погонится за другимъ оленемъ и также свяжетъ его, и побѣжитъ дальше; а сатана идетъ по слѣдамъ его, развязываетъ оленей и пускаетъ на волю. Возвращаясь и не находя своей дичи, Исавъ сызнова принимался за ловлю. А въ это время Ревекка говорила Іакову:

— Въ эту ночь, сынъ мой, источники росъ открываются. Въ эту ночь небесные духи поютъ славу, и это время самое благопріятное, чтобъ получить благословеніе отъ отца.

Вошелъ Іаковъ къ отцу, и показалось слѣпому Исааку, что воздухъ вокругъ него наполнился благоуханіемъ рая.

---

[1]) Т. е. той ночи, въ которую впослѣдствіи израильтяне стали праздновать исходъ изъ Египта. Болѣе вѣроятный смыслъ: канунъ первой весенней ночи, начало возрожденія природы, которое, въ той или иной формѣ, праздновалось повсюду, а особенно пастушескими племенами библейской древности.

Вотъ,—сказалъ Исаакъ,—благоуханіе отъ сына моего, какъ запахъ отъ поля, благословеннаго Господомъ.

А когда, по уходѣ Іакова, вошелъ Исавъ, „вострепеталъ Исаакъ великимъ трепетомъ", потому что въ это мгновеніе ему привидѣлись отверзтыя бездны ада и Исавъ подкладывающимъ дрова въ печи адскія. *(Пир. д. Ел.; Танх.)*.

IX. Іаковъ.

„Іаковъ вышелъ изъ Вирсавіи и пошелъ въ Харанъ.— —И остановился ночевать, потому что зашло солнце".

Къ одному царю приходилъ изрѣдка его преданный другъ. И царь говорилъ слугамъ: „Потушите свѣтильники, потушите лампады; наединѣ я желаю бесѣдовать съ моимъ другомъ".

И Господь повелѣлъ заблаговременно погасить [1]) солнечный дискъ, дабы втайнѣ и задушевно говорить съ Іаковымъ.

„И взялъ Іаковъ изъ камней того мѣста"—и сдѣлалъ ограду для защиты отъ звѣрей.

Заспорили камни между собою, которому изъ нихъ послужить изголовьемъ. Этотъ говоритъ: „я хочу, чтобъ на мнѣ покоилась голова праведника", другой говоритъ: „на мнѣ!" Чудеснымъ образомъ всѣ эти камни слились въ одну сплошную плиту.

„Увидѣлъ Іаковъ во снѣ: лѣстница стоитъ на землѣ, а верхъ ея касается неба, и ангелы восходятъ и сходятъ по ней".

Это были духи-покровители четырехъ царствъ „плѣненія и изгнанія" Израиля.

„И вотъ, Господь стоитъ надъ нимъ".

При появленіи Всевышняго, упорхнули духи, навѣвавшіе на Іакова мрачныя видѣнія грядущихъ вѣковъ. И стоялъ Господь и, какъ добрая няня, опахивалъ лицо спящаго.

Равъ Исаакъ говорилъ:

— Всю землю Ханаанскую Господь свернулъ, какъ сворачиваютъ свитокъ папируса, и, положивъ ее подъ изголовье Іакова, сказалъ:

— Землю, на которой ты лежишь, я отдамъ тебѣ и потомкамъ твоимъ. *(Бер.-Р., 69; Хул., 91)*.

X. Гробница Рахили.

Гробница эта находится по дорогѣ въ Виѳлеемъ. Провидѣлъ Іаковъ, что по этому пути будутъ проходить, отправляясь

---

[1]) Въ подлинникѣ игра словъ: „ki-wo haschemesch"—ибо зашло солнце, „kiwo haschemesch"—погасилъ солнце.

въ изгнаніе, потомки его, и похоронилъ онъ тамъ Рахиль, дабы она молила Господа о милосердіи къ изгнанникамъ. Объ этомъ и гласитъ стихъ пророка: „Вотъ, голосъ слышенъ въ Рамѣ, вопль и горькое рыданіе,—Рахиль плачетъ о дѣтяхъ своихъ“. *(Танх.)*.

XI. Іосифъ въ Египтѣ.

„И увидѣлъ господинъ его, что Господь съ нимъ, и что всему, что онъ дѣлаетъ, Господь въ рукахъ его даетъ успѣхъ“.

Какъ виночерпій, Іосифъ обладалъ чудеснымъ свойствомъ. Бывало, онъ нальетъ вина Потифару. „Это какое вино?“—спроситъ Потифаръ.

— Пряное,—отвѣчаетъ Іосифъ.

— А я хочу полыннаго.

И сладкое вино мгновенно превращается въ полынное.

Потребуетъ Потифаръ согрѣтаго вина, — и вино тотчасъже становится теплымъ.

Тоже самое съ водою и проч.

Потифаръ и поставилъ его главнымъ правителемъ въ домѣ и все, что имѣлъ, отдалъ на руки его. *(Танх.; Бер.-Р., 87)*.

Іосифу въ то время было семнадцать лѣтъ, онъ былъ въ полномъ расцвѣтѣ красоты. Дня не проходило, чтобы Зелика жена Потифара, не говорила ему о своей страсти. По три раза на день, она мѣняла свои одежды, стараясь обольстить его.

— О, какъ прекрасенъ ты!—говорила Зелика,—какъ дивно прекрасны глаза твои! Какъ упоительно сладокъ голосъ твой! Возьми арфу мою и спой мнѣ пѣсню подъ звуки струнъ ея... А кудри, кудри твои! Возьми себѣ этотъ золотой гребень, Іосифъ, возьми и расчеши имъ кудри свои!... О, какъ прекрасенъ ты, возлюбленный мой!...

— Іосифъ!—говорила она, переходя отъ мольбы къ угрозамъ,—горе тебѣ, если ты не отвѣтишь на любовь мою: кандалами желѣзными отягощу тебя, жизни твоей не пожалѣю!...

— Что съ тобою, Зелика?—спрашивали египтянки, подруги ея,—чего еще не достаетъ тебѣ, женѣ вельможи знатнаго, любимца фараонова?

— Чего мнѣ недостаетъ?—Отвѣчала Зелика,—сейчасъ вы узнаете это.

Въ то время, когда эти египтянки занялись предложенными имъ плодами, очищая ихъ острыми ножиками, въ комнату, по зову Зелики, вошелъ Іосифъ. Впились онѣ глазами въ лицо его и порѣзали себѣ до крови пальцы. Застывшія въ очарованіи, глядѣли онѣ на лицо его, не видя и не чувствуя, какъ капала кровь изъ порѣзанныхъ пальцевъ на плоды, на столъ, на туники ихъ...

— Вотъ,—сказала Зелика,—при одномъ взглядѣ на него вы такъ очарованы, поражены красотою его. Что-же должна испытывать я, постоянно видя его, подъ одной кровлей находясь съ нимъ?...

Съ каждымъ днемъ росла и крѣпла страсть ея. Но не уступалъ Іосифъ ни мольбамъ, ни угрозамъ ея.

Наступилъ день разлитія Нила. Съ великою радостью, съ музыкой и плясками, сопровождаемый несмѣтными толпами, пошелъ фараонъ съ волхвами и вельможами своими къ берегамъ священной рѣки ихъ. Пошелъ туда и Потифаръ со всѣми своими людьми, и остались въ домѣ его только Зелика и Іосифъ.

Тончайшими благовоніями умащенная, облаченная въ роскошнѣйшія одежды свои, вся осыпанная драгоцѣнными каменьями—притаилась Зелика въ одномъ изъ покоевъ, мимо которыхъ долженъ былъ пройти сейчасъ Іосифъ. Опьяняющимъ ароматомъ корицы и ладана, мирры и алоэ былъ насыщенъ воздухъ кругомъ... Послышались шаги. Вдали показался Іосифъ... Вотъ онъ остановился... По тишинѣ, стоявшей кругомъ, по необычному обилію и изысканности ароматовъ отъ курильницъ онъ понялъ, кто стережетъ приближеніе его... Быстрымъ движеніемъ повернулся онъ назадъ... Но Зелика однимъ прыжкомъ очутилась возлѣ него, судорожно ухватилась за одежды его... Молніей сверкнула лезвіе кинжала въ рукѣ ея... „Ты пойдешь ко мнѣ“!—подобно шипѣнію раздался грозный шопотъ надъ ухомъ его... Одно мгновеніе—одинъ порывъ—фигура Іосифа исчезла вдали, а въ рукѣ у Зелики остался разорванный плащъ его...

(Танх.; Сеф. Гаіаш.).

Призвалъ фараонъ всѣхъ волхвовъ и мудрецовъ Египта и разсказалъ имъ сонъ свой; но не было никого, кто-бы истолковалъ его фараону.

— „Семь тучныхъ коровъ“,—говорили эти мудрые снотолкователи,—означаетъ, что у тебя родится семь дочерей. „Семь тощихъ коровъ“—семь дочерей ты похоронишь. „Семь тучныхъ колосьевъ“—семь царствъ завоюешь. „Семь тощихъ колосьевъ“—семь областей отложатся отъ короны египетской.

И вотъ, послѣ того, какъ волхвы Египта и мудрецы его истощили все свое искусство, нисколько не облегчивъ угнетенной души фараона, тогда былъ призванъ Іосифъ; и повелитель Египта сразу увидѣлъ все ничтожество прежнихъ снотолкователей. *(Бер.-Р., 89)*.

Въ одеждахъ виссонныхъ, съ царскимъ перстнемъ на рукѣ, съ золотою цѣпью на шеѣ, верхомъ на могучемъ конѣ, изъ коней фараоновыхъ—повезли Іосифа по улицамъ столицы египетской. Пять тысячъ воиновъ, сверкая обнаженными мечами, шли

хороводомъ впереди него; звуки тысячи цитръ и тысячи бубенъ предшествовавшихъ имъ, сливались со звуками тысячи арфъ, заключавшихъ это великолѣпное шествіе. Отряды почетнаго конвоя фараона, всѣ въ присвоенныхъ званію ихъ кожанныхъ, покрытыхъ золотомъ, поясахъ, шли по правую и лѣвую руку его. Кровли домовъ покрыты были толпами женщинъ и дѣвушекъ, высыпавшихъ изъ домовъ, чтобы полюбоваться красотою Іосифа. По всему пути стояли курильницы съ душистыми кореньями и травами, и громко раздавались голоса двадцати глашатаевъ: „Преклоняйтесь передъ Цафнаѳ-Панеахомъ! Фараономъ поставленъ онъ надъ всею землею египетской“.

Полный глубокаго благоговѣнія—поднялъ Іосифъ взоры свои къ небу и возвалъ къ Предвѣчному:

„Изъ праха Ты подъялъ меня,
Изъ бренья нищаго возвысилъ.
Господь! Блаженъ, кто на Тебя
Свои возложитъ упованья“. (*Сеф. Гаіаш.*).

Раби Хійя баръ Аба говорилъ со словъ р. Іоханана:

—Слыша сказанное фараономъ Іосифу: „Властью фараона говорю тебѣ: Безъ тебя никто не посмѣетъ шагу ступить во всей землѣ Египетской“, — волхвы и звѣздочеты говорили фараону:

— Государь! Рабу, купленному за двадцать серебрениковъ, ты даешь власть надъ нами!

— Въ этомъ рабѣ,—отвѣчалъ фараонъ,—я вижу признаки царскаго величія.

— Но если такъ,—продолжали тѣ,—потребуй отъ него, по крайней мѣрѣ, знанія, подобно тебѣ, всѣхъ семидесяти языковъ.

— Хорошо,—сказалъ фараонъ,—я спрошу его объ этомъ.

Въ ту ночь Іосифу явился архангелъ Гавріилъ и научилъ его всѣмъ семидесяти языкамъ и нарѣчіямъ. На утро фараонъ сталъ испытывать Іосифа,—Іосифъ свободно отвѣчалъ на любомъ изъ семидесяти языковъ, а въ заключеніи самъ обратился къ фараону на языкѣ, повелителю Египта совершенно незнакомомъ.

— На какомъ это языкѣ ты говоришь?—спросилъ фараонъ.

— На еврейскомъ,—отвѣтилъ Іосифъ.

— Научи меня этому языку,—сталъ просить фараонъ.

Іосифъ исполнилъ его желаніе. Но не съумѣлъ научиться фараонъ священному языку и взялъ онъ съ Іосифа клятву, чтобъ это осталось тайной между ними. (*Бер.-Р., 89; Сота, 36*).

XII. Братья Іосифа въ Египтѣ.

Когда сыновья Іакова собрались въ Египетъ для закупки хлѣба, отецъ имъ сказалъ:

— Дѣти мои, всѣ вы одарены отъ Господа и силой, и красотой. Дабы не возбуждать лишняго любопытства, не входите вмѣстѣ въ одни ворота и, вообще, не держитесь близко одинъ къ другому.

Преданіе отъ равъ Іегуды баръ Симона:

— Іосифу извѣстно было, что братья его идутъ въ Египетъ для закупки хлѣба, и, дабы узнать немедленно о ихъ прибытіи, онъ у всѣхъ воротъ поставилъ особыхъ людей, которымъ поручено было вести ежедневныя записи, по имени и отчеству, всѣмъ пріѣзжимъ, а вечеромъ списки представлять Іосифу. Убѣдившись такимъ образомъ, что братья его всѣ на лицо, хотя они и входили черезъ разныя ворота и находились въ разныхъ мѣстахъ въ городѣ, Іосифъ повелѣлъ закрыть всѣ зерновые склады и оставить открытымъ единственное зернохранилище. Давъ завѣдующему списокъ именъ десяти братьевъ, Іосифъ приказалъ, когда явятся эти люди, немедленно задержать ихъ и доставить къ нему.

Прошло три дня, а братья къ зернохранилищу не являлись. Пошли ихъ розыскивать и нашли по одиночкѣ, бродящими по городу изъ одной улицы въ другую, съ одного базара на другой; задержали ихъ всѣхъ и доставили къ Іосифу.

„Узналъ ихъ Іосифъ, но сдѣлалъ видъ, будто не знаетъ ихъ“—какъ человѣкъ имъ чужой, иноплеменный. Взялъ онъ въ руки кубокъ, постучалъ по немъ пальцами и, прислушиваясь къ звону металла, сказалъ:

— Кубокъ этотъ говоритъ, что вы соглядатаи.

— Мы люди честные,—отвѣтили они.

— Если вы честные люди, почему вы входили, какъ-бы крадучись, по одиночкѣ въ разныя ворота, и зачѣмъ впродолженіи трехъ дней слонялись по базарамъ?

— Мы отыскивали пропажу.

— Какую-такую пропажу? Мой кубокъ говоритъ мнѣ, что двое изъ васъ разрушили большой городъ.

— Назови, кто именно изъ насъ?

Постучавъ по кубку, Іосифъ сказалъ:

— Имена ихъ: Симеонъ и Леви.

— Господинъ, — начали они, пораженные чудесной силой кубка,—насъ, рабовъ твоихъ, двѣнадцать братьевъ...

— Но васъ здѣсь только десять; гдѣ-же двое остальныхъ?

— Меньшій—при отцѣ, а одного не стало.

— Это самое я и говорилъ вамъ и утверждаю: вы соглядатаи. И вы не выйдете отсюда, пока не приведете меньшаго брата вашего.

И, взявъ Симеона, приказалъ связать его. Но, зная необыкновенную силу Симеона, Іосифъ ввелъ семьдесятъ испытанныхъ

воиновъ, которымъ повелѣлъ наложить кандалы на Симеона и отвести его въ темницу. Едва воины приблизились къ Симеону, послѣдній крикнулъ съ такой силой, что всѣ они повалились какъ подкошенные, и зубы выскочили у нихъ изъ челюстей и разсыпались по полу.

При Іосифѣ въ это время былъ сынъ его, Манасія.

— Возьми ты его,—сказалъ Іосифъ.

Всталъ Манасія, однимъ ударомъ оглушилъ Симеона и, наложивъ на него кандалы, отвелъ въ темницу.

— Этотъ ударъ,—говорилъ Симеонъ братьямъ,—не ударъ египтянина: такіе удары наносить умѣютъ только люди нашего рода.

Великій страхъ палъ на братьевъ, и они отправились къ Іакову повѣдать ему о происшедшемъ.

Нелегко было убѣдить отца отпустить съ ними Веніамина.

— Отецъ,—убѣждалъ его Іуда, — если Веніаминъ пойдетъ съ нами, то, неизвѣстно еще, можетъ быть, его и не заключатъ въ темницу; безъ него-же мы не можемъ явиться къ фараону, и всѣмъ намъ неизбѣжно придется умереть съ голода. Наконецъ, я беру на себя отвѣтственность и ручаюсь за его безопасность.

(Бер.-Р., 91; Танх.).

Поникнувъ головой, сидѣлъ Іаковъ у входа въ шатеръ свой. Безконечной цѣпью испытаній проходила въ памяти старца вся его долгая жизнь: бѣгство изъ родного дома къ Лавану; двадцать лѣтъ полурабскаго служенія тестю; бѣгство отъ Лавана и встрѣча съ Исавомъ, котораго приходилось умилостивить дарами, чтобъ спастись отъ лютаго гнѣва его; несчастіе съ Диною; смерть любимой жены, Рахили. Подросли, наконецъ, дѣти; давно пора было дать отдыхъ старымъ костямъ, — исчезаетъ Іосифъ. Теперь—грозитъ голодъ, а Симеонъ въ темницѣ, и Веніамина ждетъ таже участь...

— „Боже Всемогущій, смилуйся надъ моими дѣтьми, смилуйся надъ старостью моей. Положи предѣлъ испытаніямъ моимъ!“

(Бер.-Р., 92).

Радостно забилось сердце Іосифа при видѣ Веніамина. Какъ живое встало передъ нимъ милое лицо Рахили, матери ихъ. — Позвалъ Іосифъ братьевъ на пиръ и, желая быть во время пира поближе къ любимому брату, снова обратился къ помощи своего кубка:

— „Іуда, — началъ онъ, поднося къ носу бокалъ и въ запахѣ его содержимаго ища указаній,—Іуда, у котораго царственный видъ, пусть займетъ первое мѣсто. Рувиму сѣсть рядомъ съ нимъ даетъ право его первородство“. И т. д. Когда очередь дошла до Веніамина, Іосифъ сказалъ: „ Я сирота безъ матери, и его

мать умерла, родивъ его. Меня разлучили съ братомъ, и у него не стало брата. Одна судьба у обоихъ насъ, и намъ отрадно будетъ склонить головы другъ къ другу.

Видя особое радушіе Іосифа къ этому отроку, Асенеѳа, жена Іосифа, положила и свое кушанье на блюдо Веніамина; тоже самое сдѣлали Ефреемъ и Манасія. *(Танх.)*.

Но вотъ, въ мѣшкѣ Веніамина оказался серебряный кубокъ Іосифа.

— Воръ! — накинулись на него братья, — воръ, сынъ воровки! — кричали они ему, — мать твоя покрыла стыдомъ отца нашего, [1]) и ты опозорилъ насъ, укравъ чашу у гостепріимнаго хозяина! И вотъ, останешься ты вѣчнымъ рабомъ этому человѣку.

Но тутъ выступилъ впередъ Іуда и всталъ передъ Іосифомъ.

Въ это время духи небесные говорили другъ другу:

— Сойдемъ внизъ и поглядимъ, какъ Волъ со Львомъ [2]) въ единоборство вступаетъ. И нѣтъ у Вола страха передъ Львомъ.

Преданіе отъ равъ Іоханана:

— Голосъ Іуды въ это время звучалъ на разстояніи четырехсотъ парса [3]). Услыша знакомый голосъ, Хушамъ, сынъ Дана, поспѣшилъ изъ Ханаана въ Египетъ и всталъ рядомъ съ Іудой. Загремѣли голоса этихъ двухъ человѣкъ—и заколебалась земля во всемъ Египтѣ.

Видя гнѣвъ Іуды, закипѣли гнѣвомъ и другіе братья; затопали ногами—и глубокими бороздами взрывалась земля подъ ними.

Но болѣе всѣхъ другихъ страшенъ былъ Іуда. На груди, противъ сердца, росъ у него одинъ волосокъ, который въ то время, когда Іуда распалялся гнѣвомъ, превращался въ острую иглу и выходилъ наружу, проколовъ ткань пяти одѣяній, которыя носилъ Іуда.

Но Волъ не уступалъ Льву:

Ударилъ Іосифъ ногою о мраморную скамью, на которой передъ тѣмъ сидѣлъ, — и скамья разсыпалась въ мельчайшіе осколки.

— Что это значитъ? — удивился Іуда, — этотъ человѣкъ силенъ не менѣе каждаго изъ насъ!

Схватился Іуда за мечъ, но мечъ, точно удерживаемый невидимой рукой, не выходилъ изъ ноженъ.

---

[1]) Похитивъ идолы у Лавана.

[2]) „Крѣпость Іосифа какъ первороднаго вола". (Предсмертное благословеніе Моисея. Второзак., 33,17). „Молодой левъ Іуда". (Благословеніе Іакова. Бытіе, 49, 9).

[3]) Парса—четыре версты.

— Сомнѣнія нѣтъ,—онъ и человѣкъ богоугодный,—подумалъ Іуда и обратился къ Іосифу съ такими словами:

— Господинъ! Съ самаго начала ты, безъ всякаго повода, началъ взводить на насъ обвиненія. Множество народу изъ разныхъ странъ приходитъ въ Египетъ для закупки зерна, и ни одного человѣка ты ие подвергалъ такому допросу. А мы,—пришли мы, что-ли, взять дочь твою себѣ въ жены, или сестру свою выдать за тебя замужъ? Ты спрашивалъ, и мы на всѣ твои вопросы отвѣчали, ничего не скрывая. Чего-же ты требуешь отъ насъ?

— Прежде всего,—сказалъ Іосифъ,—объясни, почему именно ты выступаешь защитникомъ этого отрока, а не кто либо другой изъ братьевъ, старше тебя?

— Потому,—отвѣтилъ Іуда,—что я поручился за его безопасность передъ отцомъ.

— А почему ты не заступился за другого брата, когда вы продавали его измаильтянамъ, и не пожалѣлъ старика отца, спокойно говоря ему: „Хищнымъ звѣремъ растерзанъ Іосифъ“? Тотъ братъ твой ничѣмъ не погрѣшилъ передъ тобою; этотъ-же похитилъ мой кубокъ. Ты и скажи отцу, когда онъ спроситъ о немъ: „въ колодезь ведро—туда и веревка“.

Громко и горестно зарыдалъ Іуда, говоря:

— Какъ мнѣ пойти къ отцу моему, когда отрока не будетъ со мною?

— Хорошо,—сказалъ Іосифъ,—разсудимъ спокойно дѣло наше; чего ты требуешь отъ меня?

Но Іуда уже не слушалъ его.—„Неѳтали!—крикнулъ онъ,—иди узнай, сколько въ городѣ кварталовъ?“—Быстрый, какъ серна, Неѳтали вернулся и сказалъ: „двѣнадцать“.

— Братья, — крикнулъ Іуда, — три квартала разрушу я, да каждый изъ васъ—по одному кварталу, чтобъ ни души въ живыхъ не осталось.

— Іуда,—заговорили братья,—Египетъ не Сихемъ: разрушить Египетъ—все равно, что разрушить весь міръ.

Почувствовалъ Іосифъ, что не выдержать ему дольше, и крикнулъ: „удалите отъ меня всѣхъ и оставьте меня одного съ этими людьми“.

Удалились египтяне,—и снова заговорилъ Іуда:

— Ты поклялся жизнью фараона нечестиваго, а я жизнью праведнаго отца моего клянусь: стоитъ мнѣ только извлечь изъ ноженъ мечъ мой—и Египетъ наполнится трупами.

— Обнажи свой мечъ,—отвѣчалъ Іосифъ,—и я узломъ завяжу его на шеѣ твоей!

— Огонь Сихема пылаетъ во мнѣ!...

— Не огонь-ли Тамары, Іуда? Такъ я потушу его!

Гнѣву Іуды въ это мгновеніе не было предѣловъ. Слитки желѣза изгрызалъ онъ, превращая ихъ въ опилки.

— Всѣ улицы я кровью обагрю!—гремѣлъ голосъ его.

— Красильщиками вы всегда были, — отвѣтилъ Іосифъ, — вы и одежду брата вашего выкрасили кровью.

Но, видя, что они готовы кинуться и опустошить Египетъ, Іосифъ заговорилъ:

— Не вѣрно то, что вы сказали, будто братъ Веніамина умеръ. Нѣтъ, онъ живъ: купилъ его я. Позову—и онъ придетъ. „Іосифъ, сынъ Іакова!—началъ онъ звать,—приди ко мнѣ! Іосифъ, сынъ Іакова, приди къ братьямъ твоимъ, которые продали тебя!"

Начали братья оглядываться во всѣ стороны. А Іосифъ говоритъ:

— Не ищите его кругомъ себя. Онъ передъ вами: я—Іосифъ, братъ вашъ. И очи ваши, и очи Веніамина видятъ, что это мои уста говорятъ съ вами; на родномъ языкѣ я съ вами говорю.

Братья и глазамъ своимъ не вѣрили: помнили они его отрокомъ, а передъ ними стоялъ человѣкъ, обросшій бородою.

Въ одинадцати колесницахъ, изъ колесницъ фараоновыхъ, возвращались братья Іосифа въ Ханаанъ, везя съ собою для Іакова особую, роскошной отдѣлки, колесницу, и цѣлый караванъ, нагруженный дорогими одеждами для каждаго изъ внуковъ Іакова, тканями и благовоніями для женъ своихъ, невѣстокъ Іосифа, для Дины—цѣлую сокровищницу золототканныхъ и серебротканныхъ одеждъ. Провожая братьевъ, Іосифъ говоритъ имъ:

— Когда придете къ отцу нашему, не говорите ему обо мнѣ сразу, но постепенно подготовьте его къ этому.

Случилось такъ, что, при приближеніи ихъ къ шатрамъ своимъ, имъ встрѣтилась Серахъ, дочь Ассира, дѣвушка прекрасная лицомъ и обладавшая въ рѣдкой степени даромъ игры на цитрѣ. Повѣдали они ей объ Іосифѣ и сказали:

— Ступай къ отцу нашему, къ Іакову, и заиграй передъ нимъ на цитрѣ, и пѣсню запой, а въ пѣснѣ этой упомяни то, о чемъ мы разсказали тебѣ.

Сбѣгала Серахъ въ шатеръ за цитрой, пришла къ Іакову и, сѣвъ у ногъ его, стала перебирать струны цитры и сладкимъ голосомъ своимъ запѣла:

„Онъ живъ и славенъ
Въ странѣ далекой"...

Поднялъ патріархъ поникшую голову свою и началъ прислушиваться къ голосу Серахъ...

„Онъ живъ и славенъ..."

повторила дѣвушка, заставляя тихо и сладостно звенѣть струны на цитрѣ,—и, наконецъ, громкимъ и ликующимъ аккордомъ зазвучала пѣсня:

„Онъ живъ!
Онъ живъ и славенъ,
Въ странѣ далекой,
Твой сынъ Іосифъ,
Твой сынъ и дядя мой!“...

Потокомъ свѣта и радости полилась пѣсня Серахъ въ душу Іакова—и Духъ Господень сошелъ на него, и понялъ онъ, что правда звучитъ въ словахъ пѣсни этой. *(Бер.-Р., 92; Танх. Сеф. Гаіаш.)*.

XIII. Кончина Іакова.

Призвалъ Іаковъ сыновей своихъ и сказалъ:

— Соберитесь, и я возвѣщу вамъ, что будетъ съ вами въ грядущіе дни.

Желалъ Іаковъ открыть имъ грядущую судьбу міра, но даръ предвидѣнія вдругъ покинулъ его.

— Нѣтъ-ли, упаси Господь, — подумалъ онъ, — въ семьѣ моей изъяна, какъ въ семьѣ отца моего, въ лицѣ Исава?

— Нѣтъ,—сказали въ одинъ голосъ сыновья его: слушай отецъ нашъ, Израиль! Въ нашихъ сердцахъ, какъ и въ твоемъ сердцѣ, живъ только Единый.

И Іаковъ благоговѣйно отвѣчалъ:

„— Благословенно имя Его, царствующаго во вѣки вѣковъ!“

И звучитъ изъ вѣка въ вѣкъ, дважды въ день, утромъ и вечеромъ, кличъ далекихъ потомковъ его:

„— Слушай, Израиль!

„Слушай въ гробницѣ Махпела, отецъ нашъ Израиль! Крѣпко и свято хранимъ мы завѣтъ твой: Господь нашъ—Господь единый!“ *(Пес., 56; Бер.-Р., 98)*.

И дошли они (сыновья Іакова съ тѣломъ его) до гумна-Атада [1].

По преданію отъ раби Абагу, туда пришли также сыновья Исава и сыновья Измаила, и потомки Хеттуры. Пришли со злыми чувствами и враждебными цѣлями, колючимъ кустарникомъ окруживъ останки праведника. Но вотъ, видятъ они: вѣнецъ Іосифа виситъ у гроба. И всѣ сняли вѣнцы свои, счетомъ тридцать шесть, и, точно золотой гирляндой, окружили ими гробъ патріарха. *(Сотта, 13)*.

---

[1]) „Атадъ“ означаетъ собственно: изгородь изъ колючаго кустарника.

Рабство и Исходъ.

I. Рабство египетское.

„Какъ виноградъ въ пустынѣ, я нашелъ
Израиля; какъ ягоду, впервые
Созрѣвшую средь листьевъ молодыхъ
Смоковницы, узрѣлъ отцовъ Я вашихъ".

(Осія, IX, 10).

Равъ Іуданъ говорилъ:

— Подобно тому, какъ со смоковницы снимается сначала по одной созрѣвшей ягодѣ, потомъ по-двѣ, по-три, и, наконецъ, приступаютъ къ сбору плодовъ цѣлыми корзинами, такъ и на народномъ древѣ нашемъ, сначала созрѣло одно славное имя — Авраамъ, затѣмъ—Исаакъ, Іаковъ, и, наконецъ: „расплодились сыны Израиля и размножились, и возросли, и окрѣпли чрезвычайно; и наполнилась ими та земля". (*Бер.-Р.*, *46*).

Прошло сто тридцать лѣтъ отъ водворенія израильтянъ въ Гошенѣ Египетскомъ. И былъ сонъ фараону. Снилось ему, что сидитъ онъ на тронѣ своемъ, и стоитъ передъ нимъ нѣкій старецъ, и у старца вѣсы въ рукахъ. Вотъ опустилъ старецъ чаши вѣсовъ, на одной помѣстилъ всѣхъ старѣйшинъ, вельможъ и правителей египетскихъ, на другую чашу поставилъ одного ягненка-сосуна. Поднялъ старецъ вѣсы,—и вотъ, видитъ фараонъ: чаша съ ягненкомъ перевѣсила чашу со всѣми старѣйшинами, вельможами и правителями египетскими.

Призвалъ фараонъ волхвовъ своихъ и сказалъ:

— Истолкуйте мнѣ сонъ мой.

Въ то время при дворѣ фараона находился и Валаамъ, сынъ Веоровъ, бѣжавшій въ Египетъ съ острововъ Хиттимскихъ.

— Государь!—сказалъ Валаамъ,—сонъ твой предвѣщаетъ, что произойдетъ великое зло для Египта отъ народа израильскаго. Въ народѣ этомъ родится человѣкъ, который разоритъ Египетъ и освободитъ израильтянъ отъ власти твоей.

— Что-же я долженъ сдѣлать,—спросилъ фараонъ,—чтобы предупредить это?

— Спроси сначала другихъ волхвовъ, а меня соблаговоли выслушать потомъ.

Отвѣчалъ одинъ изъ волхвовъ, Регуилъ (Іоѳоръ) Мадіамскій:

— Да живетъ государь! Да живетъ во вѣки государь нашъ! Мой совѣтъ: отступись отъ израильтянъ и не пытайся вступить въ борьбу съ ними. Богъ издревле избралъ народъ сей изъ всѣхъ народовъ земли. Когда предокъ твой фараонъ пожелалъ приблизиться къ женѣ патріарха ихъ Авраама, Богъ Израилевъ поразилъ его и весь домъ его жестокими карами. Тоже постигло и Авимелеха, царя Герарскаго. Праотца ихъ Іакова Богъ спасъ отъ Исава и отъ Лавана, покушавшихся убить его, и отъ всѣхъ царей Ханаанскихъ, которые выходили противъ Іакова и сыновей его. Предокъ-же твой фараонъ возвеличилъ израильтянина Іосифа, мудростью своей спасшаго Египетъ во время семилѣтняго голода, и отца Іосифа съ братьями его радушно принялъ и поселилъ ихъ въ странѣ своей. Поэтому, совѣтъ мой: перестать угнетать израильтянъ, и если не желаешь оставить ихъ жить мирно въ Египтѣ, дай имъ спокойно уйти въ землю Ханаанскую.

Разгнѣвался фараонъ на Регуила за слова его и обратился къ другому волхву, Іову Егуильскому.

— Великій Государь!—отвѣтилъ Іовъ,—ты одинъ властенъ надъ всѣми жителями страны своей; сдѣлай такъ, какъ угодно въ очахъ твоихъ.

Заговорилъ тогда Валаамъ:

— Государь!—сказалъ онъ,—праотецъ израильтянъ Авраамъ вышелъ невредимымъ изъ печи калильной. Другой родоначальникъ ихъ, Исаакъ, былъ возложенъ на жертвенникъ для всесожженія, но жертвенный ножъ не коснулся его. Патріархъ ихъ Іаковъ долгіе годы служилъ Лавану, и тяжесть трудовъ не умалила крѣпости силъ его. Ни огнемъ, ни мечемъ, ни работами изнурительными не одолѣть тебѣ народа этого. Есть одно средство, донынѣ еще неиспытанное; средство это: стихія водная. И вотъ мой совѣтъ: всѣхъ дѣтей, которыя родятся отнынѣ у израильтянъ прикажи бросать въ рѣку. *(Сеф. Гаіаш.)*.

„Если будетъ сынъ, то умерщвляйте его".

Преданіе отъ раби Ханана:

— Что тогда дѣлали кроткія, непорочныя матери еврейскія? Въ пещерахъ прятали онѣ младенцевъ своихъ. Но египтяне отыскивали ихъ и бросали въ рѣку.

Въ это время Господь говорилъ ангеламъ:

— Сойдите на землю и взгляните — потомковъ возлюбленныхъ моихъ Авраама, Исаака и Іакова въ воду бросаютъ!

Встревоженные, отлетали ангелы отъ Господа и, входя по колѣно въ воду, принимали младенцевъ на руки и укладывали ихъ на утесахъ, а изъ утесовъ образовывались сосцы, питавшіе младенцевъ материнскимъ молокомъ.

Поясненіе равъ Авиры:

— Освобожденіемъ изъ рабства народъ обязанъ заслугамъ праведницъ израильскихъ того времени. Когда женщины эти приходили за водой, Господь посылалъ къ тому мѣсту множество мелкой рыбы, и вода въ кувшинахъ оказывалась пополамъ съ рыбою. Отправляясь къ мужьямъ находящимся на работѣ, каждая приносила по два кувшина, одинъ съ варенной рыбой, другой съ согрѣтой водой, помогала мужу умыться, счищать съ себя пыль, утолить голодъ и жажду и нѣжными ласками утѣшала его. Приближалось время родовъ; надо было уходить куда-нибудь подальше отъ зоркихъ враговъ. И онѣ уходили въ поля, въ рощи, рожали—и спѣшили возвратиться къ покинутымъ жилищамъ. И посылалъ Господь ангела-хранителя, который поилъ дѣтей молокомъ, питалъ ихъ елеемъ и медомъ,—какъ родная мать лелѣялъ ихъ.

Узнавали объ этомъ египтяне, ходили искать дѣтей, но никого не находили: земля разступалась и любовно принимала малютокъ въ свои нѣдра. Приходили египтяне съ плугами, глубоко бороздили землю на тѣхъ мѣстахъ, но дѣтей и слѣда не было. А когда египтяне удалялись, малютки, точно стебли травы, выростали изъ почвы. Впослѣдствіи, уже взрослыми, они толпа за толпою приходили въ свои жилища.

А въ тотъ часъ, когда Господь открылся народу у Чермнаго моря, они-же и были первыми, кто узрѣлъ величіе Его—и зазвучали хоромъ голоса ихъ:

— „Вотъ Богъ мой!“ (*Ш.-Гаш.-Р., 8; Т. д. Ел.*; ***Сота, 11***).

II. Рожденіе и воспитаніе Моисея.

Миріамъ, еще до появленія на свѣтъ Моисея, предвидѣла пророческимъ даромъ и говорила отцу:

— Моя мать родитъ сына, который явится спасителемъ нашего народа.

Родился Моисей—и весь домъ наполнился сіяніемъ.

— Пророчество твое,—сказалъ Амрамъ, цѣлуя дочь, исполнилось.

Когда-же Моисея пришлось спустить въ корзинѣ въ Нилъ мать накинулась съ угрозами на дочь, крича:

— Гдѣ-же, дочка, пророчество твое?

И Миріамъ пошла къ рѣкѣ, притаилась и стала наблюдать издали, чѣмъ кончится ея пророчество.

Когда Моисей былъ взятъ дочерью фараона, Миріамъ, обратившись къ ней, сказала:

— Не сходить-ли мнѣ и не позвать-ли къ тебѣ кормилицу изъ *евреянокъ*?

Почему именно—изъ евреянокъ? Потому что ни у одной изъ кормилицъ египтянокъ младенецъ не бралъ груди. Ибо, сказалъ Господь:

— Устамъ, которымъ предстоитъ говорить Именемъ Моимъ, не подобаетъ прикасаться къ груди идолопоклонницы.

Полюбила Моисея дочь фараона, какъ мать—родного сына. Ни на шагъ не отпускала она его изъ дворца, ласкала, лелѣяла, красотою его налюбоваться не могла. И кто, бывало, не взглянетъ на него, не въ силахъ оторвать глазъ отъ лица его.

Привязался къ ребенку и фараонъ, ласкалъ его, забавлялъ; а Моисей нерѣдко снималъ съ головы фараона вѣнецъ и надѣвалъ себѣ на голову.

Не по душѣ была эта забава волхвамъ, приближеннымъ фараона. Въ ночь рожденія Моисея египетскіе звѣздочеты наблюдали появленіе на небѣ новой звѣзды и предсказывали, что родившійся въ ту ночь младенецъ явится избавителемъ израильскаго народа. Теперь, видя Моисея забавляющимся такимъ образомъ фараоновымъ вѣнцомъ, волхвы обратились къ повелителю Египта, говоря:

— Государь! Предостерегаемъ тебя отъ опасности, угрожающей тебѣ въ лицѣ этого ребенка: теперь онъ забавы ради надѣваетъ на себя вѣнецъ твой. Однако, какъ-бы онъ не оказался тѣмъ именно, о которомъ мы пророчествовали, что онъ въ будущемъ отниметъ вмѣстѣ съ короною и царскую власть у тебя.

И начали уговаривать фараона убить Моисея.

Бывшій среди нихъ мадіамскій жрецъ Іоѳоръ сказалъ:

— По моему мнѣнію, ребенокъ этотъ еще не сознаетъ того, что дѣлаетъ. Мы можемъ это испытать: пусть поставятъ передъ нимъ блюдо съ золотомъ и раскаленными угольями. Если ребенокъ потянется къ золоту, то это докажетъ, что онъ способенъ дѣйствовать сознательно, и въ такомъ случаѣ казните его; если-же онъ протянетъ руку къ угольямъ, тогда за что-же убивать его?

Когда блюдо было принесено, Моисей протянулъ руку къ золоту, но архангелъ Гавріилъ оттолкнулъ руку Моисея—и онъ, схвативъ уголекъ, сунулъ его себѣ въ ротъ и обжегъ языкъ. Съ тѣхъ поръ Моисей и сдѣлался косноязычнымъ.

(*Шем.-Р., 1*).

III. Моисей на работѣ египетской.

„Спустя много времени, когда Моисей выросъ, онъ вышелъ однажды къ братьямъ своимъ и увидѣлъ тяжкія работы ихъ“.

Видѣлъ Моисей эти изнурительныя работы и говорилъ:

— Горе мнѣ видѣть васъ, несчастные! Я готовъ душу мою положить за васъ!

Нѣтъ работы болѣе тяжкой, чѣмъ работа надъ глиной. И Моисей, не разгибая спины, помогалъ каждому. Не дорожа высокимъ придворнымъ положеніемъ своимъ, онъ приходилъ облегчать работу братьямъ своимъ. И сказалъ Господь:

— За то, что ты, пренебрегая личными заботами, ходилъ соболѣзновать народу съ любовью братской, Я оставлю все и на небѣ, и на землѣ и буду говорить съ тобою.

По другому толкованію: Моисей, видя, что израильтянъ заставляютъ работать безъ всякаго роздыха, обратился къ фараону и сказалъ:

— Государь! Каждому рабовладѣльцу извѣстно, что если не дать рабу одинъ день отдыха въ недѣлю, рабъ не выдержитъ и умретъ. И этимъ рабамъ твоимъ не выдержать долго, если ты не установишь для нихъ отдыха по одному дню въ недѣлю.

— Иди,—отвѣтилъ фараонъ, и сдѣлай такъ, какъ ты говоришь.

Пошелъ Моисей и установилъ для израильтянъ празднованіе субботняго дня.

„И онъ убилъ Египтянина и скрылъ его въ пескѣ. И вышелъ онъ на другой день, и вотъ, два еврея ссорятся; и сказалъ онъ обидчику: „зачѣмъ ты бьешь ближняго твоего"? А тотъ сказалъ: „кто поставилъ тебя начальникомъ и судьею надъ нами? Не думаешь-ли убить меня, какъ убилъ египтянина"? Моисей испугался и сказалъ: „сомнѣнія нѣтъ,—дѣло это раскрыто!"

Размышляя надъ судьбою родного народа, Моисей спрашивалъ себя: „Чѣмъ такъ согрѣшилъ этотъ народъ, что отданъ въ рабство египтянамъ?" Услыша-же слова того израильтянина, Моисей сказалъ: „сомнѣнія больше нѣтъ, *дѣло это раскрыто*— я теперь знаю, за что постигла израильтянъ тяжелая судьба ихъ: *соглядатайство* развито среди нихъ,—и достойны-ли они быть избавленными отъ рабской доли своей?"... *(Шем.-Р., 1).*

Восемнадцать лѣтъ было Моисею, когда онъ бѣжалъ отъ мести фараона въ землю Еѳіопскую, и сорокъ семь лѣтъ прожилъ онъ въ землѣ этой. Изъ Еѳіопіи Моисей отправился въ Мадіамъ, къ Іоѳору. *(Сеф. Гаіаш.).*

IV. Моисей у Іоѳора.

Іофоръ былъ язычникомъ и служилъ жрецомъ при капищѣ. Незадолго до прихода Моисея, сознавъ ничтожество идоловъ,

онъ порѣшилъ сложить съ себя жреческій санъ, удалиться отъ капища и обратиться къ служенію Истинному Богу. Созвалъ онъ жителей того города и, обратившись къ нимъ, сказалъ:

— Я долгіе годы служилъ у васъ жрецомъ. Но я состарился, и вотъ, я прошу васъ, изберите себѣ другого жреца вмѣсто меня.

Съ этими словами онъ вынесъ и передалъ имъ всѣ жреческія принадлежности, бывшія при немъ.

Отказъ отъ жреческаго сана былъ неслыханнымъ дѣломъ въ тѣ времена, и возмущенные поступкомъ Іофора сограждане объявили его отступникомъ и предали строжайшему отлученію: никто не долженъ быть исполнять для него никакой работы и вообще приходить съ нимъ въ малѣйшее общеніе. Въ числѣ другихъ ушли отъ него и пастухи, пасшіе его овецъ. Дочерямъ его, которыхъ было семеро, пришлось самимъ ходить за стадами. Но пастухи отгоняли ихъ отъ колодца и не давали наполнять корыта, чтобы напоить овецъ.

При одномъ изъ такихъ случаевъ появился Моисей, заступился за нихъ, начерпалъ воды и напоилъ овецъ ихъ.

На вопросъ Іоѳора (онъ-же Рагуилъ): „Что вы такъ скоро пришли сегодня съ пастбища?"—дочери его отвѣтили:

— Какой-то *египтянинъ* защитилъ насъ отъ пастуховъ и помогъ намъ напоить овецъ нашихъ.

Моисей былъ тогда въ египетской одеждѣ, и дочери Іоѳора приняли его за египтянина.

Иными толкователями слова: „*Какой-то египтянинъ*" пояснялись такой притчей:

— „Одного человѣка ужалила змѣя. Побѣжалъ онъ къ рѣкѣ и бросился въ воду, а въ томъ мѣстѣ увидѣлъ тонущаго ребенка и спасъ его отъ смерти. Ребенокъ началъ благодарить своего спасителя, но тотъ сказалъ: „Дитя, не я тебя спасъ, а спасла тебя змѣя. Ибо, не укуси она меня, я не побѣжалъ бы къ рѣкѣ и не помогъ-бы тебѣ выбраться изъ омута".

Такъ и Моисей—когда дочери Іоѳора начали благодарить его—сказалъ:

— Благодарите не меня, а того египтянина, изъ за котораго я долженъ былъ бѣжать сюда. *(Шем.-Р., 1; Танх.)*.

V. Кровавая ванна.

„И стонали сыны Израилевы отъ работы и вопіяли".

Но ужаснѣе работы было другое:

Фараонъ, и безъ того близкій къ смерти, заболѣлъ проказою, а волхвы посовѣтовали ему, какъ лучшее лѣченіе, ванны изъ теплой дѣтской крови, по двѣ ванны въ день. Для этой цѣли закалывали еврейскихъ дѣтей по два раза ежедневно — утромъ сто пятьдесятъ и сто пятьдесятъ вечеромъ. *(Шем.-Р., 1)*.

VI. Пастырь Божьяго стада.

„Моисей пасъ овецъ у Іоѳора“. Однажды убѣжалъ изъ стада козленокъ. Моисей побѣжалъ за нимъ и догналъ его въ ущельи, у источника, изъ котораго козленокъ съ жадностью пилъ.

— Бѣдняжка,—сказалъ Моисей,—тебя мучила жажда, а я объ этомъ и не подумалъ. А какъ ты усталъ теперь!

Давъ козленку напиться, онъ положилъ его себѣ на плечо и понесъ къ стаду.

Въ это время раздался Голосъ:

— Тотъ, въ комъ столько любви и состраданія къ стаду овечьему, достоинъ стать пастыремъ стада Божьяго.

(Шем.-Р., 2).

VII. Несгораемый кустъ.

Однажды, когда Моисей провелъ стадо далеко въ пустыню и пришелъ къ горѣ Божіей, Хориву, онъ увидѣлъ: горитъ кустъ терновый, горитъ и не сгораетъ. И услышалъ Моисей голосъ Господа, звучащій изъ пламени:

— Если сердце твое этого не говоритъ тебѣ, то пусть скажетъ этотъ кустъ колючаго терновника:

„Я, Господь, скорблю скорбью народа и соболѣзную горькой участи его. И какъ не въ силахъ пламя испепелить этотъ кустъ, такъ Египту не сокрушить Израиля“.

На вопросъ одного язычника: для чего Богъ явился Моисею изъ куста терновника, р. Іегошуа бенъ Карха сказалъ:

— Для того, чтобъ люди знали, что нѣтъ того мѣста, на которомъ не почилъ-бы духъ Господень, не исключая и терновника.

И ради того еще Господь явился Моисею въ кустѣ горящемъ и несгораемомъ, что Моисей носилъ въ душѣ страхъ за судьбу народа, которому—думалъ онъ—предстоитъ неизбѣжная гибель въ рабствѣ египетскомъ. Господь, показавъ ему огонь пламенѣющій и кустъ несгораемый, сказалъ:

— Подобно тому, какъ пламя это не въ силахъ испепелить кустъ, такъ не въ силахъ египтяне истребить народъ израильскій. *(тамъ-же).*

VIII. Посохъ Моисея.

Посохъ этотъ, предуготованный въ сумерки шестого дня творенія, былъ данъ Господомъ Адаму въ раю, отъ Адама перешелъ къ Еноху, отъ Еноха къ Симу, потомъ переходилъ по наслѣдству къ Аврааму, къ Исааку, къ Іакову и, наконецъ,

къ Іосифу. Послѣ смерти Іосифа посохъ былъ взятъ фараономъ къ себѣ. Іоѳоръ, бывшій однимъ изъ волхвовъ египетскихъ, смутно чувствуя чудесную силу этого посоха, выпросилъ его у фараона и посадилъ среди деревьевъ въ своемъ саду. Однако, невидимая рука не давала ему подойти близко къ посоху. Когда явился Моисей, увидѣлъ посохъ и прочиталъ начертанныя на немъ письмена, онъ протянулъ руку и безпрепятственно взялъ его себѣ. Видя это, Іоѳоръ понялъ, что Моисею суждено освободить народъ Израильскій, и далъ ему въ жены дочь свою Сепфору. *(П. д. Ел.)*.

IX. Старѣйшины.

Къ фараону пришли Моисей съ Аарономъ.

Куда-же дѣвались старѣйшины Израильскіе, которыхъ Моисею велѣно было Богомъ взять съ собою къ фараону?

Старѣйшины эти вначалѣ отправились вмѣстѣ съ Моисеемъ, но по дорогѣ стали отставать одинъ за другимъ, пока не осталось никого изъ нихъ, а предъ фараономъ предстали только двое—Моисей и Ааронъ. Вспомнилъ объ этомъ Господь въ тотъ часъ, когда Моисей былъ призванъ взойти на Синай. И старѣйшинамъ сказано было:

— Оставайтесь внизу, у подножія горы: тотъ кто въ страхѣ отступилъ передъ фараономъ, не достоинъ всходить на эту святую гору. *(Шем.-Р., 5)*.

X. Моисей и Ааронъ у фараона.

Преданіе отъ р. Хіи баръ Аба:

Въ Тотъ день, когда Моисей и Ааронъ явились къ фараону, у повелителя Египта былъ назначенъ пріемъ властителей разныхъ странъ. Цари восточныхъ и западныхъ странъ покорно возлагали на голову фараона свои короны. Въ это время фараону доложили о приходѣ какихъ-то двухъ старцевъ.

Во дворцѣ было четыреста входовъ; у каждаго входа содержались на стражѣ хищные звѣри—львы, медвѣди и др., которые не давали переступить порога, прежде чѣмъ одинъ изъ волхвовъ не произнесетъ заклинанія. При приближеніи-же Моисея и Аарона, всѣ эти звѣри, увидя въ рукѣ Моисея посохъ съ начертаннымъ на немъ Шемъ-Гамфорашъ, покинули сторожевыя мѣста свои и послѣдовали за обоими старцами, ласкаясь и лижа имъ ноги, пока тѣ не достигли пріемнаго зала. При появленіи Моисея и Аарона всѣ были ослѣплены неземнымъ видомъ ихъ: могучіе какъ кедры ливанскіе, стояли эти два человѣка; яркимъ звѣздамъ подобны были очи ихъ; какъ гроздья финиковой пальмы широко на груди раскинулись бороды; солнечнымъ блескомъ лучились ихъ лица, а посохъ Моисея казался выточеннымъ изъ сапфира.

Гордо и пламенно зазвучали ихъ голоса. Трепетъ благоговѣнія и восторга охватилъ всѣхъ. Цари съ глубокими поклонами положили къ ногамъ ихъ свои короны. Первымъ пришелъ въ себя фараонъ и началъ пытливо вглядываться въ ихъ лица. Кто эти люди,—спрашивалъ онъ себя: если они цари, то почему не увѣнчиваютъ меня, подобно другимъ, своими коронами? Если они послы, то почему не подаютъ своихъ вѣрительныхъ посланій? Но эти люди даже не привѣтствуютъ меня въ установленномъ порядкѣ.

— Кто вы?—спросилъ фараонъ.

— Мы послы Господа нашего, благословенно имя Его.

— Зачѣмъ вы явились ко мнѣ?

— Мы пришли возвѣстить тебѣ: „Освободи народъ Мой",—такъ говоритъ Богъ Израилевъ.

— Кто онъ такой, — гнѣвно воскликнулъ фараонъ, — кто онъ этотъ Богъ, который не нашелъ нужнымъ даже корону прислать мнѣ, и почему я обязанъ исполнять повелѣнія Его? Не знаю я этого Бога, и народа вашего я не отпущу на волю. Впрочемъ,—продолжалъ онъ,—погодите.

— Принести сюда,—приказалъ онъ,—„списокъ боговъ".

И, взявъ этотъ списокъ, началъ читать:

„Богъ Моавитянъ. Богъ Аммонитянъ. Богъ Сидона" и т. д.

— Вотъ видите, а вашего Бога тутъ нѣтъ.

По этому поводу раби Леви говорилъ:

— Припоминаю притчу про священника и его слугу. Отправился священникъ въ далекій путь, а слуга его, человѣкъ невѣжественный и глупый, пришелъ искать его на кладбищѣ. Ходитъ по кладбищу и кричитъ: „Не видали-ли моего господина?"—„А кто господинъ твой?" — спрашиваютъ его. — „Священникъ такой-то".—„Ну, и глупъ-же ты!—смѣются люди, —священника ты ищешь на кладбищѣ?!" Этими-же словами могли-бы отвѣтить фараону и Моисей съ Аарономъ: „Глупецъ! Мѣсто-ли живому среди мертвыхъ? Боги, имена которыхъ ты сейчасъ называлъ — истуканы бездушные, а нашъ Богъ — Богъ живой, и вѣчно царство Его".

— Скажите мнѣ, по крайней мѣрѣ,—продолжалъ фараонъ, —что онъ, вашъ Богъ, юноша или старикъ? Сколько лѣтъ ему отъ роду? Много-ли царствъ онъ завоевалъ, много-ли городовъ покорилъ?

— Силою и могуществомъ Господа нашего полна вселенная,—отвѣчали Моисей и Ааронъ,—Онъ былъ до сотворенія міра, есть и будетъ вѣчно. Онъ-же и тебя сотворилъ и далъ тебѣ жизнь.

— А какіе онъ подвиги совершилъ?

— Подвиги!—Онъ небеса распростеръ и основалъ землю, огонь пламенѣющій высѣкаетъ голосъ Его, горы раскалываетъ, скалы дробитъ. Лукъ его—огонь, пламя—стрѣлы Его. Факеломъ

пылаетъ копье Его. Щитъ Его—облака; молнія—мечъ Его. Онъ создаетъ холмы и горы, небо тучами покрываетъ, ниспосылаетъ дожди и росы и злаки раститъ; творитъ жизнь въ чревѣ материнскомъ; низвергаетъ царей и вѣнчаетъ царей...

— Ложь все это,—сказалъ фараонъ: владыка міра—я. Я сотворилъ самъ себя, и Нилъ созданъ мною. Не знаю я Бога вашего и слушаться его не желаю!

(Шем.-Р., 5; Танх.; Іалк.; Сеф. Гаіаш.).

XI. На работѣ египетской.

— „Не давать имъ соломы!" приказалъ фараонъ. Приставники-же понуждали ихъ выполнять урочную работу каждый день, какъ и тогда, когда имъ давалась солома, и надзирателей изъ израильтянъ били. Покорно и терпѣливо принимали эти люди отъ египетскихъ приставниковъ побои и притѣсненія за родной народъ.

И вотъ, когда велѣно было избрать семьдесятъ человѣкъ въ старѣйшины и судьи надъ Израилемъ, Господь, на вопросъ Моисея: кого избрать, сказалъ:

— Тѣ надзиратели, которые, жертвуя собою, принимали утѣсненія и муки за народъ свой, вотъ кто достоинъ этого высокаго и славнаго призванія. *(Танх.-Гак.).*

Приходилось собирать соломинку къ соломинкѣ, а набравъ необходимый запасъ соломы, приниматься за глину. Глину вмѣстѣ съ соломой мѣсили ногами. Сквозь исколотую и растрескавшуюся кожу проступала кровь, и капли ее смѣшивались съ глиною. Работала, помогая мужу, одна беременная женщина; отъ непосильнаго труда и натуги произошелъ выкидышъ, и плодъ, въ общей сутолокѣ, попалъ въ глиняную массу и былъ затоптанъ ногами. Сошелъ съ небесъ архангелъ Михаилъ и вознесъ погибшаго младенца къ престолу Всевышняго. Въ ту ночь и былъ произнесенъ приговоръ надъ Египтомъ. *(П. д. Ел.).*

Народъ роптал на Моисея и Аарона, говоря:

— Да видитъ и судитъ васъ Господь за то, что вы сдѣлали насъ ненавистными въ глазахъ фараона и рабовъ его, и дали имъ мечъ въ руки для гибели нашей!

И сложилась въ народѣ притча:

„Утащилъ волкъ овцу. Догналъ волка пастухъ и сталъ овцу отнимать. Между волкомъ и пастухомъ овца растерзанной и осталась". *(Шем.-Р., 5).*

XII. Ропотъ Моисея.

И обратился Моисей къ Господу и сказалъ:

— Господи! Для чего Ты подвергнулъ такому бѣдствію народъ сей, для чего послалъ меня? Съ того времени, какъ я пришелъ къ фараону и сталъ говорить *именемъ Твоимъ*, онъ началъ хуже обращаться съ этимъ народомъ; избавить-же—Ты не избавилъ народа Твоего.

Отвѣчалъ Господь:

— Скорблю о тѣхъ, которыхъ нѣтъ болѣе въ живыхъ. Много разъ Я открывался праотцамъ твоимъ, и ни отъ кого изъ нихъ Я не слышалъ малѣйшаго ропота. Я говорилъ Аврааму: „Встань, пройди по землѣ сей въ долготу и въ широту ея: ибо Я тебѣ далъ ее и потомству твоему навсегда". Когда-же Аврааму понадобилось мѣсто для погребенія Сарры, онъ долженъ былъ *купить* для этого пещеру за четыреста серебряныхъ сиклей. Но Авраамъ не возроптал на Меня за это. Я говорилъ Исааку: „Странствуй по сей землѣ, и Я буду съ Тобою и благословлю тебя". А когда люди его копали въ долинѣ Герарской и нашли тамъ родникъ питьевой воды, то пастухи герарскіе не давали пастухамъ Исаака поить овецъ изъ этого родника. Но Исаакъ не возроптал на Меня. Іакову говорилъ Я: „Землю на которой ты лежишь, Я дамъ тебѣ и потомству твоему". А когда онъ пожелалъ разбить шатеръ для себя, онъ мѣсто для этого долженъ былъ купить. И Іаковъ не возроптал на Меня. И ни одинъ изъ нихъ не спрашивалъ объ имени Моемъ. А ты? Вначалѣ ты пожелалъ знать, какъ назвать Меня народу, говоря именемъ Моимъ, а нынѣ ты упрекаешь Меня, говоря: „Ты не избавилъ народа Твоего". Такъ знай-же: ты увидишь пораженіе фараона, но не увидѣть тебѣ пораженія царей Ханаанскихъ.

(Санг., 110).

XIII. Египетскія кары.

Пораженіе Нила, воды котораго превращены были въ кровь, было совершено черезъ Аарона, а не черезъ Моисея. Ибо Господь сказалъ Моисею:

— На лонѣ этихъ водъ ты обрѣлъ спасеніе отъ угрожавшей тебѣ смерти,—и не подобаетъ, чтобы кара, имѣющая постигнуть эту рѣку, была совершена твоей рукою. *(Шем.-Р., 9).*

Первою карою было превращеніе нильскихъ водъ въ кровь. Ибо сказалъ Господь: „Рѣка эта обожествляется египтянами, и Всевышній, желая покарать народъ, прежде всего поражаетъ кумиры, которымъ этотъ народъ служитъ".

И превратились въ кровь всѣ воды, какія были въ предѣлахъ египетской земли, и даже вода въ чашахъ для питья; и

слюнныя железы у египтянъ стали выдѣлять кровь. И была кровь во всей землѣ египетской. *(Танх. Гак.)*.

Кары, ниспосланныя на египтянъ слѣдовали одна за другою въ томъ порядкѣ, какъ производятся боевые пріемы на войнѣ.

Военачальникъ, обложивъ городъ, прежде всего старается лишить жителей воды. Если послѣ этого городъ не сдается, войска начинаютъ производить оружіемъ грохотъ и звонъ, сопровождаемые грозными боевыми кликами. Потомъ, въ дѣло вступаютъ лучники, обсыпая городъ градомъ стрѣлъ. За лучниками выступаютъ отряды варварски жестокихъ бойцовъ [1]). Если и этого оказывается недостаточнымъ, за дѣло принимается отрядъ истребителей; затѣмъ на городъ изливаютъ легковоспламеняющуюся жидкость [2]), послѣ чего идетъ метаніе изъ пращей, общій штурмъ всѣми боевыми силами. Взятыхъ въ плѣнъ заключаютъ въ темницы и, наконецъ, старшихъ и болѣе вліятельныхъ предаютъ казни.

То-же происходило и въ Египтѣ:

Вода была превращена въ кровь.
Жабы оглушали своимъ кваканьемъ.
Мошки впивались въ тѣло какъ стрѣлы.
Нашествіе хищныхъ звѣрей.
Моровая язва истребила скотъ.
За моровою язвою—воспаленіе съ нарывами.
Разразился градъ.
За градомъ—саранча.
Потомъ—тьма.
И наконецъ—пораженіе первенцевъ. *(Танх.)*.

Послѣдняя изъ десяти каръ, пораженіе первенцевъ, постигла не только живыхъ первенцевъ египетскихъ, но отразилась и на давно умершихъ: въ эту ночь собаки разрыли ихъ могилы и кости растаскали по всему Египту. Бывшія-же въ домахъ египтянъ изображенія первенцевъ ихъ арабесками на стѣнахъ оказались разбитыми въ куски и рисунокъ ихъ стертымъ.

Изъ всѣхъ египтянъ ни одной изъ каръ не подверглась одна только Биѳія, дочь фараона, извлекшая младенца Моисея изъ Нила. *(Сеф. Гагаш.)*.

---

[1]) Въ подлинникѣ: „Barbarim"—варвары.

[2]) Въ подлинникѣ: „Naft"—нефть.

XIV. Гробъ Іосифа.

Какъ нашелъ Моисей мѣсто погребенія Іосифа?

Отъ того поколѣнія въ живыхъ осталась Серахъ, дочь Исара. Пришелъ къ ней Моисей и спросилъ:

— Не извѣстно-ли тебѣ что-либо о томъ, гдѣ погребенъ Іосифъ?

Серахъ повѣдала Моисею слѣдующее:

— Египтяне сдѣлали для Іосифа металлическій гробъ и опустили его на дно Нила, дабы призвать благословеніе на воды этой рѣки. И еще потому, что чародѣи египетскіе говорили Фараону: „Если ты желаешь, чтобъ израильтяне никогда не ушли отсюда, сдѣлай такъ, чтобъ они не могли отыскать гробъ Іосифа; ибо Іосифъ заклялъ сыновъ Израилевыхъ вынести кости его отсюда и взять ихъ съ собою въ Землю Обѣтованную. Такимъ образомъ, безъ его останковъ имъ невозможно будетъ уйти изъ Египта.

Пошелъ Моисей, сталъ на берегу Нила и громкимъ голосомъ воззвалъ:

— Іосифъ! Іосифъ! Настало время, когда Господь избавляетъ народъ свой отъ рабства, и наступилъ часъ для исполненія данной тебѣ народомъ клятвы. Воздай-же должное Господу: Ты задерживаешь Духа Святого, задерживаешь народъ, задерживаешь Покровы Облачные Славы Господней. Если ты самъ покажешься изъ воды—хорошо, если-же нѣтъ—мы свободны будемъ отъ клятвы нашей.

Тотчасъ на водѣ показались пузырьки—и легко, какъ тростникъ, всплылъ со дна гробъ Іосифа.

Все время странствованія Израиля въ пустынѣ гробъ Іосифа и Ковчегъ Завѣта находились рядомъ. Прохожіе, видя это, спрашивали о значеніи этихъ двухъ хранилищъ. Имъ отвѣчали: „Въ одномъ — останки человѣка, въ другомъ — Завѣтъ Господень".

— Но развѣ подобаетъ находиться мертвецу рядомъ со святыней Господней.

— Тотъ, кто покоится въ этомъ гробу исполнялъ все, что написано въ Завѣтѣ этомъ. *(Сот., 13).*

XV. Четыре заслуги.

За четыре заслуги передъ Господомъ евреи были освобождены изъ рабства египетскаго: за то, что не измѣняли своихъ именъ, сохранили родной языкъ, не разоблачали священныхъ тайнъ своихъ и не отмѣняли обрѣзанія. *(Шох.-Т., 114).*

XVI. Тройное наказаніе.

Своимъ упорствомъ фараонъ напоминаетъ притчу про наказаннаго слугу:

Нѣкто послалъ слугу на базаръ купить рыбу. Купленная рыба оказалась тухлой. За это хозяинъ предложилъ слугѣ на выборъ одно изъ трехъ наказаній: съѣсть рыбу, либо получить сто ударовъ, либо-же заплатить сто минъ [1]).

— Съѣмъ рыбу,—выбралъ слуга.

Принялся ѣсть, но не успѣлъ окончить, какъ ему сдѣлалось дурно.

— Нѣтъ, — заявилъ онъ, — лучше ужъ получить сто ударовъ.

На шестидесятомъ ударѣ онъ почувствовалъ, что больше ему не выдержать.

— Остановитесь!—закричалъ онъ,—плачу сто минъ.

Оказалось—онъ и тухлой рыбы наѣлся, и битъ былъ, и денегъ лишился.

Такъ и фараонъ: и карамъ подвергся, и освободилъ евреевъ, и Египетъ былъ раззоренъ. *(По Танх.-Гак.)*.

XVII. Рабство и свобода.

Притча раби Леви:

Нѣкто имѣлъ участокъ земли, покрытый кучами мусора, и рѣшилъ его продать. Купившій эту землю очистилъ ее отъ мусора и нашелъ на томъ мѣстѣ родникъ превосходной воды. Насадилъ онъ виноградъ и гранатовыя деревья, остальное мѣсто разбилъ на грядки подъ ароматическія растенія; посадки свои подвязалъ на тычинкахъ; построилъ тутъ-же башню и приставилъ къ мѣсту надежнаго сторожа. Прохожіе не могли налюбоваться. Случилось побыватъ тамъ прежнему владѣльцу. Видя, во что превратилась прежняя пустошь, онъ воскликнулъ: „Горе мнѣ! Такое мѣсто я продалъ! Такой благодати я лишился!“

Народъ израильскій, находясь въ Египтѣ, представлялъ собою пустошь, покрытую мусоромъ. Свобода превратила ихъ въ вертоградъ цвѣтущій—и слава ихъ прошла по всему міру, какъ живой укоръ прежнему ихъ поработителю, фараону.

(Шем.-Р., 20).

XVIII. Межъ двухъ огней.

Голубь, спасаясь отъ ястреба, залѣтѣлъ въ разсѣлину скалы—и наткнулся на змѣю. Что дѣлать голубю? Началъ онъ

[1]) Мина -монета въ 60 сиклей.

бить крыльями и стонать изъ всѣхъ силъ, дабы услышалъ хозяинъ голубятника и поспѣшилъ выручить его изъ бѣды.

Голубю этому подобны были Израильтяне при бѣгствѣ ихъ отъ фараона: впереди—бездна морская, позади — египтяне. Что было дѣлать имъ? „И возопили сыны Израилевы къ Господу". И избавилъ ихъ Господь изъ рукъ египтянъ. *(Ш.-Гаш. Р.).*

XIX. Столпъ облачный.

„И вошелъ столпъ облачный въ середину между станомъ египетскимъ и станомъ сыновъ Израилевыхъ и былъ облакомъ и мракомъ".

Облакомъ для Израиля и мракомъ для египтянъ.

Метали египтяне въ израильтянъ стрѣлы и камни пращные—и облако, посланное Господомъ, принимало въ себя стрѣлы и камни, подобно тому, какъ дѣлаетъ орелъ, когда птенцамъ его угрожаетъ опасность. Не въ когтяхъ своихъ, какъ это дѣлаютъ прочія птицы, опасаясь хищниковъ, выше ихъ летающихъ, а на крыльяхъ несетъ онъ орлятъ своихъ. Опасность угрожаетъ орлу только со стороны человѣка. Пусть-же, — думаетъ орелъ,—стрѣла вонзится въ меня, но не въ птенцовъ моихъ. *(Мех.).*

XX. Судъ Божій.

Въ то время, когда вознамѣрился Господь потопить египтянъ въ морѣ, всталъ Уза, духъ - покровитель Египта, и простерся передъ Господомъ, говоря:

— Господи! Милосердіемъ движимый, Ты міръ сотворилъ. Зачѣмъ-же Ты потопить желаешь дѣтей моихъ?

Тотчасъ созвалъ Господь весь сонмъ небесный и сказалъ:

— Будьте судьями между Мною и Узою, покровителемъ Египта.

Начали духи - покровители различныхъ народовъ говорить въ защиту египтянъ. Видя это, мигнулъ архангелъ Михаилъ архангелу Гавріилу; тотъ однимъ взмахомъ крыльевъ порхнулъ въ Египетъ и, вырвавъ кирпичную плиту вмѣстѣ съ налипшей на ней глиной и известью, въ которыхъ затоптанъ былъ трупъ младенца, предсталъ предъ Господомъ, говоря:

— Праведный Судія! Вотъ какъ поступали съ порабощенными дѣтьми Твоими.

И провозгласилъ Господь судъ Свой надъ Египтомъ.

Вознамѣрились въ это время ангелы воспѣть хвалу передъ Господомъ. Но Всевышній остановилъ ихъ, говоря:

— Творенія рукъ Моихъ погибаютъ, а вы хвалу поете предо Мною! *(Мид. Авк.; Мег., 10).*

Изъ проповѣди раби Іосіи Галилейскаго.

— Послѣ перехода черезъ Чермное море началъ пѣть народъ хвалу Господу. И что это было за дивное пѣснопѣніе! Ребенокъ на колѣняхъ у матери, вытянувъ шею свою, и младенецъ, оторвавъ уста отъ материнской груди, созерцали Славу Господню и пѣли:

— „Вотъ Господь мой, и я превознесу Его! *(Сот., 30).*

Колесницы, на которыхъ выѣхалъ фараонъ въ погоню за израильтянами, доспѣхи всадниковъ и сбруя на лошадяхъ были украшены дорогой отдѣлкой и убраны жемчугомъ и алмазами. Во время отлива израильтяне толпами приходили на берегъ и собирали все это, не желая оторваться отъ богатой добычи. И много усилій стоило Моисею заставить народъ двинуться дальше отъ береговъ Чермнаго моря. *(Танх.-Гак.).*

„Обрадовался Египетъ исходу ихъ".

Притча р. Берехіи:

— Тучный человѣкъ ѣхалъ верхомъ на ослѣ. — „Охъ, — подумывалъ оселъ,—скоро-ли слѣзетъ онъ съ меня?" А всадникъ въ свою очередь кряхтѣлъ: „Кончится-ли, наконецъ, эта ѣзда моя?" Когда пріѣхали на мѣсто, оба вздохнули свободно. Не извѣстно только, кто обрадовался больше—оселъ или всадникъ. Надо полагать, все-таки, что оселъ. Положенію осла и всадника его, подобны были египтяне и израильтяне въ послѣдніе дни передъ Исходомъ: кара за карой сыпались на Египетъ, и кряхтѣлъ онъ и говорилъ: „Когда-же, наконецъ, освобожусь я отъ осѣдлавшаго меня Израиля?" Израильтяне, въ свою очередь, нетерпѣливо ждали исхода своего изъ Египта. Исходъ совершился—и оба они обрадовались ему. А кто обрадовался больше, —на это даетъ прямой отвѣтъ Псалмопѣвецъ: „*Египетъ обрадовался исходу ихъ*". (*Шох.-Т., 25*).

Въ пустынѣ.

I. Манна.

Въ Писаніи манна уподобляется хлѣбу, елею, меду.

Раби Іосія бераби [1]) Ханина пояснялъ:

— Манна была: для отрока—хлѣбомъ, для старца — елеемъ, для младенца—медомъ, и каждымъ усвоивалась сообразно потребностямъ его возраста. (*Іома, 75*).

Обогрѣтая солнцемъ, манна таяла и уходила потоками въ море. Приходили серны, олени, лани и другія животныя и пили изъ этихъ потоковъ. Ловившіе эту дичь иноплеменники ощущали въ мясѣ ея вкусъ манны и говорили:

— „Блаженъ народъ, которому ниспослано это!“

(*Мех.; Танх.*).

Раби Іосія училъ:

— Подобно тому, какъ пророкъ открывалъ людямъ все сокровенное отъ человѣческихъ взоровъ, манна разоблачала передъ народомъ всякую попытку скрыть истину. Такъ, напримѣръ: двое приходятъ къ Моисею судиться; одинъ говоритъ: „этотъ человѣкъ присвоилъ себѣ моего раба“, а другой возражаетъ: „я раба у него купилъ“.—„Завтра утромъ [2]) я разсужу васъ“, —отвѣчаетъ Моисей. На завтра и было видно: если омеръ на долю раба оказывался у перваго изъ тяжущихся, это свидѣтельствовало, что вторымъ изъ нихъ рабъ былъ воровски присвоенъ, а если лишній омеръ находили у второго, то этимъ устанавливалось, что рабъ былъ имъ купленъ. (*Іома, 75*).

---

[1]) Сынъ раби.

[2]) Манну собирали рано по утру, „каждый по стольку, сколько ему съѣсть: по омеру (мѣра) на человѣка, по числу душъ, сколько у каждаго въ шатрѣ“. Собираемое мѣряли омеромъ, и сколько-бы ни было собрано для даннаго шатра, число омеровъ оказывалось каждый разъ соотвѣтствующимъ числу душъ этого шатра.

II. Амаликъ.

„Есть-ли Господь среди насъ или нѣтъ?"—говорили, искушая Господа, израильтяне въ Массѣ-и-Меривѣ. — „И пришелъ Амаликъ"...

Израильтяне подобны были тому ребенку, о которомъ притча гласитъ:

„Посадилъ отецъ своего сына себѣ на плечи и пошелъ ходить по базару. Замѣтитъ ребенокъ ту или другую вещь и говоритъ: „Купи мнѣ это, отецъ!" Тотъ и покупаетъ. Разъ, другой, третій,—увидѣлъ ребенокъ товарища своего и вдругъ спрашиваетъ: „А не знаешь-ли ты, гдѣ мой отецъ?" — „Глупецъ!—отозвался отецъ,—сидишь у меня на плечахъ, я покупаю для тебя все, чего ты ни пожелаешь, и ты-же у перваго встрѣчнаго спрашиваешь: „не видалъ-ли моего отца?"—Взялъ и сбросилъ сына съ плечъ своихъ; подбѣжала собака и укусила ребенка".

Такъ и народъ Израильскій: по выходѣ изъ Египта, Облака Величія окружили его; сталъ хлѣба просить,—Господь манной дождить началъ; мяса требовать сталъ — Господь перепеловъ послалъ ему; всѣ потребности его удовлетворялись. И этотъ народъ началъ роптать, говоря: „Есть-ли Господь среди насъ, или нѣтъ?" И вотъ сказалъ Господь:

— „Клянусь, вы это узнаете: вотъ, придетъ собака и искусаетъ васъ!"

Этой собакою былъ Амаликъ.

Раби Леви, со словъ раби Симеона бенъ Халафты, говорилъ:

— Подобно мухѣ, которая норовитъ усѣсться на гнойникъ, Амаликъ чутко слѣдилъ за Израилемъ.

„Помни какъ поступилъ съ тобою Амаликъ на пути когда вы вышли изъ Египта".

Имя Амаликъ служило для Израиля предостереженіемъ, какъ плетка для наказаннаго ребенка.

Притча раби Леви:

Былъ у одного человѣка виноградникъ. Окружилъ онъ его изгородью и посадилъ на цѣпь злѣйшаго пса. Пришелъ сынъ хозяина и сломалъ изгородь: собака его и искусала.

— Помнишь, сынъ мой, какъ ты искусанъ былъ? — говорилъ потомъ хозяинъ виноградника каждый разъ, когда онъ желалъ напомнить сыну о сломанной имъ изгороди.

Именемъ Амаликъ Господь напоминалъ Израилю грѣхи его въ пустынѣ. (*Танх.-Гак.*)

„Когда Моисей поднималъ руки свои, одолѣвалъ Израиль (въ битвѣ съ амаликитянами)“.

Но развѣ Моисей собственноручно участвовалъ въ бою и могъ личными дѣйствіями способствовать побѣдѣ израильтянъ? Приведенный стихъ служитъ указаніемъ, что до тѣхъ поръ, пока израильтяне устремляли взоры свои къ небеснымъ высотамъ и сердцами своими покорялись Отцу Небесному, они побѣждали, а когда переставали дѣлать это—терпѣли пораженія.

(*Р.-Гаш.*, *29*).

III. Дарованіе Завѣта

Притча раби Исаака:

Заболѣлъ у царя сынъ. И едва сталъ оправляться отъ болѣзни, пришелъ его наставникъ и говоритъ:

— Пора царевичу отправиться въ школу.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ царь, — дадимъ ему сперва окончательно оправиться, укрѣпить свои силы, а затѣмъ — приняться за ученіе.

Такъ и Господь сдѣлалъ.

— Народу,—сказалъ онъ,—измученному рабствомъ, надо дать сперва укрѣпить силы свои, окрѣпнуть духомъ и тѣломъ на свободѣ, а затѣмъ дать ему Законъ. (*Эха-Р.*).

Притча раби Іегуды бераби Симонъ:

Нѣкто, имѣя садъ, насаженный аллеями смоковницъ, яблоней и гранатовыхъ деревьевъ, сдалъ его арендатору. Придя туда черезъ нѣкоторое время, онъ нашелъ садъ совершенно запущеннымъ, заросшимъ терновникомъ. Позвалъ онъ людей, чтобъ вырубить терновникъ; но въ это время среди колючихъ зарослей замѣтилъ пышно-цвѣтущую розу, издававшую упоительное благоуханіе. И онъ сказалъ: „ради одной этой розы я готовъ оставить все въ этомъ саду нетронутымъ.

На двадцать шестомъ поколѣніи послѣ міротворенія, воззрѣлъ Творецъ на міръ и нашелъ его наводненнымъ грѣхомъ и порокомъ; то-же было и въ эпоху Потопа, и въ эпоху „Разсѣянія“. Заросшему терновникомъ саду подобенъ былъ міръ. Но въ этомъ мірѣ, какъ роза въ заглохшемъ саду, расцвѣлъ Израиль въ тотъ часъ, когда ему данъ былъ Завѣтъ на Синаѣ. И когда зазвучалъ народный голосъ: „Будемъ исполнять и слушать“, Господь сказалъ:

— Розы ради пощажу Я вертоградъ. Ради Торы и Израиля сохраню міру битіе его. (*Ваик.-Р.*, *23*).

„Господь пришелъ отъ Синая, открылся имъ отъ Сеира, возсіялъ отъ горы Фарана и шелъ со тьмами святыхъ; одесную Его огнь Закона“.

Когда у Предвѣчнаго возникла мысль даровать людямъ Завѣтъ Свой, Онъ предложилъ Тору сначала потомкамъ Исава.

— А что написано тамъ?—спросили потомки Исава.

— Не убивай.

— Вся жизнь людей рода нашего основана на убійствѣ, по пророчеству предка нашего: „Ты будешь жить мечемъ твоимъ“. Мы не можемъ принять Твою Тору.

Предлагалъ Господь Тору потомкамъ Измаила.

— А о чемъ заповѣдано въ ней,—спросили потомки Измаила.

— Не кради.

— Только кражею и грабежемъ мы и существуемъ, какъ сказано о насъ: „Дикій оселъ — между людьми; руки его на всѣхъ, и руки всѣхъ на него“. Нѣтъ, мы не можемъ принять Завѣтъ Твой.

Обратился Господь къ Израилю.

— „Будемъ исполнять и слушать!“—былъ отвѣтъ.

(Песик.-Р., 21).

Равъ Симай училъ:

— Когда народъ Израильскій сказалъ: „Будемъ исполнять и слушать“—прежде всего исполнять, а слушать [1]) потомъ,—явилось шестьсотъ тысячъ Ангеловъ Служенія и каждаго израильтянина двумя вѣнцами увѣнчали: однимъ—за „будемъ слушать“ и другимъ—за „будемъ исполнять“. А когда народъ Израильскій впалъ въ грѣхъ, сошло дважды шестьсотъ тысячъ ангеловъ-истребителей и сняли вѣнцы съ нихъ. О томъ и гласитъ стихъ Писанія: „Сняли съ себя сыны Израилевы украшенія, воспринятыя ими у горы Хорива“. *(Шаб., 8)*.

Раби Іохананъ училъ:

— Въ тотъ часъ, когда раздалось Слово Божіе съ вершинъ Синая, все въ мірѣ притаилось: птенчикъ не чиркнетъ, птица не порхнетъ, волъ не замычитъ, море не шевельнется; остановились колеса Небесной Колесницы; замерло „святъ!“ на устахъ серафимовыхъ. Вся вселенная недвижно и безмолвно слушала гласъ нагорный: „Я—Господь, Богъ твой!“ (*Шем.-Р., 29*).

— „Я—Господь Богъ твой“.

Богатыремъ-воиномъ являлся Господь на Чермномъ морѣ, начертателемъ Завѣта и учителемъ Истины—на Синаѣ, юношей въ дни Соломона, а въ дни Даніила—старцемъ, исполненнымъ благоволенія и милости. И Господь сказалъ: „Даромъ что вы видѣли Меня въ разныхъ образахъ,—но и на Чермномъ морѣ, и

---

[1]) Т. е. вникать, разсуждать.

на вершинахъ Синая, и всюду, и всегда, Я былъ и есмь „Господь—Богъ вашъ". (*Танх.-Гак.*).

Слова раби Іегошуи бенъ Леви:

— Отъ каждаго слова, исходившаго изъ устъ Господнихъ, міръ наполнялся благоуханіемъ. Слово слѣдовало за словомъ, и волны благоуханія смѣняли одна другую. (*Шаб., 8*).

Раби Іосія баръ Ханина говорилъ:

— Подобно тому, какъ манна казалась вкусомъ своимъ отроку—хлѣбомъ, старцу—медомъ, младенцу—молокомъ, больному—легкимъ и сладкимъ печеніемъ, такъ и гласъ Всевышняго воспринимался старцами, отроками, дѣтьми и женщинами — каждымъ по свойствамъ своего возраста и природы своей.

(*Шем.-Р., 5*).

Изумителенъ и дивенъ былъ голосъ Господенъ. Не знали внимавшіе ему, въ которую сторону лицо свое обратить: съ Востока и съ Запада, отъ Полуденной и Полуночной стороны звучалъ голосъ этотъ; то раздастся отъ лазури небесной, то отъ лона земли зазвучитъ.

Слова Господни падали подобно ударамъ кузнеца по наковальнѣ, каменотеса по глыбѣ гранитной: отъ каждаго удара искры во всѣ стороны разлетаются, отъ каждаго удара градомъ осколки сыплются. Такъ и слово Божіе: одновременно на семь разныхъ ладовъ звучало оно и слышно было одновременно-же на всѣхъ семидесяти языкахъ и нарѣчіяхъ, дабы слушали и уразумѣли всѣ народы земли. (*Танх.-Гак.*).

Великій страхъ палъ на царей въ чертогахъ ихъ. И приходили они къ Валааму и спрашивали: „что значитъ этотъ великій шумъ? Не потопъ-ли идетъ на землю?"

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Валаамъ,—давно уже поклялся Господь не приводить болѣе потопа на землю.

— Можетъ быть,—продолжали они спрашивать,—Онъ говорилъ только о водяномъ потопѣ, а ниспошлетъ нынѣ потопъ огненный?

— Никакого потопа, поклялся Господь, болѣе не будетъ.

— Что-же означаетъ этотъ небывалый донынѣ шумъ, который мы слышимъ?

— Даръ безцѣнный,—отвѣчалъ Валаамъ, — заключенъ въ сокровищницахъ Господнихъ. Девять сотъ семьдесятъ четыре вѣка до сотворенія міра хранилъ Господь даръ этотъ и нынѣ вознамѣрился Онъ передать его сынамъ своимъ.

— „Могучую силу даруетъ Господь народу Своему“,—заключилъ рѣчь свою Валаамъ. (*Зеб.*, *116*).

Когда Моисей взошелъ на небо, вопросили ангелы:

— Господи! Мѣсто-ли среди насъ женщиной рожденному?

— Тору воспріять явился онъ,—отвѣчалъ Господь.

— И сокровище, столько вѣковъ до сотворенія міра лелѣемое Тобою, Ты отдаешь смертному? Господи! Слава Твоя превыше небесъ; достоинъ-ли сынъ человѣческій, чтобы такою милостью Ты посѣтилъ его?

— Моисей!—сказалъ Господь,—отвѣчай ты имъ.

— Господи!—воззвалъ Моисей,—страшусь, не сожгли-бы они меня дыханіемъ своимъ.

— Прикоснись рукой къ Престолу Моему — и отвѣчай имъ.

И отвѣчалъ Моисей ангеламъ:

— Тора, которую Господь даруетъ мнѣ, гласитъ: „Я — Господь, Богъ твой, выведшій тебя изъ земли Египетской“. А вы духи небесные,—нисходили-ли вы въ Египетъ? Находились-ли вы въ рабствѣ у фараона? Далѣе, сказано: „Да не будетъ у тебя иныхъ боговъ, кромѣ Меня“. Живете-ли вы среди народовъ языческихъ? „Не произноси имени Господа всуе“, — но развѣ вы занимаетесь суетными дѣлами людскими? „Помни день субботній“. Но вы и въ будни не дѣлаете никакой работы, и отдыхъ нуженъ-ли вамъ? Отъ отца и матери не рожденные— какъ вы станете исполнять заповѣдь: „Чти отца своего и матерь свою?“—„Не убивай“, „не кради“, „не прелюбодѣйствуй“, —но развѣ вы знаете чувство зависти? Развѣ испытываете соблазны плоти?...

Тотчасъ-же покорились ангелы волѣ Господней и исполнились пріязнью къ Моисею. (*Шаб.*, *9*).

Равъ Симеонъ бенъ Лакишъ говорилъ:

—Данный Моисею Завѣтъ былъ начертанъ чернымъ огнемъ по бѣлому пламени, запечатанъ печатью огненной и въ покровъ огненный облаченъ. Стиль, которымъ производились письмена, Моисей вытеръ о свои волосы — и стало исходить сіяніе отъ лица его. (*Іеруш. Шек.*, *1 алк.*).

Раби Іегошуа бенъ Леви училъ:

Когда Моисей сошелъ съ Синая предъ лицо Господа явился Сатана и спросилъ:

— Тора, Владыко,—гдѣ она?

— На землю послана Мною,—отвѣтилъ Господь.

Пошелъ Сатана къ Землѣ и спрашиваетъ:

— Гдѣ Тора?

— „Господь установилъ путь ея“—отвѣчала Земля.
Пошелъ Сатана къ Морю.
— „Не у меня она“—отвѣчало Море.
Къ Безднѣ пошелъ сатана.
— „Не во мнѣ она“—отвѣчала Бездна.
Возвратился Сатана къ Господу и говоритъ:
— Владыка міра! Я по всей землѣ искалъ и не нашелъ ее.
— Иди къ бенъ-Амраму,—сказалъ Господь.
Предсталъ Сатана Моисею и спрашиваетъ:
— Тора, данная тебѣ Господомъ, гдѣ она?
Отвѣчалъ Моисей:
— Что значу я, чтобъ мнѣ Господь Тору далъ?
— „Моисей!—раздался голосъ Господа,—тебѣ-ли неправду говорить“?
— Господь! — сказалъ Моисей,—то сокровище, лелѣемое Тобою, которымъ изо дня въ день любовался Ты, смѣю-ли я принять какъ личное достояніе свое?
Отвѣчалъ Господь:
— За то, что ты самъ умалилъ достоинство свое, Тора да будетъ носить имя твое: „Помните *Законъ Моисея*, раба Моего!“ *(Шаб., 9)*.

IV. Число „три“.

Одинъ галилеянинъ говорилъ равъ Хасдѣ:
— Благословенъ Господь, давшій тройственный Завѣтъ Свой тройственному народу, черезъ третьяго въ семьѣ своей, въ третій день третьяго мѣсяца [1]). (*тамъ-же, 88*).

V. Надавъ и Авігу.

„И Моисею сказалъ Онъ: взойди къ Господу ты и Ааронъ, Надавъ и Авігу“.
Впереди шли Моисей и Ааронъ, а за ними слѣдовали Надавъ и Авігу. И говорилъ Надавъ Авігу:
— Поскорѣе-бы умерли эти два старика, и тогда мы съ тобою стали-бы управлять народомъ.
— „Не хвались завтрашнимъ днемъ,—раздался Голосъ,—увидимъ, кто кого хоронить будетъ“ [2]).

---

[1]) Тройственный завѣтъ: Пятикнижіе, Пророки и Гагіографы.
Тройственный народъ: когены, левиты, израильтяне.
Третій въ семьѣ: Миріамъ, Ааронъ, Моисей.
Третій день Сивана—третьяго мѣсяца въ году.
[2]) Надавъ и Авігу, сыновья Аарона, согрѣшившіе принесеніемъ неуказанной жертвы, были сожжены небеснымъ огнемъ и, по повелѣнію Моисея, были вынесены изъ святилища за станъ и тамъ преданы погребенію.

Это—что на мiру говорится: не мало было жеребятъ, кожа которыхъ пошла на чапраки для ихъ матокъ.

(Ваик.-Р., 60; Санг., 52).

VI. Поклоненiе тельцу.

„И увидѣлъ народъ, что Моисей долго не сходитъ съ горы“.

Прошло сорокъ дней, и урочный часъ, назначенный Моисеемъ, прошелъ, а онъ все не возвращался. Тогда явился Сатана и, желая вызвать смуту и замѣшательство, сталъ спрашивать:

— Учитель вашъ, Моисей—куда дѣвался онъ?

— Взошелъ на небо,—отвѣчалъ народъ.

— Время, когда онъ долженъ былъ возвратиться, уже прошло,—продолжалъ сатана.

Но его больше не слушали.

— Моисей умеръ.

И это не произвело ожидаемаго дѣйствiя.

Тогда сатана явилъ передъ ними образъ Моисея въ гробу, повисшемъ въ пространствѣ между небомъ и землею. И въ народѣ стали указывать другъ другу на это видѣнiе, говоря: „Вотъ что сдѣлалось съ этимъ человѣкомъ!“

Собралась тутъ и вся примѣсь иноплеменная, сорокъ тысячъ человѣкъ, вышедшая вмѣстѣ съ Израилемъ изъ Египта, и съ нею два волхва египетскихъ, Iонусъ и Iомбрусъ, которые прежде творили колдовство передъ фараономъ. Собрались они вокругъ Аарона и Хура, говоря:

— Нѣтъ, не возвратиться болѣе Моисею!

Возмущенный этимъ Хуръ поднялъ голосъ свой и закричалъ на нихъ:

— Жестоковыйные! Вы уже забыли все, что этотъ человѣкъ сдѣлалъ для васъ?!

Набросился народъ на Хура и убилъ его.

Стали наступать съ угрозами на Аарона:

— Сдѣлаешь намъ Бога—хорошо; нѣтъ—мы поступимъ съ тобою, какъ поступили съ Хуромъ.

Напуганный этими угрозами, Ааронъ попытался было какъ-нибудь затянуть дѣло:

— Выньте,—сказалъ онъ, — золотыя серьги, которыя въ ушахъ вашихъ женъ.

Разсчитывалъ Ааронъ, что женщины, которымъ трудно разставаться со своими украшенiями, откажутъ мужьямъ въ этомъ. Женщины дѣйствительно отказывались отдать свои золотыя вещи:

— Сохрани насъ Богъ,—говорили онѣ, — забыть о тѣхъ чудесахъ и подвигахъ, которые совершены были для народа нашего, и начать поклоняться идоламъ!

Тогда всѣ мужчины вынули золотыя серьги изъ ушей своихъ и принесли къ Аарону.

Возвелъ Ааронъ очи къ небесамъ и воззвалъ къ Господу:

— Къ Тебѣ возвожу очи мои, Обитающій въ небесахъ! Тебѣ вѣдомо, что противъ воли моей я дѣлаю это.

И бросилъ золото въ огонь. А волхвы начали творить заклинанія.

По другому сказанію, въ дѣлѣ изготовленія тельца главное участіе принималъ израильтянинъ по имени Миха, который былъ спасенъ Моисеемъ отъ смерти, когда его придавило кирпичами на постройкѣ въ Египтѣ. Этотъ Миха взялъ дощечку съ надписью „Появись, телецъ!" и бросилъ ее въ горнило съ золотыми вещами. Съ ревомъ и прыжками появился изъ горнила телецъ, и народъ закричалъ: „Вотъ богъ твой, Израиль!"

Увидѣвъ это, Ааронъ воздвигъ жертвенникъ. Многіе выражали желаніе помочь ему въ этой работѣ, но Ааронъ отказывался отъ ихъ помощи, говоря:

— Дайте мнѣ одному сдѣлать это: для святости жертвенника требуется, чтобъ я единолично его построилъ.

Въ душѣ-же Ааронъ надѣялся, что, пока онъ займется постройкою жертвенника, успѣетъ возвратиться Моисей. Но жертвенникъ былъ готовъ, а Моисей не возвращался. Тогда Ааронъ заявилъ: „Завтра праздникъ Господу". Оттяну,—думалъ онъ,— дѣло хотя до завтра.

— „Забыли Господа! — воскликнули Ангелы-Служенія, — забыли Спасителя своего, великія чудеса совершившаго въ Египтѣ!"

— „Какъ скоро забыли они дѣла Его!"—возопилъ, вторя ангеламъ, Духъ Святой *(Танх.; Танх.-Г'ак.)*.

VII. Молитва Моисея.

„И сказалъ Господь Моисею: „*Сойди* отсюда".

— Сойди,—говорилъ Господь,—съ той высоты, которой ты болѣе недостоинъ.

— Чѣмъ согрѣшилъ я, Господи?—спросилъ Моисей.

— Согрѣшилъ народъ твой.

— *Мой* народъ? *Твой* народъ они и Твой удѣлъ, который Ты избавилъ отъ рабства силою Твоею великою. Чѣмъ-же согрѣшили они?

— Славу свою на изображеніе тельца промѣняли.

— Владыка вселенной! — сказалъ Моисей, — телецъ этотъ можетъ пригодиться въ помощники Тебѣ.

— Въ чемъ-же онъ помогать Мнѣ станетъ?

— Ты, Господи, будешь вѣтры направлять, а онъ дожди низвергать; Ты—вѣдать солнечный свѣтъ, онъ—лунный; Ты—взращивать деревья, онъ—злаки.

— Моисей!—воскликнулъ Господь,—и ты совращенъ этимъ бездушнымъ идоломъ!?

— А если онъ,—сказалъ Моисей,—только идолъ бездушный, изображенiе тельца, который питается травою и предназначенъ для закланiя, то зачѣмъ-же воспламеняется гнѣвъ Твой, Господи, на народъ Твой?

— „Сойди отсюда!"—сказалъ Господь.

— Сойди съ высоты славы своей. Я далъ тебѣ эту славу только ради народа Моего. Теперь, когда совратился народъ, для чего надобенъ *ты* Господу?

И взывалъ Моисей къ Господу:

— „Вспомни Авраама, Исаака и Израиля, рабовъ Твоихъ, которымъ клялся Ты Собою". Господи! Если-бы небомъ и землею поклялся Ты, я еще могъ-бы сказать: какъ небо и земля могутъ исчезнуть, такъ и клятва Твоя можетъ быть отмѣнена Тобою. Но Ты Именемъ великимъ Своимъ поклялся. Имя Твое живетъ и будетъ жить вѣчно, такъ и клятва Твоя останется неизмѣнной во вѣки вѣковъ.

И сказалъ Господь:

— „Прощаю по слову твоему".

И въ далекихъ вѣкахъ будутъ говорить народы земли:

— Блаженъ ученикъ, по слову котораго поступалъ Учитель его! *(Бер.-Р., 32)*.

VIII. Скрижали.

Когда Моисей началъ сходить съ горы, данныя ему скрижали сами неслись передъ нимъ въ воздухѣ. Когда же онъ приблизился къ стану и увидѣлъ тельца, исчезли письмена со скрижалей, и онѣ всей тяжестью своей легли на руки Моисея. И воспламенился Моисей гнѣвомъ, бросилъ изъ рукъ своихъ скрижали и разбилъ ихъ подъ горою. *(Танх.)*.

IX. Скинiя Завѣта.

„И сдѣлай брусья для скинiи изъ дерева ситтимъ".

Предъ уходомъ своимъ въ Египетъ провидѣлъ Iаковъ построенiе скинiи и сказалъ сынамъ своимъ:

— Дѣти мои! Потомкамъ вашимъ предопредѣлено выйти изъ земли Египетской, и повелитъ Господь построить святилище

Ему. Насадите теперь-же кедровыя деревья, дабы къ тому времени требуемое дерево было готово.

Они такъ и сдѣлали. *(Танх.).*

X. Семисвѣчникъ.

„По образу, который показалъ Господь Моисею, онъ сдѣлалъ свѣтильникъ“.

Непосильно трудною показалась эта работа Моисею. И Господь сказалъ:

— Я сдѣлаю это передъ тобою.

Вспыхнули огни четырехъ цвѣтовъ—бѣлаго, краснаго, чернаго и зеленаго — и подъ перстомъ Всевышняго образовался свѣтильникъ съ его шестью стеблями, чашечками, гранатовыми яблоками и цвѣтами. *(Танх. Гак.).*

„Когда ты будешь зажигать свѣтильники“— — —

— Владыка вселенной!—говорили израильтяне передъ Господомъ,—Ты свѣточъ міра, Ты источникъ свѣта, — и намъ велишь ты зажигать свѣтъ передъ Тобою?

Отвѣчалъ Господь:

— Мнѣ нѣтъ нужды въ вашемъ свѣтѣ, но Я желаю, чтобъ вы свѣтили мнѣ также, какъ Я свѣтилъ вамъ.

Притча гласитъ:

Шли однимъ путемъ зрячій со слѣпымъ. И сказалъ зрячій слѣпому:

— Когда мы войдемъ въ домъ, ты зажжешь свѣчу и посвѣтишь мнѣ.

— Помилуй, другъ!—возразилъ слѣпой,—когда мы были въ пути, ты былъ единственной поддержкой мнѣ; ты-же указывалъ мнѣ дорогу, пока мы не дошли до дома, а теперь ты мнѣ, слѣпому, говоришь, чтобъ я свѣтилъ тебѣ!

— Я для того говорю тебѣ это,—отвѣтилъ зрячій,—чтобъ дать тебѣ возможность хотя чѣмъ нибудь вознаградить меня за услуги, оказанныя тебѣ мною. *(Бам.-Р., 15).*

Раби Абина говорилъ:

— Дискъ солнечный—одинъ изъ слугъ Господнихъ. Человѣческій глазъ не въ силахъ вдоволь насладиться свѣтомъ его. Молнія—одно изъ отраженій огня небеснаго, и блескъ ея сіяетъ во всѣхъ концахъ міра; такъ Всевышнему-ли нуженъ свѣтъ отъ рукъ человѣческихъ?

— Ради умноженія заслугъ человѣческихъ,—отвѣчалъ равъ Аха,—Господь увеличилъ Тору и умножилъ завѣты ея.

(Ваик.-Р., 31).

XI. Жало злословія.

„И смотрѣлъ (народъ) вслѣдъ Моисею, доколѣ онъ не входилъ въ Скинію“.

Смотрѣли вслѣдъ Моисею люди, склонные къ клеветничеству, и пальцемъ на него показывали:

— Взгляни, — говорилъ одинъ, — что за затылокъ, что за плечи откормилъ онъ себѣ на народномъ хлѣбѣ!

— Бездѣльникъ онъ!—поддерживалъ другой, — человѣкъ, завѣдующій постройкой скиніи и распоряжающійся запасами серебра и золота въ столь несмѣтныхъ количествахъ, — удивительно-ли, что онъ скопилъ себѣ богатство?

Доходили пересуды эти до слуха Моисея, и онъ сказалъ себѣ: „Клянусь, что когда скинія будетъ готова, я тотчасъ-же дамъ имъ отчетъ во всемъ, что проходило черезъ руки мои.

— Что дѣлать,—продолжалъ онъ размышленія свои,—народу свойственна подозрительность.—И Моисей отдалъ отчетъ во всемъ, что было употреблено для скиніи—золота, серебра и мѣди, до послѣдняго сикля. *(Танх.)*.

XII. Въ пустынѣ.

Передвиженія израильтянъ по пустынѣ производились Моисеемъ согласно положенію сопровождавшаго ихъ Облака: когда оно начинало подниматься, Моисей возглашалъ: „Возстань, Господи, и разсыплются враги Твои!“ Тогда народъ собирался въ дальнѣйшій путь. У кого имѣлось вьючное животное, тотъ нагружалъ на немъ вещи свои; имущество-же тѣхъ, у кого такихъ животныхъ не было, принималось Облакомъ, которымъ и переносилось до мѣста слѣдующей стоянки. Объ остановкѣ давалось знать трубными сигналами, и каждое колѣно ставило станъ свой въ установленномъ порядкѣ: на первомъ планѣ, къ востоку, колѣно Іудино со своимъ знаменемъ и родоначальникомъ во главѣ, а за нимъ остальные, каждое колѣно со станомъ своимъ, „при знамени своемъ и при знакахъ семействъ своихъ“.

Каждый родоначальникъ, патріархъ, имѣлъ особый, присвоенный ему стягъ, окраска котораго соотвѣтствовала цвѣту того изъ камней на Хошенѣ (наперсникѣ судномъ), на которомъ вырѣзано было его имя [1]):

Стягъ Рувима: на красномъ фонѣ изображены мандрагоры.

Симеона: по зеленому полю—рисунокъ, изображающій городъ Сихемъ.

---

[1]) Соотвѣтствіе, судя по дальнѣйшему описанію, далеко не полное. Такъ, напримѣръ: камень съ именемъ Симеонъ названъ „питда“—*топазъ*, а стягъ этого патріарха былъ окрашенъ въ *зеленый* цвѣтъ; имя Іуда было вырѣзано на *карбункулѣ*, а стягъ его былъ *небеснаго* цвѣта и т. д.; объясняется это, надо полагать, различіемъ минералогическихъ номенклатуръ, тогдашней и новѣйшей.

Левія: одна треть стяга бѣлаго цвѣта, одна треть—чернаго и одна—краснаго. Изображеніе—Уримъ и Тумимъ.

Іуды: на лазоревомъ фонѣ изображеніе льва.

Иссахара: цвѣтъ темносиній; изображеніе—солнце и мѣсяцъ.

Завулона: по бѣлому полю—корабль.

Дана: окраска цвѣта сапфира; изображеніе—змѣя.

Гадда: окраска цвѣта прозрачнаго агата; рисунокъ представляетъ отрядъ воиновъ.

Нефтали: на дымчато-розовомъ фонѣ изображена газель.

Асира: фонъ цвѣта хризолита; изображеніе — масличное дерево.

Іосифа: фонъ темный, переходящій въ черный, и на немъ соединенное изображеніе двухъ стяговъ Ефрема и Манассіи, носившихъ изображенія: первый—вола, второй—буйвола.

Веніамина: фонъ двѣнадцати оттѣнковъ; изображеніе — волкъ.

Въ такомъ порядкѣ двигались они станъ за станомъ, и столпы облачные клубились надъ ними.

Первымъ останавливалось Облако надъ скиніей, находившейся въ серединѣ между станами. Собрать и установить скинію было почетнымъ правомъ колѣна Левіина. Становились станы каждый на свое мѣсто — и Облака Величія Господняго останавливались надъ каждымъ изъ нихъ. И тутъ сказывалась во всей полнотѣ своей святая мощь Моисея: Облако Шехины не сходило на скинію прежде чѣмъ Моисей не возгласитъ: „Возвратись, Господи, къ тьмамъ тысячъ Израилевымъ!“

Во всѣхъ передвиженіяхъ ковчегъ носили впереди; изъ среди шестовъ его вылетало по двѣ искры, которыми убивало встрѣчавшихся на пути змѣй, скорпіоновъ и другихъ опасныхъ животныхъ.

При каждой стоянкѣ появлялся колодезь со свѣжей и прекрасной водой [1]).

Появлялся колодецъ у входа во дворъ скиніи, возлѣ шатра Моисея. У колодца собирались родоначальники всѣхъ двѣнадцати колѣнъ и начинали пѣть славу Господу. Тогда вода поднималась изъ колодца и разливалась тутъ и тамъ по всей площади, протекая правильными каналами между однимъ станомъ и другимъ и широкой водяною полосою опоясывая все становище. Побережія покрывались густою и сочною растительностью съ плодами, ягодами, овощами и обильнымъ кормомъ для скота. Небо пустыни отражалось въ водѣ, и живая поверхность ея отливала небесной синевой, мерцаніемъ зари, солнечнымъ блескомъ и луннымъ сіяніемъ.

---

[1]) Устье этого колодца—одна изъ десяти вещей, предуготованныхъ въ сумерки шестого дня творенія. См. стр. 5—6.

На огромномъ разстояніи наблюдалось это изумительное явленіе, и люди въ восторгѣ вопрошали:

„Кто это,
Блистающая, какъ заря,
Какъ луна прекрасная,
Какъ солнце свѣтлая,
Грозная, какъ полки со знаменами?“...

(*Бам.-Р., 20; Танх.; Іалк.*).

XIII. Обликъ Моисея.

Весь міръ былъ потрясенъ и очарованъ чудомъ Исхода. Имя Моисея было у всѣхъ на устахъ. Дошла вѣсть о великомъ чудѣ и до мудраго царя Арабистана. Призвалъ царь лучшаго художника-живописца и повелѣлъ ему отправиться къ Моисею, написать и доставить обликъ его. Когда художникъ возвратился, царь собралъ всѣхъ мудрецовъ своихъ, искуссныхъ въ наукѣ физіогномики, и предложилъ имъ опредѣлить по облику характеръ Моисея, свойства, наклонности, привычки его, и въ чемъ таится чудесная сила его.

— Государь!—отвѣтили мудрецы,—обликъ этотъ принадлежитъ человѣку жестокому, высокомѣрному, жадному къ наживѣ, одержанному властолюбіемъ и всѣми пороками, какіе существуютъ на свѣтѣ.

Возмутили царя слова эти.

— Какъ!—воскликнулъ онъ,—возможно-ли, чтобы такимъ былъ человѣкъ, дивные подвиги котораго гремятъ по всему міру?

Пошелъ споръ между художникомъ и мудрецами. Художникъ утверждалъ, что обликъ Моисея написанъ имъ вполнѣ точно, а мудрецы настаивали, что натура Моисея опредѣлена ими по этому изображенію безошибочно.

Мудрый царь Арабистана рѣшилъ провѣрить, кто изъ спорящихъ правъ, и лично отправился въ станъ Израилевъ.

При первомъ-же взглядѣ царь убѣдился, что обликъ Моисея изображенъ художникомъ безукоризнено. Войдя въ шатеръ человѣка Божьяго, преклонилъ царь колѣна, поклонился до земли и разсказалъ о спорѣ между художникомъ и мудрецами.

— Сначала, прежде чѣмъ я увидѣлъ лицо твое,—сказалъ царь,—я подумалъ: должно быть, художникъ плохо написалъ обликъ твой, ибо мудрецы мои въ наукѣ физіогномики люди весьма опытные: нынѣ-же убѣждаюсь, что это люди совершенно ничтожные, и суетна и ничтожна мудрость ихъ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Моисей,—это не такъ: и художникъ, и физіогномисты люди весьма искуссные; и тотъ, и другіе правы. Да будетъ вѣдомо тебѣ, что всѣ пороки, о которыхъ говорили мудрецы, дѣйствительно присвоены были мнѣ отъ природы, и

быть можетъ—еще въ большей степени, нежели это опредѣлено ими по облику моему. Но долгими и напряженными усиліями воли боролся я съ пороками моими, пересиливалъ и подавлялъ ихъ въ себѣ, пока все противоположное имъ не стало второй натурой моей. И въ этомъ высшая гордость моя. *(Мид. по Тиф. Иср., Кид.)*.

XIV. Происки Корея.

При освященіи левитовъ, которыхъ окропляли очистительной водою, сбривъ волосы со всего тѣла, посвященіе получилъ и Корей. И стала говорить Корею жена его:

— Полюбуйся, какъ поступилъ Моисей съ тобою: самъ царемъ сталъ, Аарона первосвященникомъ сдѣлалъ, сыновей его іереями. Теруму принесутъ — онъ говоритъ: „Отдайте все священнику", принесутъ десятину для левитовъ, онъ и отъ нея отбираетъ десятую часть для священника-же. Мало этого, онъ еще обрить васъ велитъ. Издѣвается онъ надъ вами. Волосы у людей—и то ему завидно!

— Но Моисей вѣдь и себя далъ обрить,—возражалъ Корей.

— Ну, разумѣется: всю власть и весь почетъ забралъ, надо-же хоть чѣмъ нибудь поступиться.

Ходилъ Корей среди народа, а его, обритаго, никто не узнавалъ.

— Ты-ли это?—удивлялись всѣ,—кто это тебя отдѣлалъ такъ?

— Кто, какъ не Моисей,—отвѣчалъ Корей,—и мало того, что оголили, еще за руки и за ноги брали, вверхъ поднимали и приговаривали: „Вотъ ты и очищенъ!" Брата своего, Аарона, точно невѣсту нарядилъ и въ скиніи собранія посадилъ.

Недоброжелатели Моисея и пошли на всѣ лады повторять, возбуждая народъ противъ него:

— Моисей—царь; братъ его Ааронъ — первосвященникъ, сыновья его—іереи. Терума—священнику, часть десятины—священнику, всякій даръ и всякое приношеніе—ему-же!...

А Корей, по природѣ своей склонный къ злоумышленнымъ шуткамъ и издѣвательству, сталъ такую побасенку разсказывать:

— Сосѣдка у меня, вдова съ двумя дѣвочками сиротками. Клочекъ поля—все имущество ея. Принялась она полоску свою пахать. Приходитъ Моисей: „Помни, говоритъ, женщина, пахать запрягши вола съ осломъ вмѣстѣ,—нельзя". Приступила она къ засѣву,—Моисей снова тутъ: „Поля своего,—говоритъ,—двумя родами сѣмянъ не засѣвай". Пришло время жатвы,—„край поля своего—предупреждаетъ онъ ее,—оставь недожатымъ и забытаго отъ жатвы снопа не подбирай". Приступила къ молотьбѣ, —„Давай,—говоритъ онъ,—теруму, давай первую десятину, давай вторую десятину". Что дѣлать, законъ! Покорилась бѣдняга,

дала. Какъ дальше быть? Подумала она и рѣшила продать участокъ и купить себѣ пару ягнятъ: будетъ,—думала она,—и шерсти на одежду, и отъ приплода польза. Когда овечки ягнились, пришелъ Ааронъ: „Подавай, говоритъ, ягнятокъ сюда, ибо — „каждаго первенца должно посвятить Господу". Воля Божія, ничего не подѣлаешь,—отдала ягнятокъ. Наступило время стрижки, — Ааронъ и тутъ не заставилъ себя ждать; „Шерсть первой стрижки принадлежитъ мнѣ. Такъ самъ Богъ повелѣлъ".

— Силъ моихъ нѣтъ больше,—рѣшила она,—зарѣжу я овецъ и хотя мяса поѣдятъ дѣти мои.

Едва успѣла сдѣлать это, Ааронъ тутъ какъ тутъ: „Плечо, челюсть и желудокъ принадлежатъ мнѣ!"

— Боже праведный! — воскликнула она, — и теперь даже, зарѣзавъ овечекъ своихъ, я не могу спастись отъ жадности этого человѣка. Лучше уже я все цѣликомъ посвящу Тебѣ, Господи!

— „А если такъ, — заявилъ Ааронъ, — то отдай мнѣ все: все, что Божье, то мое". Забралъ всю убоину до-чиста и ушелъ. Такъ безъ ничего и осталась несчастная вдова со своими сиротками.

— И все это, — прибавлялъ Корей, — дѣлается именемъ Божіимъ!...

Былъ въ числѣ единомышленниковъ Корея и Онъ, сынъ Пелеѳа, изъ колѣна Рувимова; но его спасла отъ гибели жена его.

— Какой тебѣ разсчетъ, — говорила она мужу, — вмѣшиваться въ переканія Корея съ Моисеемъ? Тотъ-ли, этотъ-ли возьметъ верхъ, ты все равно останешься въ подчиненіи.

— Но что мнѣ дѣлать теперь?—отвѣчалъ Онъ, — я принималъ участіе въ заговорѣ и присягнулъ на вѣрность Корею.

— Сдѣлаемъ вотъ-что,—посовѣтовала жена, — оставайся дома, и я спасу тебя.

Напоила мужа виномъ и уложила спать, а сама вышла и сѣла у входа въ шатеръ,—повязку съ головы сорвала, волосы распустила и взъерошила. Кто ни приходилъ къ Ону, торопился уйти обратно [1]). А тѣмъ временемъ земля и поглотила Корея со всѣми его единомышленниками.

Такъ различно поступили въ дѣлѣ этомъ жена Она и жена Корея. Про первую и сказано: „Мудрая жена устроитъ домъ свой", про вторую: „а глупая разрушитъ его своими руками". (*Санг. 109; Шох.-Т.; Танх.*).

---

[1]) Глядѣть на женщину простоволосую считается грѣхомъ.

XIV. Вода изъ камня.

Злословіе и издѣвательство продолжали преслѣдовать Моисея. Когда стало извѣстно о томъ, что Моисей готовится источить воду изъ скалы, злонамѣренные люди начали вышучивать его, говоря.

— Что-же, вы развѣ не знаете, что онъ былъ когда-то пастухомъ у Лавана, а пастухи большіе мастера въ поискахъ за водою. Моисей сначала отыщетъ родникъ,—а потомъ приведетъ насъ туда и скажетъ: „Вотъ, глядите, я изъ камня воду вамъ источу". Хорошо, вотъ передъ нами камень; пусть онъ изъ *этого* камня добьетъ намъ воды, изъ другого не желаемъ!—И они толпами начали останавливаться у каждаго камня.

Увидалъ это Моисей и, хотя Господь и повелѣлъ ему: „изъ любого камня, какъ они того пожелаютъ, ты источи имъ воду", онъ однако, будучи внѣ себя отъ гнѣва, крикнулъ:

— За мною ступайте!

И онъ далъ себѣ клятву, что только изъ того камня, который онъ самъ выберетъ, источитъ онъ имъ воду.

„И поднялъ Моисей руку свою и ударилъ въ скалу жезломъ своимъ дважды".

Послѣ перваго удара вода изъ скалы стала сочиться медленно, капля за каплей.

— Бенъ-Амрамъ! — зазвучали кругомъ голоса,—этой воды хватитъ развѣ только для грудныхъ младенцевъ или, въ крайнемъ случаѣ, для сейчасъ отлученныхъ отъ груди дѣтей.

Возмущенный ихъ словами, Моисей ударилъ вторично въ скалу, и обильнымъ потокомъ хлынула вода. *(Танх.; Танх.-Гак.)*.

И не въ одномъ описанномъ случаѣ дерзость и назойливость черни преслѣдовали Моисея. Сутяжничество было явленіемъ постояннымъ, и не даромъ говорилъ Моисей: „Какъ мнѣ одному носить тягости ваши, бремена и распри ваши?" Не щадило злословіе и его личной жизни. Если Моисей выходилъ пораньше изъ шатра, то говорили:

— Чего это онъ торопится изъ дому уходить? Не сладка, должно быть, семейная жизнь его.

А когда онъ оставался дома дольше обыкновеннаго, тѣ-же самые толковали:

— Чѣмъ, думаете вы, онъ занятъ тамъ? Сидитъ и придумываетъ какіе нибудь новые законы и правила для насъ!

Доходило до того, что приводили малютокъ своихъ и, бросая ихъ на колѣни къ Моисею, кричали:

— Скажи, Бенъ-Амрамъ, гдѣ то довольство, которое ты создалъ для малыхъ сихъ? Гдѣ пропитаніе, которое ты для нихъ наготовилъ?... *(Іалк.)*.

XVI. Гора Оръ.

На пути слѣдованія Израиля въ пустынѣ сопровождавшій ихъ столпъ облачный возвышенности сглаживалъ, а низины повышалъ до одного уровня, дабы сдѣлать путь менѣе утомительнымъ, и только на мѣстахъ стоянокъ оставлялось одно болѣе возвышенное мѣсто—для скиніи. Изъ горъ-же сохранились лишь три: Синай—для Шехины, Нево—мѣсто погребенія Моисея—и Оръ—мѣсто погребенія Аарона. *(Танх.-Гак.).*

XVII. Кончина Аарона.

Когда наступило время Аарону покинуть земной міръ, Господь сказалъ Моисею:

— Иди къ Аарону и скажи ему, что часъ его пришелъ.

Всталъ Моисей рано утромъ, подошелъ къ шатру Аарона и сталъ звать его: „Ааронъ, братъ мой, выйди ко мнѣ!"

Вышелъ Ааронъ и спрашиваетъ:

— Что заставило тебя встать такъ рано и придти ко мнѣ?

— Этой ночью, размышляя о мудрости божественной, я остановился надъ однимъ вопросомъ, котораго никакъ уяснить себѣ не могъ. По этому поводу я и пришелъ къ тебѣ.

— А какой это вопросъ?

— На память я объяснять этого не могу; требуемое мѣсто находится въ книгѣ „Бытія". Принеси книгу эту, и почитаемъ ее.

Принесъ Ааронъ книгу „Бытія", и стали они вмѣстѣ читать главу за главой, и послѣ каждаго повѣствованія Ааронъ приговаривалъ: „Какъ хорошо сдѣлано все Господомъ, какъ прекрасно все сотворено Имъ на свѣтѣ!"

Когда дошли до разсказа о сотвореніи человѣка, Моисей заговорилъ:

— Что сказать объ Адамѣ, который грѣхопаденіемъ далъ смерти доступъ къ міру? И меня, который бралъ верхъ надъ духами небесными, и тебя, который былъ въ силахъ ангела смерти останавливать—даже насъ не тотъ-ли ждетъ конецъ? Долго ли намъ жить осталось?

— Недолго, братъ мой!

Продолжая такимъ образомъ, Моисей постепенно подготовилъ Аарона къ мысли о близости кончины его. Почувствовалъ Ааронъ, что приблизился часъ его, и говоритъ:

— Не въ виду-ли этого ты и разговоръ весь завелъ?

— Да, братъ мой!

Видѣвшіе Аарона въ эту минуту замѣтили—точно умалился сразу ростъ его.

И взмолился Ааронъ:

— „Сердце мое трепещетъ во мнѣ и ужасы смертные напали на меня“.

— Готовъ-ли ты къ смерти?—продолжалъ Моисей.

— Я готовъ,—былъ отвѣтъ.

— Взойдемъ на гору Оръ.

Поднялись на гору втроемъ: Моисей, Ааронъ и Елеазаръ, сынъ Аарона.

Видѣлъ это народъ, но не зналъ, что идетъ Ааронъ въ послѣднiй путь свой. „Господь призвалъ его на гору“, — подумали израильтяне.

На вершинѣ горы открылась передъ ними пещера. Они вошли туда и нашли тамъ зажженный свѣтильникъ и готовый, чуднаго вида, гробъ.

Началъ Ааронъ снимать одежды свои; снималъ одну за другою, и Елеазаръ надѣвалъ ихъ на себя, а вокругъ Аарона туманъ клубился и точно пеленою обвивалъ его.

— Братъ мой!—воскликнулъ Моисей,—когда умерла сестра наша, я съ тобою позаботились о ея погребенiи; при твоей кончинѣ находимся я и Елеазаръ. Кто-же въ мой смертный часъ будетъ находиться при мнѣ?

Въ это мгновенiе раздался голосъ Предвѣчнаго:

— „Клянусь, Я самъ приму душу твою!“

И сказалъ Моисей:

— Войди, братъ мой, и ложись въ этотъ гробъ.

Ааронъ легъ.

— Протяни руки свои, — продолжалъ Моисей. — „Закрой глаза“.—„Смежи уста“.

Одно за другимъ исполнилъ Ааронъ. Тогда сошла Шехина, облобызала его—и отлетѣла отъ Аарона душа его.

Моисей и Елеазаръ склонились къ усопшему и стали цѣловать ланиты его. Но сошло Облако Славы и заволокло гробъ Аарона, а гласъ небесный прозвучалъ: „Удалитесь отсюда“. И едва Моисей и Елеазаръ вышли изъ пещеры, входъ закрылся за ними.

Израильтяне стояли у подножiя горы, ожидая ихъ возвращенiя. Замѣтивъ сходящими съ вершины Моисея и Елеазара и не видя между ними Аарона, стали недоумѣвать, предчувствуя недоброе. А народъ любилъ Аарона за миролюбiе и миротворчество его. Этой минутою воспользовался сатана и началъ подстрекать народъ противъ Моисея и Елеазара. Пошелъ ропотъ кругомъ. Одни говорили: „Это Моисей убилъ Аарона изъ зависти“. Другiе: „Убилъ его Елеазаръ, дабы поскорѣе унаслѣдовать санъ первосвященника“. Третьи допускали возможность и естественной кончины его. Когда-же приблизились Моисей и Елеазаръ, всѣ окружили ихъ и стали допрашивать:

— Куда дѣвался Ааронъ?

— Господь принялъ его для жизни вѣчной, — отвѣчалъ Моисей.

— Мы не вѣримъ тебѣ!—закричалъ народъ,—онъ, быть можетъ, обидное слово сказалъ тебѣ, и ты приговорилъ его къ смерти.

Съ камнями въ поднятыхъ рукахъ сталъ наступать народъ на Моисея и Елеазара, угрожая тутъ-же покончить съ ними, И вдругъ—открылась пещера; ангелы подняли гробъ съ тѣломъ Аарона и вознесли его высоко надъ землею. Медленно плылъ гробъ въ лазурной вышинѣ, и пѣніе ангельское раздавалось вокругъ него:

„Онъ отходитъ къ миру, — пѣли ангелы, — да будетъ покоиться на ложѣ своемъ".

„И оплакивалъ смерть Аарона тридцать дней весь народъ Израилевъ".

Плакали мущины, плакали женщины. Въ то время какъ Моисей былъ неумолимъ въ отношеніи малѣйшаго закононарушенія, Ааронъ кротостъю своей очаровывалъ каждаго. Никто отъ него не слыхалъ: „Ты—грѣшникъ", или „ты—грѣшница!" Встрѣтится онъ съ человѣкомъ злымъ, преступнымъ, онъ первый обратится къ нему съ привѣтствіемъ и слово ласковое скажетъ. Придетъ тому на умъ дурное дѣло совершить, вспомнитъ онъ объ Ааронѣ и подумаетъ: „Горѣ мнѣ! Какже я послѣ этого въ лицо ему взгляну?" Или—узнаетъ Ааронъ о распрѣ между двумя людьми. Придетъ онъ къ одному и говоритъ: „Вотъ, ты въ злобѣ на товарища своего, а послушалъ-бы, что онъ втайнѣ говоритъ про тебя: „Сердце мое, — говоритъ, — сжимается отъ боли. Я глубоко раскаиваюсь и готовъ волосы на себѣ рвать отъ отчаянія, что не смѣю въ глаза взглянуть товарищу моему, передъ которымъ я одинъ во всемъ виноватъ". И не уйдетъ, покуда не увидитъ, что не осталось болѣе ни капли злобы въ душѣ этого человѣка. Отъ него пойдетъ Ааронъ къ другому съ тѣми-же увѣщательными и ласковыми словами. Встрѣтятся эти люди и кинутся въ объятія другъ къ другу. Вотъ почему смерть Аарона вызвала глубокую скорбь во всемъ народѣ. (*Ialк.*; *Сифр.-З.*; *Аб. д. Нат.*, *12*).

XVIII. Потокъ Арнонъ.

„Наполняйся, водоемъ! Пойте ему!"

У потока Арнонъ произошло столкновеніе израильтянъ съ Сигономъ, царемъ Есевонскимъ [1]).

---

[1]) Къ этому царю Моисей отправилъ пословъ изъ пустыни Кедемоѳъ, чтобы сказать ему: „Позволь пройти мнѣ землею твоею. Я пройду дорогою, не сойду ни на-право ни на-лѣво. Пищу продавай мнѣ за серебро и воду для питья давай мнѣ за серебро, доколѣ не перейду за Іорданъ". Но Сигонъ не позволилъ израильтянамъ пройти черезъ свою землю.

Потокъ этотъ протекалъ между двумя косогорами, настолько близкими другъ къ другу, что, стоя на вершинѣ одной горы человѣкъ могъ легко переговариваться съ другимъ человѣкомъ, стоящимъ на противоположной возвышенности. Дорога шла спускаясь къ потоку и снова поднимаясь въ гору. Израильтяне обыкновенно выбирали путь поближе къ мѣстамъ, орошеннымъ водою.

Косогоръ съ одного берега былъ изрытъ множествомъ пещеръ, противоположный-же представлялъ рядъ скалистыхъ выступовъ, по формѣ своей напоминавшихъ женскія груди.

Въ этомъ-то мѣстѣ Сигонъ сосредоточилъ несмѣтныя боевыя силы свои. Часть ихъ расположилась у потока, чтобы преградить путь израильтянамъ, остальные засѣли въ пещерахъ, дабы сверху ударить на нихъ - же. Но израильтянамъ не пришлось спускаться внизъ, къ потоку: по мановенію перста Господняго, оба косогора надъ потокомъ сдвинулись тѣсно одинъ къ другому, уступы одного вошли въ пещерныя отверстія другого — и всѣхъ находившихся тамъ аморреянъ раздавило на смерть. Вершины-же косогоровъ слились такъ плотно, что невозможно было различить прежней разобщавшей ихъ линіи.

Въ тоже время чудесный колодезь Израиля спустился къ потоку и, ополоводившись еще болѣе прежняго, затопилъ послѣдніе остатки аморрейскихъ богатырей, подобно тому, какъ воды Чермнаго моря затопили египтянъ.

Израильтяне проходили вершиною соединившихся косогоровъ, не видя и не зная всего совершившагося. Но, по волѣ Всевышняго, воды колодца проникли и въ пещеры и начали вымывать оттуда несмѣтное множество головъ, рукъ, ногъ растерзанныхъ аморреянъ. Израильтяне стали оглядываться, не находя колодца на обычномъ его мѣстѣ и, наконецъ, увидѣли его вдали, гдѣ кончались косогорья и открывалось теченіе Арнона. Колодезь свѣтился мягкимъ луннымъ блескомъ, а воды его продолжали выносить изъ пещеръ тѣла погибшихъ воиновъ. Стоя у потоковъ, израильтяне воспѣли гимнъ колодцу:

„Наполняйся, водоемъ!
Славы пѣснь колодцу пойти!
Водоемъ князья копали,
И народные вожди
Съ начертателемъ Закона
Вырыли его жезлами...
Наполняйся, водоемъ!“ *(Танх.-Гак.)*.

XIX. Огъ, царь Васанскій.

При приближеніи къ границамъ Едреи, Моисей объявилъ народу:

— „Здѣсь остановимся на ночлегъ, а завтра поутру пойдемъ на приступъ и возьмемъ Едрею“.

На разсвѣтѣ, когда глазъ едва еще различалъ окружающее, Моисей, вглядываясь въ даль, увидѣлъ какую-то гигантскую массу, возвышавшуюся надъ вершиною городской стѣны.—„Что это?—подумалъ Моисей,—не сдѣлали-ли за ночь новую надстройку? Но эта гигантская масса—былъ самъ царь Вассанскій, Огъ. Великанъ сидѣлъ на стѣнѣ, и ноги его достигали до земли.

— „Не бойся его“,—сказалъ Господь Моисею.

Огъ, сидя на стѣнѣ, размышлялъ такъ:

— „Весь станъ Израилевъ сколько занимаетъ? Всего три парса. Пойду, выломаю скалу протяженіемъ въ три парса, обрушу ее на израильтянъ и убью всѣхъ до единаго“.

Выломалъ Огъ скалу длиною въ три парса и понесъ, положивъ ее себѣ на голову. Явился ангелъ Господень и просверлилъ въ скалѣ отверстіе какъ разъ надъ головою Ога. Опустилась скала Огу на плечи. Сталъ онъ дѣлать усилія, чтобы освободиться отъ скалы, но тутъ передніе зубы его начали вытягиваться, удлиняться на подобіе слоновыхъ клыковъ, вонзились въ скалу, и Огу такъ и не удалось освободиться отъ скалы.

Моисей былъ ростомъ десять локтей. Взялъ онъ топоръ длиною въ десять локтей и, подпрыгнувъ настолько-же локтей, подрубилъ Огу лодыжки и умертвилъ его.

(Бер., 54; Нида, 24).

XX. Валаамъ.

Въ виду приближенія израильтянъ, моавитяне пошли держать совѣтъ со старѣйшинами мидіанскими.

— „Вождь израильскій,—разсуждали они,—пробылъ долго въ Мидіанѣ; отъ туземныхъ старожиловъ мы и узнаемъ, каковы особенности этого человѣка.

— Неотразимая сила слова, — отвѣчали мидіанскіе старѣйшины, — вотъ что составляетъ главную особенность этого человѣка.

— Тогда и мы,—рѣшили моавитяне,—выставимъ противъ него человѣка, обладающаго такимъ-же даромъ.

Мидіане вели постоянныя распри съ моавитянами, и вражда между ними была исконная. Но теперь, въ виду общей опасности, они заключили союзъ между собою.

Такъ грызутся двѣ собаки, пока волка по близости не замѣтятъ.

Мидіанъ и Моавъ,—это что говорится: хорекъ да кошка надъ однимъ саломъ пиръ устроили.

„И сказалъ Господь Валааму: „Не ходи съ ними“.

— Такъ я отсюда прокляну израильтянъ, — сказалъ Валаамъ.

— „Не проклинай народа“.

— Такъ я благословлю его.

— „Онъ въ твоемъ благословенiи не нуждается, ибо онъ уже благословенъ“.

Какъ пчелѣ говорятъ: „Ни твоего меда, ни жала твоего“.

— „Съ вершины скалъ я вижу его“.

Этотъ стихъ указываетъ на всю глубину ненависти Валаама къ Израилю; даже изъ его благословенiя узнаешь затаенныя мысли его. Чтобы уничтожить дерево, человѣкъ опытный не станетъ обрубать вѣтви его, вѣтку за вѣткой, а разгребетъ землю, обнажитъ корни и срубитъ дерево вмѣстѣ съ корнями. Такъ и Валаамъ: стоя на вершинѣ скалы, онъ говорилъ:

— Не дѣло это будетъ—проклинать каждое колѣно въ отдѣльности: до корня ихъ, до самаго основанiя доберусь и срублю дерево ненавистнаго мнѣ народа.

Попытался—и не по силамъ это оказалось для него. И наитяжелую каменную глыбу сдвинуть можно, если она поверхъ земли лежитъ. Народъ-же этотъ подобенъ скалѣ, основанiемъ своимъ укрѣпившейся въ бездонныхъ нѣдрахъ земли.

(Бам.-Р., 20; Танх. Гак.; Танх.).

XXI. Дочери Селафаада.

Пять дочерей Селафаада, изъ колѣна Манасiина, отецъ которыхъ умеръ, предстали предъ Моисеемъ, Елеазаромъ, князьями и всѣмъ обществомъ и сказали:

— Дай намъ удѣлъ среди братьевъ отца нашего.

Моисей представилъ дѣло ихъ Господу. Господь-же сказалъ Моисею:

— Дочери Селафаадовы правы; дай имъ наслѣдственный удѣлъ среди братьевъ отца ихъ и отдай имъ также удѣлъ ихъ умершаго отца.

— Да,—говорили дочери Селафаада,—Божiе милосердiе не то, что милосердiе человѣческое: Богъ не дѣлаетъ разницы между мужчиной и женщиной.

Въ этомъ случаѣ,—говорилъ раби Натанъ,—сказалось превосходство женщинъ надъ мужчинами, въ смыслѣ цѣльности и силы характера: мущины, при первомъ испытанiи, готовы были возвратиться къ неволѣ египетской; женщины-же стремились закрѣпить за собою удѣлъ въ собственной, свободной странѣ.

(Сифра; Iалк.).

XXII. Война съ Мидіаномъ.

Господь сказалъ Моисею:

— Отмсти мидіанитянамъ за сыновъ израилевыхъ, и послѣ отойдешь къ народу своему [1]).

Моисей повелѣлъ воинамъ вооружиться и выступить противъ мадіанитянъ подъ предводительствомъ Финеаса, внука Аарона, самъ-же въ этой войнѣ не участвовалъ. „Мидіанъ — сказалъ Моисей, — былъ моимъ убѣжищемъ, и недостойно меня принимать личное участіе въ его пораженіи".

Поговорка гласитъ: „не бросай камня въ колодезь, изъ котораго ты пилъ воду".

Произнесши благословеніе свое надъ Израилемъ, Валаамъ не преминулъ, однако, дать Валаку такой совѣтъ:

— Богъ израильтянъ ненавидитъ блудъ. Блудомъ ты и постарайся обольстить ихъ.

Сдѣлалъ это Валакъ такимъ образомъ:

Зная, что израильтяне любятъ всякія сласти, онъ велѣлъ понастроить навѣсы для торговли сластями, а продавщицами посадить блудницъ. Когда израильтяне разбрелись по улицамъ и базарамъ, блудницы стали предлагать имъ сласти и вина аммонитскаго. Вино-же аммонитское производитъ возбуждающее дѣйствіе. Выпивъ вина, израильтянинъ начиналъ приставать къ блудницѣ, прося ласкъ ея. Тогда женщина, вынувъ спрятанный у нея на груди идолъ, говорила:

— Поклонись богу моему—и я подарю тебѣ ласки мои.

— Но вѣдь я—израильтянинъ—возражалъ онъ ей.

— Что за важность!—отвѣчала она,—ты только обнажись передъ изображеніемъ этимъ.

Не знали израильтяне, что въ этомъ именно и заключается обрядъ поклоненія идолу Ваалъ-Пэору. И не отставала блудница, пока не доводила израильтянина до нарушенія Завѣта Моисеева, о чемъ и гласитъ Писаніе:

„Пошли израильтяне къ Ваалъ-Пэору и предались постыдному, и сами стали мерзкими какъ тѣ, которыхъ возлюбили".

Въ войнѣ съ мидіанитянами былъ убитъ израильтянами и Валаамъ, въ то время, когда онъ пошелъ къ Валаку потребовать вознагражденія за двадцать четыре тысячи израильтянъ, павшихъ благодаря его совѣту Валаку.

Оправдалась поговорка: „пошелъ верблюдъ роговъ просить, ему и уши отрѣзали". *(Сифра; Бам.-Р., 22; Санг., 106).*

---

[1]) „Отойти къ народу своему"—умереть.

XXIII. Одежда и продовольствіе.

— Уходя изъ Египта, взялъ-ли народъ съ собою ткани для одежды?—спросилъ раби Елеазаръ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ раби Симеонъ.

— Во что-же они одѣвались впродолженіи сорока лѣтъ въ пустынѣ?

Одежда доставлялась для нихъ духами небесными.

— И хорошо носилась одежда эта?

— А ты не читалъ развѣ, что написано? — „Одежда твоя не ветшала на тебѣ вотъ уже сорокъ лѣтъ“.

— Но вѣдь люди растутъ, и дѣти становились взрослыми?

— Съ дѣтьми происходило то, что съ улиткою происходитъ: вмѣстѣ съ нею растетъ и ея раковина.

— И одежда эта не требовала частаго мытья и чистки?

— Отъ соприкосновенія съ чудеснымъ Облакомъ одежда очищалась, получала первоначальный видъ свой и становилась свѣжей и блестящей.

— И огненное Облако не сжигало ее?

— Ткань этой одежды обладала свойствами азбеста.

— И паразиты не заводились въ ней?

— Людей того поколѣнія и въ могилѣ червь не трогалъ, а тѣмъ болѣе—при жизни.

— Но все-таки—испаренія кожи...

— Водою чудеснаго колодца вымывало различныя пряные травы и коренья, которые израильтяне разстилали и катались по нимъ, какъ по луговой травѣ. Благоуханіе отъ этихъ злаковъ было удивительное по пріятности и силѣ своей.

Ведомый такъ благодатной десницей Всемилосерднаго, живя въ довольствѣ и побѣждая на полѣ брани, народъ воспѣвалъ хвалу Господу:

„Господь—мой Пастырь, и ни въ чемъ
Нужды не знаю я.
Среди душистыхъ луговинъ
Покоитъ Онъ меня;
Приводитъ къ лону тихихъ водъ
И крѣпость Онъ даетъ
Душѣ моей, ведя меня
По праведнымъ стезямъ.
Долиной смертной тѣни я
Пройду—не устрашусь.
Твой жезлъ и посохъ Твой даютъ
Покой душѣ моей“.

(Шох.-Т., 23; Пес. д. К., 10).

XXIV. Въ концѣ сорокалѣтняго странствованія.

Ежегодно въ канунъ девятаго Аба, во все время пребыванія народа въ пустынѣ, Моисей объявлялъ по всему стану Израилеву:

— „Выходите копать могилы! Выходите копать могилы!“

Каждый израильтянинъ, выкопавъ себѣ могилу, ложился въ нее на-ночь. По утрамъ выходилъ глашатай, провозглашавшій:

— „Живые, отдѣлитесь отъ мертвыхъ!“

Въ живыхъ оказалось каждый разъ меньше на пятнадцать тысячъ человѣкъ. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока умершихъ не насчитывалось шестьсотъ тысячъ душъ [1]). Въ послѣдній, сороковой годъ, изъ могилъ встали всѣ до единаго.— „Не произошла-ли ошибка въ счетѣ дней?“—подумали они и легли въ могилы также и на слѣдующую ночь, но и на этотъ разъ ни одного мертваго не оказалось, тѣмъ не менѣе, они повторили тоже самое и въ ночь на одинадцатое, и такъ еженощно, до пятнадцатаго Аба. Когда-же и на утро послѣдняго дня встали всѣ живыми, народъ понялъ, что эта тяжелая кара Господня прекратилась на всегда, и этотъ день сдѣлали праздникомъ.

Этимъ объясняется сказанное мудрецами нашими: „Не было у израильтянъ высшихъ праздниковъ, чѣмъ пятнадцатое Аба и Іомъ-Кипуръ. *(Іеруш. Таан. Шох.-Т.)*.

Сорокъ лѣтъ водилъ Господь израильтянъ по пустынѣ прежде чѣмъ ввести ихъ въ землю Ханаанскую; ибо сказалъ Господь:

„Если Я прямымъ путемъ приведу ихъ въ Ханаанъ, займется каждый изъ нихъ полемъ и виноградникомъ своимъ и совершенно забросятъ Ученіе Мое. Надо, чтобы сначала духъ Истины Господней глубоко внѣдрился въ душѣ ихъ“.

Сорокалѣтнее кочеваніе являлось необходимымъ еще по другой причинѣ. Провѣдавъ о томъ, куда именно направляются израильтяне, и полагая, что они пойдутъ кратчайшимъ путемъ, хананеяне поторопились собственными руками опустошить страну: сожгли посѣвъ, выкорчили деревья, вырубили насажденія, разрушили постройки и засорили источники. За сорокъ лѣтъ страна успѣла снова обстроиться и принять прежній цвѣтущій видъ свой, ставъ той Землей Обѣтованной, которую Господь обѣщалъ Аврааму отдать народу Израильскому. *(Танх.)*.

---

[1]) По преданію, эти 600 тысячъ составляли комплектъ израильтянъ, выведенныхъ Моисеемъ изъ Египта. Для заселенія Ханаана и образованія самостоятельнаго израильскаго государства эти египетскіе выходцы были наименѣе подходящимъ элементомъ.

„Когда придете въ землю, которую Господь Богъ даетъ вамъ, и *посадите* какое-либо плодовое дерево".———

Подобно курицѣ, которая, пока птенцы ея малы и слабы, подбираетъ ихъ подъ крыло свое, тѣломъ своимъ грѣетъ ихъ, роется въ землѣ, ища корма для нихъ,—Моисей несъ всѣ заботы о народѣ впродолженіи сорока лѣтъ пребыванія его въ пустынѣ: небесная манна, чудесный колодезь, прилетъ перепеловъ —все было готово для нихъ. Облака Славы Господней окружали ихъ; Столпъ Облачный путеводно шелъ впереди нихъ. Когда-же имъ пришло время поселиться въ землѣ своей, Моисей, въ предупрежденіе имъ, и сказалъ:

— Отнынѣ пусть каждый изъ васъ возьметъ полольникъ и *самъ* приготовитъ мѣсто для посѣвовъ и посадокъ.

(Ваик.-Р., 25).

XXV. Даръ ясновидѣнія.

„И не было болѣе у Израиля пророка такого, какъ Моисей". Всѣмъ прочимъ пророкамъ видѣнія являлись въ тѣневыхъ очертаніяхъ; передъ Моисеемъ-же видѣнія возникали въ свѣтящихся, отчетливыхъ образахъ. О первыхъ сказано: „Черезъ пророковъ проявляю Я *подобіе* Мое"; о Моисеѣ: „Явно, а не въ гаданіяхъ *образъ* Господа онъ видитъ".

Пятьдесятъ воротъ ведутъ въ сокровищницу Разума, и всѣ, за исключеніемъ однихъ, стали доступными для Моисея на Синаѣ, — какъ сказано: „Немногимъ Ты умалилъ его передъ Всевѣдущимъ".

„И возьму отъ Духа, который на тебѣ, и возложу на нихъ" (на старѣйшинъ).

Ошибочно было-бы думать, что отъ этого пророческій даръ Моисея сколько нибудь умалился. Моисей въ то время былъ подобенъ свѣтильнику, отъ котораго зажигаютъ другіе свѣтильники и свѣтъ котораго отъ этого нисколько не уменьшается.

(Іеб., 49; Нед., 38; Танх.-Гак.).

XXVI. Елдадъ и Медадъ.

„Двое изъ мужей оставались въ станѣ".

Существуетъ такое объясненіе:

Когда Господь сказалъ Моисею: „Собери Мнѣ семьдесятъ мужей изъ старѣйшинъ Израилевыхъ", сталъ Моисей размышлять: „Какъ сдѣлать это? Выберу отъ каждаго колѣна по шести человѣкъ, окажется двое лишнихъ; выберу по пяти отъ колѣна, не будетъ доставать десяти; выбрать отъ однихъ колѣнъ по

шести и отъ другихъ по пяти, я поселю зависть между тѣми и другими колѣнами". Что-же Моисей сдѣлалъ? Выбралъ отъ каждаго колѣна по шести человѣкъ, взялъ семьдесятъ двѣ записки, на семидесяти написалъ слово „старѣйшина", а двѣ оставилъ пустыми. Смѣшавъ вмѣстѣ всѣ семьдесятъ двѣ записки, положилъ ихъ въ урну и сказалъ: „Подходите и вынимайте жребіи". Тому, кто вынулъ записку съ надписью „старѣйшина", Моисей говорилъ: „Небо давно освятило тебя"; тому-же, кѣмъ вынута была пустая записка, говорилъ: „Господь не пожелалъ тебя, что-же я могу сдѣлать для тебя?"

Раби Симеонъ говорилъ:

„Оставались въ станѣ" означаетъ: не выходили изъ шатровъ своихъ. Когда Господь повелѣлъ Моисею выбрать семьдесятъ человѣкъ въ старѣйшины, Елдадъ и Медадъ сказали: „Недостойны мы такого почета". Тогда сказалъ Господь: „За то, что вы сами умалили достоинство свое, я прибавлю славы славѣ вашей". Сказалось-же это въ томъ, что прочіе пророки временно только проявили даръ свой, а Елдадъ и Медадъ не переставали пророчествовать. Они-же и прорицали: „Моисей умретъ, а израильтянъ въ Обѣтованную Землю введетъ Іегошуа".

(Санг., 17).

XXVII. Моисей и Іегошуа.

„Да поставитъ Господь, Богъ духовъ для всякой плоти, человѣка надъ обществомъ этимъ".

Сознавая, что сыновья его не достойны стать послѣ него вождями народными, облачился Учитель нашъ Моисей и сталъ съ молитвой на устахъ передъ Господомъ:

— Владыка міра!—взывалъ Моисей,—повѣдай мнѣ, кому народомъ предводительствовать? Да поставитъ Господь, Богъ духовъ, такого вождя, который могъ-бы управлять „всякой плотью", ибо, Владыка, Тебѣ вѣдомо, какъ различно направленіе мыслей каждаго изъ нихъ, и я, передъ вѣчной разлукой съ ними, молю Тебя, если угодно Тебѣ поставить надъ ними вождя, поставь такого человѣка, который терпѣливо руководилъ-бы ими, сообразуясь съ особенностями каждаго изъ нихъ.

И Господь сказалъ Моисею: „Возьми себѣ Іегошую, сына Навина".

Посвящая Іегошую въ вожди надъ народомъ, Моисей говорилъ ему:

— Поручая тебѣ народъ этотъ, я ввѣряю тебѣ не козлицъ, но козлятъ, не овецъ, но агнцевъ. „Иди по слѣдамъ стадъ и паси козлятъ твоихъ подлѣ шатровъ пастушескихъ".

(*Танх.-Гак.*; *Аб. д. Нат.*, *17*).

„И дай ему отъ славы твоей",—*отъ* славы, но не всю славу. Старики того поколѣнія говаривали: „Ликъ Моисея подобенъ солнцу; ликъ Iегошуи—что ликъ луны. Горе и стыдъ намъ, что мы дожили до этого!"... *(Б.-Б., 75)*.

XXVIII. Кончина Моисея.

„И сказалъ Господь Моисею: вотъ, приблизились дни твои къ смерти".

Про это и гласитъ сказанное: „Хотя-бы и возросло до небесъ величіе его, и голова его касалась облаковъ—погибнетъ и онъ, и видѣвшіе его будутъ говорить: гдѣ онъ?"

О чемъ говорится въ этомъ стихѣ, если не о смертномъ часѣ? Даже имѣй человѣкъ крылья и летай подобно птицѣ въ небѣ, придетъ смертный часъ, сломаются крылья, и онъ упадетъ на землю.

„Хотя-бы возросло до небесъ величіе его". Моисеемъ это достигнуто было: онъ всходилъ на небо, облака попиралъ ногами, Ангеламъ Служенія уподоблялся, съ Господомъ говорилъ лицомъ къ лицу и Тору изъ рукъ Господнихъ воспріялъ, а пробилъ часъ его, Господь сказалъ ему: „Приблизились дни твои къ смерти!"...

Видя, что приговоръ надъ нимъ скрѣпленъ печатью Всевышняго, очертилъ вокругъ себя Моисей тѣсный кругъ и, стоя въ серединѣ его, воззвалъ къ Господу, говоря:

— Владыка міра! Я не тронусь отсюда, пока ты не отмѣнишь приговора Твоего!

Возложилъ на себя Моисей вретище и облекся во вретище, въ пеплѣ вывалянное, и дотолѣ возносилъ моленія и мольбы свои къ Господу, пока небо и земля, и весь строй мірозданія не пошатнулись при мысли: „не пришло-ли Господу желаніе міръ заново перестроить?

— Нѣтъ,—прозвучалъ Гласъ Небесный,—еще не явилось желаніе у Всевышняго міръ перестроить, но—„въ Его рукѣ душа всего живущаго" [1]).

Что въ этотъ часъ сдѣлалъ Господь? Провозгласилъ у каждыхъ воротъ каждаго изъ семи небесъ, чтобы не воспріяли молитвы Моисея и не возносили ее предъ Нимъ, потому что приговоръ надъ Моисеемъ уже скрѣпленъ Печатью Всевышняго. — Когда-же голосъ молитвы Моисеевой усилился и сталъ достигать все большей высоты, призвалъ Господь Ангеловъ Служенія и сказалъ: „Наискорѣй сойдите и замкните всѣ Врата Небесныя". Ибо, молитва Моисея подобна была мечу, который рубитъ и разсѣкаетъ безъ удержу.

---

[1]) Т. е.—дѣло идетъ о кончинѣ *одного* человѣка.

Въ это время Моисей взывалъ къ Господу:

— Владыка вселенной! Передъ Тобою открыто и Тебѣ вѣдомо, сколько труда я положилъ и сколько скорби я испыталъ, чтобъ народъ израильскій увѣровалъ въ святое имя Твое; сколько скорби я принялъ, пока не установилъ среди нихъ Законы и Повелѣнія Твои. Я говорилъ себѣ: также, какъ я въ несчастіи видѣлъ ихъ, я и въ счастіи ихъ увижу. Теперь-же, когда счастье народа близко, Ты говоришь мнѣ: „Ты черезъ Іорданъ не пройдешь". Вѣдь свою-же Тору ты неправдивою дѣлаешь. Въ Торѣ сказано: „Въ тотъ-же день отдай плату его" (наемнику). Это-ли плата моя за сорокалѣтнюю работу, совершенную мною, чтобы сдѣлать израильтянъ народомъ святымъ и вѣрнымъ Тебѣ?

— Таковъ приговоръ Мой!—отвѣтилъ Господь.

— Господи!—взмолился Моисей,—если Ты рѣшилъ не вводить меня въ Землю Израильскую, оставь меня жить подобно полевымъ звѣрямъ, которые питаются травою, пьютъ воду и взираютъ на міръ Божій,—какъ любой изъ нихъ пусть живетъ душа моя.

— „Довольно!"—сказалъ Господь.

— Господи! — продолжалъ Моисей, — если и этого не желаешь Ты, дай мнѣ жить подобно птицѣ, летающей въ воздухѣ по всѣмъ четыремъ сторонамъ свѣта, каждодневно подбирая пищу свою, а вечеромъ возвращаясь въ гнѣздо свое. Подобно птицѣ любой пусть живетъ душа моя.

— „Довольно!"—отвѣтилъ Господь.

— Господи—продолжалъ Моисей,—если живой я не войду въ Обѣтованную Страну, да буду я внесенъ туда мертвымъ, также, какъ будутъ внесены кости Іосифа туда.

Отвѣчалъ Господь:

— Моисей! Когда Іосифъ пришелъ въ Египетъ, онъ не выдавалъ себя за иноплеменника, но заявилъ, что онъ израильтянинъ; ты-же, придя въ Мидіанъ, скрылъ, что ты израильтянинъ.

Всплыли солнце и мѣсяцъ съ неба въ Зебулъ [1]) и сказали:

— Владыка! Если Ты судъ праведный совершишь надъ бенъ-Амрамомъ, мы далѣе будемъ свѣтить; если-же нѣтъ, мы свѣтить не будемъ.

Метнулъ въ нихъ Господь стрѣлами и копьями, говоря:

— Изо дня въ день язычники поклоняются вамъ—и вы продолжаете свѣтить; Моего достоинства вы не отстаиваете, а за достоинство смертнаго заступаетесь!

Видя, что не внимаютъ ему, обратился Моисей къ Небу и Землѣ:

— Вымолите милость для меня!

Отвѣчали Небо и Земля:

---

[1]) *Третье* небо. Объ этомъ см. впереди, въ соотвѣтствующемъ отдѣлѣ

— Чѣмъ молить о милости для тебя, лучше будемъ молить о милости для насъ самихъ, про которыхъ сказано: „Небеса истреплются, какъ дымъ, и земля обветшаетъ, какъ одежда“.

Обратился Моисей къ Солнцу и Лунѣ:

— Вымолите милость для меня!

Отвѣчали Солнце и Луна:

— Чѣмъ молить о милости для тебя, лучше будемъ молить о милости для насъ самихъ. Ибо сказано: „И поблѣднѣетъ луна, и устыдится солнце“.

Сталъ Моисей Звѣзды и Планеты просить:

— Вымолите милость для меня!

Отвѣчали Звѣзды и Планеты:

— Чѣмъ молить о милости для тебя, лучше будемъ молить о милости для насъ самихъ. Ибо сказано: „И истлѣетъ все воинство небесное“.

Къ Горамъ и Холмамъ обратился Моисей:

— Вымолите милость для меня!

Отвѣчали Горы и Холмы:

— Чѣмъ молить о милости для тебя, лучше будемъ молить о милости для насъ самихъ. Ибо сказано: „И горы сдвинутся, и холмы падутъ“.

Пришелъ Моисей къ Морю и просить сталъ:

— Вымоли ты милость для меня!

— Бенъ-Амрамъ,—отвѣчало Море,—какъ не похожъ день нынѣшній на минувшіе дни! Вѣдь это ты, тотъ самый бенъ-Амрамъ, который подошелъ, ударилъ посохомъ по мнѣ—и разступились воды на двѣнадцать путей, и не могъ я противостать тебѣ изъ-за Шехины, шествовавшей одесную тебя. А нынѣ — что приключилось съ тобою?

Напомнило Море Моисею о прошлыхъ подвигахъ его, и воскликнулъ Моисей:

— О, если-бы я былъ теперь, какъ въ далекіе времена мои! Въ то время, Море, когда я стоялъ надъ тобою, я былъ царемъ въ мірѣ, теперь я простертъ во прахѣ—и не взираютъ на меня!

Къ Духу Лика Святого [1]) обратился Моисей:

— Испроси милость для меня, чтобы не умеръ я!

— Моисей, учитель мой!—отвѣчалъ Духъ Лика Святого,— къ чему усилія эти? Изъ-за Завѣсы слышалъ я, что въ этомъ дѣлѣ не будетъ услышана молитва твоя.

Сомкнулъ руки свои Моисей надъ головой своей и рыдалъ онъ, и вопилъ:

— Къ кому-же, къ кому пойду я о милости молить?

Великимъ гнѣвомъ преисполнился Предвѣчный, пока не раздалось изъ устъ Моисея:

---

[1]) Архангелъ Мататронъ, бодрствующій передъ Ликомъ Предвѣчнаго.

— „Господь, Господь, Богъ милосердный и многомилостивый [1])!"

Тотчасъ-же отошелъ гнѣвъ Святого Духа. И сказалъ Господь Моисею:

— Моисей! Двѣ клятвы произнесены Мною: одна—истребить народъ съ лица земли,—когда „дѣло оно" [2]) было имъ совершено; другая клятва—что ты умрешь, не войдя въ Обѣтованную землю. Первую клятву Я отмѣнилъ, внявъ мольбѣ твоей: „Прости!" Нынѣ ты вновь желаешь, чтобы Свое Я отмѣнилъ, а твое исполнилъ: „Дай мнѣ перейти,—просишь ты,—и увидѣть ту землю". Двухъ крайностей ты требуешь. Нѣтъ, одно изъ двухъ: желаешь ты, чтобъ Я вторую просьбу твою исполнилъ, откажись отъ первой просьбы своей; а если ты настаиваешь на первой просьбѣ, откажись отъ второй".

Услыша это, Моисей воскликнулъ:

— Лучше пусть погибнетъ Моисей и тысячи ему подобныхъ, нежели поврежденъ былъ-бы одинъ хотя ноготь у единаго изъ народа!

И далѣе говорилъ Моисей:

— Владыка вселенной! Неужели стопамъ, которыя всходили на небо, лицу, которое воспріяло ликъ Шехины, и рукамъ, воспріявшимъ Тору изъ рукъ Твоихъ,—неужели имъ стать достояніемъ праха?

— Такъ замыслилъ *Я*, и таковъ міровой порядокъ: у каждаго поколѣнія свои наставники, свои представители, свои вожди. Донынѣ служить предо Мною было твоимъ удѣломъ, отнынѣ это удѣлъ ученика твоего Іегошуи.

— Господи!—сказалъ Моисей,—если я для того долженъ умереть, чтобы Іегошуа замѣнилъ меня, то я пойду и сдѣлаюсь ученикомъ его.

— Если ты желаешь этого, — отвѣтилъ Господь, — иди и сдѣлай такъ.

Всталъ Моисей и раннимъ утромъ пошелъ къ шатру Іегошуи. Іегошуа сидѣлъ, разъясняя законы, а Моисей, поникнувъ головой и сложивъ на груди руки, стоялъ передъ нимъ. Въ это время глаза Іегошуи смежились, и онъ не видѣлъ Моисея,—дабы, огорченный этимъ Моисей согласился принять кончину свою. Израильтяне-же, между тѣмъ, пришли, по обыкновенію, къ шатру Моисея, чтобы послушать поученія отъ него, и спрашивали: „Моисей, учитель нашъ, — гдѣ-же онъ?"—„Ушелъ,—отвѣчали имъ, — къ шатру Іегошуи". Пришли израильтяне къ шатру Іегошуи, видятъ—Іегошуа сидитъ, а Моисей стоитъ, и спрашиваютъ Іегошую: „Что это произошло съ тобою, что учитель нашъ Моисей, стоитъ, а ты сидишь?" Поднялъ глаза Іегошуа и, увидя, Моисея,

---

[1]) Слова, возглашенныя Господомъ при вторыхъ скрижаляхъ.

[2]) Поклоненіе тельцу.

разодралъ одежды свои и плача и вопя восклицать сталъ: „О, учитель, учитель! Отецъ, отецъ мой!“ Сталъ народъ просить Моисея: „Моисей! Учитель нашъ! Наставляй насъ въ Святой Торѣ!“—„Я на это не имѣю права“,—отвѣчалъ Моисей.—„Мы не отстанемъ отъ тебя!“—продолжалъ просить народъ. Тогда голосъ нагорный прозвучалъ:

— „Учитесь у Іегошуи!“

И тогда народъ подчинился, рѣшивъ принимать наставленія изъ устъ Іегошуи.

Первое мѣсто занялъ Іегошуа, Моисей сѣлъ по правую руку, а сыновья Аарона по лѣвую руку его. Въ это время массора Мудрости [1]) отнята была отъ Моисея и дана Іегошуѣ.

Отправились къ Скиніи Собранія. Моисей шелъ по лѣвую руку Іегошуи. Вошли въ Скинію. Спустился Столпъ Облачный и отдѣлилъ ихъ другъ отъ друга. Когда Столпъ удалился, подошелъ Моисей къ Іегошуѣ и спросилъ:

— Что говорилъ тебѣ Господь?

— А когда Господь открывался тебѣ, зналъ-ли я, что Онъ говорилъ тебѣ?...

— „О, лучше сто смертей,—воскликнулъ Моисей,—чѣмъ единое ощущеніе зависти!... Владыка міровъ! Донынѣ я молилъ о жизни, отнынѣ—отдаю Тебѣ душу мою!“

Видя Моисея готовымъ къ смерти, отверзъ Господь уста Свои, говоря:

— Кто-же отнынѣ встанетъ на защиту Израиля въ часъ гнѣва Моего? Кто охранитъ на полѣ брани дѣтей Моихъ? Кто станетъ испрашивать милосердія къ нимъ, когда они согрѣшатъ предо Мною?

Въ это время явился Мататронъ и, простершись передъ Господомъ, сказалъ:

— Властитель міра! Моисей при жизни былъ Твой и послѣ смерти Твой онъ.

Отвѣчалъ Господь притчей:

— „Былъ у царя сынъ, который что ни день доводилъ отца до готовности убить его; спасала сына отъ отцовскаго гнѣва мать его. Пришло время—мать умерла. Царь безутѣшно плакалъ.

— Государь нашъ, царь! Зачѣмъ ты такъ плачешь?—спрашивали царя слуги его.

Отвѣчалъ царь:

— Не только жену я оплакиваю; плачу о ней и плачу о сынѣ моемъ: многократъ я въ гнѣвѣ готовъ былъ убить его, и каждый разъ мать спасала его отъ руки моей.

— „Такъ и Я; не о Моисеѣ только плачу Я, оплакиваю

[1]) *Массорою* впослѣдствіи стало называться ученіе о произношеніи, правописаніи и систематикѣ книгъ Св. Писанія. „Массора Мудрости“—даръ проникновенія во внутреннее *строеніе* Разума, ключъ Мудрости.

его и плачу о народѣ израильскомъ: ибо, сколько разъ огорчалъ Меня народъ, вызывая гнѣвъ Мой, а Моисей заступался за него— и проходилъ гнѣвъ Мой".

Самаэль, глава злыхъ духовъ [1]), нетерпѣливо ждалъ смертнаго часа Моисея.

— Когда-же,—говорилъ онъ—придетъ, наконецъ, то мгновеніе, когда я сойду къ умирающему Моисею и приму душу его? Когда, наконецъ, плакать будетъ Михаилъ, а я хохотать буду?

Въ это время Господь говорилъ Гавріилу:

— Иди, принеси душу Моисея.

— Владыка міра,—отвѣчалъ Гавріилъ,—умираетъ тотъ, кто шести стамъ тысячъ равноцѣненъ былъ,—въ силахъ-ли я видѣть смерть его?

Сказалъ Господь Михаилу:

— Иди, принеси душу Моисея.

— Владыко міра,—отвѣчалъ Михаилъ,—я былъ наставникомъ Моисея, онъ ученикомъ моимъ былъ. Въ силахъ-ли я видѣть смерть его?

Сказалъ тогда Господь Самаэлю:

— Иди, принеси душу Моисея.

Одѣлся въ гнѣвъ, опоясался мечемъ, злобою облачился Самаэль и выступилъ противъ Моисея. Засталъ онъ его въ ту минуту, когда Моисей Шемъ-Гамфорашъ въ свитокъ вписывалъ; сіянье лица его было подобно сіянію солнца, и весь онъ ангелу Бога Воинствъ подобенъ былъ. Страхъ палъ на Самаэля, трепетъ обуялъ его, слова вымолвить не могъ онъ.

— Нечестивецъ!—закричалъ на него Моисей,—зачѣмъ ты явился сюда?

— Принять душу твою пришелъ я,—отвѣтилъ Самаэль.

— Кѣмъ посланъ ты?

— Тѣмъ, Кѣмъ сотворено все живущее.

— Иди прочь отсюда! Я желаю воспѣть хвалу Всесвятому.—

„Я не умру, но буду жить
И возвѣщать дѣла Господни!"

— Моисей!—сказалъ Самаэль, — къ чему гордыня твоя? Есть кому и безъ тебя восхвалять Его: „Небеса вѣщаютъ славу Господа".

— Я небеса молчать заставлю и буду пѣть славу Его:

„Внимайте, небеса, я буду говорить.
Земля да будетъ слушать рѣчь мою".

— Душа каждаго являющагося въ міръ обречена мнѣ.

— Во мнѣ силы больше, чѣмъ во всѣхъ въ мірѣ.

— Въ чемъ эта сила твоя?

---

[1]) Ангелъ смерти.

— Слушай,—отвѣчалъ Моисей: я — сынъ Амрама; трехъ лѣтъ отъ рожденіи я пророчествовалъ, возвѣщая, что мнѣ предопредѣлено изъ огня пламенѣющаго Тору пріять. Въ чертогъ царскій входилъ и съ головы царской корону снималъ.—Восьмидесятилѣтнимъ старцемъ я совершалъ въ Египтѣ знаменія и чудеса, шестьсотъ тысячъ народа передъ глазами всего Египта на волю вывелъ, море на двѣнадцать частей разсѣкъ, взошелъ и дорогу въ небесахъ проложилъ, въ браняхъ ангельскихъ участвовалъ, сонмища небесныя побѣждалъ и таинства ихъ передъ людьми разоблачалъ; съ Господомъ говорилъ лицомъ къ лицу, Законъ Огненный пріялъ изъ десницы Его и народъ Закону этому поучалъ; съ Сигономъ и Огомъ, двумя богатырями народовъ земныхъ, я въ бой вступалъ и посохомъ, который въ рукѣ моей, поразилъ ихъ; солнце и луну въ зенитѣ ихъ останавливалъ,—кто изъ живущихъ въ мірѣ подобное совершить можетъ? Уйди, бѣги прочь отъ меня! Не отдамъ я тебѣ души моей!

Возвратился съ отвѣтомъ Самаэль къ Силѣ Небесной.

— „Иди и принеси душу Моисея!“ — было вновь велѣніе Господне.

Извлекъ изъ ноженъ мечъ свой Самаэль и предсталъ передъ Моисеемъ.

Вознегодовалъ Моисей, сжалъ въ рукѣ божественно-чудный посохъ съ начертаннымъ на немъ Шемъ-Гамфорашъ и началъ изо всѣхъ силъ разить Самаэля. Самаэль бросился бѣжать. Вооруженный неотразимымъ Шемъ-Гамфорашъ, Моисей настигъ его и, сорвавъ съ чела своего лучъ, исходившій отъ междубровія его, ослѣпилъ князя смерти, Самаэля.

Раздался Гласъ небесный:

— Приблизился часъ, когда ты долженъ покинуть міръ земной.

— Владыка!—взмолился Моисей, — зачти мнѣ тотъ день, когда ты въ несгораемомъ кустѣ открылся мнѣ; зачти мнѣ то время, когда я сорокъ дней и сорокъ ночей стоялъ передъ Тобою на горѣ Синайской. Молю Тебя: не предавай меня въ руки Ангела Смерти!

— Не страшись,—прозвучалъ Небесный Голосъ,—Я Самъ буду при тебѣ, и совершу погребеніе твое.

— Повремени, Господи,—воззвалъ Моисей,—чтобы я могъ благословить народъ: я всю жизнь постоянными предостереженіями и нареканіями досаждалъ ему.

Началъ Моисей благословлять каждое колѣно отдѣльно, но, чувствуя, что времени осталось мало, далъ имъ одно общее благословеніе.

— Израильтяне!—сказалъ онъ, — много огорчалъ я васъ законами и постановленіями и нынѣ прошу—простите меня!

— Учитель и Господинъ нашъ,—отвѣчали израильтяне,— мы прощаемъ тебя.

Всталъ и народъ передъ Моисеемъ, говоря:

— Моисей, Учитель нашъ! Много тебя гнѣвили мы и много отягощали тебя. Прости насъ!

— Прощаю,—сказалъ Моисей.

Зазвучалъ небесный голосъ:

— „Минута кончины твоей приближается".

— Благословенно Имя Его, Живого и Сущаго во вѣки вѣковъ! — возгласилъ Моисей и, обращаясь къ народу, сказалъ:

— Прошу васъ, когда вы войдете въ Землю Обѣтованную, поминайте меня, поминайте кости мои, говорите: „Горе бенъ-Амраму! Горе тому, кто подобно коню мчался впереди насъ, а кости его остались лежать въ пустынѣ!"

Зазвучалъ Небесный Голосъ:

— „Полминуты осталось до кончины твоей".

Сложилъ Моисей руки свои на груди и сказалъ народу:

— Глядите, вотъ конецъ созданнаго изъ плоти и крови!...

Всталъ Моисей, принялъ освященіе подобно серафимамъ,— и сошелъ Господь съ Вышнихъ Высотъ, чтобы принять душу его, и три Ангела Служенія шествовали съ Господомъ: Михаилъ, Гавріилъ и Сагсегель. Михаилъ постлалъ ложе Моисею, Гавріилъ разостлалъ ризу висонную въ изголовьи, Сагсегель— въ ногахъ. Михаилъ всталъ съ одной стороны ложа, Гавріилъ— съ другой стороны.

— „Моисей!—раздался голосъ Господа,—закрой глаза".

Моисей закрылъ глаза.

— „Сложи руки свои на груди".

Моисей сложилъ руки.

— „Выпрями ноги".

Моисей выпрямилъ ноги.

Тогда воззвалъ Господь къ душѣ Моисея,

— Дочь моя! Сто двадцать лѣтъ Мною было опредѣлено тебѣ жить въ тѣлѣ Моисея, нынѣ пришло тебѣ время выйти изъ него. Выходи, не медли!

— Владыка!—отвѣчала душа,—я знаю, что Ты Богъ всѣхъ духовъ и Властитель всѣхъ душъ; Ты меня сотворилъ, Ты вдунулъ меня въ тѣло Моисея на сто двадцать лѣтъ. Нынѣ-же — есть-ли во всемъ мірѣ тѣло чище Моисея? Я люблю его и я не желаю выйти изъ него.

— Выйди,—сказалъ Господь,—и Я вознесу тебя въ Вышнія Высоты и поселю тебя подъ сѣнью Престола Славы Моей, вблизи херувимовъ и серафимовъ...

Облобызалъ Господь Моисея—и лобзаніемъ принялъ душу его.

Возрыдалъ Духъ Святой, восклицая: „И не было болѣе во Израилѣ пророка такого, какъ Моисей!“

Плакали небеса и говорили: „Не стало благочестиваго на землѣ!“

Плакала земля и говорила: „Праведнѣйшаго изъ людей не стало!“

Ангелы Служенія плакали, говоря: „Правду Господню осуществилъ онъ“.

Плакалъ народъ и говорилъ: „Онъ судъ творилъ во Израилѣ“.

И всѣ вмѣстѣ возглашали: „Къ миру отходитъ онъ. Да упокоится на ложѣ своемъ“...

(*Деб.-Р.*, *7*, *11; Танх.; Танх.-Гак.; Іалк.; Нед.*, *39)*.

XXIX. Могила Моисея.

„И похоронилъ его въ долинѣ, въ землѣ Моавитской, противъ Бетъ-Пэора“.

Раби Берехія говорилъ:

— Указанія подробнѣйшія, и тѣмъ не менѣе — „никто не знаетъ мѣста погребенія его до настоящаго дня“.

Посылали когда-то изъ Рима къ гарнизону Бетъ-Пэорскому съ запросомъ: „укажите, гдѣ погребенъ Моисей?“ Но указать никто не могъ: стоятъ на горѣ—могила видна въ долинѣ; сойдутъ въ долину — могила видна на горѣ. Раздѣлятся на двѣ группы—и тѣмъ, которые на верху, кажется, что могила внизу, а тѣмъ, которые смотрятъ внизу, могила виднѣется на верху, въ исполненіе сказаннаго: „И никто не знаетъ мѣста погребенія его до настоящаго дня“.

Раби Хама бераби Ханина говорилъ:

— Ради чего скрыта могила Моисея отъ глазъ человѣческихъ? Того ради, что открыто и вѣдомо было Всеблагословенному, что Храмъ имѣетъ быть разрушенъ и народъ изгнанъ изъ земли своей; не пришли-бы тогда на могилу Моисея, плача и моля: „Моисей! Учитель нашъ! Встань, молись за насъ!“—и, вставъ изъ могилы, не вымолилъ-бы Моисей отмѣны рокового приговора: ибо, праведники угодны Господу послѣ смерти еще болѣе, нежели при жизни своей. *(Сот., 13—14)*.

Судьи. Цари. Пророки.

I. Избранная Земля.

„Онъ сталъ и измѣрилъ землю“.

Измѣрялъ Господь всѣ народы земли — и не нашелъ народа достойнаго воспріять Тору, кромѣ одного — „поколѣнія пустыни“.

Измѣрялъ Господь всѣ горы—и не нашелъ другой горы, чтобы на ней дать людямъ Законъ, кромѣ Синая.

Измѣрялъ Господь всѣ города—и не нашелъ города для построенія въ немъ Святого Храма, кромѣ Іерусалима.

Измѣрялъ Господь всѣ страны—и не нашелъ страны, достойной стать владѣніемъ Израиля, кромѣ земли Ханаанской.

(Ваик.-Р., 13).

II. Іегошуа Навинъ.

Когда народъ двинулся, чтобы переходить черезъ Іорданъ, „то, лишь только ноги священниковъ, несшихъ ковчегъ, погрузились въ воду Іордана, вода, текущая сверху, остановилась и стала стѣною“.

Вода собиралась кучевыми массами и сводообразно подымалась вверхъ, сводъ надъ сводомъ, достигая болѣе трехсотъ верстъ въ вышину, такъ что всѣ цари Востока и Запада могли наблюдать это. *(Сот., 34).*

„Согрѣшилъ Израиль“,—сказалъ Господь Навину,—„взяли изъ заклятаго и украли, и утаили“ [1]).

— Кто именно, Господи?—спросилъ Іегошуа.

— Развѣ Я—соглядатай? — отвѣчалъ Господь,—кинь жеребьи, и узнаешь.

Кинулъ Іегошуа жеребьи, и палъ жребій на Ахана.

— Уликою противъ меня ты считаешь жребій,—возражалъ Іегошуѣ Аханъ,—а вотъ, кинь жеребьи между собою и Елеазаромъ—священникомъ, и падетъ жребій на одного изъ васъ.

---

[1]) На войнѣ съ жителями Гая (кн. I. Навина, VII).

Началъ Іегошуа вглядываться въ двѣнадцатикаменіе на хошенѣ первосвященника и видитъ: камень колѣна Іудина потускнѣлъ (ибо таково было свойство хошена: когда колѣно дѣлаетъ угодное въ очахъ Господнихъ, камень этого колѣна горитъ яркимъ блескомъ, камень-же того колѣна, которое впало въ грѣхъ, становится тусклымъ).

Увидя это, Іегошуа сказалъ Ахану:

— Сынъ мой! Воздай славу Господу, Богу Израилеву, принеси передъ Нимъ покаяніе.

— Дѣйствительно, я согрѣшилъ!—отвѣтилъ тотчасъ Аханъ.

(Танх.).

„Стой, солнце, надъ Гаваономъ!"

Отвѣчало солнце Іегошуѣ:

— „Мнѣ говоришь ты стой? Въ обычаѣ-ли это, чтобы младшій приказывалъ старшему? Я сотворено было въ четвертый день, а ты въ шестой, и ты-же мнѣ говоришь „стой!"

— Рабъ лукавый!—воскликнулъ Іегошуа,—не невольнику-ли, за деньги купленному, подобно было ты для предка моего? [1]) Не такимъ-ли видѣлъ онъ тебя во снѣ своемъ: „Вотъ, солнце и луна, и одинадцать звѣздъ поклоняются мнѣ?"

Тотчасъ-же—„остановилось солнце, и луна стояла, доколѣ народъ мстилъ врагамъ своимъ" *(тамъ-же; Іалк.)*.

Іегошуей были отчеканены монеты, имѣвшія хожденіе повсюду. На этихъ монетахъ были изображенія: съ одной стороны—вола, съ другой—буйвола. *(Эр., 22; Бер.-Р., 39)*.

III. Іефѳай и его дочь.

Іефѳай былъ человѣкомъ невѣжественнымъ, „сучкомъ сикоморинымъ" [2]), и, благодаря этому, онъ дочь свою погубилъ.

Выступая войной противъ аммонитянъ, Іефѳай далъ обѣтъ Господу, сказавъ:

— Если Ты предашь аммонитянъ въ руки мои, то, по возвращеніи моемъ съ миромъ, *что* выйдетъ изъ воротъ дома моего на встрѣчу мнѣ, будетъ обреченъ Господу, и вознесу сіе на всесожженіе.

Тогда-же вознегодовалъ на него Господь, говоря:

— Вѣдь если на встрѣчу ему попадется собака, свинья или верблюдъ, онъ и ихъ въ жертву мнѣ принесетъ?

---

[1]) Для Іосифа.

[2]) Названіе, которое давалось человѣку дурного воспитанія и низкаго происхожденія. Іефѳай-же былъ сыномъ блудницы.

И суждено было его дочери выйти на встрѣчу ему.

Когда Іефѳай увидѣлъ ее, разодралъ онъ одежды свои и сказалъ:

— „Увы, дочь моя! Ты сразила меня!“—„я отверзъ о тебѣ клятвенно уста мои передъ Господомъ, и не могу отречься!“

Былъ вѣдь тамъ первосященникъ Финеасъ? [1]) Но Финеасъ говорилъ:

— Мнѣ-ли, первосвященнику, сыну первосвященника, унизиться до того, чтобы первому обратиться къ грубому невѣждѣ?

А Іефѳай говорилъ:

— Я — глава колѣнъ израилевыхъ, глава правителей — и мнѣ унизиться, чтобы первому обратиться къ какому-то жрецу?

Изъ-за спора этихъ двухъ человѣкъ и погибла несчастная. Оба они повинны были въ крови ея, и обоихъ постигла кара: отъ Финеаса Духъ Святой отступилъ, а останки Іефѳая были погребены по частямъ въ разныхъ мѣстахъ Галлаада [2]).

Когда Іефѳай вывелъ дочь свою для закланія, она воззвала къ нему, говоря:

— Отецъ! Отецъ! Есть-ли въ Торѣ такое повелѣніе, чтобы израильтяне приносили въ жертву дѣтей своихъ?

— Обѣтъ уже данъ мною, дочь моя!—былъ отвѣтъ.

— Но вѣдь и предокъ нашъ Іаковъ—продолжала она,—далъ обѣтъ: „Изъ всего, что Ты, Боже, даруешь мнѣ, я дамъ Тебѣ десятую часть“. Господь далъ ему двѣнадцать сыновей, а принесъ-ли онъ въ жертву хотя одного изъ нихъ?

Все это говорила Іефѳаю дочь его, но онъ не внялъ словамъ ея,—вывелъ и заклалъ ее передъ Господомъ.

И горестно воскликнулъ Духъ Святой:

— „Души живыя требовалъ-ли я въ жертвы Мнѣ? Чего Я не повелѣвалъ и не говорилъ, и что на мысль не приходило Мнѣ!“... *(Танх.-Гак.)*.

IV. Самсонъ.

„И началъ Духъ Господенъ вдохновлять его въ станѣ Дановомъ, между Цорою и Естаоломъ“.

Преданіе отъ равъ Асси:

— Цора и Естаолъ—двѣ высокія горы. Самсонъ сорвалъ ихъ съ основанія и растеръ ихъ въ прахъ одну о другую.

---

[1]) Который могъ-бы разрѣшить Іефѳая отъ обѣта.

[2]) По преданію, тѣло Іефѳая начало гангренизировать за долго до смерти, и отдѣльные члены его, по мѣрѣ ихъ отмиранія, предавались погребенію въ разныхъ мѣстахъ.

И воззвалъ Самсонъ къ Господу, и сказалъ;

— „Господи Боже! Вспомни меня и укрѣпи меня только на сей разъ, о, Боже!“

— Владыка міра!—говорилъ Самсонъ,—вспомни: двадцать два года я былъ судьей надъ Израилемъ и ни разу ни одному изъ нихъ не говорилъ: „Переставь трость мою съ одного мѣста на другое“... *(Сот., 9 и 10).*

V. Елкана и Анна.

Четыре раза въ годъ ходилъ Елкана паломникомъ въ Сило [1]: три раза согласно уставу, а четвертый разъ по обѣту. Совершалъ онъ паломничество вмѣстѣ съ женою, сыновьями, дочерьми, братьями, сестрами и всей родней своей. На ночлегъ останавливались на городскихъ площадяхъ. Всѣ окрестъ любопытствовали, спрашивая, „куда это идете вы?“

— Въ Домъ Господень, что въ Сило, — отвѣчали они,— откуда исходитъ Ученіе и Уставы Господни. А вамъ почему-бы не пойти туда? Пойдемъ вмѣстѣ съ нами.

Со слезами умиленія слушатели отвѣчали.

— Мы пойдемъ съ вами.

На первый разъ пошли съ Елканою пять семей; на слѣдующій годъ пошло ихъ десять, а еще черезъ годъ жители всего округа готовы были отправиться въ Сило.

Ходилъ Елкана въ Сило каждый годъ другими путями, увлекая за собою жителей то однихъ, то другихъ городовъ, пока паломничество въ Сило не сдѣлалось общимъ во всемъ народѣ израильскомъ.

И сказалъ Господь:

— Елкана! Ты добрымъ дѣламъ далъ перевѣсъ среди Израиля, воспитывалъ народъ въ Уставахъ Моихъ, и многіе, благодаря тебѣ, душу свою спасли. За это Я произведу отъ тебя сына, который воспособитъ умноженію дѣлъ благихъ среди Израиля, утвержденію народа въ Уставахъ Моихъ, и многіе спасутся черезъ него. *(Т. д. Ел.; Іалк.).*

У Елканы были двѣ жены: Анна и Феннина. У Феннины были дѣти, у Анны-же не было дѣтей.

И соперница Анны сильно огорчала ее, побуждая ее къ ропоту на то, что Господь заключилъ чрево ея. Постоянно Феннина обращалась къ ней съ такими вопросами:

— Купила-ли ты уже старшему сыну своему чалму, хитонъ, рубашку?

---

[1]) Мѣсто пребыванія Скиніи во времена священнослуженія пророка Элія

Вставая рано поутру, обращалась къ Аннѣ съ вопросомъ:

— Отчего ты, Анна, не встаешь, чтобъ умыть сыновей своихъ и проводить ихъ въ школу?

А въ шесть часовъ дня:

— Анна, отчего ты не идешъ встрѣчать сыновей своихъ, возвращающихся изъ школы?

Когда садились за столъ и Елкана удѣлялъ каждому изъ дѣтей его долю кушанья, Феннина говорила Елканѣ:

— Этому сыну моему ты далъ долю и этому сыну моему далъ, а *тому* [1]) не далъ! Почему?...

За то, что она вызывала въ душѣ Анны ропотъ на Господа, Всевышній сказалъ:

— Ты заставляешь ее роптать на Меня,—клянусь: послѣ грома [2]) бываетъ дождь—и Я вскорѣ посѣщу ее милостью Моей.

(Песик.).

„И дала Анна обѣтъ, говоря:

— Господь Саваоѳъ! Если Ты призришь на скорбь рабы Твоей—и дашь мнѣ сына. — — —“

Поученіе раби Елазара:

— Съ тѣхъ поръ какъ Господь міръ сотворилъ, не было человѣка, который называлъ-бы Господа именемъ Саваоѳъ, доколѣ не явилась Анна и первая произнесла имя Саваоѳъ. Подобно нищему у царскаго пира, который говоритъ: „Государь! Изъ всего, что наготовлено для пира твоего, пожалѣешъ-ли ты одного ломтя хлѣба для нищаго?“—взывала Анна къ Господу: „Господь Саваоѳъ! При всемъ великомъ множествѣ существъ [3]), сотворенныхъ Тобою въ мірѣ этомъ, пожалѣешь-ли Ты дать единаго сына мнѣ?“

Долго молилась Анна передъ Господомъ. Едва замѣтно двигались уста ея, „а говорила она *въ сердце своемъ*“.

Изъ глубины *женскаго лона* своего взывала Анна къ Господу:

— „Владыка міра!—говорила она,—все сотворенное Тобою въ женщинѣ имѣетъ свое опредѣленное назначеніе: глаза—чтобы видѣть, уши—чтобы слышать, носъ—чтобы обонять, ротъ—чтобы говорить, руки—чтобы работать, ноги — чтобы ходить, сосцы—чтобы дѣтей вскармливать молокомъ. Сосцы-же, которые на лонѣ моемъ—для чего они? Не для того-ли, чтобы дѣтей

---

[1]) Т. е.—несуществующему сыну бездѣтной Анны.

[2]) Въ текстѣ игра словъ: „Har'im“—раздражать, вызвать ропотъ, и „Har'im“—гремѣть.

[3]) Саваоѳъ-Zewooth-означаетъ: „Богъ воинствъ“ и Богъ существъ“.

вскармливать? Дай-же мнѣ, Господи, сына, и я сосцами своими вскормлю его!“ *(Бер.-Р., 31)*.

VI. Самуилъ.

„Свѣтильникъ Божій еще не погасъ, и Самуилъ лежалъ въ храмѣ Господнемъ, гдѣ ковчегъ Божій. И воззвалъ Господь къ Самуилу“.

Пока еще не зашло солнце Элія, взошло солнце Самуила. „Восходитъ солнце—и заходитъ солнце“—говоритъ Екклезіастъ. Прежде чѣмъ закатиться солнцу одного праведника, Господь зажигаетъ солнце другого праведника. *(Іома, 38; Бер.-Р., 58)*.

„Когда состарѣлся Самуилъ, то поставилъ сыновей своихъ судьями надъ Израилемъ“.—„Но сыновья его не ходили путями его и уклонялись въ корысть“.

Не слѣдовали примѣру отца своего. Праведный Самуилъ обходилъ всѣ города израильскіе и творилъ судъ въ каждомъ городѣ. „Изъ года въ годъ онъ ходилъ и обходилъ Веѳиль и Гилгалъ, и Мицпу, и судилъ народъ“. Сыновья-же его поступали иначе: сидѣли въ городахъ своихъ неотлучно, дабы увеличивать доходы помощниковъ и писцовъ своихъ.

Они-же и при десятинномъ приношеніи лишнюю мѣру брали, и товарами брали у купцовъ, и всякіе другіе подарки вымогали. *(Шаб., 56)*.

VII. Саулъ.

За что удостоился Саулъ царскаго сана? За кроткій нравъ свой.

Когда пропали ослицы у Киса, отца Саулова, Саулъ, взявъ съ собою одного изъ слугъ, отправился на поиски. Обойдя нѣсколько округовъ и придя въ землю Цуфъ, Саулъ сказалъ слугѣ: „Пойдемъ назадъ, чтобы отецъ, оставивъ мысль объ ослицахъ, не сталъ безпокоится *о насъ*“: слугу онъ ставилъ на одинъ уровень съ собою. А чтобы уклониться отъ царской власти, для которой онъ указанъ былъ Самуилу Богомъ, онъ спрятался *въ обозѣ*. *(Тосеф.)*.

Когда Саулъ со слугой поднимались въ городъ (гдѣ находился Самуилъ), то встрѣтили дѣвицъ, вышедшихъ черпать воду, и спросили: „Есть-ли здѣсь прозорливецъ?“ Тѣ отвѣчали:

— Есть; вотъ онъ впереди тебя; только поспѣшай, ибо онъ сегодня пришелъ въ городъ, потому что сегодня у народа жертвоприношеніе на высотѣ. Когда придете въ городъ, застанете его, пока онъ еще не пошелъ на ту высоту, къ трапезѣ;

ибо народъ не начнетъ ѣсть, доколѣ онъ не придетъ; потому что онъ благословитъ жертву и послѣ того станутъ ѣсть званные. Итакъ, ступайте, теперь еще застанете его".

Зачѣмъ онѣ наговорили столько?

— Потому, что женщины болтливы,—отвѣчалъ Равъ.

Р. Самуилъ-же объяснялъ это такъ:

— Чтобы подольше любоваться красотою Саула, про котораго сказано: „Молодой и красивый; и не было никого изъ израильтянъ красивѣе его; онъ отъ плечъ своихъ былъ выше всего народа". (*Бер., 48*).

Подошелъ Саулъ къ Самуилу и спросилъ: „скажи мнѣ, гдѣ домъ провидца?"

— Я—провидецъ,—отвѣчалъ Самуилъ.

И сказалъ Господь Самуилу:

— Ты провидецъ? А Я покажу тебѣ, что ты не провидецъ.

Показалъ это Господь Самуилу при помазаніи на царство отрока Давида: когда Самуилъ, еще не зная, котораго изъ сыновей Іессея избралъ Господь въ цари, увидѣлъ Еліава, онъ сказалъ: „Вѣрно, сей передъ Господомъ помазанникъ Его!" Но Господь сказалъ Самуилу:

— Не смотри на видъ его и на высоту роста его".—„Я смотрю не такъ, какъ смотритъ человѣкъ; ибо человѣкъ смотритъ на лицо, а Господь смотритъ на сердце".

(Сифрэ, Мидр.-Сам.).

Когда Господь сказалъ Саулу: „Иди и порази Амалика и истреби все, что у него—отъ мужа до жены, отъ отрока до младенца, отъ вола до овцы",—взмолился Саулъ къ Господу, говоря:

— Господи! Если погрѣшилъ человѣкъ, чѣмъ повинно животное? Если грѣшны взрослые люди, чѣмъ дѣти виновны?

Раздался Голосъ Небесный:

— „Не будь слишкомъ милосерднымъ, Саулъ!"

А въ то время, когда Саулъ повелѣлъ Доегу: „Ступай и умертви священниковъ Новійскихъ", Небесный Голосъ воззвалъ:

— „Не будь чрезмѣрно жестокимъ, Саулъ!"

„Саулъ и народъ пощадили Агага, царя амаликитянъ [1])".

— Таковъ порядокъ вещей,—говорилъ по этому поводу р. Іегошуа бенъ Леви: кто милосердъ къ злодѣямъ, тотъ становится злодѣемъ для милосердныхъ. Саулъ, пощадившій Агага, казнилъ священниковъ Новійскихъ. (*Іома, 22; Іалк.)*.

---

[1]) Заклятѣйшихъ враговъ Израиля.

„И поклялся ей Саулъ Господомъ".

Саулъ, который именемъ Господа клянется колдуньѣ, подобенъ женщинѣ, которая, находясь у своего возлюбленнаго, клянется ему жизнью своего мужа. (*Ваик.-Р.*, *26; Танх.)*.

VIII. Кончина Саула.

Раби Леви училъ:

— Грядущее, вѣкъ за вѣкомъ, показалъ Господь Моисею: каждый вѣкъ съ его судьями, съ его царями и царскими намѣстниками, съ его пророками, мудрецами, вождями, съ его распорядителями и предводителями, съ его насильниками и грабителями. И показалъ ему Господь царя Саула съ его сыновьями, сраженными въ битвѣ.

— Господи! — воскликнулъ Моисей — первый царь надъ дѣтьми Твоими—и ему пасть отъ меча?!

Отвѣчалъ Господь:

— Мнѣ говоришь ты это? Говори священникамъ, которые имъ убиты—этимъ грознымъ обвинителямъ его предо Мною.

Раби Іуда говорилъ со словъ Рава:

— За что понесъ кару Саулъ? За-то, что онъ не отстаивалъ достоинства своего. Какъ гласитъ Писаніе: „Негодные люди говорили: „Ему-ли спасать насъ?" И презрѣли его и не поднесли ему даровъ. Но онъ какъ бы не замѣчалъ того".

Раби Іуда говорилъ со словъ Самуила:

— Почему столь непродолжительно было царствованіе дома Саулова? Потому, что оно было *совершенно безупречно*.

Ибо—какъ говорилъ раби Іохананъ со словъ раби Симеона бенъ Іегосадока—народъ любитъ, чтобы у тѣхъ, которые получаютъ власть надъ нимъ, волочился не совсѣмъ чистоплотный хвостъ сзади, дабы, когда такой человѣкъ чрезмѣрно зазнаваться начнетъ, можно было-бы сказать ему: „обернись-ка назадъ!"

(*Іома, 22)*.

IX. Давидъ-пастухъ.

„Господь испытываетъ праведнаго", — говоритъ Псалмопѣвецъ.

Въ качествѣ пастуха испыталъ Господь Давида—и Давидъ оказался превосходнымъ пастухомъ.

„Отъ *дворовъ овчихъ* взялъ его". Отдѣльными отарами пасъ Давидъ овецъ своихъ, давая каждой группѣ болѣе подходящій, по возрасту ея, кормъ: однимъ верхушки кормовыхъ травъ, т. е. болѣе нѣжныя ихъ части, другимъ—срединныя, третьимъ—нижнія части злаковъ.

И сказалъ Господь:

— Кто умѣетъ такъ заботливо вскармливать пасомыхъ имъ, каждаго сообразно потребностямъ его, тотъ да будетъ народнымъ пастыремъ Израиля,—какъ гласитъ стихъ Псалтири: „И отъ доящихъ привелъ его пасти народъ свой, Іакова, наслѣдіе свое, Израиля“. (*Шем.-Р., 2; Іалк.).*

X. Мудрость Господня.

„Какъ многочисленны дѣла Твои, Господи! —воспѣлъ Давидъ, — премудро все сдѣлалъ Ты“. Все сотворенное Тобою — прекрасно, а мудрость прекраснѣе всего. Но Тобою и юродство создано. Для чего оно? Ходитъ по улицѣ человѣкъ въ отрепьяхъ, мальчишки за нимъ бѣгаютъ, издѣваются надъ нимъ. Пріятно-ли въ очахъ Твоихъ зрѣлище такое?

— Давидъ!—сказалъ въ отвѣтъ Господь,—за то, что юродство существуетъ ропщешь ты на Меня? Клянусь, что тебѣ-же понадобится оно! И ты не только пожелаешь его себѣ, но въ тоскѣ ты станешь, какъ милости, вымаливать его у Меня.

Не долго Давиду ждать пришлось:

Съ мечемъ Голіаѳа, хранившимся дотолѣ въ Скиніи, бѣжалъ Давидъ отъ Саула къ Ахису, царю Геѳскому.

— Давидъ! — послышался Гласъ предупреждающій, — къ Ахису идешь ты? Давно-ли убитъ тобою Голіаѳъ Филистимлянинъ? Еще кровь его не вся въ землю всосалась: братья-же его состоятъ тѣлохранителями при Ахисѣ. И ты рѣшаешься идти туда, да еще мечъ Голіаѳа взялъ съ собою?...

Едва явился Давидъ къ Ахису, братья Голіаѳовы обратились къ царю, говоря:

— Позволь намъ убить убійцу брата нашего.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Ахисъ, развѣ не въ единоборствѣ убилъ брата вашего Давидъ? И не таковъ-ли уговоръ былъ Голіаѳа съ израильтянами: „Выберите у себя человѣка, и пусть пойдетъ ко мнѣ, и если онъ можетъ сразиться со мною и убьетъ меня, то мы будемъ вашими рабами“?

— Если на то пошло,—настаивали они,—то сойди же ты съ трона и уступи ему царство, а мы къ нему въ рабы вступимъ,—вѣдь таковъ, говоришь ты, уговоръ былъ.

Не нашелся Ахисъ что отвѣтить имъ. Устрашенный этимъ, воззвалъ Давидъ къ Господу:

— „Услышь меня, Владыка міра!“

— О чемъ просишь ты, Давидъ?—вопросилъ Господь.

Отвѣчалъ Давидъ Господу:

— Господи! Изъ *онаго* ниспошли на меня...

— А не говорилъ-ли Я тебѣ, Давидъ: не пренебрегай — каяться будешь?...

Притворился Давидъ юродивымъ. Ходитъ и на дверяхъ надписи дѣлаетъ:

„Ахисъ, царь Геѳскій, сто разъ десять тысячъ долженъ мнѣ, да жена его—пятьдесятъ разъ десять тысячъ“.

Жена-же Ахиса и дочь ихъ были юродивыми. Шумятъ и кричатъ съ одной стороны, а Давидъ вторитъ имъ съ другой.

— Что-же это, наконецъ! — не выдержалъ Ахисъ и закричалъ на рабовъ своихъ,—развѣ мало у меня своихъ сумасшедшихъ, что вы его еще привели, чтобы онъ юродствовалъ предо мною?

— Могъ-ли я отъ юродства столько ждать для себя? — воскликнулъ съ радостью великою Давидъ.—„Благословлю Господа *во всякое время*“: и въ мудрости моей, и въ юродствѣ моемъ. *(Шох.-Т., 33; Іалк.)*.

XI. Шершень и паукъ.

Однажды, сидя въ саду, Давидъ увидѣлъ, какъ шершень пожиралъ паука.

— Что за прокъ въ этихъ тваряхъ Твоихъ, Господи?—сказалъ онъ,—шершень портитъ соты, и самъ ничего не производитъ полезнаго; паукъ цѣлый годъ ткетъ, а одѣться не во что.

— Давидъ! — отвѣчалъ Творецъ, — ты издѣваешься надъ твореніями Моими? Придетъ время—и ты нуждаться будешь въ нихъ.

Спасаясь отъ преслѣдованій Саула, скрылся Давидъ въ пещерѣ. Послалъ Господь паука, и тотъ заткалъ паутиной входъ въ пещеру. Пришелъ Саулъ и видитъ: входъ паутиной затканъ

— Очевидно, — рѣшилъ онъ, — въ эту пещеру никто не входилъ, иначе паутина была-бы разорвана въ клочки.

И удалился, не входя въ пещеру.

Выйдя изъ своего убѣжища и увидавъ, въ чемъ дѣло, Давидъ готовъ былъ расцѣловать паука.

— Благословенъ,—сказалъ онъ,—Создавшій тебя, благословенъ будь и ты!

Послѣ этого случая, узналъ Давидъ, что Саулъ расположился на холмѣ Гахила, и пошелъ въ то мѣсто. Саулъ спалъ въ шатрѣ, и тутъ-же лежалъ Авениръ, военачальникъ Саула. Авениръ былъ роста исполинскаго и тѣломъ своимъ занималъ все пространство вдоль шатра, такъ, что голова его была у одного входа въ шатеръ, а ноги достигали противоположнаго входа. Когда явился Давидъ, Авениръ лежалъ держа ноги согнутыми въ колѣняхъ, и Давидъ прошелъ подъ колѣнями его, а въ ту минуту, когда Давидъ, съ копьемъ Саула и сосудомъ съ водою, собирался уходить, Авениръ вдругъ началъ выпрям-

лять ноги, какъ двѣ гигантскія колоды опуская ихъ надъ Давидомъ.

Воззвалъ Давидъ къ Господу:

— „Боже мой! Боже мой! Для чего Ты оставилъ меня?“

Навелъ Господь шершня на Авенира; ужаленный исполинъ снова согнулъ ноги, — и Давидъ могъ свободно выйти изъ шатра.

И воспѣлъ Давидъ хвалу Господу:

„Кому подобное свершить?
Господь-Благоподатель!
Прекрасны всѣ дѣянія Твои“. *(А.-б. д. Сира).*

XII. Гусли Давида.

„Въ полночь встаю я, чтобъ славитъ Тебя“.

Гусли висѣли надъ ложемъ Давида, противъ отверстій оконныхъ. Когда наступала полночь, дуновеніе сѣвернаго вѣтра проходило, шевеля струны гуслей и онѣ сами собою звучать начинали. Тогда вставалъ Давидъ съ ложа и все время до наступленія утренней зари проводилъ въ изученіи Мудрости Господней.

О томъ,—говорилъ равъ Исаакъ баръ равъ Ада, — и гласитъ стихъ Псалмопѣвца:

„Воспрянь, слава моя,—
Воспрянь, псалтырь и гусли!
И встану я рано,
Чтобъ славить Тебя,
Господь мой!“

„Да буду вѣчно я въ Твоемъ жилищѣ жить,
Покоиться подъ кровомъ крылъ Господнихъ“.

Могъ-ли надѣяться Давидъ жить *вѣчно*? Нѣтъ, не личнаго безсмертія просилъ онъ у Господа, но о томъ лишь была молитва его, чтобы пѣснопѣнія и славословія его вѣчно звучали въ храмахъ Господнихъ.

Сказаніе гласитъ:

Заключивъ книгу „Псалтирь“, возгордился Давидъ и воскликнулъ передъ Господомъ:

— Творецъ! Есть-ли другой на свѣтѣ, который подобно мнѣ сумѣлъ-бы воспѣть славу Тебѣ?

Явилась тутъ лягушка и сказала:

— Не спесивься, Давидъ! Кваканьемъ своимъ я больше чѣмъ ты славословлю Господа... *(Бер., 3; Іеруш.; П. Шира).*

XIII. Давидъ и Есвій.

Былъ тамъ (во время войны филистимлянъ съ израильтянами) „Іесвій изъ Нова, одинъ изъ потомковъ исполиновъ, у котораго копье было вѣсомъ въ триста сиклей мѣди“.

„Іесвій изъ Нова“—по объясненію равъ Іуды со словъ Рава: человѣкъ, появленіе котораго на пути Давида находилось въ связи съ извѣстнымъ событіемъ въ городѣ Новѣ [1]).

— „Давидъ,—сказалъ Господь,—доколѣ грѣху новійскому тяготѣть надъ тобою? Изъ-за тебя убиты были священники новійскіе, изъ-за тебя Доегъ Идумеянинъ лишился удѣла въ жизни вѣчной [2]), изъ-за тебя-же пали Саулъ и трое сыновей его. Выбирай одно изъ двухъ: либо прекратиться роду твоему, либо тебѣ попасть въ руки врага.

— Владыка!—отвѣчалъ Давидъ—лучше, чтобъ я попалъ въ руки врага, нежели прекратился-бы родъ мой.

И было послѣ этого—вышелъ Давидъ на звѣриную ловлю. Предсталъ ему сатана въ образѣ оленя быстроногаго. Пустилъ Давидъ стрѣлу, но промахнулся, кинулся преслѣдовать его, пока, увлекаемый оленемъ, не достигъ до земли филистимской. Увидалъ его тамъ Іесвій.

— Вотъ онъ,—сказалъ Іесвій,—тотъ, которымъ убитъ братъ мой Голіаѳъ!

Связалъ Іесвій Давида, поволокъ и, бросивъ въ давильню, придавилъ его прессовальнымъ бревномъ. Произошло чудо: земля подъ Давидомъ опустилась, и онъ остался невредимымъ.

День тотъ былъ канунъ субботы. Авесса, сынъ Серуи [3]), мылъ голову въ чашѣ вмѣстимостью въ четыре саа [4]). Въ это время прилетѣлъ голубь и началъ хлопать надъ нимъ крыльями.

Встревожился Авесса.

— Кенесетъ-Израиль [5])—сказалъ онъ—уподоблена голубю: „Вы стали какъ голубица, которой крылья покрыты серебромъ, а перья чистымъ золотомъ“. Появленіе этого голубя знаменуетъ, что царь нашъ Давидъ находится въ опасности.

Пошелъ Авесса въ царскій домъ; Давида тамъ не было; послалъ въ академію—и тамъ его не оказалось.

---

[1]) См. слѣдующее примѣчаніе.

[2]) Новійскій священникъ Ахимелехъ снабдилъ Давида провизіей, за неимѣніемъ простого хлѣба отдавъ ему священные Хлѣбы Предложенія. Узнавъ объ этомъ, Саулъ обвинилъ новійскихъ священниковъ въ измѣнѣ и повелѣлъ Доегу умертвить ихъ всѣхъ до единаго.

[3]) Одинъ изъ военачальниковъ Давидовыхъ, человѣкъ исполинскаго роста и силы богатырской.

[4]) Древняя мѣра сыпучихъ тѣлъ.

[5]) Народъ Израильскій.

— По правиламъ,—разсуждалъ Авесса—постороннему воспрещается ѣздить на царскомъ конѣ, садиться на тронъ и употреблять скипетръ царскій. Однако, запрещено-ли это и въ тѣхъ случаяхъ, когда личности царя грозитъ опасность? Запросилъ объ этомъ Авесса въ академіи. Тамъ отвѣтили: „въ случаѣ опасности для царя запрещеніе это недѣйствительно".

Сѣлъ Авесса на царскаго мула и отправился въ путь, а пространство, которое ему предстояло проѣхать, сократилось само собою [1]). По пути встрѣтилась ему Ерѳа, мать Iесвія, сидѣвшая въ то время за прялкой. Завидя Авессу, она метнула въ него веретеномъ, но промахнулась.

— Послушай,—крикнула она,—подай-ка мое веретено.

Метнулъ Авесса веретено, попалъ ей въ темя и умертвилъ ее.

Увидѣлъ Iесвій Авессу и сказалъ!

— Теперь ихъ двое (т. е. Давидъ и Авесса) и они убьютъ меня.

Воткнулъ онъ копье свое въ землю, остріемъ вверхъ, схватилъ Давида и взбросилъ его на воздухъ такъ, чтобы онъ, падая, накололся на остріе. Произнесъ Авесса Шемъ-Гамфорашъ—и Давидъ повисъ въ воздухѣ между небомъ и землей.

— Какъ ты попалъ сюда?—спросилъ Авесса.

Разсказалъ Давидъ о томъ, что говорилъ Господь и что онъ, Давидъ, отвѣтилъ Господу, предпочтя, чтобы кара постигла его самаго, но не коснулась потомства его.

— Помолись объ обратномъ,—сказалъ, выслушавъ его, Авесса;—потомки твои пускай хотя „воскомъ торгуютъ", лишь-бы ты не страдалъ!...

— Помоги-же ты мнѣ молитвой своей!

„И помогъ ему Авесса, сынъ Саруинъ:" произнесъ Шемъ-Гамфорашъ—и Давидъ невредимо всталъ на ноги.

Кинулся Iесвій преслѣдовать ихъ.

— Ступай,—крикнули они ему—къ Ерѳѣ, родительницѣ твоей,—въ могилѣ ты найдешь ее.

При этихъ словахъ упали силы Iесвія, и Давидъ съ Авессою умертвили его.

Послѣ опасности, какой подвергся Давидъ, люди его поклялись, говоря:

— „Не выйдешь больше съ нами на войну, чтобы не угасъ свѣтильникъ Израиля". *(Санг., 95).*

Отъ полонянокъ, находившихся въ царскомъ гаремѣ, у Давида родилось четыреста сыновей. Всѣ они, вопреки іудейскому

---

[1]) Популярное въ сказочныхъ повѣствованіяхъ: „kefizat haderech". Представленіе обратное понятію путепрохожденія: не человѣкъ проходитъ данное разстояніе, но это послѣднее сокращается со сказочной скоростью.

закону, выбривали волосы на вискахъ, а на затылкѣ заплетали ихъ въ косы; заставляли носить себя въ золотыхъ паланкинахъ и въ арміи занимали мѣста начальниковъ и командировъ; всѣ они были задиры и драчуны, наводившіе ужасъ на окружающихъ. *(Кид., 76)*.

XIV. Кончина Давида.

„Открой мнѣ, Господи, моей кончины часъ
И мѣру дней моихъ повѣдай“,—

взывалъ Давидъ къ Господу.

— Положено Мною,—отвѣчалъ Господь,—чтобы ни единому смертному не вѣдомъ былъ часъ кончины его.

— Долго-ли мнѣ жить осталось?

— И этого смертному не открываютъ.

— Въ который день недѣли умру я?

— Въ день субботній.

— Господи! Дай мнѣ умереть въ первый день будней.

— День вступленія на царство сына твоего Соломона уже давно опредѣленъ, а царствованіе одного не можетъ быть въ ущербъ царствованію другого ни на единый волосъ.

— Господи! Дай мнѣ умереть въ канунъ субботы.

Отвѣчалъ Господь:

— „Единый день въ селеніяхъ Твоихъ
Дороже тысячи“—

гласитъ псаломъ твой. Давидъ, одинъ лишній день, который ты проведешь въ изученіи Святой Истины, дороже для Меня тысячи грядущихъ всесожженій сына твоего Соломона. *(Шаб., 39)*.

Отчеканенныя Давидомъ монеты имѣли изображеніе: съ одной стороны—пастушескихъ посоха и сумы, съ другой—крѣпостной башни. *(Бер.-Р., 39)*.

XV. Мудрость Соломона.

Въ Гаваонѣ явился Господь Соломону во снѣ ночномъ и сказалъ: „Проси, что дать тебѣ“.

— „Даруй рабу твоему сердце разумное“,—отвѣчалъ Соломонъ.

Притча раби Симеона бенъ Халафты:

— У царя былъ совѣтникъ, котораго царь отличалъ особымъ благоволеніемъ.

— Проси, что дать тебѣ,—сказалъ ему однажды царь.

Подумалъ совѣтникъ царскій: попрошу серебра и золота, царь дастъ мнѣ; драгоцѣнныхъ камней и жемчуга—онъ и въ этомъ не откажетъ. Попрошу я лучше царевну въ невѣсты: вмѣстѣ съ нею придетъ и все остальное.—Такъ и Соломонъ:

попрошу я лучше,—рѣшилъ онъ,—разума у Господа, а съ разумомъ я и всего достигну.—Господь и сказалъ Соломону:

— „За то, что ты просилъ разума и не просилъ себѣ жизни долгой, богатства, побѣды надъ врагами,—Я сдѣлаю по слову твоему, и то, чего ты не просилъ, Я дамъ тебѣ“.

(Ш.-Гаш. Р.)

XVI. „Мудрѣе всѣхъ людей“.

„Онъ былъ мудрѣе всѣхъ людей“.

Надъ всѣми царями былъ страхъ его.

Народы и племена становились его данниками, враги и ненавистники—друзьями его.

Богатъ и могучъ, владѣлецъ безчисленныхъ угодій, серебра и золота въ количествахъ несмѣтныхъ—онъ притчи разъяснялъ, давалъ постигать сокровенное, повѣдывалъ тайны глубины безпредѣльной.

Имя его гремѣло среди властелиновъ, среди мудрыхъ—подвиги его.

Цари приходили на лицо его глядѣть, слова мудрости жадно слушать изъ устъ его.

Къ нему, праведному и чистому, вѣдающему таинства небесныя, посылали вельможи въ слуги и служанки сыновей и дочерей своихъ.

Рыбы морскія, птицы небесныя, животныя и звѣри полевые сами приходили на бойни, чтобы быть закланными для стола Соломонова.

Ему былъ данъ великій ключъ ко всѣмъ вратамъ мудрости и разума сердечнаго.

Онъ разумѣлъ языкъ птицъ и животныхъ, и звѣрей полевыхъ.

Олени и газели были его скороходами, львы и барсы—оруженосцами его. *(Тарг. Ш.)*.

XVII. Человѣкъ о двухъ головахъ.

Однажды предсталъ предъ Соломономъ царь дьяволовъ Асмодей и сказалъ:

— Тотъ-ли ты, о которомъ написано, что онъ всѣхъ людей мудрѣе?

— Да, отвѣчалъ Соломонъ, такъ обѣщано мнѣ Господомъ.

— А не желаешь-ли,—продолжалъ Асмодей, — я покажу тебѣ нѣчто, чего ты съ роду не видалъ.

— Покажи.

Простеръ Асмодей руку свою къ странѣ „Тевель“ — и предъ Соломономъ появился человѣкъ о двухъ головахъ съ

двумя парами глазъ. Дрожь прошла по тѣлу у Соломона, и, не въ силахъ преодолѣть тревожное чувство, онъ проговорилъ:

Отведите его въ комнату ко мнѣ.

Призвалъ Соломонъ Бенаю, сына Іегоіады [1]), и говоритъ:

— Какъ полагаешъ ты, есть *подъ нами* люди?

— Душею твоей, государь, клянусь—утверждать не могу; слыхалъ только отъ Ахитофеля, что гдѣ-то тамъ, подъ нами, люди живутъ.

— А что-бы ты сказалъ, если-бы я показалъ тебѣ такого человѣка?

— Но возможно-ли это? Глубина земли нашей—пятьсотъ лѣтъ пути, да между нашей землей и *той* землей тоже пятьсотъ лѣтъ пути.

Послалъ Соломонъ, и привели того человѣка. Увидя его, палъ Беная на лицо свое и произнесъ:

— „Благословенъ Господь, Царь вселенной, давшій мнѣ дожить и просуществовать, сохранивъ меня до сего времени!“ [2])

— Какого ты рода и племени?—спросилъ Соломонъ, обращаясь къ двуглавому человѣку.

— Изъ рода Адама я, изъ потомковъ Каиновыхъ,—отвѣчалъ двуглавый человѣкъ.

— Гдѣ обитаете вы?

— Въ странѣ „Тевель“.

— Есть у васъ солнце и луна.

— Есть.

— Съ которой стороны всходитъ солнце у васъ и на которой заходитъ оно?

— Восходитъ съ Запада и заходитъ на Востокѣ.

— Чѣмъ занимаетесь вы?

— Пашемъ, жнемъ и стада пасемъ.

— Молитесь вы?

— Да.

— О чемъ гласитъ молитва ваша?

— „Какъ многочисленны дѣла Твои, Господи! Все премудро содѣлано Тобою“.

— Если желаешь,—сказалъ Соломонъ,—мы возвратимъ тебя въ страну твою.

— Окажите милость, возвратите меня туда.

Призвалъ Соломонъ Асмодея и сказалъ:

— Ступай и отведи его обратно.

---

[1]) Одинъ изъ военачальниковъ Давидовыхъ.

[2]) Бенедикція „Schehechjonu“, произносимая при совершеніи нѣкоторыхъ ритуальныхъ отправленій, при отвѣдываніи въ первый разъ въ сезонѣ плодовъ а также при видѣ, въ первый разъ, рѣдкаго явленія природы.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Асмодей,—во вѣки уже я не могу отвести его обратно.

Видя, что ему уже не вернуться въ прежнее мѣсто свое, двуглавый человѣкъ взялъ себѣ жену и остался жить на землѣ.

Жена родила ему семерыхъ сыновей; шестеро уродились въ мать, вида обыкновеннаго, седьмой-же уродился въ отца — о двухъ головахъ и двухъ парахъ глазъ.

Человѣкъ изъ страны „Тевель" занялся землепашествомъ и сдѣлался однимъ изъ богатѣйшихъ людей на свѣтѣ.

Прошли годы. Человѣкъ тотъ умеръ, оставивъ имѣніе дѣтямъ своимъ.

Между наслѣдниками возникъ споръ. Шестеро изъ нихъ говорили:

Насъ всѣхъ семеро братьевъ, и наслѣдство должно быть раздѣлено на семь частей.

Седьмой-же, тотъ, что о двухъ головахъ, говорилъ:

— Нѣтъ, восьмеро насъ, и я имѣю право на двѣ доли въ наслѣдствѣ.

Пришли всѣ къ Соломону и сказали:

— Государь, царъ нашъ! Насъ всѣхъ семеро, а братъ нашъ, который о двухъ головахъ, говоритъ, что насъ восьмеро и что наслѣдство послѣ нашего отца должно быть раздѣлено на восемь долей, изъ коихъ двѣ доли онъ требуетъ для себя.

Созвалъ Соломонъ членовъ Синедріона и спросилъ:

— Какъ вы разсудите дѣло это?

Не могъ Синедріонъ дать отвѣта.

— Завтра поутру придите вторично, — сказалъ Соломонъ тяжущимся.

Когда настала полночь, пришелъ Соломонъ въ храмъ и воззвалъ къ Господу:

— „Владыка міра! Открывшись мнѣ въ Гаваонѣ, Ты сказалъ: проси, что дать тебѣ. Не просилъ я ни серебра, ни золота, только мудрости просилъ я, чтобы судить людей правдиво".

Отвѣчалъ Господь:

— Утромъ просвѣщу мудростью тебя.

На утро собралъ Соломонъ всѣхъ членовъ Синедріона и сказалъ: „Введите двуглаваго человѣка".

Его ввели.

— Вотъ,—сказалъ Соломонъ,—сдѣлаемъ испытаніе: если у этого человѣка одна его голова воспринимаетъ и чувствуетъ то, что происходитъ съ другой его головой, тогда онъ долженъ быть сочтенъ за одного человѣка, если нѣтъ, то слѣдовательно,

это—два отдѣльныхъ человѣка.—Принесите горячей воды,—повелѣлъ Соломонъ.

Когда вода была принесена, Соломонъ велѣлъ вылить ее на одну голову того человѣка.

— Государь! Государь! — завопили обѣ головы,—*мы* умираемъ! *Мы* умираемъ!"

При видѣ этого, исполнились всѣ изумленіемъ передъ Соломономъ. *(Бетъ-Гам.)*.

XVIII. Споръ между человѣкомъ и змѣей.

Шелъ полемъ человѣкъ, неся кувшинъ съ молокомъ. Встрѣтилась ему змѣя, стонавшая отъ мучительной жажды.

— О чемъ стонешь ты?—спросилъ человѣкъ.

— Изнемогаю отъ жажды,—отвѣчала змѣя,—а у тебя что это въ кувшинѣ?

— Молоко.

— Дай мнѣ испить молока, и я укажу тебѣ мѣсто, гдѣ кладъ зарытъ.

Далъ человѣкъ змѣѣ молока напиться.

— Укажи-же мнѣ кладъ, о которомъ ты обѣщала, — сказалъ человѣкъ.

— Слѣдуй за мною,—отвѣтила змѣя,—и, приведя его къ одному большому камню, сказала: вотъ, подъ этимъ камнемъ лежитъ кладъ.

Сдвинулъ человѣкъ камень, разрылъ землю и, доставъ кладъ, направился къ дому своему. Что-же сдѣлала змѣя? Всползла и обвилась у него вокругъ шеи.

— Что это ты дѣлаешь?—закричалъ человѣкъ.

— Умертвить тебя хочу, — отвѣчала змѣя,—за то, что ты сокровище мое забралъ.

— Идемъ на судъ къ Соломону,—предложилъ человѣкъ.

— Идемъ,—сказала змѣя, но осталась по прежнему обвитою вокругъ шеи у него.

Обратился человѣкъ съ мольбою къ Соломону.

— Чего желаешь ты?—спросилъ Соломонъ змѣю.

— Умертвить его.

Отвѣчалъ Соломонъ:

— Прежде всего, сойди съ шеи его долой: не подобаетъ, чтобы ты распоряжалась имъ болѣе, нежели я, въ то время, когда вы судиться ко мнѣ пришли.

Сползла змѣя на полъ.

— Теперь,—сказалъ Соломонъ змѣѣ,—говори, я слушаю.

— Я требую,—начала змѣя,—чтобы мнѣ дано было умертвить его, въ исполненіе сказаннаго Господомъ: „Ты будешь жалить его въ пяту".

— А о тебѣ,—сказалъ Соломонъ человѣку, — Господомъ заповѣдано: „онъ будетъ поражать змѣю въ голову".

Въ одно мгновеніе человѣкъ разможжилъ змѣѣ голову.

Отсюда—поговорка: „И лучшей изъ змѣй голову разможжи".

(*Введ. къ Танх.-Гак.*).

XIX. Который изъ трехъ?

Шли дорогой три странника. Наступилъ канунъ субботы. Сговорились странники и спрятали бывшія при нихъ деньги въ одномъ мѣстѣ. Въ полночь одинъ изъ нихъ всталъ и, взявъ деньги, запряталъ ихъ въ другое мѣсто. Въ исходѣ субботняго дня пошли странники взять деньги и, не найдя ихъ, начали обвинять другъ друга въ кражѣ. Рѣшили пойти на судъ къ Соломону.

Выслушавъ разсказъ странниковъ, Соломонъ предложилъ имъ за рѣшеніемъ явиться на другой день, а самъ сталъ придумывать, какимъ образомъ обнаружить вора, заставивъ его самого уличить себя. Когда странники снова явились на судъ, Соломонъ обратился къ нимъ съ такими словами:

— Слышалъ я о васъ, что вы люди просвѣщенные, мудрые и въ дѣлахъ спорныхъ опытные, и я прошу васъ разсудить дѣло, съ которымъ обратился ко мнѣ одинъ царь. Въ странѣ этого царя росли въ сосѣдствѣ отрокъ и дѣвушка. Полюбили они другъ друга, и сказалъ отрокъ дѣвушкѣ:

— Поклянись мнѣ въ томъ, что не станешь ничьей женою прежде, чѣмъ я не дамъ на то своего согласія.

Дѣвушка поклялась. Черезъ нѣкоторое время ее обручили съ другимъ человѣкомъ. Послѣ вѣнца, когда молодые остались наединѣ, невѣста заявила жениху:

— Я не могу сдѣлаться твоей женою до тѣхъ поръ, пока не пойду къ первому жениху моему, которому я поклялась, и не получу его согласія на это.

Придя къ первому жениху, она сказала:

— Возьми съ меня большой выкупъ серебромъ и золотомъ и разрѣши мнѣ стать женою того, съ кѣмъ меня повѣнчали.

— Такъ какъ ты осталась вѣрна клятвѣ своей,—отвѣтилъ тотъ,—я не возьму никакого выкупа. Иди, ты свободна.

А молодому мужу, который былъ тутъ - же, онъ сказалъ:

— Радуйся въ мирѣ долѣ своей.

На обратномъ пути на нихъ напали разбойники. Между разбойниками былъ одинъ старикъ, который, недовольствуясь ограбленными деньгами и украшеніями, потребовалъ любовныхъ ласкъ отъ молодой женщины.

— Позволь мнѣ,—взмолилась она къ разбойнику,—разсказать тебѣ объ одномъ случаѣ въ моей жизни.

И она разсказала исторію перваго своего сватовства и то, какъ поступили оба жениха ея.

— Подумай-же, — прибавила она въ заключеніе, — тотъ юноша, который имѣлъ всѣ права на меня, преодолѣлъ свою страсть и не дотронулся до меня, тебѣ, человѣку старому, тѣмъ болѣе слѣдуетъ обуздать себя. Оставь себѣ все серебро и золото, только освободи меня съ мужемъ моимъ.

Выслушавъ разсказъ ея, разбойникъ поднялъ глаза къ небу и, глубоко раскаявшись въ томъ, что онъ, уже стоящій на краю могилы, намѣривался сдѣлать, не только отпустилъ молодую чету на свободу, но и возвратилъ полностью всѣ ограбленныя у нея деньги и драгоцѣнности, до послѣдней мелочи.

— Царь,—прибавилъ Соломонъ,—въ странѣ котораго случай этотъ произошелъ, спрашиваетъ меня, кто изъ замѣшанныхъ въ этой исторіи, заслуживаетъ высшей похвалы? И вотъ, я васъ прошу помочь мнѣ разсудить это дѣло.

— Государь,—отвѣтилъ одинъ изъ странниковъ,—по моему, высшей похвалы заслуживаетъ невѣста, оставшаяся вѣрной своей клятвѣ.

Второй сказалъ:

— Высшей похвалы достоенъ молодой мужъ, который сумѣлъ удержаться отъ искушенія и не дотронулся до нея прежде, чѣмъ первый женихъ не освободилъ ее отъ клятвы.

— Это что!—воскликнулъ третій изъ странниковъ,—болѣе всего я удивляюсь разбойнику: подумайте только, мало того, что онъ плѣнницы не тронулъ, деньги, всѣ деньги, которыя уже были у него въ рукахъ, обратно отдалъ!...

И сказалъ царь Соломонъ:

— Этотъ послѣдній съ такимъ восторгомъ говоритъ о деньгахъ, которыхъ онъ и не видалъ даже, а только слышитъ о нихъ; какъ-же онъ способенъ былъ поступить съ тѣми деньгами, которыя очутились въ его рукахъ?

Заключенный, по повелѣнію Соломона, въ темницу, человѣкъ этотъ, дѣйствительно, сознался и указалъ мѣсто, гдѣ спряталъ украденныя деньги. *(Мид. Ас. Гад.)*.

XX. Соломонъ и мудрость египетская.

„И была мудрость Соломона выше мудрости всѣхъ сынов востока и всей мудрости египтянъ".

Въ чемъ состояла мудрость египтянъ?

Когда Соломонъ рѣшилъ приступить къ построенію храма, онъ послалъ къ фараону Нехо съ просьбой прислать, за извѣ

стную плату, искуссныхъ мастеровъ для этой постройки. Что сдѣлалъ фараонъ? Призвалъ астрологовъ и сказалъ имъ такъ:

— Наблюдайте по звѣздамъ и укажите мнѣ тѣхъ изъ зодчихъ, которымъ предопредѣлено умереть въ этомъ году, ихъ-то я и пошлю къ Соломону.

Когда люди, посланные фараономъ, явились къ Соломону, „мудрѣйшій изъ людей" узрѣлъ черезъ Духа Святого, что людямъ этимъ назначено умереть въ томъ-же году. Далъ имъ Соломонъ каждому по савану и отправилъ ихъ обратно съ письмомъ, въ которомъ онъ писалъ фараону:

„У тебя, повидимому, не достаетъ савановъ для погребенія покойниковъ. Получай людей своихъ обратно вмѣстѣ съ саванами". (*Бам.-Р.*, *19*; *Песик.*).

XXI. Храмъ и домъ Соломоновъ.

Былъ у Соломона чудесный червь, носившій названіе „Шамиръ". Червь этотъ обладалъ свойствами тесла и гранила. Помощью „Шамира" обтесывался строевой камень для храма и дома Соломонова и производилось граненіе драгоцѣнныхъ камней для хошена.

Червь былъ величиною съ ячменное зерно, и самые твердые предметы не могли противостоять его чудеснымъ свойствамъ. Сохраняли его завернутымъ въ шерстяную вату въ свинцовомъ сосудѣ, наполненномъ ячменными отрубями.

„Шамиръ" былъ принесенъ къ Соломону орломъ изъ рая, гдѣ этотъ червь хранился съ вечера шестого дня творенія [1]).

(*Сот.*, *45*; *Шох.-Т.*).

„И сдѣлалъ онъ въ храмѣ окна съ откосами".

Такіе откосы дѣлаются обыкновенно отъ наружной стороны стѣны къ внутренней ея сторонѣ, чтобы дать свѣту извнѣ широко разливаться по внутренности зданія. Окна-же въ храмѣ имѣли откосъ въ обратномъ направленіи, ибо *изъ* храма этого исходилъ божественный свѣтъ, озарявшій весь міръ.

(*Танх.*; *Іалк.*)

„Построилъ также Соломонъ домъ Дубравы Ливанской".

По преданію отъ р. Ошайи, въ храмѣ были посажены Соломономъ деревья, сдѣланныя изъ чистаго золота, подобіе деревьевъ, приносящихъ нѣжнѣйшіе плоды. Золотыя деревья своевременно давали плоды, которые при дуновеніи вѣтра спадали,— какъ сказано: „шумѣли подобно лѣсу Ливанскому". Плоды эти

[1]) См. далѣе, гл. XXIV.

поступали на иждивеніе духовенства. Когда-же въ храмъ Господень вторглись иноплеменные, деревья тѣ лишены были чудесной производительности своей—„поблекъ цвѣтъ на Ливанѣ". Но возвратится это въ грядущемъ:

„Возликуетъ степь безводная;
Расцвѣтетъ, какъ лилія, пустыня,
И Ливана слава дастся ей". *(Наумъ, XXXV)*.

За все время, пока строился храмъ, никто изъ участвовавшихъ въ работѣ не умеръ и не болѣлъ, и не поломано было ни одного заступа, ни одного топора и никакого другого орудія. *(Іома, 21; Песик.-Р.)*.

XXII. Престолъ Соломона.

„И сдѣлалъ царь большой престолъ изъ слоновой кости". Престолъ былъ покрытъ лучшимъ золотомъ изъ Офира и осыпанъ жемчугомъ, ониксомъ, опалами, топазами, смарагдами, карбункулами и другими самоцвѣтными каменьями бѣлыхъ, зеленыхъ и красныхъ тоновъ.

Устройства престолъ былъ такого:

Верхъ—закругляющійся сзади высоко надъ сидѣніемъ. Ступеней—шесть, и на нихъ фигуры изъ чистаго золота. На первой ступени лежатъ: съ одной стороны—левъ, съ другой — волъ. На второй ступени—волкъ и ягненокъ. На третей — леопардъ и козленокъ. На четвертой—медвѣдь и олень. На пятой—орелъ и голубь. На шестой—ястребъ и воробей. Спинка заканчивалась фигурою горлицы, держащей въ коготкахъ ястреба.

Надъ верхнимъ закругленіемъ—свѣтильникъ со всѣми принадлежностями его: свѣтильнями, щипцами, пепельницами, чашечками и чеканными цвѣтами. Съ правой стороны его семь стеблей съ именами семи патріарховъ рода человѣческаго: Адама, Ноя, Сима первороднаго, Авраама, Исаака и Іакова, и Іова съ ними. И съ лѣвой стороны семь стеблей, а на нихъ имена семи праведниковъ вселенскихъ: Левія, Кааѳа, Амрама, Моисея, Аарона, Елдада и Медада, и Хура съ ними. На верху свѣтильника утверждено было золотое елеехранилище, откуда брался елей для храмовыхъ лампадъ, а подъ нимъ—большая чаша съ елеемъ для возжиганія этого-же свѣтильника; на чашѣ начертано было: „Элій", на двухъ стебляхъ отъ нея — имена сыновей Элія: „Офни" и „Финеасъ", а на сточныхъ трубкахъ внутри стеблей: „Надавъ" и „Авігу".

По бокамъ престола были двѣ каѳедры—для первосвященника и для намѣстника его, и семьдесятъ каѳедръ передъ трономъ—для семидесяти старѣйшинъ, судей Синедріона.

Въ уровень съ висками возсѣдающаго — фигуры двухъ наядъ.

Съ обѣихъ сторонъ престола расположены были двадцать четыре виноградныхъ лозы, образующихъ сѣнь надъ нимъ; за лозами — декорированыя тканями бѣлаго виссона финиковыя пальмы, и на нихъ павлины изъ слоновой кости.

Тутъ-же, полыя внутри, фигуры двухъ львовъ, наполненныя благовоніями. Благовонія начинали сочиться при восхожденіи Соломона по ступенямъ трона.

Внутри престола помѣщался механизмъ, который приходилъ въ дѣйствіе едва царь ступитъ ногою на первую ступень. Въ ту-же минуту левъ протягивалъ лапу, волъ ногу, и царь, опираясь на нихъ, какъ на перила, поднимался на слѣдующую ступень. Тоже самое повторялось на каждой изъ шести ступеней. Когда царь достигалъ верхней ступени, слетали орлы и усаживали его на тронъ, послѣ чего крупнѣйшій изъ орловъ возлагалъ вѣнецъ на голову его.

Въ эту минуту приходилъ въ движеніе скрытый въ механизмѣ серебряный змѣй,—львы и орлы укрѣпляли балдахинъ надъ царемъ, а помѣщавшійся на особой колонѣ голубь поднимался со своего мѣста, открывалъ ковчегъ и вынутый оттуда Свитокъ Завѣта клалъ на руки Соломону. Тогда первосвященникъ со старѣйшинами, привѣтствуя царя, занимали мѣста свои по обѣимъ сторонамъ царя и приступали къ дѣламъ судебнымъ.

Появленіе лжесвидѣтелей вызывало особое дѣйствіе всѣхъ механизмовъ: колеса ихъ начинали вращаться съ необыкновенной быстротой и силой. Мычаніе воловъ, рычаніе львовъ и тигровъ и ревъ медвѣдей сливались съ блеяніемъ ягнятъ, воплями козлятъ, крикомъ ястребовъ, щебетомъ воробьинымъ. Волки, олени, орлы, павлины метались изъ стороны въ сторону... Трепетъ и ужасъ охватывали лжесвидѣтелей: „Изъ за насъ,—говорили они,—міръ весь рухнетъ!“—и невольно начинали одну чистую правду показывать.

Впослѣдствіи престолъ этотъ былъ взятъ, вмѣстѣ съ другой добычей, фараономъ Нехо и отвезенъ въ Египетъ. Въ ту минуту, когда фараонъ ступилъ на первую ступень, поднялъ левъ лапу и такъ сильно ударилъ его въ бедро, что онъ на всю жизнь остался хромоногимъ. Отсюда и названіе его *Нехо* [1]). Изъ Египта престолъ былъ увезенъ нечестивымъ Навуходоносоромъ въ Вавилонъ, и при первой попыткѣ взойти на престолъ левъ ударомъ лапы повергъ Навуходоносора на землю. Послѣ разрушенія Вавилона престолъ былъ взятъ Даріемъ и увезенъ въ Мидію, но садиться на него Дарій и не пытался. Въ Египетъ

[1]) Nache – искалѣченный; neche-raglajm—хромоногій.

престолъ былъ привезенъ Александромъ Македонскимъ, взятъ оттуда Ениѳономъ [1]), при чемъ, во время перевозки его на суднѣ, повреждена была одна изъ ножекъ, и ни одному мастеру въ мірѣ починить ее не удалось. *(Аба-Гур.; Пон.-Ах.; Тарг.-Ш.).*

XXIII. Царица Савская.

Однажды, „когда развеселилось сердце Соломона отъ вина", созвалъ онъ царей ближайшихъ странъ, восточныхъ и западныхъ.

Звуками арфъ, кимваловъ, бубней и гуслей капеллы Давидовой оглашался чертогъ царскій. Желая предстать передъ тѣми царями во всемъ величіи и могуществѣ своемъ, Соломонъ повелѣлъ и птицамъ небеснымъ, и звѣрямъ полевымъ, и пресмыкающимся, и бѣсамъ, и оборотнямъ, и дьяволицамъ явиться и хороводъ устроить передъ нимъ. Писцы царскіе по именамъ и названіямъ вызывали ихъ, и всѣ, какъ земныя существа, такъ и духи, тотчасъ-же и безъ всякаго принужденія, появлялись передъ Соломономъ.

Среди пернатыхъ не оказалось одной птицы, пѣтуха Баръ [2]). Разгнѣванный ея ослушаніемъ, Соломонъ повелѣлъ розыскать эту птицу и подвергнуть ее строжайшему наказанію.

Приведенный къ Соломону, пѣтухъ Баръ разсказалъ слѣдующее:

— „Государь, царь міра! Выслушай меня и соблаговоли вникнуть въ то, что я повѣдаю тебѣ. Уже три мѣсяца, какъ я задался одной мыслью, настолько овладѣвшей всѣмъ существомъ моимъ, что я ни до ѣды, ни до питья не дотрагивался во все это время: облечу, рѣшилъ я, весь міръ погляжу, есть-ли на свѣтѣ страна или царство, непокорныя власти твоей, государь.

„Послѣ долгихъ наблюденій я нашелъ такое мѣсто; это „Градъ Киторъ" въ землѣ Восточной. Прахъ этой земли цѣннѣе золота; серебра-же, что муссоръ, на улицѣ валяется. Деревья, тамъ растущія, посажены еще въ первые дни творенія и орошеніе получаютъ отъ водъ эдемскихъ. Дружинъ множество имѣется въ той странѣ, и воины носятъ вѣнцы на головахъ, но войну вести не обучены и даже стрѣлять изъ лука не умѣютъ.

„И еще я видѣлъ тамъ: царствуетъ въ странѣ той женщина, а зовутъ ее „Царица Савская".

„И вотъ, если царю угодно, опояшу я, какъ воинъ, чресла свои, пойду въ Градъ Киторъ, въ землю Савскую, властелиновъ ихъ

---

[1]) Изъ династіи Селевкидовъ.

[2]) Сказочная птица „Tarnegol ha-Bar" (буквально: лѣсной пѣтухъ), однородная легендарному быку „Schor ha-Bar."

въ кандалы закую, правителей въ оковы желѣзныя и приведу ихъ къ властелину, царю моему".

Понравилось дѣло это Соломону. Написали писцы царскіе грамоту и къ крыльямъ пѣтуха Бара привязали ее.

Поднялся въ высь небесную, полетѣлъ пѣтухъ Баръ, и полетѣли за нимъ птицы стаями къ Граду Китору, въ землю Савскую.

Вышла утромъ на поклоненіе солнцу царица Савская и видитъ — закрыли птицы солнце, затмили его. Разодрала она одежды свои, стоитъ изумленная, пораженная. Подлетѣлъ къ ней пѣтухъ Баръ, и увидѣла она — письмо къ крыльямъ его привязано. Сняла царица письмо и читать начала. А въ письмѣ вотъ что написано:

„Отъ меня, царя Соломона. Миръ тебѣ и миръ вельможамъ твоимъ.

„Вѣдомо тебѣ, что Всесвятой-Благословенный царемъ-властелиномъ поставилъ меня надъ звѣрями полевыми, надъ птицами небесными, надъ бѣсами, оборотнями, дьяволицами, и всѣ цари Востока и Запада, Полудня и Полуночи приходятъ на поклонъ ко мнѣ. Такъ вотъ, придете вы по доброй волѣ съ привѣтомъ ко мнѣ, я приму тебя, царица, съ почетомъ превыше всѣхъ царей, пребываающихъ предъ лицомъ моимъ; буде-же не пожелаете и не придете, и не поклонитесь мнѣ, я пошлю на васъ царей съ легіонами и колесницами. А спросите вы: что за цари, легіоны и колесницы у Соломона? Было-бы вѣдомо вамъ: цари эти—звѣри полевые, колесницы—птицы небесныя; духи, бѣсы и дьяволицы—легіоны тѣ, что задушатъ васъ на ложахъ въ жилищахъ вашихъ, а звѣри полевые на поляхъ растерзаютъ васъ и птицы небесныя склюютъ мясо съ костей вашихъ".

Прослушавъ написанное въ посланіи, разодрала остатки одеждъ своихъ царица Савская, созвала старѣйшинъ и сановниковъ своихъ и сказала:

— Знаете-ли вы, съ чѣмъ прислалъ царь Соломонъ ко мнѣ?

— Не знаемъ мы царя Соломона, и царской власти его не признаемъ!—заявили старѣйшины и вельможи.

Но царица не понадѣялась на нихъ и не послушалась словъ ихъ, а призвала всѣхъ кораблевожатыхъ, повелѣла нагрузить корабли деревомъ кипарисовымъ, жемчугомъ и камнями самоцвѣтными; и послала царю Соломону шесть тысячъ отроковъ и дѣвушекъ, родившихся въ одномъ и томъ-же году и мѣсяцѣ, въ одинъ и тотъ-же день и часъ, всѣ одинаковаго роста, одинаковаго тѣлосложенія и одинаково одѣтые, въ одежды пурпурныя. И послала черезъ нихъ письмо къ царю Соломону:

„Отъ Града-Китора—писала она,—до земли Израильской семь лѣтъ пути. И вотъ, желаніе мое и просьба моя—позволь мнѣ черезъ три года прибыть къ тебѣ".

По прошествіи трехъ лѣтъ прибыла царица Савская къ царю Соломону.

Узнавъ о прибытіи ея, послалъ къ ней Соломонъ Бенаю, сына Іегоіады. Человѣкъ этотъ былъ прекрасенъ какъ утренняя заря, какъ звѣзда въ плеядѣ среди сонмищъ звѣздныхъ, какъ лилія у потоковъ водныхъ.

Увидя его, сошла съ колесницы царица Савская.

— Царица!—сказалъ Беная,—для чего ты съ колесницы сошла?

— Не ты-ли царь Соломонъ? вопросила царица.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Беная, — не царь Соломонъ я, но одинъ лишь изъ слугъ его.

Обратила лицо свое царица Савская къ вельможамъ своимъ и такую притчу изрекла:

„Льва не видавшіе—
На логовище львиное взгляните.
Царя Соломона незрѣвшіе—
Придите взглянуть на красоту того,
Кто слугою при немъ состоитъ“.

Повелъ Беная царицу Савскую къ Соломону. Соломонъ-же, для встрѣчи ея, выбралъ павильонъ, весь изъ стекла построенный. Показалось царицѣ, что царь не стекломъ, а водою окруженъ—и безотчетнымъ движеніемъ подняла она края одеждъ, до колѣнъ обнаживъ ноги свои. Увидѣлъ Соломонъ, что ноги у нея волосами обросли, и сказалъ онъ:

— Красота твоя—красота женская, а волосы—волосы мущины. У мущины красиво оно, у женщины изъяномъ почитается.

А царица такъ Соломону сказала:

— Загадаю я тебѣ три загадки. Отгадаешь — я признаю мудрецомъ тебя, не отгадаешь—я буду знать, что человѣкъ ты самый обыкновенный:

„Колодезь деревянный, ведро желѣзное, черпаетъ камни, поитъ водою. Что это?

— Сурьмило, [1])—отвѣтилъ Соломонъ.

„Изъ земли исходитъ, землею питается, льется какъ вода, а разливаетъ свѣтъ. Что это?“

— Нефть.

„Буря ходитъ по верхушкамъ его и стонетъ, и вопитъ горестно, и какъ тростникъ сгибаетъ ихъ; почетъ для

---

[1]) Трубка сурьмила дѣлалась изъ тростника, ручка-насосъ—изъ металла. Самое вещество для подкрашиванія бровей и окрашиванія глазного яблока представляло минералогическій выплавъ; попадая въ глазъ, вызывало усиленное дѣйствіе слезоточниковъ.

мертвыхъ, позоръ для живыхъ, радость для воробьевъ, горе для рыбъ. Что это?"

— Ленъ [1]).

Предстали передъ Соломономъ отроки и дѣвушки — всѣ одинаковаго облика и роста и одѣтые одинаково.

Отличи,—сказала царица,—кто отрокъ, кто дѣвушка.

Велѣлъ Соломонъ принести орѣхи и поджаренныя зерна и сталъ угощать ихъ. И вотъ, отроки, не стѣсняясь поднимали края одеждъ и всыпали въ нихъ предложенное угощеніе; дѣвушки-же застѣнчиво клали орѣшки въ чадры свои.

— Вотъ,—сказалъ Соломонъ,—тѣ—мущины, а эти—женщины.

Тогда сказала царица Савская:

— Не довѣряла я слухамъ, но теперь, когда сама вижу, убѣдилась я, что и на половину не знала, сколь велика мудрость твоя. Блаженны подданные твои и блаженны рабы твои!

Привелъ Соломонъ царицу въ покои чертога своего.

Подарила Соломону царица Савская дары изъ золота и лучшаго серебра. А Соломонъ, въ благодарность ей, далъ царицѣ Савской все, чего желала она. *(Тарг.-Ш.; Мид. Миш.).*

XXIV. Дочь Фараона.

Ночью того дня, когда окончено было построеніе храма, состоялась женитьба Соломона на дочери фараоновой, Биѳіи [2]).

Такимъ образомъ, совпали два празднества: торжество освященія храма и вѣнчальный пиръ Соломона.

И вѣнчальное пиршество дочери фараоновой превзошло, по блеску и роскоши, первое празднество храма Господняго. Возымѣлъ тогда-же Господь намѣреніе разрушить Іерусалимъ, какъ гласитъ Писаніе: „На гнѣвъ и на досаду Мнѣ существуетъ городъ этотъ съ того дня, какъ построили его".

По преданію отъ раби Хоніи—разныхъ восемьдесятъ плясокъ проплясала Биѳія въ ту ночь предъ Соломономъ.

По другому преданію — тысячу инструментовъ музыкальныхъ привезла она и въ то время, когда музыканты играли на нихъ на пиршествѣ въ ту ночь, она говорила, поясняя Соломону:

— Вотъ этотъ гимнъ исполняется у насъ въ честь такого-то божества, а этотъ—въ честь такого-то.

И что еще сдѣлала она? Надъ ложемъ Соломона поставила балдахинъ, осыпанный съ внутренней стороны драгоцѣн-

---

[1]) Почетъ для мертвыхъ—саванъ, позоръ для живыхъ—веревка для висѣлицы, радость для воробьевъ, клюющихъ льняныя зерна, горе для рыбъ—сѣти.

[2]) Дочь Писебханина, послѣдняго фараона XXI династіи.

ными камнями, сверкавшими въ ночной тѣни подобно звѣздамъ и планетамъ. Каждый разъ, когда Соломонъ, проснувшись, собирался вставать, онъ принималъ блескъ каменьевъ за сіяніе звѣздное — и такъ проспалъ онъ до четвертаго часа послѣ восхода солнца.

По преданію отъ раби Леви — въ тотъ день тамидъ [1]) былъ совершенъ лишь четыре часа послѣ восхода солнечнаго, ключи-же отъ Храма находились у Соломона и хранились подъ изголовьемъ у него. Глубоко огорченъ былъ народъ невозможностью приступить своевременно къ торжеству освященія Храма, но будить царя никто не рѣшался. Пошли къ Вирсавіи, матери Соломоновой, и разсказали ей. Пришла Вирсавія, разбудила Соломона и примѣрно наказала его: сняла сандалій съ ноги своей и, сыпля удары, приговаривала: „А что, чадо мое? А каково, плодъ чрева моего?!... (*Мид.-Миш.)*.

„Соломонъ породнился съ фараономъ, царемъ египетскимъ и взялъ за себя дочь фараона".

Въ тотъ часъ, когда Соломонъ взялъ за себя дочь фараона, сошелъ архангелъ Гавріилъ и опустилъ тростину въ море; на томъ мѣстѣ образовалась мель, на которой впослѣдствіи основанъ былъ Римъ. *(Шаб., 56)*.

XXV. „Шамиръ".

„И когда строился Домъ, то строился изъ цѣльныхъ, обтесанныхъ камней; ни молота, ни топора, ни всякаго другого желѣзнаго орудія не было слышно при строеніи его".

Зналъ Соломонъ, что мѣсто нахожденія червя „Шамиръ" извѣстно одному только Асмодею, князю дьяволовъ. Обиталъ-же Асмодей въ пещерѣ подъ горой и былъ тамъ колодезь, закрытый камнемъ съ печатью Асмодея на немъ.

Изо дня въ день всходилъ Асмодей на небо, гдѣ изучалъ мудрость небесную, оттуда возвращался на землю для изученія земной мудрости, послѣ чего приходилъ къ своему колодцу и, убѣдившись предварительно, что печать цѣла, отодвигалъ камень, напивался воды и, снова закрывъ и запечатавъ колодецъ, уходилъ.

Призвалъ Соломонъ Бенаю, сына Іегоіады, далъ ему цѣпь и перстень, на которыхъ Шемъ-Гамфорашъ начертанъ былъ, и далъ ему руно овечье, да мѣхи съ виномъ и послалъ его къ Асмодею.

---

[1]) Жертва постоянная, ежедневная.

Пришелъ Беная къ пещерѣ Асмодеевой, и вотъ что сдѣлалъ онъ: ниже того мѣста, до котораго доходилъ колодецъ, выкопалъ яму и, спустивъ туда всю воду, отверстіе законопатилъ шерстью; продѣлавъ затѣмъ отверстіе поверхъ колодца, вылилъ въ устье вино изъ мѣховъ. Покончивъ съ этимъ, взобрался на дерево и сталъ ждать прихода Асмодея.

Асмодей явился, осмотрѣлъ печать, открылъ колодецъ и видитъ: вмѣсто воды—вино.

— Ну, нѣтъ сказалъ Асмодей: „Вино глумливо, сикера буйна, и неразуменъ тотъ, кто увлекается ими [1]).

Отошелъ и пить не сталъ. Но жажда стала невыносимо мучить его. Не выдержалъ Асмодей, выпилъ таки все вино изъ колодца, захмелѣлъ и заснулъ крѣпкимъ сномъ. Сошелъ Беная съ дерева и связалъ его цѣпью.

Проснулся Асмодей и бушевать началъ.

— Укротись!—сказалъ Беная,—имя Владыки твоего надъ тобою! Имя Владыки надъ тобою!

Взялъ его и повелъ. Поровнялись съ пальмой; почесался объ нее Асмодей и повалилъ ее; проходили мимо одного дома, и его повалилъ Асмодей.

Встрѣтился имъ заблудившійся слѣпой, Асмодей помогъ ему выбраться на дорогу. Попался имъ потомъ шатающійся безъ пути пьяный—и его Асмодей на дорогу вывелъ. При встрѣчѣ со свадебнымъ поѣздомъ, шумнымъ и веселымъ, Асмодей заплакалъ. Нѣкій человѣкъ сандаліи башмачнику заказывалъ, приговаривая: „такія сшей мнѣ сандаліи, чтобъ на семь лѣтъ хватало!“—расхохотался Асмодей. Проходили мимо колдуна въ то время, когда тотъ колдованія свои производилъ,—и тутъ расхохотался Асмодей.

Привели Асмодея къ Соломону. Взялъ Асмодей тростину, отмѣрилъ четыре локтя и, бросивъ тростину передъ Соломономъ, сказалъ:

— Вотъ пространство, которое останется у тебя послѣ смерти, а нынѣ ты міръ весь покорилъ, и этимъ не довольствуешься,—еще меня поработить захотѣлъ!

— Я отъ тебя ничего не домогаюсь,—отвѣчалъ Соломонъ,—кромѣ одного. Я собираюсь построить храмъ Господень и мнѣ нуженъ для этого „Шамиръ“.

— „Шамиръ“,—отвѣчалъ Асмодей,—находится не у меня, но у духа морского, а духъ морской довѣряетъ его, подъ присягой, только пѣтуху Баръ.

— А что дѣлаетъ съ „Шамиромъ“ пѣтухъ Баръ?

— Придя въ необитаемую скалистую мѣстность, положитъ „Шамиръ“ на утесъ, утесъ раскалывается; броситъ Баръ въ

---

[1]) Притчи Соломоновы, XX.

разсѣлину сѣмена древесныя, — на томъ мѣстѣ и возникнетъ поселеніе.

Отыскали гнѣздо пѣтуха Баръ. Покрыли гнѣздо матовымъ стекломъ. Явился пѣтухъ Баръ. Видя невозможность проникнуть въ гнѣздо, взялъ онъ „Шамиръ“ и положилъ его на стекло, дабы оно раскололось. Бросили въ пѣтуха Баръ комомъ земли, выронилъ онъ „Шамиръ“; подобрали червя и унесли.

Увидалъ пѣтухъ Баръ, что не сдержалъ клятвы своей, пошелъ и удавился.

Спрашивалъ Беная Асмодея:

— Почему, когда тебѣ встрѣтился сбившійся съ дороги слѣпой, ты помогъ ему выбраться на дорогу.

— Объ этомъ слѣпомъ оповѣщено въ небесахъ, что онъ праведникъ истый и что тотъ, кто доставитъ ему хотя краткое облегченіе, стяжаетъ душѣ своей жизнь вѣчную.

— А пьянаго зачѣмъ ты на дорогу вывелъ?

— О немъ оповѣщено было въ небесахъ, что это нечестивецъ неисправимый,—и я доставилъ ему минутное удовольствіе въ земной жизни, дабы окончательно лишить его и малѣйшей доли въ жизни вѣчной.

— Почему ты при встрѣчѣ со свадебнымъ поѣздомъ заплакалъ?

— Потому, что жениху тому предназначено умереть, не проживъ и тридцати дней послѣ свадьбы, а женѣ его—тринадцать лѣтъ ждать, доколѣ подростетъ малолѣтній деверь ея [1]).

— Почему ты разсмѣялся, слыша, какъ человѣкъ тотъ, заказывая себѣ сандаліи, требовалъ, чтобы ихъ хватило ему на семь лѣтъ?

— Самому ему семи лѣтъ не прожить, а онъ сандаліями на семь лѣтъ запасается!

— Почему надъ колдуномъ разсмѣялся ты?

— На томъ мѣстѣ, гдѣ колдунъ сидѣлъ тогда, кладъ богатѣйшій зарытъ. А онъ ворожитъ себѣ и о кладѣ, что подъ нимъ находится, и не подозрѣваетъ!...

XXVI. Изъ царей въ нищіе.

Соломонъ удержалъ при себѣ Асмодея до окончанія всѣхъ работъ по постройкѣ Храма.

Однажды, когда они оставались одни, спросилъ Соломонъ Асмодея:

---

[1]) Чтобы сдѣлаться женою его,—согласно Моисееву закону о „ibum“ и „chaliza“.

— Скажи, чѣмъ *вы* сильнѣе насъ, людей?

На это Асмодей отвѣтилъ:

— Освободи меня отъ цѣпей, да передай мнѣ перстень свой, и тогда я сумѣю показать тебѣ, чѣмъ мы сильнѣе людей.

Снялъ съ него Соломонъ цѣпь и далъ ему свой перстень. Наступилъ Асмодей на Соломона и поглотилъ его. Уперся потомъ однимъ крыломъ въ землю, другимъ въ небо и, извергнувъ Соломона, размахнулся и закинулъ его за четыреста парса. Вспоминая объ этой минутѣ, Соломонъ сказалъ въ „Екклезіастѣ“:

— „Что пользы человѣку при всѣхъ трудахъ его подъ солнцемъ?“ „И *это* было моею долею отъ всѣхъ трудовъ моихъ!“—Ничего, кромѣ посоха, не осталось у меня. „Я царемъ былъ надъ Израилемъ“, а нынѣ—я царь только надъ посохомъ моимъ...

Пошелъ Соломонъ у чужихъ пороговъ подаянія просить:

— Я,—говорилъ онъ,—Проповѣдникъ, былъ царемъ надъ Израилемъ въ Іерусалимѣ“.

— Царь Соломонъ,—отвѣчали ему,—возсѣдаетъ на тронѣ своемъ въ Іерусалимѣ, а ты юродствуешь.

И били его тростинами, а поѣсть давали миску крупника.

И Соломонъ говорилъ:

— „Вотъ доля моя отъ всѣхъ трудовъ моихъ!“

— — — — — — — — —[1])

Когда Соломонъ предсталъ предъ Синедріономъ, мудрые старцы говорили въ недоумѣніи:

— Обыкновеннымъ юродивымъ однопредметное помѣшательство не свойственно. Что-же представляетъ изъ себя этотъ человѣкъ?

Опросили Бенаю:

— Призывалъ-ли тебя царь?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Беная.

Посылали къ женамъ Соломоновымъ:

— Что съ царемъ? Приходилъ онъ къ вамъ?

— Какъ-же, приходилъ,—получился отвѣтъ.

Вторично послали туда-же:

— Осмотрите-ка ноги у него.

---

[1]) Въ источникахъ, откуда взята настоящая легенда, пропущенъ промежуточный моментъ, фактическая сущность котораго подсказывается послѣдующимъ содержаніемъ легенды.—Отсутствіе Соломона не было замѣчено ни въ Синедріонѣ, ни въ домѣ царскомъ, такъ какъ Асмодей принялъ его образъ.

— Онъ все время обуви не снималъ [1]), — отвѣтили жены Соломоновы.

Тутъ все и обнаружилось...

Приняли тогда Соломона и возвратили ему перстень и цѣпь съ начертаніемъ Шемъ-Гамфораша. Асмодей, видя это, улетучился. (*Гит.*, *68*; *Танх.-Гак.*).

XXVII. Порція зелени.

Во время странствій Соломона въ обликѣ нищенскомъ, подошелъ къ нему нѣкій человѣкъ и почтительно просить его началъ,—зайти гостемъ въ домъ его:

— Государь мой, царь! Соблаговоли зайти и призрѣть на меня сегодня.

Привелъ тотъ человѣкъ Соломона въ домъ свой, пригласилъ въ верхнюю горницу и велѣлъ подать на столъ тельца жареннаго и множество другихъ яствъ. За обѣдомъ хозяинъ сталъ напоминать Соломону о разныхъ дѣлахъ его, какъ царя Израильскаго: „Помнишь, молъ, то-то и то-то совершенное тобою, когда ты еще царемъ былъ?"

Застоналъ Соломонъ, зарыдалъ горестно при воспоминаніяхъ этихъ; плакалъ все время обѣда и съ плачемъ ушелъ изъ дома того.

На завтра подошелъ къ Соломону другой человѣкъ и также просить его сталъ:

— Государь мой, царь! Окажи мнѣ честь—призри на меня сегодня.

— Не затѣмъ-ли ты зовешь меня,—отвѣчалъ Соломонъ,—чтобъ поступить со мною такъ, какъ поступилъ тотъ, пріятель твой?

— Государь,—отвѣчалъ этотъ,—я человѣкъ бѣдный; если ты окажешь мнѣ честь зайти ко мнѣ, я могу предложить тебѣ лишь немного зелени, — все, что имѣется у меня. Если ты на это согласенъ, то зайди въ жилище мое.

Когда они пришли, хозяинъ омылъ у гостя лицо, руки и ноги и подалъ на столъ свой обѣдъ, состоявшій изъ небольшой порціи зелени. Пока Соломонъ ѣлъ, хозяинъ говорилъ ему слова утѣшенія:

— Государь!—говорилъ онъ,—Господь поклялся отцу твоему, что не прекратится царствованіе потомковъ его. И такъ обычно у Господа: наказуетъ—и милуетъ. И вѣрю я, что Пресвятой-Благословенный еще возвратитъ тебя въ царство твое.

---

[1]) Чтобы не обнаружить козлиныхъ копытъ своихъ. По комментарію-же Раши—у Асмодея, вмѣсто ногъ, пѣтушиныя лапки.

Возвратившись къ власти царской, Соломонъ, вспоминая о разсказанномъ, записалъ для Притчей своихъ:

„Лучше угощеніе изъ зелени, — бѣднякомъ предложенное мнѣ, — нежели откормленный быкъ, которымъ угощалъ меня богачъ для того только, чтобы напомнить мнѣ о горестномъ положеніи моемъ“. *(Іалк.)*.

XXVIII. Іеровоамъ.

Въ тотъ день, когда царемъ Іеровоамомъ поставлены были два золотыхъ тельца: одинъ въ Веѳилѣ, другой въ Данѣ, построенъ былъ первый шалашъ на томъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи основанъ былъ Римъ. ¹). (*Шаб.*, *56)*.

„И послѣ этого событія не сошелъ Іеровоамъ съ своей худой дороги“.

Послѣ какого событія?

По сказанію раби Аба:

— Обратись на путь истинный,—настоятельно говорилъ Господь Іеровоаму, — и будешь ты и сынъ Іессеевъ (Давидъ) совершать прогулки со Мною въ садахъ Едемскихъ.

— А кто изъ насъ двоихъ первое мѣсто займетъ при Тебѣ?—спросилъ Іеровоамъ?

— Сынъ Іессеевъ,—отвѣтилъ Господь.

— Если такъ, то я не согласенъ,—заявилъ Іеровоамъ.

(Санг., *102)*.

XXIX. Илія и жрецы Ваала.

„Пусть дадутъ намъ двухъ тельцовъ, и пусть они (жрецы Ваала) выберутъ себѣ одного тельца“ — — — „а я приготовлю другого тельца“ — — — „и призовите вы имя бога вашего, а я призову имя Господа“, — говорилъ пророкъ Илія жрецамъ Вааловымъ: „тельцовъ-же возьмите, рожденныхъ двойней и у однихъ яслей вскормленныхъ, и киньте жеребьи, которому изъ нихъ быть для Господа и которому для Ваала“. Кинули жеребьи. Телецъ, доставшійся Иліи, тотчасъ пошелъ за нимъ, а тотъ телецъ, которому выпалъ жребій Вааловъ, стоялъ, не трогаясь съ мѣста; всѣ жрецы Вааловы и пророки рощи, идолу сему посвященной, собрались тутъ, но и общими усиліями сдвинуть его не могли. Продолжалось это до тѣхъ поръ, пока Илія не обратился къ тельцу, сказавъ:

— Ступай съ ними.

---

¹) Отъ котораго пришли многія бѣды на народъ израильскій.

Заговорилъ телецъ человѣческимъ голосомъ и такъ сказалъ Иліи передъ всѣмъ народомъ:

— Я и товарищъ мой—оба мы отъ одного чрева рождены и отъ одного тельца зачаты были, на одномъ пастбищѣ выросли, у однихъ яслей вскормлены. И что-же? Ему выпалъ жребій быть для Господа, и надъ нимъ имя Господне освятится, а мнѣ—сдѣлаться жертвой Вааловой и вызвать гнѣвъ Создателя моего!

— Телецъ! Телецъ! — отвѣчалъ Илія,—напрасенъ страхъ твой. Будь послушенъ имъ, дабы не было отговорки у нихъ. Имя-же Господне освятится и черезъ тебя точно также, какъ и черезъ тельца, который взятъ мною.

— И это рѣшительный совѣтъ твой?—возразилъ телецъ,— тогда клянусь: я не сойду съ этого мѣста, пока ты самъ изъ рукъ въ руки не передашь меня имъ.

„И взяли они тельца, котораго онъ и далъ имъ", т. е. тельца, котораго передалъ имъ Илія. *(Танх.*; *Бам.-Р.*, *23)*.

XXX. Іона.

„И всталъ Іона, чтобы убѣжать въ Ѳарсисъ отъ лица Господня".

Почему убѣжалъ Іона?

Вотъ почему: въ первый разъ Господь посылалъ его, чтобы обратить на путь правый народъ Израильскій, и слова Іоны оправдались: „онъ [1]) возстановилъ предѣлы Израиля отъ края Елаѳскаго до моря пустыни, по слову Господа, Бога Израилева, которое Онъ изрекъ черезъ раба своего Іону, сына Амиѳіина, пророка изъ Гаѳхефера". Въ слѣдующій разъ онъ посланъ былъ пророчествовать о разрушеніи Іерусалима, но Израиль принесъ покаяніе, и сжалился Господь и не разрушилъ Іерусалима. Съ тѣхъ поръ Іону прозвали лжепророкомъ. Теперь, когда Господь снова посылалъ его для пророчества, на сей разъ въ Ниневію, сталъ размышлять Іона такъ:

„Мнѣ извѣстно, что народъ тамошній склоненъ къ раскаянію; раскаются ниневійцы, Господь обратитъ гнѣвъ Свой на Израиля. И мало того, что израильтяне меня лжепророкомъ прозвали, меня и другіе народы тѣмъ-же назовутъ. Убѣгу я лучше".

Пришелъ Іона въ Іоппію (Яффа), но тамъ корабля не оказалось. Навелъ Господь штормъ на корабль, находившійся на разстояніи двухъ дней пути отъ Іоппіи, и вернулъ его въ гавань.

Видя это, обрадовался Іона:

---

[1]) Царь Іеровоамъ.

— „Нынѣ, — разсудилъ онъ, — я узналъ, что дѣянія мои угодны въ очахъ Господа“.

И обратился къ корабельщикамъ:

— Возьмите меня въ плаванье съ собою.

— Мы въ Ѳарсисъ отправляемся,—замѣтили ему.

— И я съ вами—въ Ѳарсисъ.

Отплыли день пути, и поднялся штормъ — со всѣхъ сторонъ забушевалъ. При этомъ всѣ другія корабли спокойно проходили по всѣмъ направленіямъ, а штормомъ терзало ужасно только тотъ корабль, на которомъ находился Іона.

„И устрашились корабельщики, и взывали каждый къ своему богу“.

По объясненію раби Хананіи—на этомъ кораблѣ находились люди всѣхъ семидесяти народностей; каждый держалъ въ рукахъ изображеніе своего божества: „Будемъ, — говорили они,—взывать каждый къ богу своему, и того изъ боговъ, который услышитъ насъ и избавитъ отъ бѣдствія, мы признаемъ богомъ надъ собою“.

Взывали всѣ, каждый къ своему богу, но напрасно.

Іона-же въ то время спустился во внутренность корабля, легъ и въ тоскѣ душевной заснулъ.

Пришелъ къ нему кормчій и сказалъ:

— Мы находимся между жизнью и смертью, а ты лежишь и спишь! Изъ какого племени ты?

— Еврей я.

— А вѣдь говорятъ люди, что Богъ евреевъ—Богъ великій. Встань, воззови къ Богу твоему: можетъ быть, Богъ вспомнить о насъ, и мы не погибнемъ—и сотворитъ намъ чудо, какое вамъ на Чермномъ морѣ совершилъ.

— Не стану скрывать отъ васъ,—отвѣтилъ Іона, — изъ-за меня пришло бѣдствіе это на васъ. Возьмите меня и бросьте въ море, и стихнетъ море для васъ.

Не рѣшались люди тѣ бросить Іону въ море. Бросили жеребьи, и палъ жребій на Іону. Всѣ вещи, какія были на кораблѣ побросали въ воду; это не помогло; стали-было усиленно грести, чтобы возвратиться на сушу,—это оказалось невыполнимымъ. Что было дѣлать? Взяли они Іону и, подойдя съ нимъ къ борту, воззвали:

— Господи, Богъ вселенной! Да не падетъ на насъ кровь невиннаго и да не погибнемъ мы за душу человѣка этого; ибо неизвѣстно намъ, каковы свойства и каковы дѣла его. Но самъ онъ говоритъ: „За меня бѣда эта постигла васъ“.

Взяли они Іону, до колѣнъ опустили его въ воду — море сразу утихло. Подняли его обратно на судно — море снова забушевало. Опустили его по горло—море утихло. Извлекли его—штормъ налетѣлъ снова. И только когда они бросили его въ воду, море утихло совершенно.

„И *предуготовилъ* Господь большую рыбу, чтобы поглотить Іону".

По сказанію р. Тарфона — рыба эта предуготована была Господомъ въ первые дни творенія.

Въ пасть этой рыбы попалъ Іона — точно въ просторный домъ вошелъ и стоитъ себѣ свободно. Глаза этой рыбы давали Іонѣ свѣтъ, точно два окна.

По сказанію р. Меира — внутри рыбы повѣшенъ былъ самоцвѣтный камень, который свѣтилъ Іонѣ подобно солнцу въ полдень и дѣлалъ видимымъ для него все, что въ морѣ и въ бездонныхъ глубинахъ его.

Сказала рыба Іонѣ:

— Тебѣ, повидимому, неизвѣстно, что близокъ часъ мой, и я поглощена буду левіаѳаномъ.

— Приведи-ка меня къ нему,—сказалъ Іона,—я и тебя, и себя спасу.

Подплыла рыба съ Іоною къ левіаѳану. Обратился Іона къ левіаѳану и сказалъ:

— Левіаѳанъ! Да будетъ вѣдомо тебѣ, что ради тебя явился я сюда: мѣсто, гдѣ пребываешь ты, мнѣ осмотрѣть надо. Но этого мало: я тотъ, кому предназначено на языкъ тебѣ арканъ накинуть, изъ моря тебя извлечь и закласть для великаго пиршества праведниковъ.

Метнулся левіаѳанъ и оказался сразу вдали отъ Іоны на разстояніи двухъ дней пути.

— Послушай,—сказалъ Іона рыбѣ, — вотъ, я спасъ тебя отъ левіаѳана; покажи-же ты мнѣ все, что въ морѣ и въ безднахъ его находится.

Показала рыба ему ту Великую Рѣку, которая самый океанъ водами питаетъ; показала тѣ пути въ Чермномъ морѣ, которыми израильтяне по дну его прошли; показала то мѣсто въ морѣ, гдѣ шквалы и смерчи зарождаются; показала ему устои земли и основанія ея, и адъ, и бездны преисподней. И показала она ему Святилище Предвѣчнаго и „эвенъ-шетіа"—камень краеугольный, заложенный въ безднѣ подъ Святилищемъ этимъ, а на камнѣ томъ сыны Кореевы [1]) стоятъ и Господу славословія возносятъ.

И сказала рыба Іонѣ:

— Сейчасъ мы находимся какъ разъ противъ Святилища Господня. Помолись—и услышана будетъ молитва твоя.

— Остановись-же,—отвѣчалъ Іона,—на этомъ мѣстѣ, и я помолюсь Господу.

---

[1]) Псалтирь, 42, 44—49.

Рыба остановилась—и воззвалъ Іона къ Господу, говоря:

— Владыка міра! „Низвергающій и вновь Подъемлющій“—названіе Твое. Низверженъ я,—подъемли меня! „Умерщвляющій и Воскрешающій“—имя Тебѣ. На порогѣ смерти душа моя, — воскреси меня!

Не была услышана молитва Іоны, пока не воззвалъ онъ:

— Господи! Обѣтъ, который я далъ, я исполню: обѣщалъ я поднять изъ моря левіаѳана и заклaсть его для великаго пира праведниковъ—и это исполню я въ тотъ день, когда придетъ спасеніе Твое.

По мановенію перста Господня, рыба извергла Іону на сушу. *(П. д. Ел.; Мид. Іона).*

XXXI. Іезекія и Исаія.

Царь Іезекія и пророкъ Исаія не ходили другъ къ другу. Іезекія говорилъ:

— Пусть Исаія первый придетъ ко мнѣ. Такъ поступилъ и пророкъ Илія: пришелъ самъ къ царю Ахаву.

А Исаія на это отвѣчалъ:

— Пусть Іезекія первый придетъ ко мнѣ, по примѣру Іорама, сына Ахава, который первый пришелъ къ пророку Елисею.

Ниспослалъ Господь недугъ на Іезекію, а Исаіи сказалъ:

— Иди, провѣдай болящаго.

Пришелъ къ Іезекіи Исаія сынъ Амосовъ и сказалъ ему:

— Такъ говоритъ Господь: „Сдѣлай завѣщаніе для дома своего, потому что *ты умрешь и не будешь жить*“: умрешь — для земной жизни, и не будешь жить — въ мірѣ загробномъ.

— За что мнѣ двойная кара?—спросилъ Іезекія.

— За то, что ты безбрачнымъ остался.

На это Іезекія сказалъ:

— Мнѣ извѣстно стало черезъ Духа Святого, что дѣти, которыя родятся отъ меня, будутъ людьми недостойными.

— Тебѣ-ли тайны Господни вѣдать? Тебѣ надлежало исполнять то, что повелѣно тебѣ, а Господь совершитъ по волѣ Своей.

— Выдай теперь за меня дочь свою, Исаія! Можетъ быть, ради общихъ заслугъ нашихъ, отъ меня достойное потомство произойдетъ.

— Приговоръ Предвѣчнаго надъ тобой произнесенъ.

— Сынъ Амосовъ! Кончай прорицанія свои и уходи, — воскликнулъ Іезекія, — отъ прадѣда моего (отъ Давида) живъ

завѣтъ въ семьѣ нашей:—„Даже когда мечъ острый уже на шеѣ твоей лежитъ, не переставай уповать на милосердіе Божіе“ [1]). *(Бер., 10)*.

XXXII. Меродахъ-Баладанъ.

Вавилонскій царь Меродахъ-Баладанъ имѣлъ обыкновеніе обѣдать въ три часа и спать послѣ этого до девяти часовъ вечера. Сдѣлалъ онъ тоже самое и въ тотъ день, когда движеніе солнца было задержано ради знаменія царю Іезекіи. Вставъ отъ послѣ-обѣденнаго сна, царь былъ изумленъ, вмѣсто вечернихъ сумерокъ увидя кругомъ свѣтъ утра. Возмущенный нерадивостью слугъ, давшихъ ему (какъ онъ полагалъ) проспать до утра, онъ готовъ былъ убить ихъ за это.

— Какъ осмѣлились вы, — кричалъ онъ, — оставить меня спать весь день и всю ночь?!

— Государь!—отвѣчали слуги, — нынѣшній день вернулся назадъ къ утру своему.

— А чьимъ богомъ совершено это?

— Богомъ царя Іезекіи.

— А развѣ существуетъ богъ болѣе могущественный, нежели тотъ, которому поклоняюсь я?

— Государь, — отвѣчали слуги, — Богъ царя Іезекіи могущественнѣе всѣхъ боговъ вселенной.

Тогда—„послалъ Меродахъ-Баладанъ, сынъ Баладана, царь Вавилонскій, письма и дары Іезекіи“. Писалъ онъ такъ:

„Миръ и привѣтъ Іезекіи, царю, миръ Іерусалиму и миръ великому Богу“.

Послѣ того, какъ письма были отданы для отсылки ихъ къ Іезекіи, сообразилъ Меродахъ-Баладанъ, что поступилъ онъ не такъ, какъ слѣдовало:

— Привѣтъ Іезекіи и Іерусалиму написалъ я раньше и только потомъ привѣтъ Богу.

Всталъ онъ съ трона и, сдѣлавъ три шага, чтобы вернуть прежнія письма, написалъ, вмѣсто прежнихъ другія письма, которыя гласили:

„Миръ и привѣтъ Богу великому, миръ Іерусалиму и миръ Іезекіи“.

Тогда сказалъ Господь:

— Изъ уваженія ко Мнѣ ты всталъ съ трона и три шага сдѣлалъ. За это Я произведу изъ потомковъ твоихъ трехъ царей, которые властвовать будутъ отъ края до края міра; имена ихъ: Навуходоносоръ, Евилъ-Меродахъ и Валтасаръ. *(Танх.)*.

---

[1]) И чудо Милосердія совершилось: Іезекія былъ исцѣленъ и прожилъ послѣ того пятнадцать лѣтъ. Знаменіемъ обѣщаннаго ему исцѣленія послужило такое чудесное явленіе: тѣнь на солнечныхъ часахъ Ахазовыхъ возвратилась назадъ на десять ступеней (II Цар., XX).

XXXIII. Манассія.

Преданіе отъ Симеона бенъ Азаіи.

— Въ найденномъ мною въ Іерусалимѣ „Спискѣ родословій“ я нашелъ такую запись:

„Пророкъ Исаія былъ убитъ царемъ Манассіей. Когда Манассія поставилъ въ Святилищѣ изображеніе идола, Исаія сталъ пророчествовать передъ народомъ, говоря отъ имени Господа: „Почему гордитесь вы храмомъ, построеннымъ Мнѣ? Ни высшіе, ни низшіе міры не вмѣщаютъ величія Моего,—такъ нуженъ-ли храмъ вашъ Мнѣ? „Гдѣ-же вы домъ построите Мнѣ и гдѣ мѣсто для присутствія моего“? Вотъ, идетъ Навуходоносоръ — разрушитъ онъ домъ тотъ и васъ въ изгнаніе уведетъ!“

Разгнѣвался Манассія. „Взять его!“ — крикнулъ онъ слугамъ своимъ. Убѣжалъ Исаія въ лѣсъ, произнесъ Шемъ-Гамфорашъ и исчезъ, поглощенный стволомъ кедра. Но при этомъ остались наружу кисти, вплетенныя въ края его одежды. Разсказали объ этомъ Манассіи; послалъ онъ туда плотниковъ. Начали плотники дерево то распиливать и стала кровь капать и течь. Когда дошла пила до устъ Исаіи, отлетѣла душа его. Ибо устами своими согрѣшилъ онъ, сказавъ: „Живу среди народа, котораго *уста нечисты. (Іеб., 49; Песик., 4; Іеруш. Санг.).*

Манассіи явился во снѣ равъ Аши.

— Зачѣмъ,—спросилъ равъ Аши,—вы идоламъ поклонялись?

— Если-бы ты жилъ въ томъ поколѣніи, — отвѣтилъ Манассія,—ты бы ухватился за край облаченія идольскаго и за идоломъ бѣжалъ-бы *(Санг., 101).*

„И привелъ Господь на нихъ военачальниковъ царя Ассирійскаго, и заключили они Манассію въ кандалы, и оковали его оковами и отвели его въ Вавилонъ“.

Манассію посадили въ мѣдный котелъ, въ которомъ продѣланы были отверстія, а подъ котломъ разложили огонь. И въ такой бѣдѣ находясь, Манассія не отвратился отъ идолопоклонства, и не было того идола, къ которому онъ не взывалъ-бы: „Идолъ такой-то! Приди, спаси меня!“ Видя, что никто изъ нихъ не приходитъ на помощь ему, Манассія сказалъ: „Помнится мнѣ—отецъ мой, молясь, взывалъ, бывало, такъ: „Когда ты въ бѣдствіи будешь — — — то обратишься къ Господу, Богу твоему“. И вотъ, я нынѣ взываю къ Нему. Услышитъ Онъ меня—хорошо, нѣтъ—я буду знать, что божества—всѣ одинаковы“.

Ангелы Служенія стали запирать всѣ окна небесныя, дабы не давать молитвѣ Манассіи доступа къ Господу.

— Владыка міровъ!—говорили они,—человѣкъ, который дерзнулъ поставить идолъ въ Святилищѣ Твоемъ—возможно-ли раскаяніе для него?

Отвѣчалъ Господь.

— Но если Я отвергну его раскаяніе, Я этимъ поставлю преграду для всѣхъ другихъ кающихся.

И для молитвы Манассіиной Господь открылъ доступъ подъ подножіе Престола Небеснаго. „И услышалъ Господь моленія его и возвратилъ его въ Іерусалимъ, на царство его“. *(Песик.)*.

XXXIV. „Это—и еще другое“.

По преданію отъ р. Хіи баръ Абуія:

У царя Іоакима было начертано на черепѣ: „это — и еще другое“.

Дѣдомъ р. Перейды найденъ былъ, валявшійся у воротъ Іерусалимскихъ, человѣческій черепъ, на которомъ было начертано: „Это—и еще другое“. Предалъ онъ черепъ этотъ погребенію, но черепъ вышелъ на поверхность земли. Вторично похоронилъ—и черепъ вторично вышелъ наружу. Понялъ онъ тогда, что это черепъ Іоакима, о которомъ сказано въ Писаніи: „Ослинымъ погребеніемъ онъ будетъ погребенъ: его вытащатъ и бросятъ далеко за ворота Іерусалима“.

„Однако-же, онъ былъ царемъ, подумалъ дѣдъ р. Перейды, и оставлять его на позоръ не подобаетъ“.

Взялъ онъ черепъ, завернулъ его въ шелковыя ткани и въ ковчегъ положилъ.

Увидала это жена его, пошла и разсказала сосѣдкамъ, а тѣ начали говорить ей:

— Это—черепъ первой жены его. Онъ все еще забыть ее не можетъ.

Затопила она печь и сожгла черепъ.

Узнавъ объ этомъ, дѣдъ р. Перейды сказалъ:

— Вотъ что означала надпись на черепѣ „это — и еще другое“. *(Санг., 82)*.

Разрушеніе Перваго храма.

I. Плачъ вѣчный.

О посланныхъ Моисеемъ изъ пустыни Фарана „высмотрѣть землю Ханаанскую“ сказано:

„И, высмотрѣвши землю, возвратились они ——— и говорили: „не можемъ мы идти противъ народа сего, ибо онъ сильнѣе насъ“. И подняло все общество вопль, и плакалъ народъ во всю ту ночь, и роптали на Моисея и Аарона“.

Сказаніе отъ раби Іоханана:

— И сказалъ Господь. „Вы плакали тогда безъ причины. И вотъ, Я установлю для васъ плачъ изъ рода въ родъ, плачъ вѣчный“. День тотъ былъ девятое Аба. *(Таан., 29)*.

II. Девятое Аба.

Преданіе гласитъ:

Разрушеніе храма произошло въ девятый день мѣсяца Абъ, на исходѣ субботняго дня и „субботняго года“. Въ тотъ день храмовую службу отправляли Іоаривиды; левиты стояли на эстрадѣ своей и пѣли славословія. „Онъ воздастъ имъ, — пѣли они, — за ихъ беззаконіе, за ихъ злодѣйство Онъ истребитъ ихъ —— “. И не успѣли они допѣть до конца — „истребитъ ихъ Господь, Богъ нашъ“, какъ ворвались въ храмъ язычники и схватили ихъ.

Седьмого Аба ворвались язычники въ храмъ Господень, пировали тамъ и святотатствовали впродолженіи трехъ дней и въ вечеръ девятаго подожгли храмъ. Пожаръ продолжался весь день десятаго Аба. О томъ и гласятъ слова пророка:

„Горе намъ! День догораетъ,
Тѣни ложатся вечернія“ и пр. *(тамъ-же)*.

III. На развалинахъ Іерусалима.

„И находился городъ въ осадѣ — — и голодъ усилился въ городѣ".

Собирались на базарахъ дочери сіонскія, встрѣчались и спрашивали одна другую:

— Зачѣмъ ты сюда пришла? Вѣдь ты прежде никогда на базаръ не ходила?

— Скрывать-ли мнѣ отъ тебя? Ужасны муки голода; дольше терпѣть я уже не въ силахъ.

Поддерживая одна другую, ходили онѣ, искали по всему городу и не находили ничего, чѣмъ голодъ утолить. Обезсиленныя, охватывали руками колонны и умирали тутъ и тамъ, на всѣхъ углахъ улицъ. Оставленныя дома грудныя дѣти ихъ ползкомъ пробирались къ нимъ, отыскивали каждое мать свою и, припадая къ груди, брали сосцы ихъ въ ротъ, сосали, но молоко не шло больше изъ остывшей груди—и исходили голодомъ дѣти и падали мертвыми на грудь матерей своихъ.

И было тогда слово Господне Іереміи:

„Встань, иди въ Анаѳоѳу и откупи поле отъ дяди твоего, Анамеила".

И когда вышелъ Іеремія изъ Іерусалима, сошелъ съ неба ангелъ, толкнулъ стопой стѣны Іерусалимскія, и стѣны растрескались. И воззвалъ ангелъ и сказалъ:

— Пусть придутъ враги, пусть войдутъ въ домъ, въ которомъ нѣтъ болѣе хозяина, пусть ограбятъ, пусть разрушатъ его. И пусть войдутъ въ виноградникъ, стражъ котораго оставилъ его и ушелъ, и пусть вырубятъ лозы его, дабы не стали враги эти похваляться, говоря: „мы завоевали мѣсто это!" — Городъ завоеванный завоевали вы, народъ убитый убивали, домъ сожженный сжигали вы.

Пришли враги; на храмовой горѣ поставили они идольскій амвонъ свой.

И было это какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ возсѣдалъ царь Соломонъ, держа совѣтъ со старѣйшинами, какъ лучше святой храмъ украсить. Теперь на мѣстѣ томъ сидѣли враги и совѣтъ держали о томъ, какъ удачнѣе храмъ этотъ сжечь.

Пока шло совѣщаніе, подняли они глаза и увидѣли: сошли четыре ангела съ факелами въ рукахъ и подожгли Святилище со всѣхъ четырехъ сторонъ.

Увидя храмъ объятымъ пламенемъ, взошелъ первосвященникъ на кровлю его, а вслѣдъ за нимъ—группа за группой

взошли юнѣйшіе изъ коганидовъ съ ключами отъ храмовыхъ дверей въ рукахъ; и воззвали они къ Господу и сказали:

— Владыка міра! Недостойные быть сокровищехранителями, заслужившими Твоего довѣрія—возвращаемъ мы Тебѣ ключи отъ Дома Твоего!

И съ этими словами бросили ключи къ небесамъ. Показалось подобіе кисти руки и приняло ключи.

Когда первосвященникъ направился къ выходу, онъ былъ схваченъ воинами Навузарадана и заколотъ возлѣ жертвенника, на томъ мѣстѣ, гдѣ имъ совершалось обыкновенно жертвоприношеніе тамидъ. При видѣ этого дочь его кинулась бѣжать, вопія: „Горе мнѣ, отецъ мой, радость очей моихъ!"—Схватили и ее и закололи,—и кровь ея смѣшалась съ кровью отца.

Видя храмъ, въ пламени, собрали когены и левиты арфы и трубы, бросились съ ними въ огонь и сгорѣли.

Бросились въ огонь и дѣвушки, которыя въ то время ткали завѣсу для ковчега.

Видя неминуемую гибель свою, кинулся Седекія къ подземному ходу, который шелъ отъ дома царскаго до степей Іерихонскихъ. Направилъ Господь оленя по линіи подземнаго хода; погнались за нимъ вавилоняне и настигли его у выхода изъ подземелья въ тотъ моментъ, когда выходили оттуда Седекія съ сыновьями, и вавилоняне тутъ-же схватили ихъ.

Отправилъ Навузараданъ Седекію и сыновей его къ Навуходоносору, предлагая царю поставить Седекіи такой вопросъ:

— Ради чего измѣнилъ ты мнѣ? И по какому закону судить тебя? По уставамъ твоего Бога—ты подлежишь казни за то, что нарушилъ клятву, данную тобою именемъ Его. По закону государственному — ты долженъ быть казненъ потому, что всякій, кто нарушитъ присягу свою царю, подлежитъ смерти.

— Прошу тебя,—сказалъ Седекія Навуходоносору — убей меня первымъ, дабы не видѣть мнѣ крови дѣтей моихъ.

— Насъ убей, государь, сначала, — взмолились къ Навуходоносору сыновья Седекіи, — не дай намъ видѣть пролитую кровь отца нашего!

Навуходоносоръ-же сдѣлалъ такъ: зарѣзалъ передъ Седекіей сыновей его, у Седекіи выкололъ глаза и бросилъ ихъ въ печь, а его самого отвелъ въ Вавилонъ.

И вопилъ Седекія, говоря:

— Придите, люди, взгляните. Пророчествовалъ Іеремія обо мнѣ: „Будешь ты отведенъ въ Вавилонъ и въ Вавилонѣ ты умрешь, но не увидятъ Вавилона глаза твои“. Не желалъ я слушать словъ его. И вотъ—въ Вавилонѣ я, но не видятъ его глаза мои.

Приближаясь, на обратномъ пути изъ Анаѳоѳы, къ Іерусалиму, увидѣлъ Іеремія—дымъ клубится, восходя отъ того мѣста, гдѣ храмъ находится. И подумалъ онъ: „Не раскаялся-ли народъ, возобновивъ жертвоприношенія Господу? Вѣдь это—дымъ отъ воскуреній вижу я“.

Ворота оказались запертыми.

Взошелъ Іеремія на городскія стѣны и увидѣлъ онъ: вмѣсто храма груды камней.

И возопилъ горестно Іеремія и воскликнулъ онъ:

„Ты влекъ меня, Господь,—
Я шелъ, Тобой влекомый“ [1]).

Пошелъ Іеремія дорогой своей. Идетъ и вопитъ:

— Гдѣ путь, которымъ, пошли грѣшные? Гдѣ дорога, которою бредутъ погибающіе? Пойду, погибну вмѣстѣ съ ними.

Идетъ онъ и видитъ—весь путь кровью залитъ и земля по обѣимъ сторонамъ его кровью забрызгана. Пригнулся онъ лицомъ къ землѣ — слѣды малютокъ, слѣды грудныхъ дѣтей на этомъ пути оттиснулись; и склонялся пророкъ къ землѣ и припадалъ устами къ слѣдамъ этимъ. Слѣдя по нимъ, дошелъ онъ до того мѣста, гдѣ находились малютки эти вмѣстѣ съ другими изгнанниками, и обнималъ и лобызалъ ихъ.

Вотъ увидѣлъ пророкъ: толпа юношей заключена подъ ярмо желѣзное—и согнулъ онъ и свою голову подъ ярмо это. Толпа старцевъ брела закованная въ цѣпи. Приникъ къ нимъ пророкъ головой своей. И отъ нихъ удалили его. Увидалъ это Навузараданъ и повелѣлъ отвести его въ сторону. Стоя въ отдаленіи отъ нихъ, плакалъ пророкъ и плакали всѣ, взирая на него.

— „Братья мои! Племя родное!—говорилъ пророкъ,—все это приключилось вамъ за то, что не послушались вы предсказаній моихъ“.

Когда достигли берега Евфрата, Навузараданъ сказалъ Іеремiи:

— Если желаешь, иди со мною въ Вавилонъ.

---

[1]) Когда Іеремiи было слово Господне откупить поле въ Анаѳоѳѣ, въ удѣлѣ Веніаміиномъ, пророкъ, влекомый туда волей Божіей, подумалъ: „Отмѣнилъ Господь кару Свою; враги не разрушатъ храма, и не будетъ изгнанъ народъ изъ земли своей“.

Подумалъ объ этомъ Іеремія и разсудилъ такъ: „Если я пойду въ Вавилонъ, не останется никого, чтобы слово утѣшенія сказать тѣмъ, кто въ Іерусалимѣ остался".

Отошелъ отъ изгнанниковъ Іеремія. А тѣ, видя это, подняли громкій плачъ и завопили горестно:

— „О, Іеремія! О, отецъ нашъ! Вотъ, и ты насъ покидаешь.

Отвѣчалъ Іеремія:

— Небо и землю въ свидѣтели беру: если-бы вы хотя единый разъ заплакали, пока вы въ Сіонѣ находились, вы не были-бы изгнаны оттуда.

— „Горе, горе тебѣ, благодатнѣйшая изъ странъ!" — восклицалъ онъ, идя въ обратный путь свой. А по дорогамъ, тутъ и тамъ, валялись отрубленные пальцы рукъ и ногъ; и подбиралъ онъ ихъ, прижималъ къ груди, цѣловалъ долго и нѣжно, въ складки одеждъ своихъ заботливо заворачивалъ и пряталъ ихъ, и говорилъ рыдая:

— Дѣти, дѣти мои! Не предупреждалъ-ли я васъ, не говорилъ-ли: „Воздайте славу Господу, Богу Вашему, пока Онъ еще не навелъ темноты, пока не спотыкаются ноги ваши на горахъ мрака"?

Про это и гласятъ слова пророка:

„О горахъ подниму
Плачъ и рыданіе,
О степныхъ шалашахъ
Пѣснь плачевную",—

о красивыхъ и славныхъ горахъ нашихъ, о шатрахъ Іаковлевыхъ, превратившихся въ обитель пѣсни плачевной!...

И такъ повѣствовалъ Іеремія:

— Когда я всходилъ къ Іерусалиму, поднялъ я глаза и увидѣлъ: женщина сидитъ на вершинѣ горы, въ одежды черныя облачена, и волосы ея по плечамъ въ безпорядкѣ раскинуты. И вопіетъ, и вопрошаетъ она: О, можетъ-ли быть утѣшеніе для меня?

И я иду, вопія и вопрошая: О, можетъ-ли быть утѣшеніе для меня?

Подошелъ я и заговорилъ съ нею, и спросилъ я: — Если ты человѣкъ, то отвѣчай мнѣ, а если ты духъ—исчезни!

Отвѣчала она:

— Развѣ ты не узнаешь меня? Я та, у которой было семь сыновей: въ далекіе края отецъ ихъ ушелъ; стала я плакать въ тоскѣ по немъ, а въ это время пришли и сказали мнѣ: обрушился домъ и всѣхъ семерыхъ дѣтей убило.—И вотъ, не знаю

я, кого мнѣ теперь оплакивать, по комъ въ трауръ волосы мои распускать.

— Женщина!—сказалъ я ей,—не лучше-же ты матери твоей, обители Сіонской, — она-же пастбищемъ стала для звѣрей полевыхъ!

Отвѣчала она и сказала:

— Это—я, матерь твоя, дщерь Сіонская, семерыхъ родившая!

И сказалъ я:

— Кара твоя карѣ Іова подобна: у Іова отняты были сыновья и дочери его,—и ты сыновей и дочерей своихъ лишилась. Отняты были у него серебро и золото его,—и у тебя отняты сокровища твои; на навозѣ валяться брошенъ былъ Іовъ,—и ты мусоромъ и бреніемъ стала. И такъ-же, какъ утѣшилъ Господь Іова, обратится къ тебѣ Господь и утѣшить тебя.

(Песик.-Р., 26; Таан., 29; Еха-Р.).

„Объ этомъ плачу я" (Плачъ Іереміи).

Равъ Іегуда пояснялъ:

— Плачу о томъ, что отошелъ Духъ Святой и отошелъ разумъ. Ибо не изумительно-ли, что въ то время, когда иноплеменники подошли, чтобы выколоть у него глаза, у Седекіи не хватило разума удариться головой объ стѣну и умереть?

(Эха-Р., 1).

IV. Уходъ Шехины.

„И отошла слава Господня отъ входа дома".

Притча раби Ахи:

— Исполненный гнѣва, покидалъ царь чертогъ свой. Но, переступая порогъ его, вернулся царь и, съ простертыми объятіями цѣлуя стѣны и колонны, заплакалъ, говоря: „Оставайтесь съ миромъ, сѣни чертога моего! Оставайся съ миромъ, обитель царской власти моей! Миръ тебѣ, милое убѣжище мое! Миръ тебѣ, отнынѣ и во вѣки миръ тебѣ!"—И Духъ Господень, покидая Святилище Свое, возвращался съ порога его и простиралъ объятія и цѣловалъ стѣны и колонны Святилища и, горестно плача, говорилъ: Прощай, священная обитель Моя! Прощай, царственный чертогъ Мой! Прощай, пріютъ милый Мой! Прощай на вѣки! *(тамъ-же)*.

V. Плачъ Господень.

„И Господь, Господь Саваоѳъ призываетъ васъ въ день этотъ плакать и сѣтовать, и рвать волосы свои, и одѣться въ рубище".

Когда созрѣло рѣшеніе Господа предать уничтоженію святую Обитель Его, Господь сказалъ:

— Дотолѣ, пока Я обитаю въ Домѣ этомъ, рука иноземнаго не коснется его. Отведу отъ него очи Мои и поклянусь не возсоединяться съ нимъ до времени урочнаго,—и придутъ иноплеменные и разрушатъ его.

Отвелъ Господь десницу Свою,—„отвелъ десницу свою отъ непріятеля“,—и вошли враги въ Святилище и сожгли его.

— „Отнынѣ,—сказалъ Господь, — нѣтъ для Меня обиталища на землѣ, — пусть-же отойдетъ отъ него Шехина Моя, и удалюсь Я въ прежнюю обитель Мою“.

И плакалъ Господь и говорилъ:

— Увы! Что совершилъ Я! Ради народа Моего Я Духъ Мой на землѣ поселилъ, а нынѣ, когда согрѣшилъ народъ, Я удаляюсь въ прежнюю обитель Мою. Совершиться-ли этому? На смѣхъ Я сталъ для народовъ, для людей на издѣвательство!

Явился Метатронъ, палъ на лицо свое передъ Господомъ и сказалъ:

— Владыка міра! Дай плакать мнѣ, но не плачь Ты, Господи!

Отвѣчалъ Господь:

— Если ты не дашь воли слезамъ Моимъ, Я уединюсь въ тѣ тайники, куда и тебѣ доступа нѣтъ,—„втайнѣ плакать будетъ душа Моя“.

И Ангеламъ-Служенія сказалъ Господь:

— Идите, и пойду Я съ вами, и поглядимъ мы, что сдѣлали враги съ Домомъ Моимъ.

И шествовалъ Господь, и Ангелы-Служенія съ Іереміей предшествовали Ему. И когда увидѣлъ Господь, во что превратился храмъ, воскликнулъ Онъ:

— Да, вотъ Домъ Мой, вотъ мѣсто отдохновенія Моего, куда пришли враги и сдѣлали все, чего пожелали!

И восплакалъ Господь и воззвалъ, говоря:

— Горе мнѣ о Домѣ Моемъ! Гдѣ вы, дѣти Мои? Священники, левиты Мои, гдѣ вы? Возлюбленные Мои, гдѣ вы? О, какъ помочь Мнѣ вамъ? Сколько разъ предостерегалъ Я васъ, и не раскаялись вы!

— Іеремія!—сказалъ Господь,—Я подобенъ нынѣ человѣку, у котораго былъ единственный сынъ. Пиръ вѣнчальный приготовилъ онъ сыну своему, а сынъ во время вѣнчанія умеръ. И не болитъ сердце твое за Меня и за дѣтей Моихъ? Иди, зови изъ могилъ Авраама, Исаака, Іакова, Моисея, — они знаютъ, *какъ* плакать надо!

— Господи,—сказалъ Іеремія, — гдѣ погребенъ Моисей— невѣдомо мнѣ.

— Иди, стань на берегу Іордана, подними голосъ свой и взывай: „Бенъ Амрамъ! Бенъ Амрамъ! Встань и взгляни, какъ овецъ твоихъ растерзали враги!“

Пошелъ Іеремія къ гробницѣ Махпела и воззвалъ къ праотцамъ міра:

— „Встаньте. Пришло время, когда вы призываетесь предъ лицо Всевышняго“.

— Для чего?—вопросили праотцы.

— Не вѣдомо это мнѣ,—отвѣтилъ Іеремія, изъ страха услышать упрекъ отъ нихъ: „Въ *твое* время приключилось подобное дѣтямъ нашимъ!“

Отошелъ Іеремія, всталъ на берегу Іордана и воззвалъ:

— Бенъ Амрамъ! Бенъ Амрамъ! Встань: настало время, когда ты призываешься предъ лицо Всевышняго.

— Чѣмъ день нынѣшній отличается отъ другихъ дней,— прозвучалъ голосъ Моисея,—что меня призываютъ предъ лицо Господне?

— Не вѣдомо это мнѣ,—отвѣтилъ Іеремія.

Не спрашивалъ его болѣе Моисей, но обратился къ Ангеламъ-Служенія, которыхъ онъ зналъ со времени дарованія Завѣта на Синаѣ, и такъ сказалъ онъ имъ:

— Слуги небесныя! Вѣдомо-ли вамъ, для чего призываютъ меня предъ лицо Всевышняго?

— Бенъ Амрамъ!—отвѣчали Ангелы-Служенія,—не знаешь ты, что храмъ Господень разрушенъ и народъ въ изгнаніе уведенъ?

Разодралъ Моисей одежды Славы, въ которыя Господь облачилъ его, заломилъ надъ головою руки свои и, плача и вопія, къ гробницѣ праотцевъ пошелъ. Разодрали и праотцы облаченіе свое, положили руки на головы свои и шли они, вопія и плача, пока не дошли до вратъ храма.

Узрѣлъ ихъ Предвѣчный, какъ идутъ они плача отъ однихъ воротъ къ другимъ, какъ человѣкъ скорбящій о смерти дорогого ему существа, и Господь, оплакивая совершившееся, говорилъ:

„Горе царю, въ юности счастливому и несчастному въ старости своей!“ *(Эха-Р.)*.

VI. Плачъ праотцевъ.

Терзая пряди бороды своей, взъерошивая волосы на посыпанной пепломъ головѣ, сжатыми кистями рукъ бія по лицу себя, въ разодранныхъ одеждахъ, съ плачемъ великимъ предсталъ Авраамъ передъ Господомъ. Съ криками и воплями обходя развалины храма, взывалъ онъ къ Предвѣчному:

— За что, Господи, всѣхъ другихъ родовъ и племенъ злосчастнѣе удѣлъ мой? За что до такого позора и униженія довелъ Ты меня?

Видя это, и Ангелы-Служенія, ставъ рядъ противъ ряда, подняли плачъ и восклицали они:

— Опустѣли дороги и больше нѣтъ путниковъ,—дороги, проложенныя тобою къ Іерусалиму, чтобы путники не переставали проходить по нимъ,—какъ запущены онѣ! Дороги, по которымъ народъ Израильскій приходилъ и возвращался въ праздники свои,—о, какъ опустѣли онѣ!

Воззвалъ Господь къ Ангеламъ - Служенія и сказалъ:

— О чемъ, рядами вторя другъ другу, вы плачъ подняли?

— Владыка міра! — отвѣчали ангелы, — плачъ нашъ объ Авраамѣ, возлюбленномъ Твоемъ: за что на него не призрѣлъ Ты, Господи?

Сказалъ Господь:

— Съ той поры, какъ отошелъ возлюбленный Мой въ жизнь вѣчную, не являлся онъ предо Мною; а нынѣ—чего желаетъ другъ Мой въ домѣ Моемъ?

Отвѣчалъ Авраамъ:

— За что Господи, изгнаны Тобою дѣти мои? За что разрушенъ храмъ, воздвигнутый на мѣстѣ томъ, гдѣ я сына моего приносилъ въ жертву всесожженія Тебѣ?

— Сыны твои, — сказалъ Господь, — согрѣшили, преступивъ всѣ завѣты Торы, всѣ двадцать двѣ буквы, начертанныя въ ней.

— Господи! Кто въ этомъ свидѣтельствуетъ противъ нихъ?

— Тора сама да предстанетъ и свидѣтельствуетъ противъ Израиля!

Предстала Тора свидѣтелемъ на судъ Всевышняго.

— Дочь моя!—воззвалъ къ Торѣ Авраамъ, — *Ты* явилась уликою противъ Израиля, преступившаго уставы твои,—и нѣтъ стыда предо мною на лицѣ твоемъ? Вспомни день, когда Господь ходилъ, всѣмъ народамъ и племенамъ предлагая тебя, и никто изъ нихъ принять тебя не желалъ, покуда не пришли сыны мои къ горѣ Синайской и пріяли тебя, и чтили тебя. А нынѣ, въ день ихъ несчастія, ты приходишь свидѣтельствовать противъ нихъ?!

Отошла Тора и молча стала въ сторонѣ.

— Да предстанутъ двадцать два знака Писанія, — повелѣлъ Господь,—и свидѣтельствуютъ противъ Израиля.

Предстали священныя буквы, и выступила буква „Алефъ" первой уликою противъ Израиля.

Обратился къ ней Авраамъ и сказалъ:

— *Алефъ*! Ты—начальная среди буквъ и ты выступаешь обвинителемъ противъ народа Израильскаго въ дни несчастія его? Вспомни день, когда явился въ откровеніи Господь на горѣ Синайской и съ тебя Десятисловіе началъ: „*Анохи* (Я) Господь Богъ твой",—и ни одинъ народъ принять тебя не желалъ, кромѣ сыновъ моихъ. И ты-же выходишь свидѣтельствовать противъ нихъ?!

Отошла „Алефъ" и молча стала въ сторонѣ.

Выступила буква „Бетъ".

— Дочь моя!—сказалъ ей Авраамъ, — тебѣ-ли свидѣтельствовать противъ сыновъ моихъ, столь ревностно изучавшихъ Пятикнижіе, которое съ тебя начинаетъ повѣствованіе свое [1])?

Отошла „Бетъ" и молча стала въ сторонѣ.

Видя, какъ Авраамъ двѣ первыя буквы безмолвствовать заставилъ, всѣ остальныя сами отошли стыдливо, и ни одна не стала говорить ничего въ улику противъ Израиля.

И воззвалъ тогда Авраамъ къ Господу, говоря:

— Владыка міра! На сотомъ году жизни моей Ты сына далъ мнѣ, и когда онъ былъ въ полномъ расцвѣтѣ сознанія, тридцати семи лѣтъ отъ рожденія, Ты сказалъ мнѣ: „Принеси его въ жертву всесожженія Мнѣ"; какъ злодѣй всталъ я на сына моего, не сжалился надъ нимъ, своими руками связалъ его,—и Ты не зачтешь мнѣ этого, Господи, не сжалишься надо мною?

Воззвалъ Исаакъ и сказалъ:

— Владыка міра! Когда отецъ сказалъ мнѣ: „Господь усмотритъ Себѣ агнца для всесожженія, сынъ мой",—я не возставалъ противъ велѣнія Твоего и доброй волей далъ связать себя для всесожженія и протянулъ шею свою подъ ножъ. И не зачтешь Ты мнѣ этого, Господи, и не смилуешься надо мною?

Воззвалъ Іаковъ и сказалъ:

— Владыка міра! Не былъ-ли я слугою двадцать лѣтъ въ домѣ Лавана? А когда я ушелъ оттуда, встрѣтилъ меня нечестивый Исавъ, намѣривавшійся убить дѣтей моихъ, и долженъ былъ я собственной душой жизнь ихъ защитить. И нынѣ, послѣ того, что я, какъ птенцовъ, взлелѣялъ ихъ и муки принималъ, чтобы взростить ихъ, —, нынѣ предаешь Ты ихъ, какъ овецъ на закланіе, въ руки враговъ. И не зачтешь Ты мнѣ перенесеннаго мною, и не сжалишься, Господи?!

Воззвалъ Моисей и сказалъ:

— Владыка міра! Не былъ-ли я сорокъ лѣтъ пастыремъ вѣрнымъ для Израиля? Быстрымъ конемъ я мчался передъ ними въ пустынѣ. А когда пришло время войти имъ въ Землю Обѣтованную, Ты произнесъ надо мною приговоръ: „Въ пустынѣ падутъ кости твои". А нынѣ, пославъ народъ въ изгнаніе, Ты при-

---

[1]) *Берешитъ*—„*Въ началѣ* сотворилъ" и пр.

звалъ меня, чтобы скорбѣть и оплакивать его. Истинно говорятъ люди: „Отъ милостей господина не мило мнѣ, отъ немилости его горе мнѣ“.

И сказалъ Моисей Іереміи:

— Веди меня. Пойду къ нимъ, взгляну, чья рука тяготѣетъ на нихъ.

— Нѣтъ проходу,—отвѣчалъ Іеремія,—всѣ дороги тѣлами убитыхъ покрыты.

— Все таки, пойдемъ.

Пошелъ Іеремія и Моисей вслѣдъ за нимъ. Дошли они до рѣкъ Вавилонскихъ. Увидѣли изгнанники Моисея и другъ другу говорить стали:

— Вотъ, бенъ Амрамъ изъ могилы всталъ, чтобы отъ рукъ враговъ избавить насъ.

Раздался голосъ небесный:

— „Изгнаніе ваше рѣшено Мною!“

— Дѣти мои!—сказалъ Моисей, — возвратить васъ не въ силахъ я, — неизмѣнно Господомъ рѣшено это. Но Онъ, Всемилосердный, вскорѣ вернетъ вамъ милосердіе свое.

И отошелъ отъ нихъ Моисей — и къ праотцамъ міра пришелъ онъ. И вопросили праотцы:

— Что сдѣлали враги съ сынами нашими?

Отвѣчалъ Моисей:

— Однихъ умертвили, у другихъ руки за спину подвернули и связали, кого въ цѣпи желѣзныя заковали, кого раздѣтыми и нагими повели. Одни въ дорогѣ пали мертвыми, и тѣла ихъ сдѣлались добычею для птицъ небесныхъ и для звѣрей земныхъ, другіе подъ палящимъ солнцемъ на муки голода и жажды брошены.

Подняли праотцы плачъ и стенаніе и, рыдая, говорили они:

— Увы! До чего дожили вы, дѣти наши! Какъ сироты безъ отца стали вы. Въ полдень въ лѣтній зной—безъ одѣянія, лежите вы въ наготѣ неприкрытой. По горамъ бредете, по острому каменнику, безъ башмаковъ, безъ сандалій. Грузомъ песку отягощены плечи ваши. Подвернуты назадъ и связаны руки ваши. Слюны своей проглотить не въ силахъ вы...

— Будь проклято, солнце!—воскликнулъ Моисей,—зачѣмъ не погасло ты въ тотъ часъ, когда въ Святилище Господне враги вошли?

— Клянусь, — отвѣчало солнце, — клянусь тебѣ, Моисей, пастырь вѣрный! Какъ было погаснуть мнѣ, когда ни на мгновеніе не отходили отъ меня,—шестьюдесятью бичами огненными бичевали меня, говоря и повторяя: „иди и свѣти полнымъ свѣтомъ своимъ!“

— Увы, обитель святая! — продолжалъ Моисей, — тьмою стало сіяніе твое. Какъ ужасно разрушеніе твое! Грудой пепла Святилище стало; питомцы школъ—жертвами смерти, отцы ихъ—добычею меча, плѣна и изгнанія.

— Васъ, полонившіе ихъ, заклинаю я: не подвергайте ихъ казни жестокой, не предавайте ихъ истребленію полному; не убивайте сына передъ отцомъ его и дочери передъ матерью ея: Придетъ, говорю вамъ, время и взыщетъ съ васъ Господь за это!

Не внимали вавилоняне мольбамъ его.

— Владыка міра!—взывалъ Моисей,—въ Торѣ Твоей написано: „Ни коровы, ни овцы не закалывайте въ одинъ день съ порожденіемъ ея". А вотъ, сколько убито дѣтей вмѣстѣ съ матерями ихъ, а Ты молчишь, Господи!

Въ эту минуту очутилась передъ Господомъ Рахиль, матерь наша, и воззвала она:

— Господи, Владыка! Тебѣ вѣдомо, какъ велика была любовь ко мнѣ раба Твоего Іакова. Семь лѣтъ прослужилъ онъ ради меня отцу моему, а когда пришло время мнѣ сдѣлаться женою его, отецъ рѣшилъ подмѣнить меня сестрой моей, и я не возревновала его къ сестрѣ моей. Я, изъ плоти и крови созданная, прахъ и пепелъ, ревновать не стала къ соперницѣ моей; Ты-же, царь живой, сущій и милосердный, тебѣ-ли ревновать къ идоламъ, мертвымъ и ничтожнымъ, и за нихъ изгонять дѣтей моихъ?

Въ эту минуту вернулось милосердіе Божіе, и сказалъ Господь:

— Ради тебя, Рахиль, я возвращу народъ Израильскій въ предѣлы его.

„Такъ сказалъ Господь:
Голосъ въ Рамѣ слышенъ,
Вопль и горькое рыданіе,—
То Рахиль о дѣтяхъ слезы льетъ
И утѣшиться не хочетъ.
Удержи свой голосъ отъ рыданія
И глаза свои отъ слезъ,
Ибо ждетъ тебя за трудъ награда,—
Говоритъ Господь,—въ свои предѣлы
Возвратятся вновь сыны твои". (*Exa-P.*).

VII. Кровь пророка Захаріи.

Преданіе отъ раби Іегошуи бенъ Карха:

— Нѣкій старецъ, изъ жителей Іерусалима, разсказалъ мнѣ: „Видишь, — говорилъ онъ, — и въ этой долинѣ, и въ самомъ Іерусалимѣ Навузараданъ, начальникъ тѣлохранителей Навухо-

доносоровыхъ, казнилъ несмѣтиое множество народа. Кровь казненныхъ потекла и слилась съ кровью Захаріи. Кровь же Захаріи кипѣла и била вверхъ ключемъ. „Что это?"—спросилъ Навузараданъ.—„Кровь отъ жертвоприношеній",—отвѣтили ему. Велѣлъ онъ принести жертвенную кровь, сравнилъ и нашелъ ее совершенно различною отъ крови той.

— Слушайте,—сказалъ Навузараданъ, — скажете правду— хорошо, нѣтъ—я желѣзными гребнями сдеру мясо съ костей вашихъ.

— Что сказать тебѣ? — отвѣчали ему, — нѣкій пророкъ былъ среди насъ; порицалъ онъ насъ за грѣхи наши, возстали мы и убили его. И вотъ, сколько лѣтъ прошло, а кровь его не успокаивается.

— А вотъ,—сказалъ Навузараданъ,—я уговорю его успокоиться.

Привели, по приказу его, членовъ обоихъ синедріоновъ, великаго и малаго, и казнили ихъ на томъ мѣстѣ. Но кровь Захаріи не успокоилась; заклали юношей и дѣвъ,—не помогло и это; казнили дѣтей, питомцевъ школъ—и это не помогло.

— Захарія! Захарія! — воскликнулъ тогда Навузараданъ,— лучшихъ изъ народа погубилъ я, желаешь ты развѣ, чтобъ я истребилъ всѣхъ до единаго?

Какъ только проговорилъ онъ слова эти, тотчасъ кровь успокоилась.

Чувство невольнаго раскаянія проснулось въ сердцѣ Навузарадана.

— „Если, — подумалъ онъ, — изъ за одной погубленной жизни, гнѣвъ Господень, въ видѣ этой кипящей крови, не утихалъ столько времени, что-же должно произойти послѣ того, какъ мною столько жизней погублено?

Бѣжалъ оттуда Навузараданъ, послалъ завѣщаніе семьѣ своей и принялъ законъ Бога Единаго. *(Гит., 57)*.

VIII. Муки изгнанниковъ.

„Звала я друзей моихъ,—
Они обманули меня". *(Плачъ Іереміи, I, 19)*

Преданіе отъ раби Іегошуи бенъ Леви:

Направляемыхъ въ Вавилонъ изгнанниковъ Іерусалимскихъ вели съ завязанными за спиной руками, закованными въ желѣзные наручники, голышемъ, какъ животныхъ. Когда проходили мимо поселеній измаильтянъ, изгнанники стали просить начальниковъ конвоя:

— Окажите намъ милосердіе и жалость—проведите насъ черезъ селенія братьевъ нашихъ, потомковъ дяди нашего Измаила.

Просьбу ихъ исполнили. Вышли измаильтяне навстрѣчу и стали предлагать имъ соленаго хлѣба и рыбнаго разсола, а вмѣсто воды — пустые мѣхи, наполненные воздухомъ и снаружи смоченные водою. Поѣвъ соленое и полагая, что въ мѣхахъ вода, израильтяне [1]) хватались зубами за мѣхи, воздухъ входилъ въ ихъ легкіе—и они падали замертво.

Такимъ-же образомъ—по преданію отъ раби Іоханана,—погибли восемьдесятъ тысячъ юношей-коганидовъ. Вооруженные золотыми щитами, прорвались они черезъ войска Навуходоносора и направились къ измаильтянамъ.

— Вы потомки дяди нашего,—говорили они сынамъ Измаиловымъ,—дайте намъ воды напиться!

— Вы поѣшьте сперва, отвѣчали тѣ и, накормивъ ихъ соленымъ, давали имъ, вмѣсто воды, мѣхи, наполненные воздухомъ. *(Эха.-Р.)*.

IX. На рѣкахъ Вавилонскихъ.

Полоненнымъ израильтянамъ Навуходоносоръ не позволялъ останавливаться по долгу на одномъ мѣстѣ во всѣхъ предѣлахъ Ханаанской земли, но гонялъ ихъ съ мѣста на мѣсто. Дѣлалось это вавилонянами изъ опасенія, чтобы народъ израильскій не имѣлъ возможности принести покаяніе Господу. „Богъ племени этого,—говорили они,—ждетъ, чтобъ израильтяне раскаялись въ грѣхахъ своихъ, и дотолѣ, пока они еще находятся на своей землѣ, Онъ, чего добраго, поступитъ съ нами такъ, какъ поступилъ съ Сеннахирибомъ [2]).

Когда-же достигли рѣкъ Вавилонскихъ и очутились на своей землѣ, побѣдители тотчасъ сдѣлали стоянку. Одни (вавилоняне) занялись бражничаньемъ, другіе (израильтяне) обратились къ плачу и стенаніямъ.

— Зачѣмъ вы сидите и плачете?—спрашивалъ ихъ Навуходоносоръ. И повелѣлъ онъ колѣну Левіину выступить впередъ и сказалъ:

— Приготовьтесь! Желаю я, чтобы, пока мы ѣдимъ и пьемъ, вы стояли и проводили перстами по струнамъ арфъ вашихъ такъ, какъ вы дѣлали это въ вашемъ храмѣ, передъ Богомъ вашимъ.

---

[1]) У которыхъ руки были въ оковахъ.

[2]) Ангелъ Господень, по слову Своему черезъ пророка Исаію, поразилъ въ станѣ ассирійскомъ сто восемьдесятъ пять тысячъ, а самъ Сеннахирибъ былъ убитъ двумя сыновьями его. (II кн. Царей XIX).

Начали переглядываться между собою левиты и говорить одинъ другому:

— Мало того, что Святилище Господне разрушено за грѣхи наши, дойдемъ-ли мы до того, чтобы передъ этимъ низкимъ человѣкомъ стоять и играть на арфахъ нашихъ?

По общему уговору, повѣсили они арфы на вербахъ, росшихъ тамъ, и, рѣшившись на самопожертвованіе, начали всѣ надламывать и зубами откусывать большіе пальцы на рукахъ своихъ.

— Вотъ, глядите,—говорили они вавилонянамъ, показывая на руки свои, — „*какъ* намъ пѣть пѣснь Господню?"

(Песик.-Р., 31).

Раби Іоханан бенъ Закай говорилъ:

— Почему мѣстомъ изгнанія народа Израильскаго избранъ былъ Вавилонъ преимущественно передъ другими странами? Потому, что родъ Авраама происходилъ оттуда. Куда отсылаетъ мужъ согрѣшившую передъ нимъ жену?—Въ домъ отца ея.

(Тосеф. Б.-К.).

По преданію отъ раби Іоханана:

— Во все время царствованія нечестивца Навуходоносора, не появлялся смѣхъ на устахъ ни у одного человѣка. О времени послѣ смерти Навуходоносора и гласитъ стихъ пророка: „Вся земля отдыхаетъ, покоится и поетъ ликуя". *(Шаб., 149).*

X. Скорбь Кенесетъ-Израиль.

„Вспоминая объ этомъ,
Изливаю я душу мою".

— О комъ гласятъ слова эти въ псалмѣ сыновъ Кореевыхъ?

— О Кенесетъ-Израиль.

— „Владыка міра!—говорила Кенесетъ-Израиль,—я вспоминаю безмятежный миръ минувшихъ дней и говорю: „о, если-бы было нынѣ, какъ въ тѣ дни, когда храмъ существовалъ еще, и Ты сходилъ съ вышнихъ и Духомъ Твоимъ осѣнялъ меня, и народы пѣли славу мнѣ, а когда я, грѣшная молила о милосердіи, Ты внималъ мольбѣ моей. Нынѣ-же — стыдъ и позоръ стали удѣломъ моимъ".

И еще говорила она:

— „Господи! Какимъ смущеніемъ полна душа моя, когда брожу по руинамъ Дома Твоего и слышу шопотъ, который

проходитъ по нимъ: „Мѣсто, гдѣ потомки Авраама приносили жертвы на алтарѣ Твоемъ и стояли священники народъ, благословляя, и левиты играли на арфахъ своихъ, — тамъ шакалы рыскаютъ нынѣ!

„Въ многолюдныхъ сонмахъ я ходила,
Съ гласомъ радости вступала въ Божій Домъ".

„По стопамъ шествовавшихъ на праздники въ священный градъ, подъ сѣнь Господню всходила я; ровныя лежали дороги предо мною и деревья осѣняли голову мою. А нынѣ—изгнанія тѣнь легла на меня, по бурелому путь мой лежитъ, и обнаженною я по солнцу иду. Сонмами торжественными всходила я прежде, сонмъ за сонмомъ, подобно водопаду, ни днемъ, ни ночью не прерывающему теченія своего; съ корзиною первинокъ на головѣ, съ гимнами и пѣснями я путь свой совершала. И гласили пѣсни тѣ—

По утрамъ:
„Вставайте, пойдемъ,
На гору Сіонъ!"
На дорогахъ:
„Я съ радостью слышу: пойдемъ
Въ обитель Господню!"
Въ Іерусалимѣ:
„Стояли ноги наши
Въ твоихъ вратахъ, Іерусалимъ!".
На Храмовой горѣ:
„Аллилуія! Славьте Господа
Во Святилищѣ Его!"
Во дворѣ храма:
„Все живущее
Да хвалитъ Господа.
Аллилуія!"

„А нынѣ—безмолвны восхожденія мои, и безмолвно обратно иду я"... *(Еха-Р.)*.

XI. Утѣшеніе.

„Утѣшайте, утѣшайте народъ мой".

— „Утѣшай меня, утѣшай меня, народъ мой — говорилъ Господь".

„Виноградникъ былъ у виноградаря; пришли люди и вырубили его. Кто въ утѣшеніи нуждается — виноградникъ, или виноградарь? Домъ сожгли,—кого утѣшать надо: домъ, или хозяина? Вы виноградникомъ были у меня. Пришелъ Навуходоносоръ и разрушилъ виноградникъ Мой, васъ изгналъ и обитель Мою сжегъ,—въ утѣшеніи *Я* нуждаюсь. Утѣшай Меня, утѣшай Меня, народъ мой!" *(Песик.-Р.)*.

„Боже! Пришли язычники въ наслѣдіе Твое" — гласитъ пѣснь Асафова.

„*Пѣснь* Асафова? Не умѣстнѣе-ли было-бы „*плачъ* Асафовъ", „*стенаніе* Асафова?"

Нѣтъ. Покои вѣнчальные предуготовилъ царь для сына своего, выбѣлилъ ихъ, обшилъ панелями, живописью покрылъ. Но царевичъ блуднымъ сыномъ сталъ. Пришелъ царь, сталъ завѣсы раздирать, плетенія тростниковыя уничтожать. Видя это, воспитатель царевича взялъ свирѣль свою и принялся играть на ней. Стали окружающіе говорить ему:

— Царь вѣнчальные покои сына своего разрушилъ, а ты пѣсни поешь!

— Потому пою я,—отвѣчалъ тотъ,—что царь *покои* сына своего разрушилъ, а не *на него* самого гнѣвъ свой излилъ.

И Асафу люди говорили.

— Господь храмъ и святилище Свое разрушилъ, а ты „пѣсни" поешь.

— Потому-то и пою я,—отвѣчалъ Асафъ,—что на дерева и камни излилъ Господь гнѣвъ Свой, а народъ не истребилъ Онъ въ гнѣвѣ Своемъ. *(Еха-Р.)*.

Отъ Перваго до Второго храма.

I. Хирамъ, царь Тирскій.

— Сынъ человѣческій! Тира царю возвѣсти:
Такъ говоритъ Вездѣсущій Господь. Возгордился
Умъ твой, и ты говоришь: „Богъ—я, и въ нѣдрахъ морей
Я на престолѣ, подобно богамъ, возсѣдаю“.

(Іезек., XXVIII).

Пришелъ Хирамъ къ морю. Четыре желѣзныхъ столпа, длины безмѣрной, опустилъ въ глубину и на днѣ морскомъ въ квадратномъ положеніи утвердилъ. И сдѣлалъ онъ семь сводовъ небесныхъ съ престоломъ, изображеніями звѣрей, громами, молніями.

Первый небосводъ—стеклянный, и на немъ—солнце, луна и звѣзды. Второй—желѣзный, по этому своду перекатывались каменные шары и, сталкиваясь, производили грохотъ, подобный громовому раскату. Между этимъ сводомъ и слѣдующимъ—бассейнъ съ водометами. Третій изъ свинца; четвертый — изъ металлическихъ сплавовъ, и между ними—водометы. Пятый — изъ мѣди. Шестой—изъ серебра, и вдѣланы въ него жемчуга и самоцвѣтные камни. Седьмой изъ золота, и по немъ изображенія звѣрей и херувимовъ. На этомъ „небѣ“ помѣщался золотой тронъ, на вершинѣ котораго утверждена была цѣлая система подвѣсокъ изъ жемчуга краснаго цвѣта. При каждомъ движеніи возсѣдающаго на тронѣ подвѣски эти сталкивались между собою, и получалось подобіе блеска молній и грохота грома.

И сказалъ Господь Iезекiилю:

— Сынъ человѣческiй! Иди, скажи Хираму: „Почто возгордился ты? Не отъ женщины-ли рожденъ ты?“

— Господи!—сказалъ Iезекiиль,—какъ пойти мнѣ къ нему? Вѣдь онъ въ воздушномъ пространствѣ пребываетъ?

Навелъ Господь вѣтеръ, опахнулъ онъ кудри на головѣ Iезекiиля и повелъ его по воздуху, и привелъ къ Хираму. Затрепеталъ въ ужасѣ Хирамъ при видѣ Iезекiиля.

— Кто привелъ тебя сюда?—воскликнулъ онъ.

— Господь привелъ меня—отвѣтилъ Iезекiиль, — и такъ сказать тебѣ велѣлъ Онъ: „Почто возгордился ты? Вѣдь смертный ты, отъ женщины рожденный“.

— Пусть такъ, — сказалъ на это Хирамъ, — пусть я отъ женщины рожденъ, но живъ и сущъ я вѣчно! Какъ Господь среди морей возсѣдаетъ, такъ и я, какъ Господь на семи небесахъ обитаетъ, такъ и я.

А кончилъ Хирамъ, царь Тирскiй жизнь свою такъ: послалъ Господь на Хирама Навуходоносора, и низложилъ онъ его. Изъ собственнаго тѣла Хирама ежедневно вырѣзывали куски мяса, и, обмакивая въ уксусъ, давали ему вмѣсто пищи. И умеръ онъ въ ужасныхъ мученiяхъ.

Чертоги-же, въ видѣ небосводовъ воздвигнутые Хирамомъ, были поглощены нѣдрами земными, гдѣ сохраняемы Господомъ для обитанiя праведниковъ по пришествiи Грядущаго.

(Бет.-Гам., 5).

II. Данiиломъ воскрешенные.

Въ то время, когда Хананiя, Мисаилъ и Азарiя были брошены, по велѣнiю Навуходоносора, въ калильную печь, было слово Господне Iезекiилю:

— Иди, воскреси мертвыхъ въ долинѣ Деирѣ.

Поднявшiеся изъ могилъ скелеты стали наступать на Навуходоносора и колотиться о лицо его.

— Что это?—завопилъ Навуходоносоръ.

— Товарищъ тѣхъ трехъ [1],—отвѣчали ему,—въ долинѣ Деирѣ мертвыхъ воскрешаетъ.

Услыша это, поднялъ Навуходоносоръ голосъ свой и воззвалъ:

„Какъ велики Его знаменiя,
Могущественны чудеса Его!
И царство Его — царство вѣчное,
Владычество — въ роды родовъ!“

(Санг., 62).

---

[1]) Хананiи, Мисаила и Азарiи.

По сказанію раби Еліазара, воскрешенные Іезекіилемъ, вставъ изъ могилъ, возносили хвалу Всевышнему и снова возвращались къ покою вѣчному.

По сказанію-же раби Елеазара бенъ р. Іосе Галилейскаго, воскрешенные изъ мертвыхъ Іезекіилемъ ушли въ землю Израильскую, взяли себѣ женъ и родили сыновей и дочерей. Живымъ подтвержденіемъ этого являлся раби Іегуда бенъ Бетера, который, услыша это сказаніе, всталъ и заявилъ:

— Я—одинъ изъ потомковъ тѣхъ людей, и вотъ филактаріи, оставшіеся мнѣ отъ дѣда моего, одного изъ воскресшихъ въ долинѣ Деирѣ. *(Тамъ-же, 91)*.

III. Хананія, Мисаилъ и Азарія.

Поученіе раби Симеона Силоійскаго:

— Въ ту минуту, когда три отрока брошены были въ калильню, предсталъ передъ Господомъ Іюркелій, духъ града, и сказалъ:

— Господи! Позволь мнѣ сойти и остудить калильню, дабы спасти праведниковъ этихъ отъ смерти.

Сказалъ Іюркелію архангелъ Гавріилъ:

— Въ чемъ-же проявится тутъ могущество Господне? Ты—духъ града, а это всѣмъ извѣстно, что вода тушитъ огонь. Я — духъ огня; пойду *я*, остужу печь внутри и раскалю ее снаружи,—это будетъ двойнымъ чудомъ.

— Иди,—сказалъ Господь Гавріилу.

И воспѣлъ Гавріилъ:

„Господня истина—во вѣкъ.
Аллилуія!“ *(Песик., 118)*.

IV. Пророкъ Ездра.

Раби Іосе училъ:

— Ездра, не предупреди его Моисей, былъ достоенъ, чтобы черезъ него была дана Тора народу Израильскому.

(Санг., 20)

V. Члены Великаго Собора [1].

Раби Іегошуа бенъ Леви училъ:

— Почему лица эти названы „членами Великаго Собора?“ Потому, что ими „возвращенъ былъ Божественному Вѣнцу исконный блескъ его“. Моисей, славя Господа, титуловалъ его: „Богъ великій, могучій и страшный“. Іеремія говорилъ: „Вар-

[1]) Представители Іудеи приблизительно въ періодъ времени отъ Кира Персидскаго до Александра Македонскаго.

вары разрушаютъ Святилище Господне,—гдѣ-же страхъ передъ Нимъ?“ И Іеремія опускалъ названіе „страшный“ [1]. Даніилъ говорилъ: „Иноплеменные властвуютъ надъ сынами Его и порабощаютъ ихъ,—гдѣ-же мощь Его?“ [2]. И онъ опускалъ слово „мощный“. Явились мужи Великаго Собора и сказали: „Наоборотъ,—въ томъ и заключается высшее могущество Господне, что Онъ пересиливаетъ гнѣвъ Свой и проявляетъ долготерпѣніе Свое по отношенію къ нечестивцамъ и злодѣямъ. И страхъ Господень тѣмъ и великъ, что только страхомъ этимъ одинокое и беззащитное племя продолжаетъ существовать среди враждебныхъ ему народовъ міра. *(Іома, 69; Іалк.)*.

VI. Мардохей и Есѳирь.

„Псаломъ при появленіи утренней зари“.

Про времена Мардохея и Есфири гласитъ стихъ этотъ. Ночь, хотя преобладающую сущность ея составляетъ темнота, имѣетъ все-же свѣтъ луны, звѣздъ и планетъ. Темнота-же, во всей полнотѣ этого понятія, наступаетъ въ минуты, предшествующія появленію утренней зари: меркнетъ луна, гаснутъ звѣзды, исчезаютъ планеты—и нѣтъ темноты болѣе совершенной, чѣмъ темнота предразсвѣтная. И въ эти минуты внемлетъ Господь вселенной со всѣмъ сущимъ въ ней, изъ тьмы выводитъ зарю и даруетъ міру свѣтъ.

И потому еще Есѳирь уподоблена утренней зарѣ, что вся эпопея Есѳирина шла, развиваясь съ той-же постепенностью, съ какою протекаетъ появленіе и свѣтонаростаніе утренней зари. Подобно едва начинающему брезжить мерцанію, первымъ моментомъ было появленіе Мардохея „у воротъ чертога царскаго“. Потомъ: „Есѳирь—царица“. Далѣе: „безсонница царя и чтеніе „Памятной книги“; „Мардохей въ царскомъ одѣяніи и верхомъ на царскомъ конѣ, ведомомъ подъ уздцы Аманомъ“; „Аманъ на висѣлицѣ“; „контръ-указъ Ахашвероша“; „Мардохей, выходящій послѣ пріема у царя, въ одеждѣ царской“; и наконецъ,— „у іудеевъ былъ *свѣтъ*“.

Равъ Аси говорилъ:

— Какъ съ утренней зарею кончается тьма ночная, такъ съ Есѳирью времена чудесъ окончились. *(Шох.-Т.; Іома, 29)*.

VII. Пиръ Ахашвероша.

„Питье шло чинно“.

По сказанію раби Леви, у персовъ былъ обычай, по которому каждый приглашенный на пиръ къ царю долженъ былъ

[1] Іеремія, XXXII, 18.
[2] Даніилъ, IX, 4.

выпивать колоссальный кубокъ, содержимостью въ пять восьмыхъ гина [1]). Человѣкъ могъ тутъ-же умереть или сойти съ ума, ничто не могло заставить отмѣнить этотъ обычай. Натурально, прибѣгали къ единственному средству—подкупу виночерпія: платили, не жалѣя золотыхъ динаріевъ и виночерпіи богатѣли со дня на день. Ахашверошъ обычай этотъ отмѣнилъ: пусть,—сказалъ онъ,—каждый пьетъ столько, сколько хочетъ и можетъ. *(Аба Гур.; Іалк.)*.

VIII. Бигѳанъ и Ѳерешъ.

„Въ тѣ дни, когда Мардохей сидѣлъ у воротъ царскихъ, два царскихъ евнуха, Бигѳанъ и Ѳерешъ, оберегавшіе порогъ, озлобились и замыслили наложить руку на царя Ахашвероша".

Сказаніе раби Леви:

— Бигѳанъ и Ѳерешъ были киликійцами, изъ города Тарса, и прежде занимали мѣсто привратниковъ царскихъ. На ихъ мѣсто царь назначилъ Мардохея. Это ихъ озлобило, и сговорились они такъ: „Подсыплемъ въ питье царское отравы; царь умретъ, и всѣ станутъ говорить: пока царя охраняли Бигѳанъ и Ѳерешъ, царь былъ въ полной безопасности, а назначили іудеянина—царя и отравили". Разговоръ этотъ они вели по киликійски, въ увѣренности, что изъ окружающихъ никто ихъ не пойметъ. Не знали они, что Мардохей одно время засѣдалъ въ Синедріонѣ, и былъ знакомъ со всѣми семьюдесятью языками и нарѣчіями [2]). *(Мид. Пан. Ах.; Мег., 13)*.

„И ихъ обоихъ повѣсили на деревѣ".

„Послѣ этого возвеличилъ царь Ахашверошъ Амана".

Притча раби Іегуды га-Наси:

— Созвалъ левъ на пиръ всѣхъ звѣрей и животныхъ. Происходилъ пиръ подъ навѣсомъ изъ львиныхъ шкуръ. Насытившись, гости стали говорить: „Кто-бы намъ теперь пѣсню спѣлъ?" Остановились на лисѣ.—„А будете-ли вы подпѣвать мнѣ?"—задала имъ вопросъ лиса.—Будемъ,—отвѣтили четвероногіе гости. Подняла лиса глаза къ навѣсу изъ львиныхъ шкуръ и запѣла: „Желаю, чтобы то, что постигло *верхнихъ*, постигло и *нижнихъ*".

Таковъ смыслъ и приведенныхъ двухъ стиховъ: „Кто далъ намъ увидѣть повѣшенными Бигѳана и Ѳереша, Тотъ да приведетъ насъ увидѣть и паденіе Амана". *(Эс.-Р.)*.

---

[1]) Три бутылки.

[2]) Для членовъ Синедріона было обязательно знаніе языковъ всѣхъ народовъ.

IX. Возвеличеніе Амана.

Притча раби Леви:

— Конюхъ оскорбилъ царевича. Разсудилъ царь такъ: „Если я казню оскорбителя, всѣ будутъ говорить: конюха казнили. Нѣтъ, сперва возвеличу его, а потомъ казню“. Произвелъ царь конюха сначала въ трибуны, затѣмъ въ градоправители и потомъ уже повелѣлъ обезглавить его. — Такъ и Господь сказалъ: „Если-бы Аманъ былъ казненъ еще въ то время, когда онъ совѣтывалъ Ахашверошу воспретить возобновленіе Іерусалимскаго храма, никто-бы о немъ не зналъ; нѣтъ, пусть онъ сперва пріобрѣтетъ извѣстность и потомъ казненъ будетъ“. Такъ оно и произошло: сперва „поставилъ царь кресла его выше всѣхъ князей“, а потомъ—„повѣсили Амана на деревѣ, которое онъ приготовилъ для Мардохея“.

И такова обычная судьба всѣхъ враговъ Господа:

„Растутъ подобно злакамъ нечестивцы,
И пышнымъ цвѣтомъ грѣшники цвѣтутъ,
Чтобъ стать потомъ добычей истребленья“.

(Эс.-Р.; Аба-Гур.).

X. Замыселъ Амана.

„Задумалъ Аманъ истребить *всѣхъ* Іудеевъ“.

Свила птица гнѣздо на морскомъ берегу. Смыло гнѣздо прибоемъ. Озлилась птица и давай клювомъ воду изъ моря на берегъ выливать, а песокъ съ берега бросать въ воду. Увидала это другая птица и спрашиваетъ:

— Что это ты дѣлаешь, безумная?

— Не уйду отсюда,—отвѣчаетъ первая,—пока не превращу море въ сушу и сушу въ море.

— Глупѣйшее ты созданіе! Многое-ли ты, въ концѣ концовъ, сдѣлать можешь?

И про Амана сказалъ Господь:

— Я, Всемогучій, возымѣлъ намѣреніе истребить народъ Израильскій и *не могъ* сдѣлать этого, едва только всталъ Моисей, чтобы отвратить гнѣвъ Мой, а глупецъ Аманъ „убить, погубить и истребить ихъ“ задумалъ! Клянусь, голова его станетъ искупленіемъ ихъ. Имъ—спасеніе, ему—висѣлица.

(тамъ-же).

XI. Ябедничество Амана и указъ Ахашвероша.

Преданіе отъ Равы:

— Въ дѣлѣ ябеды Аманъ обладалъ рѣдкимъ искусствомъ. Между нимъ и Ахашверошемъ произошелъ слѣдующій разговоръ относительно народа Іудейскаго:

Аманъ: Государь! Повели жестоко преслѣдовать ихъ.

Ахашверошъ: Опасно это: ихъ Богъ караетъ всѣхъ преслѣдователей ихъ.

Аманъ: Они давно уже измѣняютъ завѣтамъ Его.

Ахашверошъ: Но есть среди нихъ и праведники, которымъ удастся вымолить прощеніе для нихъ.

Аманъ: Всѣ они одинаковы. Скажешь, можетъ быть: истребленіе ихъ повлечетъ опустошеніе какой нибудь области въ странѣ? Нѣтъ, народъ этотъ живетъ „разбросанный и разсѣянный между всѣми другими народностями въ государствѣ твоемъ". Убытокъ казнѣ? Но казнѣ отъ нихъ, какъ заводу отъ мула, [1]) никакой прибыли нѣтъ. „И законы ихъ отличны отъ законовъ всѣхъ другихъ народовъ": они не ѣдятъ и не пьютъ за однимъ столомъ съ нами и въ браки съ нами не вступаютъ. „И законовъ царя они не выполняютъ": круглый годъ праздники у нихъ; то суббота, то праздникъ. Вотъ, посчитай: пасха, пятидесятница, кущи, новолѣтіе, день отпущенія. (Въ эту минуту прозвучалъ Голосъ небесный: „Нечестивецъ! Тебѣ завидно, что праздниковъ *много* у нихъ? Вотъ, Я повергну тебя передъ ними—и прибавится у нихъ еще одинъ праздникъ, въ память гибели твоей").— „И царю,—продолжалъ Аманъ,—не стоитъ беречь ихъ". Даже при ѣдѣ и питьѣ они царя оскорбляютъ: упадетъ въ кубокъ муха, они муху выбросятъ вонъ, а кубокъ выпьютъ; а попробуй ты, государь, дотронуться до кубка, выплеснутъ на полъ и пить не станутъ. Такъ вотъ, „если царю благоугодно, то пусть будетъ предписано истребить ихъ".

„И призваны были писцы царскіе" —— „и посланы письма".

Вотъ что письма тѣ гласили:

„Всѣмъ народамъ, націямъ и племенамъ. Миръ да умножится среди васъ".

„Да будетъ вѣдомо вамъ:

„Предсталъ предъ нами нѣкій мужъ, не изъ края здѣшняго и не изъ земли нашей. Потомокъ Амалика онъ, происхожденія весьма благороднаго, а зовутъ его Аманъ. И обратился сей мужъ ко мнѣ съ просьбою довольно пустячною. Просьба эта заключается въ слѣдующемъ:

„Живетъ среди насъ нѣкій народецъ, самый презрѣнный среди народовъ, высокомѣрный и пригодный только на то, чтобы помѣхой и претквовеніемъ служить для насъ. Люди эти издѣваются надъ нами и радуются бѣдствіямъ нашимъ. Царя проклинаютъ они постоянно, вечеромъ, утромъ и въ полдень, говоря: „Господь—царь на вѣки вѣчные; исчезнутъ язычники

---

[1]) Въ текстѣ игра словъ: „meforad" — разсѣянный и „pered, pirda" — мулъ.

съ земли Его" И еще говорятъ они: „чтобы совершить мщеніе надъ народами, кару надъ племенами". И что это за неблагодарныя души! Посмотрите, что съ бѣднягой фараономъ сдѣлали они: когда они прибыли въ Египетъ, фараонъ принялъ ихъ радушно и далъ имъ поселиться въ лучшей части страны; въ голодные годы продовольствовалъ ихъ, не отказывая въ самомъ лучшемъ. А когда онъ попросилъ ихъ построить для него одинъ какой нибудь дворецъ, они придумали такую коварную уловку: „Позволь намъ,—заявили они,—отправиться въ пустыню на три дня пути, чтобы принести жертву Господу, Богу нашему, послѣ чего мы вернемся обратно. Да не будетъ-ли еще благоугодно тебѣ одолжить намъ серебрянные и золотые сосуды и одежды?" Египтяне надавали имъ серебра и золота, и лучшія одежды дали. По нѣскольку ословъ навьючилъ каждый изъ израильтянъ. И, обобравъ египтянъ, они бѣжали. Фараонъ кинулся вслѣдъ за ними, чтобы хотя добро свое спасти. Двинулся онъ со всѣмъ войскомъ своимъ. Что-же устроили израильтяне? Былъ среди нихъ нѣкій человѣкъ, по имени Моисей, сынъ Амрама. Человѣкъ этотъ былъ колдуномъ; взялъ онъ обыкновенную палку, пошепталъ надъ нею и ударилъ палкою этою по морю,—море тотчасъ высохло; тутъ израильтяне всѣ и прошли по морю, какъ по сушѣ. Понять не могу, какъ это они прошли, и куда вода дѣвалась. Видя это, пошелъ и фараонъ вслѣдъ за ними,—и ума не приложу, какъ это они его въ воду пихнули, гдѣ онъ вмѣстѣ со всѣмъ войскомъ и погибъ. О всѣхъ благодѣяніяхъ, которыя онъ имъ сдѣлалъ, никто изъ нихъ и не вспомнилъ.—А какъ съ предкомъ моимъ Амаликомъ поступили они? Когда они отъ Чермнаго моря направились дальше, пошелъ Амаликъ за совѣтомъ къ Валааму: „Посмотри,—говорилъ онъ,—что племя это съ Египтомъ сдѣлало! И если съ Египтомъ, которому они столь обязаны, они такъ поступить могли, то другимъ и подавно добра ждать отъ нихъ нечего. Что посовѣтуешь ты мнѣ?"

— „Иди на нихъ войной,—далъ отвѣтъ Валаамъ,—и если тебѣ не удастся одолѣть ихъ, то никому на свѣтѣ не устоять противъ нихъ. За ними заслуги Авраамовы; но вѣдь и ты потомокъ Авраама".

„Пошелъ Амаликъ войной противъ нихъ. А Моисей, предводитель ихъ, вотъ что сдѣлалъ: былъ у него ученикъ, нѣкій Іегошуа Навинъ, злодѣй безъ капли жалости въ душѣ. Ему-то Моисей и сказалъ: „Отбери-ка людей и выступи противъ Амалика". Ужъ и не знаю я, колдуны-ли, или дѣйствительные герои были тѣ, которыхъ выбралъ онъ тогда. Моисей палку только въ руки взялъ, что̀ продѣлалъ онъ съ нею—не знаю; на камень сѣлъ и колдовать началъ; и колдовалъ онъ до тѣхъ поръ, пока не ослабѣли амаликитяне и не пали всѣ мертвыми.

„Пошли потомъ израильтяне на царей Сигона и Ога. Это были всемірно-извѣстные богатыри, передъ которыми никто

устоять не могъ. И что-же? Поразили и ихъ израильтяне. А что сдѣлалъ потомъ Іегошуа, ученикъ Моисея? Вторгся съ народомъ своимъ въ землю Ханаанскую и мало того, что землю взялъ, онъ тридцать одного царя поразилъ и владѣнія ихъ подѣлилъ между израильтянами. Даже жителей Гаваона, которые изъявили имъ покорность, израильтяне въ рабовъ и рабынь обратили.

„Пошелъ на нихъ Сисара съ сонмищемъ своимъ. Не знаю я, что продѣлали они съ нимъ, но потокъ Киссонскій подхватилъ войска его, захлестнулъ ихъ и въ океанъ унесъ.

„Первымъ царемъ израильскимъ былъ Саулъ. Царь этотъ пошелъ войной на предка моего Амалика и поразилъ Амаликитскихъ всадниковъ сто тысячъ въ одинъ день, не щадя въ народѣ ни женщинъ, ни грудныхъ дѣтей. И остается совершенно непонятнымъ, какъ имъ удалось нанести амаликитянамъ такое пораженіе.

„А какъ съ дѣдушкой моимъ, Агагомъ, поступили они? Сначала, точно, пощадили его, а затѣмъ пришелъ одинъ изъ нихъ, по имени Самуилъ, изрѣзалъ его въ куски и бросилъ на съѣденіе птицамъ небеснымъ. А за что такой лютой казни подвергли его? Былъ послѣ того царемъ у нихъ нѣкій Давидъ сынъ Ессеевъ. Этотъ губилъ и уничтожалъ безъ жалости всѣ царства кругомъ. Царствовалъ потомъ сынъ его Соломонъ, который, построивъ какой-то домъ, далъ ему названіе „Святилище", хотя неизвѣстно, что особеннаго такого могло быть въ томъ домѣ. Извѣстно только, что въ то время, когда кто нибудь пойдетъ войной на нихъ, израильтяне входятъ въ этотъ домъ и начинаютъ творить колдовство, послѣ чего выходятъ и поражаютъ всякаго непріятеля. Нѣтъ той добродѣтели, которой они не приписывали-бы себѣ. Избалованные удачами, смотрятъ съ презрѣніемъ на всѣ другіе племена и народы.

„Когда-же Богъ ихъ состарился, наступилъ на нихъ Навуходоносоръ и сжегъ тотъ Домъ ихъ, и не помогли имъ чародѣйства ихъ: однихъ Навуходоносоръ смертью казнилъ, другихъ закованными въ цѣпи изгналъ изъ земли ихъ и разсѣялъ среди насъ. Но и понынѣ люди эти не измѣнили постыдныхъ привычекъ своихъ. Находясь въ изгнаніи среди насъ, они продолжаютъ издѣваться надъ нами и надъ богами нашими, нечистью и мерзостью считая насъ.

„И вотъ, всѣ мы одно рѣшеніе приняли: кинувъ жеребьи постановили—истребить ихъ съ лица земли. Жребій вы[...] тринадцатый день мѣсяца Адаръ.

„Когда получите настоящее посланіе, будьте гото[...] упомянутому дню: стрѣляющіе изъ лука—приготовьте лу[...] мечники—мечи свои, и будьте всѣ на готовѣ, чтобы уб[...] уничтожать всѣхъ іудеевъ, которые среди васъ, отъ тро[...]

старца, не щадя ни дѣтей, ни женщинъ и не оставляя въ живыхъ ни единой души".

А вотъ содержаніе письма, посланнаго Аманомъ, потомкомъ Агага, ко всѣмъ правителямъ страны:

„Я, вельможа царскій и намѣстникъ его, знаменитѣйшій среди сановниковъ царскихъ, держалъ совѣтъ со всѣми князьями, намѣстниками и областеначальниками. Постановили мы въ единомъ совѣтѣ, единодушно и единогласно, съ соизволенія царя Ахашвероша написали и печатью царской скрѣпили нерушимо. А идетъ дѣло о Великомъ Орлѣ [1]), который крылья свои надъ всѣмъ міромъ распростеръ, такъ что ни одна птица, ни одинъ звѣрь устоять передъ нимъ не могли пока не возсталъ Великій Левъ [2]) и не нанесъ тому Орлу могучаго удара, крылья его сломалъ, перья выщипалъ и ноги ему отрубилъ. И весь міръ вздохнулъ свободно и жилъ спокойно и безмятежно съ тѣхъ поръ, какъ Орелъ тотъ былъ согнанъ съ гнѣзда своего, и до настоящаго времени. Нынѣ-же замѣчать мы стали, что Орелъ сталъ снова перьями обростать и крылья свои отращивать и собирается онъ, расправивъ крылья, покрыть насъ и весь міръ, какъ распростиралъ ихъ прежде, опустошая земли древнихъ предковъ нашихъ. Въ виду этого, и съ соизволенія царя Ахашвероша, собрались всѣ вельможи Мидо-персидскіе и написали мы вамъ,—дабы дѣйствовать всѣмъ единодушно,—чтобы уготовить сѣти для Орла того, изловить его прежде, чѣмъ онъ окрѣпнетъ снова и вернется въ гнѣздо свое, выщипать перья его, крылья сломать, тѣло бросить птицамъ на съѣденіе, яйца въ гнѣздѣ его разбить, птенцовъ его растерзать и искоренить память о немъ на свѣтѣ. И не такъ сдѣлаемъ мы, какъ сдѣлалъ фараонъ, который повелѣлъ только дѣтей мужскаго пола казнить, а женскаго оставлять въ живыхъ; и не такъ, какъ поступилъ Амаликъ, истреблявшій слабыхъ изъ нихъ и оставляя сильныхъ; и не такъ, какъ Навуходоносоръ, который, приведя ихъ плѣнниками въ Вавилонъ, далъ имъ жить спокойно и даже пользоваться высшими почестями въ странѣ; и не такъ, какъ Сенахеривъ, который переселилъ ихъ въ страну ничѣмъ не хуже ихъ собственной. Нѣтъ, мы постановили съ яснымъ сознаніемъ—убить и погубить *всѣхъ* израильтянъ, отъ мала до велика, чтобы не осталось ни наслѣдія, ни имени, ни памяти о нихъ на свѣтѣ, дабы они не могли поступать съ нами такъ, какъ поступили съ дѣдами и отцами нашими,—ибо зломъ отплачивали они всякому, кто дѣлалъ добро имъ". (*Аг. Эс.*; *Эс.-Р.; Аба-Гур.*; *Іалк.*).

---

[1]) Народъ израильскій.
[2]) Навуходоносоръ.

XII. Три стиха.

Когда письма эти были подписаны и отданы на руку Аману, веселый вышелъ Аманъ изъ чертога царскаго вмѣстѣ со всѣми своими приверженцами. Попался имъ на встрѣчу Мардохей. Въ это время Мардохей замѣтилъ трехъ мальчиковъ, выходившихъ изъ школы, догналъ ихъ и остановилъ. Видя это, подошли къ нимъ и Аманъ съ друзьями, чтобы послушать, о чемъ Мардохей говоритъ съ ними. Подойдя къ дѣтямъ, Мардохей сказалъ одному изъ нихъ:

— Скажи, какой стихъ изучалъ ты сегодня?

Ребенокъ отвѣтилъ:

— „Внезапный страхъ не устрашитъ тебя,
Ни отъ злодѣевъ пагуба грядущая".

Другой сказалъ:

— Я дошелъ сегодня въ школѣ до стиха:
„Замышляйте—замыслы разрушатся;
Затѣвайте дѣло—не исполнится,
Ибо съ нами Богъ".

А третій произнесъ:

„До вашей старости Я—тотъ-же неизмѣнно,
До сѣдины нести Я буду васъ;
Я создалъ васъ—и васъ нести Я буду,
Обременю Себя и васъ спасу".

Услыша слова эти, возрадовался Мардохей великой радостью, и смѣхомъ счастья наполнились уста его.

— Что такое сказали тебѣ дѣти эти,—спросилъ Аманъ,—что ты разсмѣялся такъ радостно?

— Добрыя вѣсти повѣдали они мнѣ,—отвѣтилъ Мардохей,—чтобы не страшился я того зла, которое замыслилъ ты о насъ.

Воспылалъ злобой Аманъ.

— „Съ этихъ-то ребятъ я и начну!"—проговорилъ онъ.

(тамъ-же).

XIII. Печать глиняная.

И сказалъ Аманъ Ахашверошу:

— Богъ израильтянъ ненавидитъ разврата. Вели, государь, собрать женщинъ и устроить пиршество, а израильтянамъ прикажи явиться всѣмъ, ѣсть, пить и поступать по желанію своему.

Ахашверошъ такъ и сдѣлалъ. Поспѣшилъ Мардохей объявить израильтянамъ, въ предостереженіе имъ:

— „Дѣти мои! Не ходите на пиршество это, не давайте искусителю оружія противъ себя!"

Но не послушались израильтяне словъ его и пошли таки въ домъ пиршества.

По преданію отъ раби Измаила — на пиръ тотъ пришло восемнадцать съ половиною тысячъ человѣкъ, ѣли, пили до опьянѣнія и до грѣха повальнаго дошли. Предсталъ сатана передъ Господомъ и доносить сталъ:

— Доколѣ, Владыка, не отвратишь Ты лица Своего отъ народа этого, который такъ огорчаетъ и гнѣвитъ Тебя? Да будетъ воля Твоя истребить племя это съ лица земли!

— Что-же съ Торою станется?—сказалъ Господь.

— Духами небесными пускай довольствуется она.

Предвѣчный и Самъ склоненъ былъ къ этому:

— Для чего Мнѣ племя это, — говорилъ онъ, — которое столько огорченій приноситъ Мнѣ? „Изглажу изъ среды людей память о нихъ".

И сказалъ Господь сатанѣ:

— Принеси свитокъ, и Я напишу о гибели ихъ.

Принесъ сатана свитокъ,—и написалъ Господь, и печать приложилъ.

Въ эту минуту предстала Тора, въ одежды вдовьи облаченная, и подняла она плачъ передъ Господомъ, и рыдали, вторя ей, Ангелы Служенія, и къ Господу взывали они:

— Владыка міра! Если Израиля не станетъ на свѣтѣ, для чего *мы* тогда?

Услышали солнце и луна и погасили сіяніе свое,и скорбью исполнились небо и земля, и творенія всѣ.

Илія, — доброй памяти, — поспѣшилъ, встревоженный, къ праотцамъ міра и къ пророкамъ, взывая.

— Отцы міра! Небо и земля, и все воинство небесное плачутъ въ скорби и огорченіи; весь міръ объятъ трепетомъ, трепету роженицы подобнымъ,—и вамъ-ли лежать спокойно?

— А по какому это случаю?—спросили они.

— Произнесенъ приговоръ о гибели Израиля:

— Но если приговоръ подписанъ уже,—отвѣчали Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ,—то что мы сдѣлать можемъ?

Обратился Илія къ Моисею:

— Увы, пастырь вѣрный! Сколько разъ вставалъ ты въ годины бѣдствій народныхъ — и отмѣнялъ Господь приговоръ свой. Что скажешь ты нынѣ о бѣдѣ грядущей?

— Но развѣ нѣтъ ни одного безчупречнаго человѣка въ поколѣніи этомъ?—спросилъ Моисей.

— Есть одинъ, имя его Мардохей.

— Иди-же и скажи ему,—пусть взываетъ онъ къ Господу съ мѣста своего, а мы отсюда взывать будемъ.

— Пастырь вѣрный! — продолжалъ Илія — уже написанъ свитокъ о гибели народной и запечатанъ уже.

— *Чѣмъ* запечатанъ? Если глиною — моленія наши услышаны будутъ, а если кровью, то рѣшеннаго уже не измѣнить намъ.

— Печать глиняная,—отвѣчалъ Илія.

— Тогда поспѣши къ Мардохею.

И поспѣшилъ Илія и повѣдалъ о томъ Мардохею.

(*тамъ-же*).

XIV. Палачу впору.

„И понравилось это (совѣтъ жены и друзей) Аману, и онъ приготовилъ дерево“.

Пошелъ Аманъ въ дворцовый паркъ, срубилъ кедръ и съ пѣснями и ликованіемъ перевезъ его и поставилъ у входа въ домъ свой.

— Завтра утромъ,—приговаривалъ Аманъ,—повѣшу я на немъ Мардохея.

И становился Аманъ подлѣ дерева, ростомъ своимъ измѣряя высоту его.

И прозвучалъ Гласъ Небесный:

— „Впору тебѣ дерево это; съ первыхъ дней творенія для тебя предуготовано оно“. (*тамъ-же*).

XV. Гнѣвъ на милость.

Приготовивъ дерево, пошелъ Аманъ къ Мардохею и засталъ его въ бетъ-гамидрашѣ, окруженнымъ учениками. Посыпавъ головы пепломъ, облаченныя во вретища, дѣти съ плачемъ и воплями сидѣли надъ свитками Торы. Сосчиталъ ихъ Аманъ— дѣтей оказалось двадцать двѣ тысячи. Всѣмъ имъ надѣли оковы на шеи и кандалы на ноги. Приставилъ къ нимъ Аманъ стражу и заявилъ:

— Завтрашній день я сначала вырѣжу ихъ всѣхъ, а затѣмъ и Мардохея повѣшу.

Приходили матери, приносили дѣтямъ поѣсть и попить и говорили:

— Поѣшьте, дѣти, и попейте въ послѣдній разъ,—завтра всѣмъ вамъ умереть, не умирайте хотя отъ голода.

Тогда дѣти, положа руки на свитки, отвѣчали:

— Жизнью Мардохея, учителя нашего, клянемся: ни до ѣды, ни до питья не дотронемся мы, лучше въ постѣ умереть намъ.

И каждый изъ нихъ, свернувъ свитокъ свой, отдавалъ его учителю, и такъ говорили они при этомъ:

— Думали мы, что ради Торы Господь продлитъ жизнь нашу. Нынѣ-же, когда не заслужили мы этого, прими отъ насъ свитки эти.

И общій плачъ поднялся кругомъ. Подобно реву доносились снаружи рыданія матерей, а плачъ дѣтей извнутри вторилъ имъ. И продолжалось это до тѣхъ поръ, пока не достигъ плачъ ихъ до небесныхъ высотъ—и услышалъ Господь голоса ихъ. Было это въ исходѣ третьяго часа послѣ полуночи. Въ этотъ часъ сошелъ Господь съ престола Суда и возсѣлъ на престолъ Милосердія; и вопросилъ Господь:

— Что означаютъ голоса эти, которые слышу Я, блеянію козочекъ и ягнятъ подобные?

Всталъ передъ Господомъ Моисей, учитель нашъ, и сказалъ:

— Владыка міра! То не козочекъ и агнцевъ блеяніе, но голоса дѣтей народа Твоего, которыя три дня и три ночи въ постѣ пребываютъ, а на завтра, какъ агнцы, закланія ждутъ.

Въ то-же мгновеніе возвратилось къ Господу все милосердіе Его, и сломалъ Господь печати и разорвалъ Онъ письмена приговора небеснаго, и сонъ тревожный послалъ на Ахашвероша въ ту ночь. (*тамъ-же*).

XVI. Паденіе Амана и возвеличеніе Мардохея.

„Въ ту ночь отнялся сонъ у царя".

Сказаніе р. Хамы баръ Гуріонъ:

— Эту ночь проводили безъ сна: Есѳирь, занятая приготовленіями къ пиру для Амана, Мардохей—въ постѣ, Аманъ—прилаживаніемъ дерева для висѣлицы. Одинъ только Ахашверошъ спалъ сномъ безмятежнымъ. И сказалъ Господь духу сна:

— Дѣти мои въ бѣдѣ находятся, а этотъ нечестивецъ наслаждается сномъ на ложѣ своемъ. Иди, отгони сонъ отъ него.

Сошелъ духъ сна и возмутилъ сердечный покой Ахашвероша, говоря:

— Неблагодарный! Иди, отплати благодарностью тому, кому обязанъ ты.

— Кто-же это,—сталъ припоминать Ахашверошъ,—добро сдѣлалъ мнѣ, а я не вознаградилъ его? „И онъ велѣлъ принести „Памятную книгу дневныхъ записей".

Сказаніе р. Леви:

— Одинъ изъ сыновей Амановыхъ былъ писцомъ царскимъ, и ему-то пришлось читать передъ царемъ изъ „Памятной книги". Дочитавъ до мѣста, которое гласило о томъ, какъ „донесъ Мардохей на Бигѳана и Ѳереша", чтецъ свернулъ свитокъ такъ, чтобы, пропустивъ мѣсто это, читать слѣдующія затѣмъ строки записи; но царь, замѣтивъ это, сказалъ:

— Зачѣмъ свертываешь? Читай все, безъ пропусковъ.

— Государь!—сказалъ чтецъ,—нѣкоторыхъ словъ я разобрать не могу.

Въ эту минуту сами собою прозвучали слова: — — „*какъ донесъ Мардохей*“ и пр. И когда имя Мардохея было произнесено, почувствовалъ царь, что благодатный сонъ вернулся къ нему.

На разсвѣтѣ царь увидѣлъ во снѣ: стоитъ надъ нимъ Аманъ съ мечемъ въ рукѣ и убить его готовится. Въ туже минуту послышался стукъ во входныя двери. Очнувшись, царь спросилъ:

— Кто стучится тамъ?

— Аманъ,—отвѣтили ему.

— Значитъ,—подумалъ царь,—сонъ мой—сонъ вѣщій.

И онъ сказалъ:

— Пусть войдетъ.

Когда Аманъ вошелъ, царь предложилъ ему вопросъ:

— „Что-бы воздать тому человѣку, котораго царь хочетъ отличить почестью?“

— „Кто-же знатнѣе меня?—подумалъ тутъ Аманъ,—кто болѣе меня отличенъ почестью? Стало быть, все, что я предложу, въ отвѣтъ на вопросъ царя, мнѣ-же и воздастся“.

И отвѣчалъ Аманъ:

— Тому человѣку, котораго царь хочетъ отличить почестью, пусть будутъ предоставлены одѣяніе царское и конь, на которомъ ѣхалъ царь, когда возлагали царскій вѣнецъ на главу его“.

При словѣ „вѣнецъ“ царь измѣнился въ лицѣ:

— „Вотъ оно,—подумалъ онъ,—недаромъ я видѣлъ во снѣ, что онъ убить меня готовится“.

И сказалъ ему Ахашверошъ:

— „Тотчасъ-же возьми одѣяніе и коня, какъ ты сказалъ, и сдѣлай это Мардохею“.

— Государь, — сказалъ Аманъ, — Мардохеевъ на свѣтѣ много.

— „Мардохею-іудеянину“,—пояснилъ царь.

— Іудеевъ съ именемъ Мардохей тоже немало есть.

— „Сидящему у воротъ царскихъ“!

— Этому-то? Но не достаточно-ли будетъ деревушку, либо рѣчку въ пользованіе ему предоставить?

Голосомъ подобнымъ рыканію львиному, закричалъ царь на Амана:

— „Чтобы не упущено было ничего изъ того, что говорилъ ты!“

И послалъ царь Гаѳаха и Харбону, приказавъ имъ слѣдить, чтобы все было исполнено Аманомъ въ точности.

Согнувшись весь, уничтоженный, не зная, куда лицо спрятать отъ стыда, вошелъ Аманъ въ царскую гардеробную. Глаза его померкли, ротъ перекривило, колѣни дрожали; казалось даже, точно уши обрубили у него. Взялъ онъ одѣяніе царское и прочія принадлежности; торопливо выйдя оттуда, пошелъ въ стойла и, выбравъ лучшаго коня, въ золотомъ ошейникѣ, положилъ на него облаченіе царское и, взявъ коня подъ уздцы, отправился къ Мардохею.

Увидѣвъ Амана съ конемъ, Мардохей подумалъ: „Это онъ съ конемъ пришелъ, чтобы подъ копытами его растоптать меня".—„Бѣгите отсюда,—крикнулъ онъ ученикамъ своимъ,—чтобы и вамъ не пострадать отъ нечестивца этого!"

— Нѣтъ,—отвѣчали ученики,—на жизнь и на смерть мы останемся съ тобою.

Облачился Мардохей въ талисъ и всталъ на молитву. Въ это время вошелъ Аманъ и, подсѣвъ къ ученикамъ, спросилъ:

— Какимъ предметомъ занимаетесь вы?

— Закономъ объ „оморѣ".

— А изъ чего „оморъ" этотъ сдѣланъ,—изъ серебра, или изъ золота?

— Оморъ,—отвѣтили они,—это снопъ ячменный.

— А сколько могъ стоить такой снопъ?

— Много-много—десять зузъ.

— *Ваши* десять зузъ побѣдили *мои* десять тысячъ талантовъ серебра,—проговорилъ Аманъ.

Когда Мардохей окончилъ молитву, Аманъ обратился къ нему и сказалъ:

— Встань, праведный Мардохей, сынъ Авраама, Исаака и Іакова! Вретище твое и пепелъ твой предупредили десять тысячъ серебрянныхъ талантовъ моихъ. Освободись отъ вретища и пепла, облачись въ одѣяніе царское и на царскаго коня садись.

— Нечестивецъ, отродье Амаликово!—воскликнулъ Мардохей,—одинъ часъ повремени мнѣ,—дай мнѣ хлѣбомъ горечи упитаться, упиться водой отравленной—и бери меня потомъ, да на висѣлицу поведи.

— Встань, праведный Мардохей! — отвѣчалъ Аманъ,—издавна многія чудеса сотворены вамъ; и нынѣ—то дерево, которое я приготовилъ для тебя, я на бѣду свою приготовилъ. Встань-же, облачись въ одѣяніе царское и садись на коня, который приведенъ для тебя, чтобы почестью отличить тебя.

Понялъ тутъ Мардохей, что дѣйствительно совершилось чудо Господне, и, обратившись къ Аману, сказалъ:

— Глупѣйшій изъ людей! Я на пепелѣ сидѣлъ и загрязнился весь, какъ-же въ одежды царскія облачиться мнѣ? При-

стойно-ли это? Нѣтъ, сперва помоюсь и побреюсь. Поискали баньщика и брадобрея, но такого по близости не оказалось. Тогда Аманъ самъ повелъ Мардохея въ бани, подпоясался потуже, рукава засучилъ и сталъ за баньщика: принесъ разныя благовонія и нѣжнѣйшіе елеи, привелъ все на Мардохеѣ въ благолѣпный видъ, помылъ его, намастилъ, сбѣгалъ домой, ножницы принесъ и брить его принялся. Бреетъ Мардохея Аманъ, а самъ вздыхать не перестаетъ.

— О чемъ вздыхаешь?—спросилъ Мардохей.

— Горе человѣку, подобному мнѣ!—отвѣчалъ Аманъ,— Тотъ, кто главой всѣхъ сановниковъ былъ и выше ихъ всѣхъ передъ царемъ возсѣдалъ, теперь баньщикомъ и брадобреемъ сдѣлался!

— Полно тебѣ!—сказалъ на это Мардохей, — не зналъ я будто отца твоего, который въ селѣ такомъ-то двадцать два года брадобреемъ былъ и этими самыми инструментами работалъ!...

Приладивъ все какъ слѣдуетъ и облачивъ Мардохея, Аманъ сказалъ:

— Теперь садись на коня.

— Старъ я, — отвѣчалъ Мардохей,—и отъ поста ослабъ я очень.

Согнулся Аманъ и затылокъ подставилъ ему. Ступилъ Мардохей ногою на затылокъ ему и сѣлъ на коня.

Мардохей ѣхалъ, а Аманъ шелъ впереди и выкрикивалъ: „Такъ воздается тому, кого царь желаетъ отличить почестью!“ Вслѣдъ за Мардохеемъ шла несмѣтная толпа отроковъ изъ царскаго дворца; каждый изъ нихъ имѣлъ по золотому кубку въ правой рукѣ и по серебрянной чашѣ въ лѣвой, и всѣ они хоромъ повторяли слова Амана: „Такъ воздается тому, кого царь желаетъ отличить почестью!“ Іудеи-же, шествовавшіе по обѣимъ сторонамъ Мардохея, возглашали: „Такъ воздается тому, кого *Царь Небесный* желаетъ отличить почестью“.

Со всѣхъ сторонъ раздавались хвалебные клики, и факелы пылали кругомъ.

И пѣли хвалу Господу:

Мардохей—
„Хвала тебѣ, Господь, что поднялъ Ты меня,
Врагамъ моимъ не давъ побѣды надо мною!“
Ученики его—
„Господу пойте, святые Его!“
Есѳирь—
„Къ Тебѣ, Господь, взываю я!“
Народъ израильскій—
„Въ ликованіе Ты мнѣ
Плачъ мой обратилъ“.

Сказаніе р. Іегуды баръ Симонъ:

— Заползшую въ домъ змѣю выкуриваютъ дымомъ отъ рога серны и женскихъ волосъ. Дебора и Есѳирь уподоблены въ Писаніи *сернѣ*. Дебора не отступила ни на шагъ, прежде чѣмъ не былъ истребленъ Сисара со всѣмъ войскомъ его; и Есѳирь не успокоилась, пока не былъ повѣшенъ Аманъ съ десятью сыновьями его.

Мардохеемъ отчеканены были монеты, имѣвшія повсемѣстное хожденіе. Изображеніе ихъ: съ одной стороны — вретище и куча пепла, съ другой—золотой вѣнецъ.

(Мег., 16; Ес.-Р.; Пан.-Ах.; Бер.-Р., 39; Аг.-Ес.).

XVII. Висѣлица Амана.

„И сказалъ царь: повѣсьте его!"

Обратился Аманъ къ Мардохею и сказалъ:

— Пока еще не повели меня на казнь, прошу тебя, праведный, пусть не распинаютъ меня подобно тому, какъ это дѣлаютъ съ заурядными преступниками. Богатыри съ извѣстностью всемірной ничего не значили предо мною; главноначальствующіе покорялись мнѣ; словомъ моимъ я царей въ трепетъ приводилъ и страны въ смятеніе дыханіемъ моимъ. Я, Аманъ, съ титуломъ вице-короля и почетнымъ званіемъ „царевъ отецъ"—я страшусь, не поступилъ-бы ты теперь со мною такъ, какъ я поступить съ тобою готовился. Пощади честь мою и не убивай меня такъ, какъ былъ убитъ Агагъ, дѣдъ мой. Будь добръ; вѣдь среди васъ злодѣевъ не водится. Не вспоминай ты мнѣ вражды Агага и зависти Амалика; не помни зла, какъ злопамятствовалъ и мстилъ Исавъ, предокъ мой. Слишкомъ тусклъ взоръ мой, чтобы поднять его на ликъ твой, и я не отверзъ-бы устъ моихъ передъ тобою, если-бы не подговорили меня къ тому жена и пріятели мои. Молю тебя, пощади душу мою, господинъ мой, Мардохей праведный!—Не вѣшай меня, въ сѣдинѣ моей, на деревѣ. Казни меня какимъ-нибудь инымъ способомъ: мечемъ царскимъ обезглавь меня, какъ обезглавливаютъ обыкновенно сановниковъ государственныхъ.

Съ плачемъ и воплями продолжалъ Аманъ умолять Мардохея; видя, что Мардохей не внимаетъ ему, пришелъ и остановился Аманъ посреди дворцоваго сада и съ громкимъ рыданіемъ взывать сталъ:

— О, деревья, съ дней творенія насаждаемыя! Сынъ Амадаѳовъ къ висѣлицѣ присужденъ!...

Держали деревья совѣтъ и рѣшили такъ: дерево, которое имѣетъ въ вышину пятьдесятъ локтей, на немъ и пусть повѣшенъ будетъ Аманъ.

Отвѣчали деревья:

Виноградная лоза: „Я и ростомъ мала, и не пристойно мнѣ висѣлицей для Амана стать: сокъ ягодъ моихъ для священныхъ возліяній служитъ“.

Смоковница: „Ягоды мои служатъ для приношенія первинокъ, изъ листвы-же моей Адамъ и Ева одѣяніе сдѣлали себѣ“.

Масличное дерево: „Я доставляю елей для Свѣтильника“.

Финиковая пальма взмолилась къ Господу, говоря: Всѣмъ извѣстно, что нечестивецъ Аманъ—внукъ Агага, внука Амаликова,—и мнѣ-ли служить висѣлицей для него?“—„Будь благословенна!—раздался въ отвѣтъ ей Голосъ Господень, — ты не станешь висѣлицей для него, ибо тебѣ уподобленъ Сіонъ, возлюбленный мною“.

Райская яблонь: „Ко мнѣ идутъ отъ всѣхъ народовъ земли, и отъ плодовъ моихъ берутъ, чтобы ликовать предъ Тобою, Господи!“

Миртъ: „Я райской яблони чета и надо мною также гимны радости поютъ“.

Дубъ зашумѣлъ и воскликнулъ: „Дебора, кормилица Ревекина, подъ тѣнью моей погребена“.

Теребинтъ: „На вѣтвяхъ моихъ Авессаломъ, сынъ Давидовъ, повисъ“.

Гранатовая яблонь: „Мнѣ праведники уподоблены“.

— „Слушайте,—раздался голосъ *кедра*,—на мнѣ да будетъ повѣшенъ Аманъ,—на томъ деревѣ, которое онъ приготовилъ самъ на гибель себѣ“. *(Тар.-Ш.)*.

Эпоха Второго Храма.

I. Храмъ.

Кто не видѣлъ Іерусалима въ полномъ величіи его, тотъ не видалъ въ жизни истинно великолѣпнаго города, и кто не видѣлъ храма въ полномъ его сооруженіи, тотъ не видалъ никогда замѣчательнаго по красотѣ зданія. *(Сот., 51)*.

Св. Земля была центромъ міра; центромъ Св. Земли былъ градъ Іерусалимъ, центромъ Іерусалима—храмъ, центромъ храма—Святилище, центромъ Святилища—ковчегъ, а передъ Святилищемъ находился „эвенъ-шетіа“ — камень, заложенный какъ фундаментъ для всего мірозданія. (*Танх. Гак.*).

Въ храмѣ находились, сохранившіеся со временъ Моисея, слѣдующіе предметы:

Лоза. У входа въ Святилище стояла, подвязанная на тычинки золотая лоза виноградная, и каждый, кто жертвовалъ въ храмъ золотыя издѣлія въ видѣ листка, ягоды или цѣлой кисти, вѣшалъ свой даръ на эту лозу.

По преданію отъ раби Елазара бераби Садокъ — тяжесть этой лозы дошла до того, что когда встрѣтилась надобность сдвинуть ее съ мѣста, для этого потребовались усилія трехсотъ священниковъ.

Флейта изъ тонкаго, отполированнаго тростника. Флейту эту царь приказалъ покрыть золотой отдѣлкой, послѣ чего она потеряла чистоту звука; сняли золото—и флейта стала звучать мелодично по прежнему.

Колокольчикъ, мѣдный, прекраснаго звука. Слегка попорченный, онъ отданъ былъ въ починку лучшимъ Александрійскимъ мастерамъ, но послѣ этого потерялъ чистоту звука; уничтожили сдѣланныя исправленія—и звукъ сталъ чистъ по прежнему.

Ступка, мѣдная, употреблявшаяся при образованіи состава священныхъ ѳиміамовъ. Послѣ починки ея тѣми-же мастерами,

составъ ѳиміамовъ сталъ получаться хуже прежняго; уничтожили исправленія—и ступка стала дѣйствовать по прежнему.

Было еще въ храмѣ музыкальное орудіе *магрефа*, родъ органа съ наборомъ изъ десяти трубъ, каждая изъ коихъ звучала за десять различныхъ тембровъ, такъ что въ общемъ органъ звучалъ на сто тембровъ. *(Еруб., 10, 11; Тос.)*.

II. Симеонъ Праведный.

Пришли самаритяне къ Александру Македонскому съ просьбою разрѣшить имъ разрушить храмъ іерусалимскій. Александръ разрѣшилъ. Дали знать объ этомъ Симеону Праведному. Облачившись въ первосвященническія одежды, пошелъ Симеонъ, въ сопровожденіи почетнѣйшихъ израильтянъ, къ Александру. Всю ночь шли они, освѣщая путь свой факелами. При свѣтѣ утренней зари замѣтилъ ихъ Александръ и спросилъ самаритянъ:

— Кто эти люди?

— Это и есть, — отвѣтили тѣ, — измѣнники - израильтяне.

Встрѣча израильтянъ съ Александромъ произошла въ часъ восхода, у Антипароса. Едва взглянувъ на Симеона, царь сошелъ съ колесницы и поклонился ему. Видя это, приближенные Александра воскликнули:

— Тебѣ-ли, великому царю, кланяться іудею этому?!

— Лицо этого человѣка, — отвѣчалъ царь, — живое подобіе лика ангела побѣды, въ битвахъ предшествующаго мнѣ.

И, обратившись къ израильтянамъ, Александръ спросилъ:

— По какой надобности пришли вы ко мнѣ?

— Мы пришли къ тебѣ, Государь, изъ опасенія, чтобы язычники не уговорили тебя разрушить ту Обитель, въ которой мы возносимъ молитвы о благополучіи твоемъ и царства твоего.

— Кто-же язычники эти?—спросилъ Александръ.

— Самаритяне эти, которые стоятъ передъ тобою

— Они въ вашей власти,—сказалъ Александръ.

Въ тотъ-же день израильтянами разрушенъ былъ самаританскій храмъ на горѣ Геризимъ *(Іома, 69)*.

Случай, разсказанный Симеономъ Праведнымъ:

— Единственный разъ въ жизни я отвѣдалъ мяса отъ жертвы осквернившагося назорея[1]). Однажды, пришелъ ко мнѣ

[1]) *Назорей* (назиръ)—давшій обѣтъ воздержанія на опредѣленный срокъ или на всю жизнь. Осквернившій, т. е. нарушившій, обреченіе свое, назорей приносилъ установленную жертву. *(См. Числа, VI)*.

назорей, житель южной страны. Человѣкъ этотъ былъ чрезвычайно красивъ, строенъ и имѣлъ пышные, волнистые волосы.

— Сынъ мой!—сказалъ я,—чего ради ты рѣшилъ остричь прекрасные волосы свои?

Въ отвѣтъ онъ разсказалъ слѣдующее:

— „Я состоялъ пастухомъ при стадѣ отца моего. Однажды, подойдя къ источнику, я увидѣлъ въ водѣ отраженіе свое, и началъ искуситель обольщать меня.—„Проклятый!—воскликнулъ я,—ты обольстить хочешь плоть мою, которая и не подвластна тебѣ, и въ прахъ и тлѣніе обратиться должна? Клянусь, не бывать этому: остригусь ради Господа моего!"

— Услыша слова эти—продолжалъ Симеонъ Праведный,—я облобызалъ голову его и сказалъ: „Сынъ мой, дай Богъ, чтобы много было подобныхъ тебѣ назореевъ въ народѣ нашемъ!"

(Нед., 40).

Время кончины своей Симеонъ Праведный предсказалъ самъ. „Я умру,—сказалъ онъ однажды своимъ близкимъ, — въ этомъ-же году". На вопросъ—какъ онъ узналъ объ этомъ, отвѣтилъ:

— Ежегодно въ Іомъ-Кипуръ нѣкій старецъ въ бѣлыхъ одеждахъ сопровождаетъ меня при входѣ моемъ въ Святилище и при выходѣ оттуда. На этотъ-же разъ мнѣ явился старецъ, одѣтый въ черное, вошелъ вмѣстѣ со мною въ Святилище, но оттуда не выходилъ.

Сейчасъ послѣ праздниковъ Симеонъ заболѣлъ и черезъ семь дней умеръ. *(Мен., 109).*

III. Александръ Македонскій.

Пришли къ Александру Македонскому жители Африки на судъ съ народомъ израильскимъ.

— Земля Ханаанская принадлежитъ намъ,—заявили они,—ибо сказано: „Земля Ханаанская по границамъ ея". Ханаанъ-же былъ предкомъ нашимъ.

Обратился къ мудрецамъ Гебіа бенъ Песиса и сказалъ:

— Разрѣшите мнѣ выйти на судъ съ ними передъ Александромъ: побѣдятъ они меня, вы скажете: „простолюдина изъ среды нашей побѣдили вы". А удастся мнѣ взять верхъ надъ ними, вы скажете имъ: „Ученіе Моисеево побѣдило васъ".

Получивъ разрѣшеніе, предсталъ на судъ Гебіа бенъ Песиса и сказалъ:

— Вы откуда приводите доказательство?

— Изъ Торы,—отвѣтили тѣ.

— И я,—сказалъ онъ,—не стану приводить доказательствъ, кромѣ словъ Торы. Въ Торѣ-же сказано: „Проклятъ Ханаанъ!

Рабъ рабовъ да будетъ онъ у братьевъ своихъ". Рабъ, пріобрѣвшій имѣніе,—чьей собственностью остается и онъ, и пріобрѣтенное имъ? Кромѣ того, сколько лѣтъ уже, какъ вы неслужите намъ?

— Отвѣчайте ему,—сказалъ имъ Александръ.

— Государь, — попросили они, — дай намъ три дня сроку.

Царь согласился. Не найдя отвѣта, они бѣжали, бросивъ посѣвы на поляхъ и посадки на виноградникахъ.

Годъ тотъ былъ „годомъ Субботнимъ" [1]).

Другой разъ судиться съ израильтянами пришли къ Александру египтяне.

— Въ Торѣ,—заявили они,—сказано: „Господь далъ милость народу въ глазахъ египтянъ, и они дали ему вещей серебряныхъ, и вещей золотыхъ, и одеждъ". Требуемъ, чтобы возвращены были намъ серебро и золото, взятое у насъ израильтянами.

Выступилъ тотъ-же Гебіа бенъ Песиса.

— Приведу,—сказалъ онъ,—и я доказательство изъ Торы Въ Торѣ-же сказано: „Время пребыванія сыновъ Израилевыхъ въ Египтѣ—четыреста тридцать лѣтъ". Заплатите-же намъ за работу шестисотъ тысячъ человѣкъ, которыхъ порабощали вы впродолженіи четырехсотъ тридцати лѣтъ.

— Отвѣчайте ему,—сказалъ Александръ.

— Государь, — попросили египтяне, — дай намъ сроку три дня.

Но прошло три дня, и, не находя, что отвѣтить, египтяне со стыдомъ бѣжали, бросивъ посѣвы на поляхъ и посадки на виноградникахъ.

Годъ тотъ былъ „годомъ Субботнимъ".

Пришли на судъ съ Израилемъ и потомки Измаила съ потомками Хеттуры.

— Въ Торѣ,—говорили они,—Измаилъ именуется „сыномъ Авраама" точно также, какъ и Исаакъ, а потому земля Ханаанская должна быть подѣлена между нами и израильтянами поровну.

— Въ Торѣ-же,—отвѣчалъ Гебіа бенъ Песиса, — сказано: „И отдалъ Авраамъ все, что у него, Исааку. А сынамъ наложницъ (Агари и Хеттуры), что у Авраама, далъ онъ подарки". Раздѣлъ совершенъ былъ отцомъ при жизни. Могутъ-ли дѣти послѣ этого имѣть притязанія другъ къ другу?

---

[1]) Седьмымъ годомъ, когда, по закону Моисееву, не производилось никакихъ посѣвовъ и посадокъ.

Однажды Александръ заявилъ совѣтникамъ своимъ:

— Желаю идти въ землю Африканскую.

— Проникнуть туда невозможно,—отвѣтили совѣтники,— Горы Мрака [1]) препятствуютъ.

— Идти туда,—сказалъ Александръ,—мнѣ необходимо, и васъ я прошу только придумать способъ, какъ сдѣлать это.

— Возьми,—сказали совѣтники,—ливійскихъ ословъ, привыкшихъ къ темнотѣ, и, запасшись клубками веревокъ, концы послѣднихъ укрѣпи при входѣ въ ущелья, по этимъ-же веревкамъ ты и прослѣдуешь обратно.

Александръ такъ и сдѣлалъ. Дойдя до Кароагена, мѣстности, населенной однѣми женщинами [2]), онъ объявилъ имъ войну. На это женщины тѣ отвѣтили:

— Побѣдишь ты насъ, скажутъ: „Женщинъ побѣдилъ онъ". А одолѣемъ мы, про тебя будутъ говорить: „Царь, котораго женщины побѣдили".

— Принесите намъ хлѣба,—попросилъ Александръ.

Принесли онѣ на золотомъ столѣ хлѣбы изъ золота и яблоки, и гранатовые яблоки, изъ золота-же.

Развѣ въ странѣ вашей,—спросилъ Александръ, — ѣдятъ золото?

На это женщины тѣ отвѣтили:

— Но если тебѣ хлѣбъ нуженъ, то развѣ въ твоемъ царствѣ хлѣба нѣтъ, что ты къ намъ пришелъ его искать?

Уходя, Александръ начерталъ на городскихъ воротахъ:

„Я, Александръ Македонскій, былъ царемъ-глупцомъ, пока не пришелъ въ землю Африканскую и не поучился мудрости отъ женщинъ".

Пошелъ оттуда Александръ къ царю страны Кассіи [3]). Сталъ царь этотъ показывать Александру несмѣтные запасы серебра и золота. Но Александръ сказалъ:

— Не серебро и золото ваше видѣть пришелъ я, но обычаи и законы ваши.

Въ то время, когда они сидѣли и вели бесѣду, пришли двое судиться передъ царемъ.

— Государь!—сказалъ одинъ изъ нихъ,—я купилъ у этого человѣка пустошь, сталъ тамъ рыть землю и нашелъ кладъ. Возьми себѣ,—говорю я ему,—кладъ этотъ: я купилъ у тебя пустошь, но не кладъ.

Другой-же отвѣчалъ:

---

[1]) Повидимому—труднопроходимыя горы, изобилующія темными ущельями.

[2]) Легендой, очевидно, смѣшаны древній Кароагенъ, по преданію, *основанный* женщиной, Дидоной, съ Каппадокіей, гдѣ, по преданію-же, жилъ народъ воинственныхъ женщинъ, амазонокъ.

[3]) Страна миѳическая.

— Я также, какъ и ты, боюсь грѣха присвоенія чужого. Я продалъ тебѣ пустошь вмѣстѣ со всѣмъ, что находится на ней, отъ нѣдръ земныхъ до высотъ поднебесныхъ.

Обратился царь къ одному изъ нихъ и спросилъ:

— Имѣешь ты сына?

— Имѣю,—былъ отвѣтъ.

— А у тебя дочь есть?—спросилъ царь другого.

— Есть.

— Пожените ихъ другъ на другѣ и найденный кладъ отдайте въ приданное имъ.

Видя удивленіе Александра, царь спросилъ:

— Развѣ нехорошо я разсудилъ ихъ? А въ вашей странѣ какъ рѣшили-бы подобный споръ?

— Я,—отвѣтилъ Александръ,—отрубилъ-бы обоимъ головы, а кладъ поступилъ-бы въ царскую казну.

— Свѣтитъ-ли солнце въ вашей странѣ?—спросилъ царь.

— Свѣтитъ.

— И дожди идутъ?

— Идутъ.

— А есть-ли мелкій скотъ у васъ?

— Есть.

— Проклятія достойны люди у васъ, и только ради животныхъ солнце свѣтитъ вамъ и дождь идетъ у васъ.

На обратномъ пути остановился Александръ для обѣда близъ одного ручья. Поданную ему соленую макрель царь началъ обмакивать въ воду ручья—и рыба получала удивительно пріятный запахъ.

— Это доказываетъ,—сказалъ Александръ, — что ручей этотъ течетъ изъ рая.

Помывъ лицо свое въ водѣ ручья, Александръ направился по истокамъ его и дошелъ до вратъ рая.

— Отворите!—воскликнулъ Александръ.

— Врата эти—Господни, праведники входятъ черезъ нихъ,— услышалъ онъ въ отвѣтъ.

— Но я царь, и я знаменитъ, — сказалъ Александръ, — дайте-же мнѣ какую нибудь вещь на память.

Дали ему черепную кость. Придя въ свое царство, Александръ положилъ на одну чашу вѣсовъ эту кость, а на другую все серебро и золото, бывшее при немъ. Перевѣшивала кость.

— Что значитъ это? — спросилъ Александръ у мудрецовъ.

— Эта кость,—отвѣтили мудрецы,—орбита человѣческаго глаза, ненасытнаго въ жадности своей.

— Чѣмъ вы это докажете?

— Возьми горсть земли [1]) и посыпь кость.

Царь сдѣлалъ такъ,—и золото тотчасъ перевѣсило кость.

(*Санг.*, *91*; *Бер.-Р.*, *61*; *Там.*, *31—32*; *Танх.*).

IV. Мать семерыхъ.

„За Тебя умерщвляютъ насъ каждый день, считаютъ насъ за овецъ, обреченныхъ на закланіе“.

— О женщинѣ съ семью ея сыновьями, — говорилъ равъ Іегуда,—гласитъ этотъ стихъ. Дѣло было съ Миріамъ батъ [2]) Нахтомъ, которую схватили вмѣстѣ съ ея семью сыновьями. Заключивъ ихъ въ отдаленнѣйшей камерѣ въ темницѣ, начали выводить ихъ поочередно передъ императоромъ. Вывели старшаго изъ братьевъ.

— Поклонись идолу,—сказали ему.

— Въ Торѣ,—отвѣтилъ онъ,—сказано: „Я, Господь—Богъ твой“.

Казнили его.

Привели второго и сказали:

— Поклонись идолу.

Въ Торѣ,—отвѣтилъ онъ,—сказано: „Да не будетъ у тебя иныхъ боговъ кромѣ Меня“.

Казнили и его.

Привели третьяго и сказали:

— Поклонись идолу.

— Въ Торѣ,—отвѣтилъ онъ, — сказано: „Богу иному не поклоняйся“.

И его казнили.

Привели четвертаго и сказали:

— Поклонись идолу.

— Въ Торѣ,—отвѣтилъ онъ,—сказано: „Жертвующій богамъ, кромѣ одного Господа, подвергнется истребленію“.

И его казнили.

Привели пятаго и сказали:

— Поклонись идолу.

— Въ Торѣ,—отвѣтилъ онъ,—сказано: „Слушай, Израиль,—Господь, Богъ нашъ—Господь единый“.

И его казнили.

Привели шестого и сказали:

— Поклонись идолу.

— Въ Торѣ,—отвѣтилъ онъ,—сказано:„ Познай-же нынѣ и тверди сердцу твоему, что Господь есть Богъ на небѣ вверху и на землѣ внизу. Нѣтъ другого“.

И его казнили:

---

[1]) Символъ могилы.

[2]) Дочь.

Привели седьмого, самаго младшаго. И самъ императоръ обратился къ нему и сказалъ:

— Дитя мое! Поклонись идолу.

— Упаси меня Господь!—отвѣтилъ отрокъ.

— Но почему?—спросилъ императоръ.

— Потому,—былъ отвѣтъ,—что въ нашей Торѣ такъ сказано: „Господа превознесъ ты нынѣ, чтобы Онъ былъ Богомъ твоимъ — — — и Господь превознесъ тебя нынѣ — — — чтобы былъ ты Ему народомъ дорогимъ“. Давно поклялись мы Всесвятому-Благословенному, что не замѣнимъ Его другимъ богомъ, и также Господь поклялся намъ, что другимъ племенемъ не замѣнитъ насъ.

Сказалъ императоръ:

— Братья твои успѣли пожить на свѣтѣ, познать жизнь и счастье; ты-же еще малъ, ни жизни, ни счастья не извѣдалъ еще. Послушайся меня—поклонись идолу.

— Въ Торѣ нашей,—отвѣтилъ отрокъ,—сказано: „Господь будетъ царствовать во вѣки вѣковъ“. И еще сказано: „Господь— царь во вѣки вѣковъ, и исчезнутъ язычники изъ земли Его“. Вы будете уничтожены, и царство ваше будетъ уничтожено, а Всесвятой-Благословенный живъ и будетъ жить вѣчно.

— Взгляни,—сказалъ императоръ,—братья твои убитыми лежатъ предъ тобою. Вотъ я обороню перстень мой передъ идоломъ, наклонись и подними перстень, дабы присутствующіе подумали: „онъ все-же послушался велѣнія императора“.

На это отрокъ отвѣтилъ:

— Горе тебѣ, императоръ! Горе тебѣ, императоръ! *Своей* честью ты такъ дорожишь,—какъ-же должно дорожить честью Господа?

Повели и его къ плахѣ.

— Дайте мнѣ,—взмолилась мать,—въ послѣдній разъ облобызать его.

Ей это разрѣшили.

— Головой твоей заклинаю тебя,—сказала она, обращаясь къ императору,—казни раньше меня, а его потомъ.

Не внялъ императоръ мольбѣ ея.

— Казнить отрока!—повелѣлъ онъ.

Заключила Миріамъ сына въ объятія и, цѣлуя и лаская его, говорила:

— Дитя мое! Иди къ Аврааму, предку твоему, и скажи: Такъ велѣла мать моя сказать тебѣ: „Ты воздвигъ одинъ жертвенникъ, я семь жертвенниковъ воздвигла; ты однимъ испытаніемъ ограничился, а мое несчастіе до конца совершилось“.

Не успѣла она освободить сына изъ объятій своихъ, какъ его тутъ-же умертвили. Поднялась она на кровлю и, бросившись внизъ, убилась на смерть.

Въ эту минуту прозвучалъ Небесный Голосъ: „Радуйся, мать, о дѣтяхъ своихъ!“ (*Гит.*, *57*; *Еха-Р.*).

V. Чудо съ елеемъ.

Ворвавшіеся въ Святилище войска Антіоха Епифана осквернили весь имѣвшійся въ храмѣ запасъ елея. Послѣ побѣды Асмонеевъ тамъ найденъ былъ единственный кувшинъ съ елеемъ, съ печатью первосвященника на немъ. Елея этого едва доставало-бы на одинъ день. Произошло чудо: разлитый по лампадамъ, елей продолжалъ горѣть впродолженіи восьми дней. Съ тѣхъ поръ установлено было празднованіе „Восьми дней обновленія“—Хануки. (*Шаб.*, *21*).

VI. Гирканъ и Аристуволъ.

Во время осады Гирканомъ Іерусалима, гдѣ царствовалъ братъ его Аристовулъ [1]), священники ежедневно спускали съ городской стѣны сосудъ съ динаріями, взамѣнъ чего получали отъ осаждавшихъ животное для жертвы тамидъ. Состоявшій при Гирканѣ нѣкій старецъ, приверженецъ эллинской мудрости, сказалъ осаждавшимъ такъ:

— Покуда въ храмѣ продолжаютъ совершать жертвоприношенія, Іерусалимъ не будетъ преданъ въ руки ваши.

На слѣдующій день, когда отъ священниковъ былъ полученъ сосудъ съ динаріями, осаждавшіе привязали къ спущенной веревкѣ свинью. Когда свинья была поднята до середины стѣны, она вцѣпилась копытцами въ стѣну — и въ эту минуту задрожала Св. Земля вдоль и поперекъ на протяженіи четырехъ сотъ парса. И тогда-же было постановлено: „проклятъ тотъ, кто разводитъ свиней, и проклятъ тотъ, кто обучаетъ сына мудрости эллинской!“ (*Сот.*, *49*).

VII. Иродъ.

Иродъ былъ слугою царствующаго дома Асмонеевъ, и полюбилась ему юная царевна. Однажды услышалъ онъ вѣщій голосъ: „Рабу, который *нынѣ* измѣнитъ, будетъ удача“. Всталъ Иродъ и убилъ всѣхъ членовъ Асмонеева рода, оставивъ въ живыхъ одну упомянутую царевну. Понявъ намѣреніе Ирода, царевна взошла на кровлю дома и громкимъ голосомъ провозгласила:

— Кто придетъ и скажетъ, что онъ изъ рода Асмонеевъ, тотъ—рабъ лживый, ибо изъ рода этого оставлена была въ жи-

[1]) Изъ дома Асмонеевъ.

выхъ единственная отроковица, и та бросилась съ кровли на землю.

И съ этими словами царевна бросилась съ кровли и убилась на смерть.

„Изъ среды братій твоихъ поставь надъ собою царя".

— Это кѣмъ установлено? — сказалъ Иродъ, — законоучителями? Казнить ихъ всѣхъ!

Оставленъ былъ въ живыхъ, по велѣнію Ирода, одинъ Бава бенъ Бута, чтобы пользоваться мудрыми совѣтами его. Предварительно, однако, у него выкололи глаза и пьявками окружили въ видѣ вѣнца голову его.

Пришелъ Иродъ, сѣлъ противъ него и сказалъ:

— Видѣлъ ты, что этотъ жестокій рабъ сдѣлалъ?

— Что-же я въ силахъ сдѣлать въ отношеніи его? — спросилъ слѣпой Бава?

— Прокляни его!

— Въ Писаніи сказано: „Даже въ помыслахъ не кляни царя".

— Сказано: „Начальника *въ народѣ твоемъ* не проклинай", т. е. *преданнаго народу*. Этотъ-же — врагъ народу. — — И ты не бойся проклясть его: вѣдь кромѣ меня и тебя здѣсь нѣтъ никого.

— „Птица небесная можетъ слово перенести и крылатая — рѣчь пересказать".

— Знай-же, это я, Иродъ, говорю съ тобою. И признаюсь: знай я, что іудейскіе ученые — люди столь строгой нравственности, я не казнилъ-бы ихъ. Нынѣ-же чѣмъ могу я искупить преступленіе свое?

На это Бава отвѣтилъ такъ:

— „Заповѣдь — свѣтильникъ и законъ — свѣтъ". Погасившій свѣтъ міра (казнью мудрыхъ), пусть зажжетъ свѣтъ міра (возстановленіемъ храма).

Когда строился храмъ во времена Ирода, по ночамъ шли дожди, а къ утру вѣтеръ разгонялъ облака, и свѣтило ясное солнце. И это укрѣпляло въ народѣ убѣжденіе, что работа эта угодна Господу.

Преданіе гласитъ: кому не довелось видѣть храма, возстановленнаго Иродомъ, тотъ не видалъ ничего истинно-великолѣпнаго. Зданіе построено было изъ мрамора и лазореваго камня; кладка стѣнъ дѣлалась съ выступами и углубленіями. Иродъ намѣревался покрыть стѣны золотой обшивкой, но ему посовѣтовали не дѣлать этого: въ натуральномъ видѣ стѣны отливали тонами морскихъ волнъ. *(Б. Б., 3—4; Таан., 23).*

VIII. Жертвоприношенія.

Поученіе р. Іегуды баръ Симона:

— Десять животныхъ чистыхъ указаны въ Писаніи, изъ нихъ трое—домашнихъ, находящихся подъ рукой у человѣка: волъ, овца и коза, и семеро — живущихъ на дикой волѣ: изюбрь, олень, серна, козерогъ, сайга, зубръ и лось. И Всемилосердный не заставлялъ человѣка взбираться на горы и утомляться, рыская по лѣсамъ, чтобы приносить въ жертву изъ животныхъ, находящихся на волѣ, но пріемлетъ Господь приношенія изъ животныхъ домашнихъ, вскормленныхъ у яслей.

Волъ преслѣдуемъ львомъ, овца—волкомъ, коза—пантерой. И Господь повелѣлъ: „Не изъ преслѣдующихъ, но изъ преслѣдуемыхъ приносите въ жертвы мнѣ“. *(Танх.; Ваик.-Р., 27).*

Поученіе раби Исаака:

— Почему въ законѣ о дароприношеніяхъ, въ отличіе отъ жертвоприношеній, сказано „душа“ [1])? Потому что: „Кѣмъ,— сказалъ Господь,—обыкновенно совершается дароприношеніе [2])? Бѣднякомъ. И это для Меня также цѣнно, какъ если-бы онъ душу свою принесъ въ жертву Мнѣ“.

Былъ такой случай: бѣдная женщина принесла въ даръ горсть муки, и началъ священникъ издѣваться надъ нею, говоря: „Взгляните, что люди эти приносятъ? Ни священнику поѣсть, ни Богу пожертвовать!“ И былъ тому священнику во снѣ вѣщій голосъ: „Не издѣвайся надъ женщиной этой: равно, что душу свою она въ жертву принесла“. *(Ваик.-Р., 3).*

IX. Не въ мѣру усердные.

„Человѣкъ съ Храмовой Горы“ [3]) при свѣтѣ факеловъ обходилъ, для провѣрки, сторожевые посты священниковъ. При появленіи его съ каждаго сторожевого пункта раздавалось: „Человѣкъ съ Храмовой Горы, миръ тебѣ“! Тѣхъ-же изъ стражи, которыхъ онъ заставалъ спящими, онъ билъ палкой и имѣлъ право поджечь одежды на нихъ.

Было въ обычаѣ, что пепелъ съ жертвенника могъ сгребать каждый желающій изъ числа священниковъ. Когда желающихъ оказывалось много, они взбирались по ступенямъ въ перегонку, и право сгрести пепелъ доставалось тому, кто опережалъ остальныхъ на четыре локтя. Однажды былъ такой слу-

---

[1]) „Nefesch“—душа, вмѣсто обычнаго „Isch“—человѣкъ.

[2]) Состоящее изъ небольшого количества муки, елея и ладана.

[3]) Надзиратель при храмѣ.

чай: двое кинулись по алтарнымъ ступенямъ, отставшій такъ сильно толкнулъ опередившаго его товарища, что тотъ упалъ и сломалъ ногу. Послѣ этого случая очистка жертвенника отъ пепла стала производиться по жребію.

Сохранилось преданіе о другомъ случаѣ: двое священниковъ кинулись одновременно по ступенямъ жертвенника; оставшійся позади схватилъ ножъ и воткнулъ опередившему его въ грудь. Прибѣжавшій въ храмъ отецъ убитаго засталъ сына еще съ послѣдними признаками жизни и торжественно заявилъ присутствующимъ:

— Сынъ мой не убитъ наповалъ, онъ еще въ агоніи, и жертвенный ножъ, слѣдовательно, остался неоскверненнымъ!

На этомъ случаѣ можно видѣть, что въ то время нарушеніе ритуальной чистоты считалось важнѣе даже кровопролитія.

(Іома., 23).

X. Приношеніе первинокъ.

Какъ приносились первинки?

Изъ всѣхъ поселеній даннаго прихода [1]) собирались въ центральномъ городѣ его и располагались на ночлегъ на улицахъ, подъ открытымъ небомъ. Въ обычное время пробужденія отъ сна глашатай выкликалъ:

— „Вставайте, пойдемъ на гору Сіонъ, къ Господу, Богу нашему!“

Изъ ближайшихъ мѣстностей приносились свѣжія смоквы и виноградъ, изъ болѣе отдаленныхъ—сушеныя смоквы и изюмъ. Во главѣ шествія водили жертвеннаго вола съ вѣнкомъ масличнымъ на золоченныхъ рогахъ. Сопровождаемые звуками свирѣли, направлялись къ Іерусалиму. На близкомъ разстояніи отъ св. града, посылали оповѣстить о своемъ приближеніи и приступали къ украшенію корзинъ съ первинками. На встрѣчу паломникамъ выходили начальники города, намѣстники и казнохранители для пріема ихъ, согласно степени достоинства прибывшихъ, а горожане-ремесленники всѣхъ цеховъ, выстраиваясь рядами, привѣтствовали ихъ словами:

— „Братья наши изъ такой-то и такой-то мѣстности, благословенъ приходъ вашъ!“

При звукахъ свирѣли шествіе направлялось къ Храмовой Горѣ. При приближеніи къ послѣдней всѣ, не исключая и царя Агриппы, брали корзины съ первинками на плечи и несли

[1]) Св. Земля дѣлилась на двадцать четыре прихода, и въ каждомъ приходѣ совершалось богослуженіе въ тотъ часъ, когда въ храмѣ, въ Іерусалимѣ, совершалось жертвоприношеніе тамидъ.

ихъ къ храму, гдѣ шествіе встрѣчалось хоромъ левитовъ, пѣвшихъ псаломъ:

„Хвала тебѣ, Господь, что поднялъ Ты меня
И торжества врагамъ Ты не далъ надо мною“.

Люди богатые приносили первинки въ серебрянныхъ и золотыхъ корзинкахъ, кто побѣднѣе—въ плетенкахъ изъ ивовыхъ, очищенныхъ отъ коры, вѣтвей. *(Бик., 3).*

XI. Торжество возліянія [1]).

Кому не довелось видѣть „торжества возліянія“, тотъ не видалъ въ жизни своей зрѣлища истинно-радостнаго.

Большія приготовленія къ этому торжеству начинались въ исходѣ первыхъ дней праздника Кущей.

Въ Женскомъ Отдѣленіи храма находились золотые свѣтильники съ четырьмя золотыми елейниками и четырьмя ступеньчатыми подъемами при каждомъ. Четыре отрока изъ рода коганидовъ наполняли елейники изъ кувшиновъ, содержимостью каждый въ сто двадцать лугъ.

Фитили приготовлялись изъ приходившихъ въ ветхость священническихъ облаченій. И не было угла въ городѣ, куда не достигалъ-бы свѣтъ, зажигаемый при торжествѣ возліянія.

Благочестивѣйшіе изъ гражданъ, съ факелами въ рукахъ, устраивали хороводы передъ народомъ, сопровождая пляски свои пѣніемъ гимновъ и славословій. На пятнадцати ступеняхъ (по числу „Пѣсенъ Восхожденія“ въ Псалтири), нисходящихъ отъ Мужского Отдѣленія къ Женскому Отдѣленію, толпились левиты съ цитрами, арфами, кимвалами, трубами и безчисленнымъ множествомъ другихъ музыкальныхъ орудій. Двое священниковъ съ трубами въ рукахъ стояли въ верхнихъ вратахъ, ведущихъ отъ Мужского къ Женскому Отдѣленію. При первомъ крикѣ пѣтуха они троекратно трубили въ трубы, сходили до десятой ступени, вновь трубили троекратно и, продолжая трубить, шли къ вратамъ, выходящимъ на Востокъ. Дойдя до этихъ воротъ, поворачивались лицомъ на Западъ и возвѣщали:

— Предки наши на этомъ мѣстѣ становятся-бывало „спиною къ храму Господню, а лицомъ къ востоку и кланяются на востокъ солнцу“ [2]), а мы,—къ Господу, къ Господу очи наши.

---

[1]) Ежедневно при жертвоприношеніи тамида совершалось возліяніе вина на жертвенникъ, а въ дни праздника Кущей совершалось также возліяніе воды.

[2]) Іезекіиль, VIII, 16.

И былъ прощальный привѣтъ ихъ другъ другу:
„Благословитъ тебя Господь съ Сіона.
Іерусалима благоденствіе
Всю жизнь свою ты будешь созерцать.
Увидишь сыновей у сыновей своихъ.
Миръ Израилю!“

Преданіе о Гилелѣ Старшемъ:

Празднуя торжество возліянія, Гилель говаривалъ: „Здѣсь я—всѣ здѣсь. Нѣтъ меня—кто-же здѣсь? Въ то мѣсто, которое мнѣ дорого, стопы мои ведутъ меня“. Также и Господь говоритъ: „Придешь ты въ Мой домъ, Я въ твой домъ приду, а если ты въ Мой домъ не будешь приходить, Я въ твой домъ приходить не буду“. Ибо сказано: „На всякомъ мѣстѣ, на которомъ назначу памятовать имя Мое, явлюсь Я къ тебѣ и благословлю тебя“. *(Сук., 5; Тос.)*.

XII. Агриппѣ польстили!...

Въ исходѣ перваго дня праздника Кущей, послѣ субботняго года, въ храмовой палатѣ устанавливался деревянный амвонъ, на которомъ въ этотъ день возсѣдалъ царь. Св. Свитокъ вынимался храмовымъ надзирателемъ и передавался главѣ Собранія, главой Собранія—священнонамѣстнику, священнонамѣстникомъ — первосвященнику, первосвященникомъ — царю. Царь вставалъ, принималъ Свитокъ и прочитывалъ положенную на этотъ день главу.

Царь Агриппа, дочитавъ до словъ: „Не можешь поставить надъ собою чужеземца, который не братъ тебѣ“, заплакалъ. Видя это, окружающіе стали утѣшать его, говоря:

— Успокойся, Агриппа,—ты братъ намъ, ты братъ намъ.

Въ тотъ часъ,—гласитъ сказаніе отъ имени раби Натана,—израильтяне гибели достойны были: Агриппѣ польстили они!...

(Сот., 41).

XIII. Жертва за враговъ.

„За любовь мою они враждуютъ противъ меня, а я молюсь. *(Псал.)*.

Въ дни праздника Кущей приносилась жертва изъ семидесяти воловъ за благоденствіе всѣхъ семидесяти народовъ земли. Народы должны были-бы съ братской любовью относиться къ намъ, но мало того, что любовь не питаютъ къ намъ, они еще ненавидятъ насъ. *(Танх.-Гак.)*.

XIV Паломники.

„И не посягнетъ никто на землю твою, когда пойдешь являться предъ лицо Господа Бога твоего три раза въ году".— Телица твоя будетъ ходить по пастбищу, и звѣрь не нападетъ на нее, курица твоя будетъ копаться въ навозѣ, и хорекъ не тронетъ ее.

Былъ случай съ однимъ паломникомъ, который, уходя. забылъ запереть на замокъ двери своего дома. Возвратившись, онъ нашелъ на дверяхъ змѣю, обвившуюся вокругъ пробоевъ,

Другой случай: одинъ паломникъ забылъ загнать куръ и оставилъ ихъ на свободѣ. По возвращенiи своемъ онъ на томъ мѣстѣ, гдѣ бродили его куры, нашелъ нѣсколько растерзанныхъ хорьковъ.

И еще былъ случай съ двумя братьями-богачами изъ Аскалона. Сосѣди ихъ, язычники и люди весьма порочные, говорили: „Поскорѣе-бы ушли они на богомолье въ Iерусалимъ,—заберемся мы къ нимъ въ домъ и присвоимъ себѣ все имущество ихъ". Когда братья отправились въ путь, явились два ангела, принявшiе образъ ихъ, и стали заниматься хозяйствомъ такъ, какъ это дѣлали ушедшiе братья. Возвратившись съ богомолья, братья поднесли сосѣдямъ подарки изъ всего принесеннаго ими изъ Iерусалима. Удивленные сосѣди стали спрашивать:

— Уходили вы развѣ куда-нибудь изъ дому?

— Какъ-же,—отвѣчали братья,—въ Iерусалимъ.

— Когда-же вы отправились туда?

— Въ такой-то день.

— А возвратились когда?

— Тогда-то.

— А кого вы оставили вмѣсто себя дома?

— Никого.

Услыша это, язычники сказали:

— Благословенъ Богъ евреевъ. Онъ не оставилъ ихъ и не оставитъ во вѣки! *(Пес., 8; Iеруш., Пеа; Ш.-Гаш.-Р.).*

XV. Искорки народнаго остроумiя.

Одинъ iерусалимлянинъ отправился по дѣламъ въ провинцiю и въ одномъ городѣ заболѣлъ. Чувствуя приближенiе смерти, онъ призвалъ хозяина дома и, вручивъ бывшiя при немъ деньги, сказалъ: когда явится мой сынъ изъ Iерусалима и совершитъ три остроумныя вещи, отдай ему эти деньги.

Вскорѣ iерусалимлянинъ умеръ. Жители-же того города сговорились между собой [1]) не указывать прiѣзжему мѣстожительства кого-либо изъ гражданъ.

[1]) Повидимому, по наущенiю наслѣдохранителя, задумавшаго присвоить себѣ довѣренныя ему деньги.

Наслѣдникъ, узнавъ о смерти отца и догадываясь, у кого оставлено наслѣдство, отправился въ тотъ городъ. У городскихъ воротъ ему попался дровосѣкъ съ вязанкой дровъ.

— Продаешь дрова?—спросилъ онъ.

— Продаю,—отвѣтилъ тотъ.

— Получи слѣдуемое и отнеси дрова къ такому-то. (И онъ назвалъ хозяина, въ домѣ котораго умеръ его отецъ).

Дровосѣкъ направился съ дровами къ названному домохозяину. Онъ идетъ, а наслѣдникъ—за нимъ. Придя на мѣсто, дровосѣкъ постучалъ въ ворота и сталъ звать хозяина:

— Послушай, такой-то, выходи принимать дрова.

— Но развѣ я заказывалъ тебѣ дрова принести?

— Правда, ты не заказывалъ, но заказалъ вотъ этотъ человѣкъ, который пришелъ слѣдомъ за мною.

Пришлось хозяину волей-неволей открыть двери и принять гостя съ подобающими привѣтствіями.

— Кто ты?—спросилъ хозяинъ.

— Я сынъ того человѣка, который скончался у тебя въ домѣ.

Пригласилъ его хозяинъ къ обѣду. За столомъ, кромѣ хозяина и жены его, сидѣли двое сыновей и двѣ дочери ихъ. Кушанья подано было пять порцій.

— Прошу тебя,—обратился хозяинъ къ гостю,—подѣли кушанье между всѣми нами.

Гость подѣлилъ кушанье такъ: одну порцію подалъ хозяину и хозяйкѣ, одну—обоимъ сыновьямъ, одну—обѣимъ дочерямъ, а остальныя двѣ оставилъ себѣ.

На ужинъ подали фаршированную курицу. Снова хозяинъ предложилъ гостю распредѣлить кушанье. Разрѣзалъ гость курицу и роздалъ такъ: голову хозяину, печенку, сердце и пупокъ хозяйкѣ, каждому изъ сыновей по бедрешку съ ножкой, каждой дочери по крылышку, а все остальное взялъ себѣ.

— Послушай,—сказалъ хозяинъ,—это у васъ, въ Іерусалимѣ, принято такъ дѣлить кушанье?

— А развѣ я подѣлилъ неправильно? На первый разъ подано было пять порцій; я положилъ тебѣ и женѣ одну порцію, получилась—тройня, двумъ сыновьямъ вашимъ одну порцію, получилась тройня, двѣ дочери и одна порція—тройня, остался я съ двумя порціями, что также составляетъ тройню,—не правда-ли, ничуть не больше чѣмъ у васъ. На второй разъ подали курицу. Хозяину, главѣ дома, я далъ головку; женѣ, родительницѣ дѣтей твоихъ—внутренніе органы; сыновьямъ, опорѣ дома—бедрышки съ ножками; дочерямъ, которымъ предстоитъ улетѣть отъ тебя къ будущимъ мужьямъ — крылышки, а себѣ взялъ корпусъ, похожій на корабликъ: я на кораблѣ прибылъ

сюда и на кораблѣ уѣду отсюда. А теперь, отдай, любезный другъ, деньги, оставленныя у тебя моимъ отцомъ.

Нѣкій аѳинянинъ, находясь въ Іерусалимѣ, далъ ребенку нѣсколько мелкихъ монетъ и сказалъ:

— Иди, купи и принеси мнѣ такого кушанья, чтобы я поѣлъ, насытился и, что останется, могъ взять въ дорогу.

Ребенокъ пошелъ и принесъ ему соли.

— Вотъ,—сказалъ онъ,—то, что ты велѣлъ купить: клянусь, ты и поѣшь, и насытишься и чтобы въ дорогу взять останется.

Аѳинянинъ зашелъ въ школу и, не заставъ тамъ учителя, сталъ задавать ученикамъ разные вопросы:

— Послушай,—предложили дѣти,—условимся такъ: у того кто не съумѣетъ отвѣтить на заданный вопросъ, вопрошающій имѣетъ право забрать всѣ находящіяся при немъ вещи.

Аѳинянинъ согласился. Тогда дѣти предложили такой вопросъ:

— Скажи, что это значитъ: девять уходятъ, восемь приходятъ, двое наливаютъ, одинъ пьетъ, двадцать четыре прислуживаютъ.

Аѳинянинъ разгадать не могъ и, отдавъ всѣ бывшія при немъ вещи, отправился съ жалобой къ учителю тѣхъ дѣтей, раби Іоханану.

— А какой вопросъ они задали тебѣ? — освѣдомился р. Іохананъ.

Аѳинянинъ сказалъ.

— Сынъ мой,—объяснилъ р. Іохананъ,—девять уходятъ, это девять мѣсяцевъ беремености; восемь приходятъ, это восемь дней отъ рожденія до обрѣзанія; двое наливаютъ—материнскіе сосцы; одинъ пьетъ—младенецъ; двадцать четыре прислуживаютъ—число мѣсяцевъ для кормленія грудью.

Аѳинянинъ возвратился въ школу съ этой разгадкой и получилъ обратно свои вещи. Дѣти, догадавшись у кого онъ узналъ разгадку, сказали словами поговорки:

— „Кабы ты не нашей телицей пахалъ, ты-бы загадки нашей не разгадалъ“.

— Зашей,—сказалъ аѳинянинъ портному-іудею, подавая расколотую ступку.

— Скрути нитку,—отвѣтилъ портной, высыпая передъ нимъ горсть песку.

Раби Іегошуа, приближаясь къ одному городу, увидѣлъ молоденькую дѣвушку, черпающую воду изъ ручья.

— Дай мнѣ напиться,—попросилъ онъ.

— Пей и ты, и оселъ твой,—отвѣтила дѣвушка.

Напившись, раби Іегошуа сказалъ:

— Благодарю тебя, дочь моя, ты поступила со мною подобно Ревеккѣ.

— Да,—отвѣтила дѣвушка съ лукавой улыбкой,—я-то поступила съ тобою подобно Ревеккѣ, да ты-то, вотъ, не поступилъ со мною подобно Елеазару... [1]). *(Exa-P.)*

[1]) См. Бытіе, XXIV, 22.

Разрушеніе Второго храма.

I. Роковое предзнаменованіе.

За сорокъ лѣтъ до разрушенія Второго храма свѣтильникъ, прежде неугасимый, сталъ потухать, и врата Святилища начали открываться сами-собою.

Преданіе отъ р. Леви:

— Впродолженіи шести лѣтъ (передъ разрушеніемъ храма) тлѣлъ уголь въ рукѣ архангела Гавріила, который все ждалъ въ надеждѣ, что народъ раскается. Не видя раскаянія, онъ готовъ былъ въ гнѣвѣ бросить запылавшій уголь въ царство Израильское, но остановилъ архангела голосъ Господень:

— Гавріилъ! Гавріилъ! Умѣрь гнѣвъ свой: есть и среди этого грѣшнаго народа сердца милосердныя. *(Іома, 39; Еха-Р.)*.

II. Изъ-за чего?

Преданіе отъ раби Іоханана:

— „Блаженъ человѣкъ, который всегда остороженъ; ожесточенный сердцемъ впадаетъ въ несчастіе“.—Изъ-за Камцы и Баръ-Камцы разрушенъ былъ Іерусалимъ. Изъ-за пѣтуха и курицы—Туръ-Малка. Изъ-за телѣжной оси—Бетаръ:

а) *Камца и Баръ-Камца.*

Нѣкій человѣкъ имѣлъ друга по имени Камца и врага по имени Баръ-Камца. Однажды, устроивъ пиръ, человѣкъ этотъ сказалъ своему слугѣ:

— Иди и скажи Камцѣ, что я приглашаю его на пиръ.

Слуга, по ошибкѣ, пригласилъ Баръ-Камцу.

Войдя въ пиршественную залу и увидя Баръ-Камцу среди гостей, хозяинъ, обращаясь къ нему, сказалъ:

— Вѣдь ты врагъ мнѣ. Мѣсто-ли тебѣ здѣсь? Встань и уйди.

— Прошу тебя,—сказалъ Баръ-Камца,—такъ какъ я уже нахожусь здѣсь, позволь мнѣ остаться; я готовъ заплатить стоимость всего, что съѣмъ и выпью на твоемъ пиру.

— Я на это не согласенъ,—отвѣтилъ хозяинъ.

— Я уплачу половину стоимости всего пира.

— Не желаю.

— Уплачу все, сколько пиръ стоитъ.

— Нѣтъ!—рѣшительно сказалъ хозяинъ и, схвативъ гостя за руку, заставилъ его встать и удалиться.

„При нанесенной мнѣ обидѣ,—сказалъ себѣ Баръ-Камца,—присутствовали просвѣщеннѣйшіе люди города и не заступились за меня,—они, слѣдовательно, рады моему униженію. Хорошо-же, пойду съ доносомъ на нихъ къ кесарю".

Явившись къ кесарю, Баръ-Камца сказалъ:

— Государь! Евреи измѣнили тебѣ.

— Чѣмъ ты докажешь это?—спросилъ кесарь.

— Пошли имъ,—отвѣтилъ Баръ-Камца,—жертвоприношеніе, и увидишь принесутъ-ли они жертву твою.

Послалъ кесарь черезъ него-же трехлѣтняго тельца. Въ дорогѣ Баръ-Камца сдѣлалъ тельцу поврежденіе на верхней губѣ (по другому преданію—въ роговой оболочкѣ), что дѣлало животное непріемлемымъ для жертвоприношенія. Держали ученые совѣтъ и рѣшено было: ради царя, принять тельца для жертвоприношенія. Возсталъ противъ этого р. Захарія бенъ Евколосъ:

— Это,—сказалъ онъ,—можетъ создать въ народѣ мнѣніе, что вообще животныя съ тѣлеснымъ изъяномъ могутъ быть приносимы въ жертву.

Пришли къ рѣшенію—казнить Баръ-Камцу, дабы онъ не сталъ доносить о дѣлѣ этомъ кесарю. И тутъ противникомъ общаго мнѣнія выступилъ р. Захарія:

— Утвердится мнѣніе,—сказалъ онъ,—что казни подлежитъ всякій, кто причинитъ жертвенному животному поврежденіе.

По поводу этого раби Іохананъ говорилъ:

— Смиреномудріе р. Захаріи бенъ Евколоса привело къ разрушенію нашего храма, сожженію Святилища и изгнанію народа изъ родной земли.

Три года продолжалась осада Іерусалима Веспасіаномъ. Въ Іерусалимѣ въ то время жили три богатыхъ человѣка: Накдимонъ бенъ Горіонъ, Бенъ Калба-Шабуа и Бенъ Цицитъ-Гакесатъ. Эти трое заявили, что принимаютъ на себя продовольствіе всѣхъ жителей Іерусалима: первый пшеницей и ячменемъ, второй виномъ, солью и елеемъ, третій топливомъ. Въ ихъ скла-

дахъ оказалось предметовъ продовольствія для всего города на двадцать одинъ годъ.

Партія зелотовъ настаивала на томъ, чтобы сдѣлать вылазку и попытаться оттѣснить римлянъ. Люди благоразумные, напротивъ того, совѣтовали вступить въ мирные переговоры съ Веспасіаномъ. Тогда зелоты сожгли всѣ продовольственные склады, и въ городѣ наступилъ жестокій голодъ.

Богатѣйшая женщина во всемъ Іерусалимѣ, Марта, дочь Байтоса, послала слугу на базаръ за хлѣбомъ изъ тонко-просѣянной муки. Вернувшись, слуга заявилъ, что на базарѣ остался въ продажѣ только обыкновенный пшеничный хлѣбъ.

— Хорошо,—сказала Марта,—сходи и принеси пшеничнаго хлѣба.

Придя вторично на базаръ, слуга нашелъ уже только пшеничный хлѣбъ низшаго качества и поспѣшилъ сообщить объ этомъ Мартѣ.

— Купи,—сказала она,—хотя этого хлѣба.

— Госпожа,—доложилъ слуга, побывавъ снова на базарѣ,—хлѣба больше нѣтъ никакого, а есть одинъ только ячменный хлѣбъ.

Но когда онъ пришелъ въ послѣдній разъ на базаръ, не было уже никакого хлѣба.

— Пойду сама,—сказала Марта,—можетъ быть, найду хотя чего нибудь съѣстного.

Снявъ сандаліи, она пошла на базаръ и, ступая съ послѣдними усиліями по засоренной навозомъ мостовой, упала и умерла. Узнавъ о смерти ея, воскликнулъ раби Іохананъ бенъ Закай:

— „О, жившая въ нѣгѣ и роскоши, никогда ноги своей не ставившая на землю отъ роскоши и изнѣженности!“...

Выйдя на улицу, увидѣлъ р. Іохананъ бенъ Заккай, какъ народъ варитъ въ водѣ солому и воду эту пьетъ. И воскликнулъ онъ:

— Люди, которымъ осталось одно это питаніе, — имъ-ли устоять передъ силами Веспасіана? Остается единственное средство: мнѣ необходимо выбраться изъ стѣнъ города.

Во главѣ іерусалимскихъ зелотовъ стоялъ Аба-Сикара бенъ Батіахъ, племянникъ р. Іохanана бенъ Заккая. Послалъ къ нему р. Іохананъ и велѣлъ сказать: „Приди ко мнѣ для тайнаго совѣщанія“. Аба-Сикара пришелъ.

— Скажи мнѣ, — обратился къ нему р. Іохананъ, — доколѣ вы будете поступать такъ, обрекая народъ на голодную смерть?

— Что-же я въ силахъ сдѣлать?—отвѣчалъ Аба-Сикара,—ты знаешь, что за малѣйшее возраженіе, они (зелоты) убьютъ меня.

— Вотъ-что,—сказалъ р. Іохананъ,—найди способъ, какъ выбраться мнѣ изъ города; можетъ быть, удастся хотя сколько-нибудь облегчить нашу участь.

— Нами установлено, чтобы никого живымъ не выпускать изъ городскихъ стѣнъ.

— Вынесите меня какъ-бы умершаго.

— Хорошо, сдѣлаемъ такъ: ложись въ постель и притворись больнымъ, а въ постель положи что-нибудь съ гнилостнымъ запахомъ. Придутъ провѣдать тебя—и разнесется слухъ, что ты умеръ. Соберутся ученики твои и вынесутъ тебя въ гробу за городъ для погребенія.

Р. Іохананъ такъ и сдѣлалъ. Понесли ученики гробъ съ р. Іохананомъ,—въ головахъ шелъ р. Елеазаръ, въ ногахъ — р Іегошуа. До городской стѣны дошли только на закатѣ.

— Кого несете?—окликнула ихъ стража.

— Покойника. Вы развѣ не знаете, что покойниковъ не оставляютъ на ночь въ Іерусалимѣ?

Зелоты вознамѣрились проколотъ тѣло копьемъ, но Аба-Сикара остановилъ ихъ, сказавъ:

— Не дѣлайте этого: будутъ говорить: „Учителя своего закололи!“

Зелоты отворили ворота и пропустили ихъ съ гробомъ.

Дойдя до лагеря Веспасіана, открыли гробъ. Всталъ р. Іохананъ и привѣтствовалъ Веспасіана словами:

— Миръ тебѣ, императоръ! Миръ тебѣ, императоръ!

— Ты вдвойнѣ заслуживаешь смерти, — отвѣчалъ Веспасіанъ: за то, что ты величаешь меня императоромъ, а я не императоръ; затѣмъ, если императоромъ меня считаешь, почему ты до сихъ поръ не являлся ко мнѣ?

— Государь!—отвѣтилъ р. Іохананъ,—если-бы ты не былъ императоромъ въ эту минуту, Іерусалимъ не былъ-бы отданъ въ руки твои, ибо сказано: „Ливанъ отъ *могучаго* падетъ“. Не являлся-же я раньше къ тебѣ потому, что зелоты не давали мнѣ сдѣлать это.

На это Веспасіанъ сказалъ:

— Ехидна обвилась вокругъ бочки съ медомъ. Что остается сдѣлать, если не уничтожить бочку вмѣстѣ съ ехидной?

Не нашелся р. Іохананъ что отвѣтить. По этому поводу равъ Іосифъ (а по словамъ другихъ—раби Акиба) сказалъ:

— Воистину: „низвергаетъ умъ мудрецовъ и превращаетъ знаніе ихъ въ глупость“. Р. Іохананъ долженъ былъ-бы отвѣтить: „щипцами удаляютъ змѣю и бочку сохраняютъ въ цѣлости“.

Въ это время прибылъ изъ Рима гонецъ съ извѣстіемъ, что Неронъ умеръ и императоромъ провозглашенъ Веспасіанъ.

— Я ухожу отсюда,—сказалъ Веспасіанъ р. Іоханану,—и пришлю вмѣсто себя другого. Проси чего хочешь, просьба твоя будетъ исполнена.

Зная, что просить о пощадѣ Іерусалима безполезно, р. Іохананъ сказалъ:

— Государь! Прошу тебя: пощади городъ Ябне [1]) съ его учениками и пощади княжескій родъ рабанъ Гамліеля.

Ушелъ Веспасіанъ и вмѣсто себя прислалъ Тита. Пришелъ Титъ, всталъ и воскликнулъ: „Гдѣ Богъ ихъ, твердыня, на которую они надѣялись?"—И вотъ что сдѣлалъ онъ:

Войдя въ Св. Святыхъ, разостлалъ свитокъ Торы и осквернилъ его. Взявъ мечъ, онъ проткнулъ завѣсу на ковчегѣ, — и совершилось чудо: изъ образовавшихся въ завѣсѣ отверзтій стала капать кровь; нечестивецъ-же возмнилъ, что онъ Самаго Предвѣчнаго поразилъ. Сорвалъ онъ потомъ завѣсу и, завязавъ въ нее всю храмовую утварь, перенесъ все это на свой корабль, чтобы отвезти, какъ трофей, въ свой городъ. Поднялся штормъ, и кораблю грозило крушеніе.

— Видно,—воскликнулъ Титъ,—Богъ іудеевъ силенъ только на водѣ: фараона утопилъ, Сисару утопилъ и теперь всталъ Онъ, чтобы утопить меня. Нѣтъ, если Онъ дѣйствительно всемогущъ, то пусть на сушѣ поборется со мною.

Раздался Голосъ:

— Нечестивецъ, сынъ нечестивца, потомокъ Исава нечестиваго! Есть одно ничтожное твореніе въ мірѣ Моемъ, комаромъ называется оно. Выходи на сушу и съ этимъ твореніемъ поборись.

Едва Титъ вышелъ на берегъ, какъ въ ноздри ему влетѣлъ комаръ и, засѣвъ въ головѣ, впродолженіи семи лѣтъ точилъ мозгъ его.

Однажды, проходя мимо кузницы, Титъ почувствовалъ, что при ударахъ молота комаръ пересталъ мучить его. „Средство найдено" — рѣшилъ онъ и помѣстилъ въ комнатѣ своей кузнеца, который долженъ былъ безпрерывно колотить молотомъ о наковальню. Кузнецу изъ римлянъ выдавалась плата по четыре зуза за день, кузнецу-же изъ іудеевъ Титъ говорилъ:

— Достаточно, что ты видишь несчастье врага твоего.

Прошло тридцать дней — и комаръ, привыкнувъ къ стуку молота, снова принялся точить мозгъ Тита.

Умирая, Титъ завѣщалъ:

— Тѣло мое сожгите и пепелъ развѣйте по семи морямъ, дабы Богъ іудеевъ не могъ отыскать меня и призвать на судъ Свой.

---

[1]) Ямнія.

За три преступленія былъ разрушенъ Первый храмъ: за идолопоклонство, кровосмѣшеніе и кровопролитіе. Но Второй храмъ, во времена котораго занимались изученіемъ Торы и исполненіемъ заповѣдей, и процвѣтала благотворительность, — за что подвергся этотъ храмъ разрушенію? За безпричинную вражду. Этимъ указано, что безпричинная вражда равносильна вмѣстѣ взятымъ идолопоклонству, кровосмѣшенію и кровопролитію.

б) Разрушені Туръ-Малки.

Существовалъ обычай—въ свадебномъ шествіи нести передъ женихомъ и невѣстой пѣтуха и курицу, символъ плодородія. Однажды со свадебнымъ шествіемъ встрѣтились римскіе воины, и отобрали пѣтуха и курицу. Свадебные гости кинулись на римлянъ и побили ихъ. Донесли императору: „Іудеи взбунтовались противъ тебя“.

И пошелъ императоръ на Туръ-Малку.

Былъ среди жителей Туръ-Малки нѣкій богатырь Баръ-Дероми [1]). Человѣкъ этотъ дѣлалъ прыжокъ версту въ длину и на всемъ этомъ пространствѣ производилъ избіеніе римлянъ. Видя это, снялъ императоръ вѣнецъ свой и, положивъ его на землю, воскликнулъ:

— Властитель міра! Молю Тебя, не предавай меня и царства моего въ руки единаго человѣка.

Баръ-Дероми-же, горделиво воскликнулъ: „Не Ты-ли, Боже, отринулъ насъ и не выходишь, Боже, съ войсками нашими?“— Ужалила Баръ-Дероми ехидна, и онъ умеръ. Узнавъ объ этомъ, императоръ сказалъ:

— Въ благодарность за чудо, совершенное ради меня, я оставлю городъ этотъ въ покоѣ.

Едва императоръ удалился, свадебные гости принялись пировать и веселиться. Освѣщеніе на этомъ пиршествѣ было такое, что на разстояніи цѣлой версты отъ города можно было различать начертаніе именной печати на перстнѣ.

— „Такъ вотъ что! — подумалъ императоръ, — іудеи издѣваются надо мной!“—И онъ снова напалъ на городъ.

Преданіе гласитъ:

Приговоривъ къ смертной казни двухъ іудейскихъ богатырей въ Лаодикеѣ, братьевъ Юліануса и Папіаса, императоръ Траянъ обратился къ нимъ съ такими словами:

— Вы единоплеменники Хананіи, Мисаила и Азаріи. Пусть же явится Богъ вашъ и спасетъ васъ отъ меня также, какъ онъ спасъ Хананію, Мисаила и Азарію отъ Навуходоносора.

---

[1]) Собственно: житель юга, южанинъ.

На это Юліанусъ и Папіасъ отвѣтили:

— Хананія, Мисаилъ и Азарія были истинными праведниками и достойны были, чтобы произошло чудо для ихъ спасенія; и царь Навуходоносоръ былъ личностью незаурядной и достоенъ былъ, чтобы черезъ него чудо то совершилось. А ты, нечестивецъ—человѣкъ ничтожный, не достоенъ ты, чтобы черезъ тебя чудо сотворилось. Мы же заслужили гибели своей, и если не ты казнишь насъ, то есть у Господа много другихъ истребителей,—достаточно есть медвѣдей, львовъ, тигровъ, чтобы наказать и умертвить насъ. И если предалъ насъ Господь въ руки твои, то Онъ-же и взыщетъ съ тебя за кровь нашу.

Не взирая на слова ихъ, Траянъ тутъ-же казнилъ обоихъ. Преданіе гласитъ, что не успѣлъ Траянъ тронуться оттуда, какъ былъ убитъ двумя посланцами изъ Рима, которые, напавъ на него, полѣньями размозжили ему голову.

Жена Траяна разрѣшилась отъ бремени въ ночь на девятое Аба, когда іудеи справляли трауръ въ память разрушенія храма. Рожденный императрицей ребенокъ умеръ въ дни Хануки. Совѣщались іудеи, зажигать-ли свѣчи Макковеевъ,—и рѣшили зажигать, какъ ни опасно было это (въ виду смерти императорскаго сына). Зажгли іудеи свѣчи Макковеевъ, а женѣ Траяна было донесено:

— Іудеи эти, когда у тебя родился сынъ, устроили трауръ, а когда сынъ твой умеръ, праздничные огни зажигаютъ!

Написала императрица къ Траяну: „Вмѣсто того, чтобы съ чужими народами воевать, возвратись лучше и накажи іудеевъ, которые бунтуютъ противъ тебя“.

Сѣлъ Траянъ на корабль, разсчитывая прибыть къ берегамъ Іудеи черезъ десять дней. Поднялся попутный вѣтеръ, и на пятый день Траянъ уже былъ у цѣли. Прибывъ въ городъ, онъ проникъ въ бетъ-гамидрашъ въ ту минуту, когда тамъ изучали стихъ:

„Подыметъ Господь на тебя народъ отъ предѣловъ земли,
Изъ дальняго края подобно орлу налетитъ онъ“.

— Про меня,—сказалъ Траянъ,—гласитъ стихъ этотъ: я разсчитывалъ прибыть черезъ десять дней, но вѣтеръ черезъ пять дней привелъ меня сюда.

Окружили іудеевъ воины Траяна и умертвили ихъ. Женщинамъ-же Траянъ сказалъ:

— Будьте послушны моимъ воинамъ, дабы я не поступилъ и съ вами такъ, какъ поступилъ съ мужьями вашими.

— Сдѣлай съ женщинами то, что ты сдѣлалъ съ мущинами,—отвѣтили жены іудейскія.

Окружили ихъ воины Траяновы и умертвили всѣхъ, и смѣшалась кровь ихъ съ кровью убитыхъ мужей.

в) Разрушеніе Бетара.

Существовалъ обычай: когда родится сынъ, сажали кедровое дерево, когда родится дочь, сажали акацію; когда дѣти эти выростали и вступали въ бракъ, срубали деревья и изготовляли изъ нихъ шесты для вѣнчальнаго балдахина.—Однажды черезъ Бетаръ проѣзжала дочь императора, и сломалась ось въ ея колесницѣ. Слуги срубили первый попавшійся кедръ и сдѣлали новую ось. Напали на нихъ іудеи и побили ихъ. Донесли римляне императору: „Іудеи взбунтовались". Пошелъ императоръ на Бетаръ.

Преданіе отъ р. Іоханана:

— Въ числѣ римлянъ, нападавшихъ на Бетаръ, однихъ „трубящихъ въ трубы" [1]) было восемьдесятъ тысячъ человѣкъ. Въ Бетарѣ находился въ то время Бенъ-Козиба [2]). У него было двѣсти тысячъ воиновъ, каждый съ отрубленнымъ толстымъ пальцемъ на рукѣ. На вопросъ старѣйшинъ: „Доколѣ ты будешь заставлять сыновъ израилевыхъ увѣчить себя?" — Бенъ-Козиба отвѣтилъ: „Какимъ-же инымъ способомъ испытать ихъ мужество?" На это старѣйшины сказали: „Кто верхомъ на лошади не сумѣетъ на всемъ скаку вырвать съ корнемъ кедръ ливанскій, того не принимай въ ряды своего войска".

Бенъ-Козиба такъ и сдѣлалъ, и оказалось у него два отряда воиновъ, прежнихъ и вновь принятыхъ, по двѣсти тысячъ въ каждомъ. Но люди эти, выходя на бой, говорили:

— Пусть Онъ (Господь) насъ не поддерживаетъ, но пусть и не вредитъ намъ.

Самъ Бенъ-Козиба обладалъ такой силой, что пущенные въ него съ пращей камни онъ однимъ колѣномъ отбрасывалъ обратно, убивая этимъ каждый разъ множество непріятеля.

Увидя его, раби Акиба сказалъ:

— Вотъ царь Мессія!

На что р. Іохананъ бенъ Тореѳа отвѣтилъ:

— Акиба! Быльемъ поростутъ челюсти твои, пока еще Мессія придетъ.

---

[1]) Начальники отрядовъ.

[2]) Во главѣ Бетарскаго войска стоялъ человѣкъ изъ города Козибы, прозванный раби Акибою „Баръ-Кохба"—сынъ звѣзды, примѣнительно къ словамъ Писанія: „И выступитъ звѣзда отъ Іакова". Не оправдавъ возлагавшихся на него надеждъ, Баръ-Кохба былъ названъ „Бенъ-Козиба", — что означаетъ: человѣкъ изъ Козибы, а также: сынъ лжи.

Три съ половиною года продолжалась осада Бетара Адріаномъ. Въ Бетарѣ жилъ въ то время дядя Бенъ-Козибы, раби Елазаръ Модійскій. Проводя всѣ дни въ постѣ и молитвѣ, раби Елазаръ ежедневно взывалъ къ Господу:

— „Владыка міра! Да не совершится *сегодня* судъ Твой надъ нами!"

Адріанъ уже намѣревался отступить отъ Бетара, какъ явился къ нему нѣкій самаритянинъ и, разсказавъ про р. Елазара, сказалъ:

— Государь! До тѣхъ поръ, пока курица эта въ пеплѣ валяется, не взять тебѣ Бетара. Однако, позволь мнѣ, и я устрою такъ, что сегодня еще городъ будетъ въ твоихъ рукахъ.

Пробрался самаритянинъ въ городъ и, заставъ р. Елазара погруженнымъ въ молитву, наклонился къ нему, дѣлая видъ, будто шепчетъ ему что-то на ухо. Донесли Бенъ-Козибѣ: „Дядя твой р. Елазаръ намѣревается предать округъ этотъ Адріану". Послалъ Бенъ-Козиба за самаритяниномъ.

— О чемъ говорилъ ты,—спросилъ онъ,—р. Елазару?

Отвѣчалъ самаритянинъ такъ:

— Скажу, буду казненъ императоромъ; не скажу буду убитъ тобою. Такъ лучше самъ покончу съ собою, но тайны, довѣренной мнѣ императоромъ, не открою

Эти слова убѣдили Бенъ-Козибу въ томъ, что р. Елазаръ намѣревался предать народъ въ руки Адріана. Велѣлъ Бенъ-Козиба привести р. Елазара.

— О чемъ,—встрѣтилъ онъ р. Елазара вопросомъ,—говорилъ тебѣ тотъ самаритянинъ?

— Не знаю,—отвѣтилъ р. Елазаръ,—о чемъ шепталъ онъ мнѣ на ухо: я былъ погруженъ въ молитву и ничего не разслышалъ.

— А что отвѣтилъ ты ему?

— Ничего.

Разъяренный Бенъ-Козиба толкнулъ ногою р. Елазара съ такой силой, что старикъ упалъ мертвый. Въ эту минуту раздался Голосъ: „Горе негодному пастуху, оставляющему стадо! Мечъ на руку его и на правый глазъ его!" — Тобою, — продолжалъ Голосъ,—сокрушена мышца Израиля и ослѣпленъ правый глазъ его. Рука того, кѣмъ сдѣлано это, совершенно изсохнетъ и правый глазъ его совершенно потускнетъ.

Мѣра прегрѣшеній исполнилась, — Бетаръ былъ взятъ и Бенъ-Козиба убитъ.

Принесли голову Бенъ-Козибы къ Адріану.

— Кѣмъ убитъ онъ?—спросилъ императоръ.

— Мною,—отвѣтилъ одинъ самаритянинъ.

— Иди и принеси тѣло его,—повелѣлъ Адріанъ.

Когда тѣло было принесено, на убитомъ оказалась обвившаяся вокругъ шеи змѣя.

— Нѣтъ,—сказалъ Адріанъ,—если-бы не Господь убилъ этого человѣка, кто въ силахъ былъ-бы убить его?

Истребленіе бетарійцевъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока кровь ихъ не стала литься черезъ пороги домовъ, черезъ кустарники, черезъ края водостоковъ. Кони тонули въ крови. Камни вѣсомъ въ сорокъ саа катило кровавымъ потокомъ. На протяженіи четырехъ верстъ окрашена была кровью вода морская. Виноградникъ былъ у Адріана, восемнадцати верстъ въ квадратѣ, и повелѣлъ императоръ поставить вокругъ этого виноградника ограду изъ убитыхъ бетарійцевъ, воспретивъ хоронить ихъ. И лишь впослѣдствіи, по приказу другого императора, трупы эти преданы были погребенію.

Преданіе гласитъ, что впродолженіи семи лѣтъ собирали урожай съ напитанныхъ іудейской кровью виноградниковъ, обходясь безъ удобренія. *(Еха-Р; Іеруш. Таан., 4; Гит., 57).*

III. Злодѣйство Адріана.

Одинъ іудей при встрѣчѣ съ Адріаномъ произнесъ обычное привѣтствіе.

— Кто ты?—спросилъ Адріанъ.

— Іудей,—отвѣтилъ тотъ.

— А развѣ смѣетъ іудей привѣтствовать Адріана? Отсѣчь ему голову!—повелѣлъ Адріанъ.

Другой іудей, видя, какъ поступили съ первымъ, прошелъ мимо Адріана и не привѣтствовалъ его.

— Ты кто?—спросилъ Адріанъ.

— Іудей.

— А развѣ смѣетъ іудей проходить безъ привѣтствія мимо Адріана? Отсѣчь ему голову!

— Государь!—сказали приближенные Адріана,—какъ объяснить поступокъ твой? Привѣтствуютъ тебя—ты велишь казнить, не привѣтствуютъ—ты также велишь казнить.

— Ужъ не хотите-ли вы,—отвѣтилъ Адріанъ,—указывать мнѣ, *какъ* я долженъ истреблять враговъ моихъ?

Въ эту минуту зазвучалъ скорбящій голосъ Духа Святого:

„Ты видишь, Господь, обиду мою ——
Ты видишь всю мстительность ихъ!“

Адріанъ установилъ три сторожевыхъ пункта: въ Хаматѣ, селеніи Лекатіи и Виѳлеемѣ іудейскомъ. Спасшійся отъ первой стражи попадалъ въ руки второй; спасшійся отъ второй стражи

попадалъ въ руки третьей. Глашатаи ходили и объявляли: „Гдѣ-бы ни скрывался іудей, пусть выйдетъ, и ему не будетъ причинено никакого вреда". Болѣе сообразительные изъ іудеевъ не поддавались на обманъ и не выходили изъ своихъ убѣжищъ, другіе выходили и ихъ тотчасъ забирали въ плѣнъ. О нихъ и гласитъ стихъ пророка: „И сталъ Ефремъ какъ глупый, безсмысленный голубь". — Собрались іудеи въ долинѣ Бетъ-Римонъ. Узнавъ объ этомъ, Адріанъ сказалъ своему военачальнику:

— Приказываю, чтобы, пока я ѣмъ этотъ ломтикъ хлѣба и бедрышко курицы, ни одного іудея не осталось въ живыхъ!

Окружили іудеевъ войска и умертвили всѣхъ до единаго.

Прятавшіеся въ пещерахъ выходили по ночамъ и, по трупному запаху отыскивая тѣла убитыхъ, приносили трупы въ свои пещеры и питались ихъ мясомъ. (*Еха-Р.*).

IV. Дѣти Сіонскія.

Доегъ бенъ Іосифъ остался въ дѣтскомъ возрастѣ сиротою безъ отца. Мать его ежедневно взвѣшивала его и по прибавлявшемуся вѣсу жертвовала золото въ храмъ. Во время осады она, мучимая голодомъ, заколола его и съѣла. О ней говорилъ въ плачѣ своемъ Іеремія:

„Взгляни, Господь, надъ кѣмъ подобное совершилъ Ты,
Чтобъ ѣли женщины свой плодъ,
Дѣтей, взлелѣянныхъ съ любовью?"

И, вторя пророку, восклицалъ Духъ Святой:

„Чтобъ въ храмѣ Божьемъ пали
Убитыми священникъ и пророкъ!" (*Іома.*, *34*).

На одномъ кораблѣ везли четырехсотъ плѣнныхъ дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ, предназначенныхъ для гаремовъ. Сообразивъ, куда ихъ везутъ, дѣти разсуждали между собою: „Если-бы мы утонули въ морѣ, мы удостоились-бы жизни вѣчной за гробомъ?" Болѣе взрослый изъ нихъ сталъ разъяснять имъ: „Господь сказалъ: „Отъ Васана возвращу, возвращу изъ глубины морской,"—„отъ Вассана"—изъ пасти львиной [1]), „изъ глубины морской"—утонувшихъ въ морѣ.—Услыша слова эти, дѣвочки бросились черезъ бортъ и утонули. Видя это, мальчики сказали: „Если дѣвочки, для которыхъ попадать въ гаремы есть явленіе обыкновенное, поступили такъ, то намъ тѣмъ болѣе слѣдуетъ сдѣлать это". И также бросились въ морѣ. (*Гит.*, *57*).

Сынъ и дочь раби Измаила бенъ Елиша попали въ плѣнъ, онъ—къ одному римлянину, она—къ другому. По прошествіи времени оба эти римлянина разговорились при встрѣчѣ.

---

[1]) Игра словъ: Mibaschan—miben schen.

— Имѣется у меня рабъ,—сказалъ одинъ,—красивѣе котораго не найдется никого на свѣтѣ.

— А у меня,—сказалъ другой,—есть рабыня такой красоты, что равной ей не сыскать во всемъ мірѣ.

И порѣшили римляне поженить раба на рабынѣ и дѣтьми, которыя родятся отъ нихъ, дѣлиться между собою. Ввели обоихъ плѣнныхъ и оставили ихъ въ одной комнатѣ. Забившись въ разные углы, сидѣли они, оплакивая судьбу свою.

— Мнѣ,—говорилъ юноша,—священнику, потомку первосвященниковъ, взять въ жены рабыню!

— Мнѣ,—причитывала дѣвушка,—дочери первосвященниковъ, сдѣлаться женою раба!

Всю ночь провели они въ слезахъ. При свѣтѣ зари они узнали другъ друга. Съ воплями кинулись они другъ другу въ объятія и рыдали до тѣхъ поръ, пока отлетѣли души ихъ.

(Тамъ-же, 58).

Дочь первосвященника, Цафнаѳъ батъ Пеніилъ, женщина рѣдкой красоты, попала въ плѣнъ. Послѣ проведенной съ нею ночи, полонившій ее римлянинъ надѣлъ на нее семь туникъ и вывелъ для продажи на рынокъ. Явился покупатель, человѣкъ крайне безобразнаго вида, и сталъ требовать, чтобы римлянинъ сначала далъ ему взглянуть на красоту рабыни.

— Нечего тебѣ, негодный ты человѣкъ, глядѣть; говорю тебѣ, что другой такой красавицы на свѣтѣ нѣтъ.

— А все-таки, покажи,—настаивалъ тотъ.

Начала Цафнаѳъ снимать съ себя туники; шесть сняла, а послѣднюю разодрала она на себѣ, бросилась на землю и вывалялась въ прахѣ.

— Владыка міра!—вопила она,—если насъ не пощадилъ Ты, святости имени великаго Твоего зачѣмъ не щадишь Ты?

И о ней плакалъ Іеремія, говоря:

„О, дочь народа моего!
Во вретище ты облекись и въ пеплѣ
Валяйся, и оплакивай себя,
Какъ плачутъ о единственномъ ребенкѣ:
Придетъ на насъ внезапно истребитель".

Не сказано „на тебя", но „*на насъ*", т. е.—на Меня, Господа, и на тебя, народъ, пришелъ истребитель. *(Тамъ-же).*

Однимъ иноземцемъ взята была въ плѣнъ дѣвушка израильтянка. Дѣвушка жила у него въ домѣ и занималась хозяйствомъ. Однажды былъ ему въ сновидѣніи голосъ: „Отпусти дѣвушку эту изъ дома своего". Воспротивилась этому жена его. И снова былъ ему во снѣ голосъ: „Если ты не отпустишь ее, я убью тебя". Всталъ онъ и отпустилъ ее на свободу. Самъ-же

пошелъ вслѣдъ за нею, говоря: „Пойду, посмотрю, что станется съ нею". Въ дорогѣ дѣвушка почувствовала жажду и спустилась къ источнику напиться. Въ ту минуту, когда она оперлась рукою на ограду у источника, ужалила ее змѣя, и она умерла и упала въ воду. Видѣвшій это иноземецъ извлекъ ее изъ воды, унесъ и похоронилъ. Придя домой, онъ сказалъ женѣ:

— Народъ этотъ, какъ видишь, воистину обреченъ на гибель гнѣвомъ Отца Небеснаго. *(Аб. д. Нат., 17).*

Когда Накдимонъ бенъ Горіонъ выходилъ изъ дому въ бетъ-гамидрашъ, вся дорога устилалась передъ нимъ шелковыми тканями, и бѣдные шли за нимъ и забирали себѣ эти ткани.

Когда онъ умеръ, дочери его назначено было изъ наслѣдства четыреста золотыхъ ежедневно на благовонныя вещества.

— Дочерямъ вашимъ желаю не болѣе этого!—сказала она, недовольная назначенной суммой.

Невѣсткѣ Накдимона назначено было двѣсти саа вина на одинъ приварокъ въ недѣлю. И она тоже осталась недовольной.

Говорилъ р. Елазаръ бенъ Садокъ:

— Дай Господь также мнѣ увидѣть народъ нашъ въ благоденствіи, какъ видѣлъ я дочь Накдимона бенъ Горіона подбирающей въ Ако ячменныя зерна изъ подъ копытъ лошадиныхъ.

Выѣзжалъ изъ Іерусалима, верхомъ на ослѣ, р. Іохананъ бенъ Заккай и шли за нимъ ученики его. По дорогѣ встрѣтилась ему молодая женщина, которая подбирала ячменныя зерна изъ помета арабскихъ стадъ. Увидя приближающагося р. Іоханана, женщина закрыла себѣ лицо волосами и, приблизившись къ нему, проговорила:

— Учитель! Дай мнѣ на пропитаніе.

— Кто ты, дочь моя?—спросилъ р. Іохананъ.

Женщина не отвѣчала.

— Дочь моя, скажи—кто ты?—повторилъ р. Іохананъ.

— Я дочь Накдимона бенъ Горіона.

— Куда-же дѣвалось богатство твоего отца?

— Учитель! Не даромъ говорится: „денегъ въ прокъ не засолишь".

— А богатство свекра твоего?

— Пошло туда-же. А помнишь-ли, учитель, какъ ты свидѣтелемъ на брачномъ договорѣ моемъ подписался?

— Помню,—сказалъ р. Іохананъ, обращаясь къ ученикамъ,—въ подписанномъ мною брачномъ договорѣ говорилось, что она получаетъ тысячу тысячъ золотыхъ динаріевъ изъ имущества отца, кромѣ приданнаго со стороны свекра.

Заплакалъ р. Іохананъ бенъ Заккай и такъ сказалъ онъ:

— Благо тебѣ, Израиль, когда ты слѣдуешь завѣтамъ Господа,—нѣтъ тогда ни народа, ни племени, властныхъ надъ

тобою. Когда-же ты идешь противъ воли Господа, Онъ подчиняетъ тебя ничтожному народу, и не только людямъ, но и скоту народа этого. *(Кет., 65—67; Аб. д. Нат.)*.

V. Господь Скорбящій.

Сказаніе отъ р. Іегошуи бенъ Леви:

— Воззвалъ Господь къ Ангеламъ-Служенія и сказалъ: „Что дѣлаетъ царь, оплакивая смерть близкаго существа?"

— Завѣшиваетъ вретищемъ двери чертога своего,—отвѣтили Ангелы-Служенія.

— И Я дѣлаю такъ,—сказалъ Господь:

„Я мракомъ одѣваю небеса
И вретище имъ дѣлаю покровомъ".

— И еще что дѣлаетъ царь?

— Велитъ свѣтильники потушить.

— И Я дѣлаю такъ,—по слову пророка:

„Померкнутъ солнце и луна,
И звѣзды блескъ свой потеряютъ".

— И въ молчаніи пребываетъ царь.

— И Я дѣлаю такъ—по слову пророка:

„Въ безмолвіи сидѣть онъ будетъ одиноко,
Отягощенный бременемъ своимъ". *(Еха-Р.)*.

„Въ тайникахъ будетъ плакать душа моя".

Поясняли со словъ Рава: мѣсто есть у Господа, гдѣ онъ плачетъ, и „Мистаримъ" (тайники) названіе его. *(Хаг., 5)*.

„Вотъ онъ стоитъ за нашей спиною".

Равъ Аха училъ:

— Отъ западной стѣны храма [1]) никогда не отходилъ духъ Господень. *(Танх. Гак.)*.

VI. Менахемъ.

Въ день разрушенія храма родился искупитель.

Нѣкій человѣкъ пахалъ поле. Замычала телица его. Шедшій мимо арабъ обратился къ пахарю съ вопросомъ, какого племени онъ.

— Іудей,—отвѣтилъ пахарь.

— Іудей! Іудей!—сказалъ арабъ,—распряги телицу и оставь плугъ свой.

— Зачѣмъ?

---

[1]) Отъ храма осталась часть западной стѣны, существующая и понынѣ.

— Святилище іудейское разрушено.
— Откуда узналъ ты объ этомъ?
— Изъ мычанія телицы.

Въ эту минуту телица снова замычала. И арабъ сказалъ:

— Іудей! Іудей! Запряги телицу и берись за плугъ твой: родился Мессія, искупитель Израиля.

— Какъ имя его?
— Менахемъ [1]).
— А имя отца его?
— Іезеккія.
— А гдѣ находится онъ?
— Въ Виѳлеемѣ іудейскомъ, въ Биратъ-Арбѣ.

Пошелъ пахарь тотъ, продалъ телицу свою, продалъ плугъ и сталъ торговцемъ дѣтскими пеленками. Ходилъ онъ изъ города въ городъ, изъ одной области въ другую, пока не пришелъ въ то мѣсто (въ Виѳлеемъ). Стали приходить женщины изъ всѣхъ окрестныхъ селъ покупать пеленки. Одна только женщина, мать Менахема, пеленокъ покупать не стала. Услыхалъ онъ, какъ другія женщины говорятъ ей:

— Мать Менахема! Мать Менахема! Купи и ты пеленки для своего сына.

А она отвѣчаетъ:

— Дай Богъ удавиться всѣмъ врагамъ Израиля [2])!

— Почему говоришь ты такъ?—спрашиваютъ женщины.

— Потому, что въ тотъ день, когда онъ родился, разрушенъ былъ храмъ Господень.

Тогда онъ обратился къ ней и сказалъ:

— Съ появленіемъ на свѣтъ сына твоего храмъ былъ разрушенъ; но увѣренъ я, что черезъ него-же храмъ будетъ возстановленъ снова.

— У меня денегъ нѣтъ, чтобы купить пеленки, — сказала женщина.

— Это для меня безразлично,—отвѣтилъ онъ—бери пеленки для сына, а я въ другой разъ приду, и ты заплатишь за нихъ.

Придя черезъ нѣкоторое время въ тотъ городъ, гдѣ жила женщина эта, онъ рѣшилъ пойти взглянуть на ребенка. Пришелъ и спрашиваетъ:

— Какъ поживаетъ сынъ твой?

— Его нѣтъ больше у меня,—отвѣтила женщина,—сейчасъ послѣ того, какъ ты встрѣтился со мною, налетѣли вѣтры бурные, вырвали его изъ рукъ у меня, унесли,—и нѣтъ его.

(Іеруш. Бер.; Еха-Р.; Мид. Пан. Ах.).

---

[1]) Менахемъ—утѣшитель.

[2]) Иносказательно проклятіе относится къ сыну ея.

VII. Скорбь о Сіонѣ.

„Плачетъ и плачетъ она“ [1]).

Плачетъ она, и Господа заставляетъ плакать вмѣстѣ съ нею. Плачетъ—и Ангеловъ-Служенія плакать заставляетъ. Плачетъ—и небеса и землю плакать заставляетъ. Плачетъ, и горы и равнины плакать заставляетъ.

„Плачетъ она по ночамъ“.

Голосъ плачущаго ночью болѣе отчетливо слышенъ.

Когда человѣкъ плачетъ ночью, звѣзды и планеты плачутъ вмѣстѣ съ нимъ.

Человѣкъ, который слышетъ ночью голосъ плачущаго, невольно и самъ плакать начинаетъ.

Былъ такой случай. У одной женщины, жившей въ сосѣдствѣ съ рабанъ Гамліелемъ, умеръ сынъ, и она не переставала рыдать всю ночь. Слышалъ р. Гамліель рыданія ея, и пришло на память ему разрушеніе храма. И заплакалъ онъ, и плакалъ не переставая всю ночь, пока рѣсницы не выпали у него. На завтра, узнавъ объ этомъ, ученики выселили ту женщину изъ сосѣдства р. Гамліеля. (*Санг.*, *104*; *Еха-Р.)*.

VIII. Съ тѣхъ поръ — — —

Съ тѣхъ поръ, какъ храмъ разрушенъ, не стало улыбки веселой передъ Господомъ и болѣе нѣтъ свода небеснаго въ прежней чистотѣ его.

Р. Елазаръ говорилъ:

— Съ тѣхъ поръ, какъ храмъ разрушенъ, воздвиглась желѣзная стѣна между Израилемъ и Отцомъ небеснымъ.

Р. Симеонъ бенъ Гамліель говорилъ:

— Съ тѣхъ поръ, какъ храмъ разрушенъ, нѣтъ дня, который не принесъ-бы новаго бѣдствія. (*Бер.*, *32; Сот.*, *89)*.

IX. Утѣшенія.

„Заплатить долженъ, кто произвелъ пожаръ“.

— *Я* долженъ заплатить за сожженое Мною, — сказалъ Господь,—Я „зажегъ огонь на Сіонѣ, пожравшій основанія его“, и огнемъ Я снова воздвигну Сіонъ, по слову Моему: „И я буду для него огненною стѣною вокругъ него и прославлюсь посреди него“. *(Б.-К.*, *9*).

Шли дорогою рабанъ Гамліель, раби Еліезеръ бенъ Азарія, раби Іегошуа и раби Акиба. За сто двадцать верстъ до Рима сталъ шумъ форума доноситься до нихъ. Трое первыхъ заплакали, а р. Акиба засмѣялся.

[1]) Столица Іудейская.

— Какъ можешь ты смѣяться, Акиба?—воскликнули они.

— А вы о чемъ плачете?—отвѣтилъ вопросомъ р. Акиба.

— Язычники эти,—отвѣтили они,—поклоняющіеся истуканамъ и идоламъ кадящіе, живутъ въ безмятежномъ мірѣ, а мы, — Святилище наше, подножіе Господа нашего, въ огнѣ сожжено,—какъ не плакать намъ?

— Іогому-то я и смѣюсь радостно,—сказалъ р. Акиба, — если преступающимъ волю Его Господь даетъ счастье, то тѣмъ болѣе онъ дастъ счастье тѣмъ, кто исполняетъ святую волю Его.

Въ другой разъ они-же шли по пути къ Іерусалиму. Дойдя до горы Цофимъ, разодрали они одежды свои. На храмовой горѣ увидѣли шакала выходящаго изъ развалинъ Св. Святыхъ, и горестно заплакали они, а р. Акиба разсмѣялся.

— Чего ты смѣешься, Акиба?—спросили они.

А вы чего плачете?—отвѣтилъ вопросомъ р. Акиба.

— Въ томъ мѣстѣ, о которомъ сказано: „посторонній, который приблизится, умретъ", нынѣ шакалы бродятъ,—какъ-же не плакать намъ?

— Вотъ поэтому-то и смѣюсь я радостно, — сказалъ р. Акиба,—сказано: „И я взялъ себѣ вѣрныхъ свидѣтелей, Урію-священника и Захарію, сына Еварахіина". Что имѣютъ общаго Урія съ Захаріей? Вѣдь Урія жилъ во времена Перваго храма, а Захарій во времена Второго храма. Но не даромъ приведено въ связь пророчество Захаріи съ пророчествомъ Уріи. У Уріи сказано: „Посему изъ-за васъ Сіонъ распаханъ будетъ какъ поле, и Іерусалимъ сдѣлается грудою развалинъ, и будетъ Гора Храмовая лѣсистымъ холмомъ". А у Захаріи сказано: „Снова старцы и старицы будутъ сидѣть на улицахъ въ Іерусалимѣ, каждый съ посохомъ въ рукѣ—отъ полноты дней". До тѣхъ поръ, пока не исполнилось пророчество Уріи, я опасался, что не исполнится пророчество Захаріи; нынѣ-же, когда первое пророчество осуществилось, я вѣрю, что и второе осуществится.

— Акиба!—воскликнули всѣ,—ты утѣшилъ насъ! Акиба, ты утѣшилъ насъ! *(Мак., 24)*.

Оглавленіе.

ЧАСТЬ II.

АГАДА

СКАЗАНІЯ, ПРИТЧИ, ИЗРЕЧЕНІЯ

ТАЛМУДА и МИДРАШЕЙ.

въ 4-хъ частяхъ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ВВЕДЕНІЕМЪ

С. Г. ФРУГА.

по „Сеферъ-Гаагада“, составленному І. Х. Равницкимъ и Х. Н. Бяликомъ.

ОДЕССА.
Типографія Торг. Дома Г. М. Левинсонъ, Канатная, д. № 26.
1914.

Раби Симеонъ бенъ Шетахъ.

Возрожденіе Торы.

Весь міръ оставался пораженнымъ совершенной Яннаемъ [1]) казнью законоучителей, пока не явился р. Симеонъ бенъ Шетахъ, возвратившій Торѣ ея исконное величіе. *(Кид., 66).*

Кто казной, кто милостью Господней.

Во времена Симеона бенъ Шетаха явилось триста назареевъ для совершенія девятисотъ жертвоприношеній [2]). Найдя законнымъ полутораста изъ нихъ дать отпущеніе безъ жертвоприношенія, р. Симеонъ обратился къ царю Яннаю и сказалъ:

— Триста назареевъ пришли для совершенія девятисотъ жертвоприношеній, но у нихъ не на что купить жертвенныхъ животныхъ. Государь, дай ты половину стоимости, и я дамъ половину, и тогда они совершатъ жертвоприношенія.

Царь Яннай далъ половину стоимости, и жертвоприношенія совершились. Донесли Яннаю на р. Симеона:

— Да будетъ вѣдомо тебѣ, что всѣ жертвенныя животныя были куплены на деньги, данныя тобою. Симеонъ-же не потратилъ ничего.

Разгнѣвался царь Яннай, а р. Симеонъ, узнавъ о томъ, устрашился и бѣжалъ.

Черезъ нѣкоторое время былъ пиръ у царя Янная, и бывшіе на томъ пиру персидскіе вельможи стали спрашивать:

— Государь, помнится намъ, бывалъ здѣсь нѣкій старецъ, который поучалъ насъ божественной мудрости.

Сказалъ Яннай своей женѣ,—она-же сестра р. Симеона:

— Пошли за нимъ и приведи его сюда.

— Поклянись,—отвѣтила царица,—что не сдѣлаешь ему никакого зла, и [въ знакъ этого] пошли ему свой перстень.

Царь поклялся и послалъ перстень.

Р. Симеонъ явился.

— Зачѣмъ ты бѣжалъ?—спросилъ царь.

— Слышалъ я, что государь мой, царь, въ гнѣвѣ на меня, и, боясь, чтобъ ты не велѣлъ казнить меня, я поступилъ, примѣнивъ къ себѣ слова Писанія: „Укройся лишь на мгновеніе, пока гнѣвъ не пройдетъ".

---

[1]) Царь изъ дома Хасмонеевъ.

[2]) Назарей приносилъ три очистительныхъ жертвы.

— А зачѣмъ ты надсмѣялся надо мною?

— Упаси Богъ, не надсмѣялся я надъ тобою. Ты оказалъ назареямъ помощь деньгами, я—властью Закона. Кто казною, кто милостью Божіей.

— Отчего-же ты не предупредилъ меня объ этомъ?

— Если-бы я предупредилъ тебя, ты, пожалуй, не далъ-бы ничего.

Посадилъ его Яннай между собою и царицей и сказалъ:

— Видишь, какой почетъ я тебѣ оказываю.

— Не ты,—отвѣтилъ р. Симеонъ,—а Тора возвеличиваетъ меня, ибо сказано у сына Сирахова: „Лелѣй ее, и она вознесетъ тебя и посадитъ среди вельможъ". *(Бер.-Р., 91.; Берах., 48).*

Царь предъ судомъ.

Одинъ изъ царскихъ рабовъ совершилъ убійство.

— Привлеките его къ суду,—приказалъ р. Симеонъ.

Доложили Яннаю:

— Твой рабъ человѣка убилъ.

Поставилъ царь убійцу на судъ. Послали судьи сказать царю:

— Явись и ты,—этого требуетъ законъ.

Когда царь явился, поставили кресло для него рядомъ съ кресломъ р. Симеона, и царь сѣлъ. Видя это, р. Семеонъ сказалъ:

— Царь Яннай! *Встань* и выслушай показанія противъ тебя [1]), ибо сказано: „Пусть *предстанутъ* оба сіи человѣка, у которыхъ тяжба".

— Я сдѣлаю,—возразилъ царь,—не такъ, какъ говоришь ты, а какъ товарищи твои скажутъ.

Обратился р. Симеонъ къ сидѣвшимъ справа, тѣ уставились глазами въ землю; обратился на лѣво—и тѣ уставились глазами въ землю.

— Вы *размышляете* еще,—воскликнулъ р. Симеонъ,—какъ поступить? Пусть-же *Вѣдующій помыслы* воздастъ вамъ!

Въ ту-же минуту явился архангелъ Гавріилъ и повергъ судей на землю, грозя умертвить ихъ.

Затрепеталъ царь.

— Встань!—повторилъ Яннаю р. Симеонъ,—не передъ нами стоишь ты, но передъ Тѣмъ, по слову Котораго сотворена вселенная.

Тотчасъ-же всталъ съ мѣста царь Яннай. *(Сан., 19; Тан.-Гак., Шофт.).*

Находка.

Р. Симеонъ велъ торговлю льномъ. Чтобъ облегчить ему трудъ по перевозкѣ товара, ученики купили для него у одного

[1]) Какъ противъ владѣльца, отвѣтственнаго за преступленія своихъ рабовъ.

измаилтянина осла. На шеѣ у животнаго оказалась драгоцѣнная жемчужина. Приходятъ ученики къ р. Симеону и говорятъ:

— Отнынѣ, учитель, тебѣ трудиться больше не придется.

— Почему?—спрашиваетъ р. Симеонъ.

— Мы для тебя купили осла у одного измаилтянина и на животномъ оказалась драгоцѣнная жемчужина.

— А зналъ объ этомъ продавецъ?

— Нѣтъ.

— Идите и отдайте ему жемчужину.

И сказалъ о р. Симеонѣ тотъ измаилтянинъ:

— Благословенъ Господь, Богъ Симеона бенъ Шетахъ!

— А вы,—обратился р. Симеонъ къ ученикамъ,—варваромъ считали Симеона бенъ Шетаха? Услышать слова: „благословенъ Господь, Богъ іудеевъ" для меня дороже всѣхъ сокровищъ міра. *(Іеруш., Б.-М., 2; Деб.-Р., 3).*

Въ пещерѣ колдуній.

Когда Симеонъ бенъ Шетахъ былъ избранъ въ „Насси" [1]) пришли къ нему и сказали:

— Въ пещерѣ близь Аскалона скрываются восемьдесятъ колдуній.

Въ одинъ ненастный день собралъ р. Симеонъ восемьдесятъ юношей, рослыхъ и сильныхъ, и велѣлъ имъ слѣдовать за собою. Каждому изъ нихъ онъ далъ по новому кувшину со свернутымъ въ немъ чистымъ плащемъ. Юноши поставили кувшины опрокинутыми себѣ на головы, и р. Симеонъ сказалъ:

— Когда я крикну по птичьему, накиньте на себя плащи; крикну вторично—бѣгите всѣ въ пещеру и, схвативъ каждый по колдуньѣ, поднимите ихъ вверхъ, ибо таково свойство колдуна: отдѣлишь его отъ земли—онъ ничего сдѣлать не можетъ.

Пошелъ р. Симеонъ и, ставъ у входа въ пещеру, сталъ звать, выкрикивая:

„—Ойимъ! Ойимъ!... [2]) Отоприте! Одинъ изъ вашихъ я.

—А какимъ образомъ,—спрашиваютъ колдуньи р. Симеона [также успѣвшаго закутаться въ сухой плащъ],—ты въ дождь сухимъ остался?

— Я *между* каплями пробирался,—объяснилъ р. Симеонъ.

— А чего ради пришелъ ты?

— Поучиться и васъ поучить. Покажите-ка каждая свое искусство.

И вотъ, поколдовала одна—и серебро въ хлѣбъ превратилось.

Поколдовала другая—изъ желѣза мясо выковалось.

Третья—расплавленная мѣдь бульономъ закипѣла.

Четвертая—растопленное золото виномъ заструилось.

---

[1]) Князь. Патріархъ.

[2]) Пароль у колдуновъ.

— Видишь,—говорятъ колдуньи,— какой мы тебѣ пиръ устроили. А ты что умѣешь сдѣлать?

— Вотъ что: чирикну разъ и другой—и явится восемьдесять жениховъ, одѣтыхъ въ совершенно сухіе плащи—и будете вы пировать и веселиться съ ними.

Чирикнулъ р. Симеонъ разъ—надѣли юноши плащи; чирикнулъ вторично—всѣ сразу появились въ пещерѣ.

—Выбирай каждый свою суженую!—крикнулъ р. Симеонъ.

Схватили юноши колдуній, вынесли ихъ изъ пещеры и всѣхъ повѣсили. *(Іеруш. Хаг.; Санг.*, *6*; *Раши)*.

Во славу суда и Закона.

Вступились родственники казненныхъ колдуній, и двое изъ нихъ оговорили сына р. Симеона въ преступленіи, караемомъ смертной казнью.

Когда приговоренный былъ выведенъ на мѣсто казни, онъ воскликнулъ:

— Если есть на мнѣ вина въ дѣлѣ этомъ, пусть казнь послужитъ мнѣ возмездіемъ. Если-же невиненъ я, пусть смертью своей искуплю всѣ свои прегрѣшенія, а кровь моя падетъ на головы ложныхъ доносчиковъ!

Услыша эти слова, доносчики раскаялись и заявили:

— Мы свидѣтельствовали ложно.

Вознамѣрился р. Симеонъ тутъ-же освободить сына, но тотъ сказалъ:

— Отецъ! Если желаешь, чтобы черезъ тебя *пришло спасеніе*[1]), то оставь меня подобно „порогу на попраніе“ [2]). *(Тамъ-же.)*

---

[1]) Т. е.. поднятъ былъ-бы престижъ суда и закона. Дѣло въ томъ, что, по дѣйствовавшимъ тогда правиламъ, отказъ свидѣтеля *послѣ* произнесенія судебнаго приговора отъ даннаго имъ показанія не являлся поводомъ къ отмѣнѣ назначеннаго подсудимому наказанія.

[2]) Т. е., предоставь меня своей судьбѣ, дабы не стали говорить, что законоучители лицепріятствуютъ своимъ близкимъ на судѣ.

Хони Гамеагелъ и его потомки.

Моленіе о дождѣ.

Однажды, когда приближался конецъ мѣсяца Адаръ [1]) и не было дождя, стали просить Хони Гамеагела:

— Помолись о дождѣ.

— Внесите со двора пасхальные очаги [2]), дабы они не размокли,—сказалъ Хони.

Началъ онъ молиться, но дождь не шелъ. Тогда онъ очертилъ кругъ и, стоя въ серединѣ, воззвалъ:

— Творецъ вселенной! Дѣти Твои обратились ко мнѣ, какъ къ возлюбленному Твоему сыну,—и вотъ поклялся я, что не сойду съ этого мѣста прежде чѣмъ Ты не смилуешься надъ дѣтьми Своими.

Стало слегка накрапывать.

— Учитель! Опора жизни нашей!—сказали Хони ученики,—сдается намъ, что только для освобожденія тебя отъ клятвы дождь едва-едва накрапывать началъ.

— Не о томъ просилъ я,—возобновилъ молитву свою Хони,—о проливномъ дождѣ я прошу.

Разразился ливень.

— Учитель! Опора жизни нашей!—сказали ученики,—ливень весь міръ грозитъ разрушить.

И возвалъ Хони къ Всевышнему:

— Не о томъ просилъ я. Молю Тебя: дождя благословеннаго и благодатнаго пошли намъ, Господи!

Пошелъ дождь умѣренный, но шелъ такъ долго, что вынужденъ былъ народъ подняться на Храмовую Гору, умоляя Хони:

—Учитель! Ты молился о дождѣ; помолись, чтобы дождь наконецъ прекратился.

— Установлено запрещеніе,—сказалъ Хони,—творить молитву противъ излишняго обилія дара Божьяго [3]). Тѣмъ не менѣе, приведите вола для благодарственнаго жертвоприношенія.

Привели вола. Возложилъ Хони руки на него и возвалъ къ Господу:

---

[1]) Періодъ дождей.

[2]) Глиняные.

[3]) По духу Библейскаго міропониманія, дождь, какъ и роса, является самъ по себѣ Божьимъ благословеніемъ.

— Владыка вселенной! Народъ Твой Израиль, изъ Египта выведенный Тобою, не въ силахъ устоять ни противъ изобилія добра, ни противъ непосильныхъ испытаній,—ни противъ Твоего гнѣва, ни противъ безграничной благости Твоей. Да будетъ-же воля Твоя, чтобы прекратился дождь и наступила ясная погода.

И сразу подулъ вѣтеръ, разсѣялись тучи, засіяло солнце, и пошелъ народъ грибы собирать.

По этому поводу патріархъ р. Симеонъ бенъ Шетахъ велѣлъ сказать отъ его имени Хони:

— Не будь ты Хони Гамеагелъ, я подвергъ-бы тебя строжайшему наказанію [1]). Но что подѣлаешь съ тобою, если ты передъ самимъ Господомъ нѣжишься, какъ избалованное дитя передъ отцомъ, исполняющимъ всѣ прихоти его:

„— Поведи меня, отецъ, въ теплой водѣ купаться“.

Отецъ ведетъ его.

„— Поведи меня купаться въ холодной водѣ“.

Ведетъ его.

„— Дай мнѣ орѣховъ, миндалю, персиковъ, гранатовыхъ яблоковъ“.

Даетъ ему.

Такъ и ты. И о тебѣ это сказано: „Отецъ твой возрадуется, и возликуетъ родившая тебя“. *(Таан., 23)*.

Сонъ Хони Гамеагела.

Сказаніе р. Іоханана о Хони:

— Всю жизнь тревожилъ праведника этого смыслъ стиха: „Когда возвращалъ Господь плѣнниковъ Сіона, мы были какъ въ сновидѣніи“.

„— Возможно-ли,—говорилъ онъ,—семьдесятъ лѣтъ [2]) бредить во снѣ?“

Однажды, находясь въ пути, Хони увидѣлъ человѣка, занятаго посадкою рожковаго дерева.

— Черезъ сколько времени принесетъ это дерево плоды?—спросилъ Хони.

— Черезъ семьдесятъ лѣтъ.

— Но развѣ ты увѣренъ, что проживешь еще семьдесятъ лѣтъ и будешь ѣсть плоды съ этого дерева?

На это человѣкъ тотъ отвѣтилъ:

— Я засталъ на свѣтѣ рожковыя деревья; и вотъ, также какъ предки мои взростили деревья эти для меня, я взрощу ихъ для моихъ потомковъ.

Сѣлъ Хони поѣсть хлѣба, и напалъ на него сонъ. Выступилъ утесъ и образовалъ вокругъ него ограду.

---

[1]) За злоупотребленіе силою молитвы и искушеніе Божьяго милосердія.

[2]) Періодъ Вавилонскаго плѣненія.

Когда Хони проснулся, онъ увидѣлъ человѣка, собирающаго плоды съ того дерева.

— Ты-ли это,—спросилъ Хони,—тотъ самый, которымъ посажено это дерево?

— Дерево это,—отвѣтилъ человѣкъ,—посажено моимъ дѣдомъ.

— Очевидно,—сказалъ себѣ Хони,—я проспалъ семьдесятъ лѣтъ.

Взглянулъ онъ туда, гдѣ оставилъ свою ослицу, а тамъ табуны цѣлые.

Направился Хони къ своему жилищу.

— Дома-ли,—спросилъ онъ,—сынъ Хони Гамеагела?

— Сына,—отвѣтили ему,—уже нѣтъ на свѣтѣ, а живъ его внукъ.

Я Хони Гамеагелъ,—заявилъ онъ.

Не повѣрили.

Пришелъ онъ въ академію и слышитъ—ученые говорятъ:

— Это толкованіе также ясно, какъ во времена Хони Гамеагела, который разъяснялъ всякій ученый вопросъ, какъ только являлся въ академію.

— Я и есть Хони Гамеагелъ,—заявилъ онъ ученымъ.

Но и тѣ не повѣрили и должнаго почета ему не оказали.

Палъ Хони духомъ, сталъ молить о милосердіи Господнемъ. И принялъ Господь душу его.

По этому поводу говорилъ Рава.

— Правы люди говоря: „Либо общеніе съ людьми, либо смерти“. *(Таан., 23).*

Ученые и поденщикъ.

Аба-Хелкія былъ внукомъ Хони Гамеагела. Когда страна страдала отъ бездождія, законоучители обращались къ нему, прося помолиться о милосердіи Божіемъ—и по его молитвѣ шелъ дождь.

Придя однажды и не заставъ его дома, отправились въ поле, гдѣ онъ въ то время пололъ. Подошли къ нему съ привѣтствіемъ, но онъ не отвѣтилъ. Къ вечеру, набравъ вязку хвороста, онъ направился домой. Дрова и мотыку онъ несъ на одномъ плечѣ, а верхнюю одежду свою на другомъ. Всю дорогу шелъ босой, а чтобы перейти черезъ ручей надѣлъ сандаліи. Пробираясь черезъ терновникъ, поднялъ повыше края одежды. При приближеніи его къ мѣсту, гдѣ онъ жилъ, жена вышла нарядной къ нему навстрѣчу. Въ домъ онъ далъ войти сначала женѣ, за нею вошелъ самъ, а законоучителей впустилъ послѣдними. Сѣлъ за обѣдъ, а ихъ къ столу не пригласилъ. Раздавая хлѣбъ дѣтямъ, старшему далъ ломоть, младшему два ломтя.

Потомъ онъ сказалъ женѣ:

— Я знаю, законоучители пришли не иначе, какъ по поводу дождя. Пойдемъ поднимемся на кровлю и помолимся Господу,—быть можетъ, смилуется Всевышній и пошлетъ дождь. И пусть не говорятъ, что благодаря намъ произошло это.

Придя на верхъ, встали онъ въ одномъ углу, жена въ другомъ и начали молиться. Первымъ появилось облако съ той стороны, гдѣ стояла жена.

Сойдя внизъ, онъ обратился къ пришедшимъ, спрашивая:

— Чего ради, наставники мои, вы пришлп ко мнѣ?

Насъ послали просить тебя помолиться о дождѣ.

— Ну что-жъ,—отвѣтилъ онъ,—благословенъ Господь, избавившій васъ отъ нужды въ молитвѣ Аба-Хелкіи.

На это они сказали:

— Мы увѣрены, что только по твоей молитвѣ пошелъ дождь. Теперь просимъ тебя, раби, объяснить непонятные для насъ поступки твои:

— Почему не отвѣтилъ ты на наше привѣтствіе?

— Потому,—пояснилъ Аба-Хелкія,—что я нанятъ былъ на поденную работу и невправѣ былъ отрываться отъ нея.

— Почему ты дрова несъ на одномъ плечѣ, а плащъ на другомъ?

— Плащъ этотъ чужой, и мнѣ одолжили его для надѣванія, но не для носки дровъ.

— Почему всю дорогу ты шелъ босой, а дойдя до ручья обулся?

— На сушѣ видно, что̀ подъ ногами, а въ водѣ не видно.

— Зачѣмъ, перебираясь черезъ терновникъ, ты поднялъ края одежды?

— Пораненное тѣло можно залѣчить, а платья не залѣчишь.

— Для чего при приближеніи твоемъ жена твоя вышла къ тебѣ на встрѣчу нарядной?

— Чтобы я не сталъ заглядываться на другихъ женщинъ.

— Почему вошла въ домъ первою твоя жена, за нею ты, а намъ далъ ты войти послѣдними?

— Потому, что вы недостаточно знакомы мнѣ.

— Почему, садясь за столъ, ты не сказалъ намъ, по обычаю: „Садитесь и раздѣлите со мною трапезу“?

— Потому, что хлѣба было недостаточно, и я не хотѣлъ, чтобы вы благодарили меня напрасно.

— Почему старшему сыну далъ ты одинъ ломоть, а младшему два?

— Старшій остается дома, а младшій ходитъ въ школу.

— Почему первымъ появилось облако съ той стороны, гдѣ стояла и молилась твоя жена?

— Жена, бывая постоянно дома, подаетъ бѣдному хлѣбъ, и голодъ его немедленно утоляется. Я-же подаю милостыню деньгами—и голодъ бѣднаго не сейчасъ утоляется. *(Таан., 23)*

Ради малыхъ сихъ.

Хананъ Ганехба былъ сыномъ дочери Хони Гамеагела. Когда стояло бездождіе, ученые посылали къ нему дѣтей изъ школъ, которые, бывало, тянутъ его за края одежды, крича: „Отецъ! Отецъ! Дай намъ дождя!"

И Хананъ взывалъ къ Господу:

— Владыко вселенной! Сдѣлай ради малыхъ сихъ, не различающихъ между Отцомъ, посылающимъ дождь на землю, и отцомъ, не во власти котораго посылать дождь. *(Таан., 23)*.

Гиллель старшій.

Вступленіе въ академію.

Разсказываютъ про Гиллеля, что онъ нанимался на поденную работу и, получая полдинарій въ день, половину отдавалъ привратнику академіи, а другую половину тратилъ на пропитаніе своей семьи.

Однажды случилось такъ, что онъ остался безъ заработка, и привратникъ не впустилъ его въ академію. Тогда онъ взобрался на кровлю и, держась въ полувисячемъ положеніи, припалъ лицомъ къ рѣшетчатому просвѣту, чтобы услышать слово Бога Живого изъ устъ законоучителей Шемаіи и Авталіона.

Случилось это—разсказываютъ—въ канунъ субботы, въ зимнюю пору. Выпалъ снѣгъ и засыпалъ его. Когда стало разсвѣтать, Шемаія сказалъ Авталіону:

— Братъ Авталіонъ! Всегда въ это время свѣтло, а сегодня темно. На столько-ли облачно сегодня?

Взглянули на верхъ и видятъ человѣческій обликъ въ просвѣтѣ. Взошли на кровлю и нашли Гиллеля покрытымъ слоемъ снѣга въ три локтя толщиною. Очиствъ его отъ снѣга, умыли, умастили елеемъ и усадили у очага.

„— *Этотъ,*—сказали Шемаія и Авталіонъ—заслуживаетъ, чтобы ради него и субботній покой нарушить. *(Іома, 35).*

Долготерпѣніе Гиллеля.

Былъ такой случай:

Двое заспорили о томъ, возможно-ли разсердить Гиллеля.

„— Ужъ я-то выведу его изъ терпѣнія!“ — говорилъ одинъ.

Побились объ докладъ въ четыреста зузъ [1]).

Было это въ канунъ субботы. Гиллель въ то время собирался купаться. Пошелъ тотъ человѣкъ и, проходя мимо дверей Гиллеля, сталъ выкрикивать:

— Кто здѣсь Гиллель? Кто здѣсь Гиллель?

Одѣлся Гиллель и вышелъ къ нему:

— Что угодно тебѣ, сынъ мой?

— Хочу задать тебѣ одинъ вопросъ.

---

[1]) Древняя монета—четверть шекеля.

— Спрашивай, сынъ мой, спрашивай.

— Отчего у Вавилонянъ головы неправильной формы?

— Сынъ мой,—сказалъ Гиллель,—важный вопросъ ты задалъ мнѣ,—оттого, что у вавилонянъ нѣтъ хорошихъ повивальныхъ бабокъ.

Ушелъ тотъ человѣкъ. Но черезъ нѣкоторое время вернулся и вновь принялся выкрикивать:

— Кто здѣсь Гиллель? Кто здѣсь Гиллель?

Одѣлся Гиллель и, выйдя къ нему, спросилъ:

— Что угодно тебѣ, сынъ мой?

— Хочу задать тебѣ одинъ вопросъ.

— Спрашивай, сынъ мой, спрашивай.

— Отчего у тармудянъ глаза больные?

— Важный вопросъ, сынъ мой, задалъ ты мнѣ,—должно быть, оттого, что они въ песчанныхъ мѣстностяхъ живутъ.

Ушелъ тотъ человѣкъ, но вскорѣ вернулся и вновь давай кричать:

— Кто здѣсь Гиллель? Кто здѣсь Гиллель?

Одѣлся Гиллель и вышелъ къ нему:

— Что угодно тебѣ, сынъ мой?

— Хочу задать тебѣ одинъ вопросъ.

— Спрашивай, сынъ мой, спрашивай.

— Отчего у апракійцевъ ступни широкія?

— Важный вопросъ, сынъ мой, задалъ ты мнѣ,—оттого, что они живутъ среди болотъ.

— Много еще вопросовъ я имѣю, но боюсь разсердить тебя.

Облачился въ одежды свои Гиллель, сѣлъ и говоритъ:

— Спрашивай обо всемъ, что желаешь.

— Тотъ-ли ты Гиллель, котораго величаютъ княземъ израильскимъ?

— Да.

— Пусть-же не будетъ много тебѣ подобныхъ въ Израилѣ!

— Почему, сынъ мой?

— Потому, что изъ за тебя я потерялъ четыреста зузъ.

— Будь-же впредь осмотрительнѣй. Ты не одинъ разъ четыреста зузъ потеряешь, а разсердить Гиллеля тебѣ не удастся. *(Шаб., 30—31).*

„Вся суть Торы“.

Былъ такой случай:

Приходитъ нѣкій иновѣрецъ къ Шаммаю и говоритъ:

— Я приму вашу вѣру, если ты научишь меня всей Торѣ, пока я въ силахъ буду стоять на одной ногѣ.

Разсердился Шаммай и, замахнувшись бывшимъ у него въ рукѣ локтемѣромъ, прогналъ иновѣрца.

Пошелъ тотъ къ Гиллелю. И Гиллель обратилъ его, сказавъ:

„— *Не дѣлай ближнему того, чего себѣ не желаешь*". Въ этомъ заключается вся суть Торы. Все остальное есть толкованіе. Иди и учись. *(Тамъ-же).*

„Хочу быть первосвященникомъ!".

Еще былъ случай:

Нѣкій иновѣрецъ, проходя по задворку школы, услышалъ голосъ читавшаго изъ Писанія:

„И вотъ одежды, которыя должны они сдѣлать: наперсникъ и ефодъ, и верхняя риза, и хитонъ тонкій, кидаръ и поясъ".

Для кого это?—спросилъ иновѣрецъ.

— Для первосвященника,—отвѣтили ему.

„—Пойду,—подумалъ тотъ человѣкъ,—приму іудейскую вѣру и сдѣлаюсь первосвященникомъ".

Пришелъ онъ къ Шаммаю и говоритъ:

— Обрати меня съ тѣмъ, чтобы я сталъ первосвященникомъ.

Шаммай прогналъ его.

Пришелъ онъ къ Гиллелю. Обратилъ его Гиллель и сказалъ:

— Не вѣнчаютъ человѣка на царство прежде, чѣмъ онъ не усвоитъ весь обиходъ царскій.

Началъ новообращенный читать Писаніе. Дочитавъ до стиха: „А если приблизится [1]) посторонній, смерти преданъ будетъ",—спросилъ:

— О комъ въ этихъ словахъ говорится?

— О всякомъ человѣкѣ, несвященническаго рода, будь это самъ Давидъ, царь израильскій,—отвѣтилъ Гиллель.

И разсудилъ тотъ человѣкъ такъ:

„Если и про израильтянъ, прозванныхъ дѣтьми Божьими и Самимъ Господомъ любовно именуемыхъ: „сынъ мой, первенецъ мой Израиль",—если и про нихъ сказано: „посторонній смерти преданъ будетъ", то тѣмъ болѣе пришедшій съ посохомъ и котомкою, человѣкъ чужой и ничтожный".

Придя затѣмъ къ Шаммаю, онъ сказалъ:

— Развѣ не вполнѣ понятно [2]), почему недостоинъ я быть первосвященникомъ? Вѣдь сказано въ Торѣ: „Если приблизится посторонній, смерти преданъ будетъ".

А къ Гиллею придя, сказалъ:

— Кроткій Гиллель! Будь благословенъ за то, что помогъ мнѣ приблизиться къ благодати Господней.

Случай этотъ законоучители приводили въ примѣръ, поучая: „Будь всегда кротокъ какъ Гиллель, а не вспыльчивъ какъ Шаммай". *(Тамъ-же).*

[1]) Къ Скиніи Завѣта.

[2]) Т. е.—развѣ трудно было объяснить мнѣ.

Чистота тѣлесная.

Каждый разъ, когда Гиллель уходилъ изъ академіи, сопровождавшіе его ученики спрашивали:

— Куда идешь ты, учитель?

— Иду совершить угодное Богу дѣло,—отвѣчалъ Гиллель.

— Какое именно?

— Купаться.

— Развѣ это такое богоугодное дѣло?

— Безспорно. *Статуи* царей въ театрахъ и циркахъ — и для тѣхъ имѣется особое лицо, которое обмываетъ и чистить ихъ, и не только получаетъ за это плату, но и почетомъ пользуется. Тѣмъ болѣе долженъ соблюдать чистоту свою человѣкъ, созданный по образу и подобію Божію. *(Ваик. Р., 34).*

„Гость въ домѣ".

На тотъ-же вопросъ: „Куда идешь ты учитель?" Гиллель иногда отвѣчалъ:

— Иду подкрѣпить себя пищей и этимъ оказать радушный пріемъ моему гостю.

— Какой-же это у тебя ежедневно гость въ домѣ?

— А бѣдная душа развѣ не тотъ-же гость въ нашемъ тѣлѣ? Сегодня она здѣсь, а завтра, глядишь, и нѣтъ ея. *(Тамъ-же).*

Патріархъ—слуга.

Про Гиллеля разсказываютъ, что одному впавшему въ бѣдность, высокодостойному человѣку онъ на свои средства нанималъ лошадь для верховой ѣзды и слугу для сопровожденія его въ пути. А однажды, не найдя подходящаго провожатаго, самъ цѣлыхъ три мили сопровождалъ того человѣка, исполняя обязанности слуги. *(Кес., 67).*

Бѣдный женихъ.

Былъ съ Гиллелемъ такой случай:

Приготовили у него обѣдъ для гостя. А въ это время приходитъ къ нему одинъ бѣдный человѣкъ, останавливается у порога и говоритъ:

„— Я сегодня справляю свою свадьбу, но у меня ничего не приготовлено для свадебнаго обѣда.

Услыша это, взяла жена Гиллеля все приготовленное для гостя и отдала бѣдному жениху, а сама замѣсила другое тѣсто, поставила варить другое кушанье и, когда наконецъ все было готово, подала мужу и гостю.

— Дочь моя,—обратился къ женѣ Гиллель,—отчего ты такъ долго не подавала обѣда?

Она разсказала ему о случаѣ съ бѣднымъ женихомъ.

— Дочь моя, сказалъ Гиллель,—я всегда судилъ о тебѣ не съ худшей, но съ лучшей стороны, зная, что ты всегда стараешься дѣлать только угодное Богу. *(Д.-Эр., гл. 6.)*.

По стопамъ Эзры.

Когда забыта была Тора въ народѣ, явился Эзра и возродилъ ее. Когда Тора снова была забыта, явился Гиллель Вавилонскій и снова далъ крѣпкіе устои ей.

Изъ Вавилона Гиллель вышелъ въ возрастѣ срока лѣтъ, сорокъ лѣтъ слушалъ ученіе мудрецовъ и сорокъ лѣтъ былъ пастыремъ добрымъ своего вѣка.

Разсказываютъ про Гиллеля, что ни одной науки и ни одного нарѣчія онъ не оставлялъ безъ изученія. Изучалъ онъ также голоса горъ, равнинъ и долинъ [1]), шелестъ деревьевъ и травъ [2]), языкъ звѣрей и животныхъ [3]), голоса демоновъ [4]), притчи, басни и сказки народныя. *(Сук., 20; Сиф.; Софр., 16)*.

Ученики Гиллеля.

Восемьдесятъ учениковъ имѣлъ Гиллель. Тридцать изъ нихъ достойны были воспріять благодать наравнѣ съ Моисеемъ; тридцать заслуживали, чтобы солнце остановилось для нихъ, какъ для Іошуи бинъ Нунъ; двадцать остальныхъ были людьми среднихъ дарованій. Старшимъ средь учениковъ былъ Іонатанъ бенъ Узіэль, младшимъ р. Іохананъ бенъ Заккай. *(Сук., 28)*.

„Праведный и кроткій".

Со смертью послѣднихъ изъ пророковъ—Хагги, Захаріи и Малахіи—Духъ Святой покинулъ народъ Израильскій, только Батъ-Колъ [5]) еще продолжалъ вѣщать ему.

Однажды, когда ученые сидѣли подъ кровомъ Бетъ-Гурія, въ Іерихонѣ, раздался Батъ-Колъ:

— Здѣсь находится человѣкъ, достойный, чтобы благодать почила на немъ наравнѣ съ Моисеемъ, только современники его этого не заслуживаютъ.

При этихъ словахъ взоры всѣхъ обратились на Гиллеля. Оплакивая смерть его, ученые восклицали:

— Горе намъ, о, праведный! Горе намъ, о, кроткій! Эзры достойный ученикъ! *(Сан., 11)*.

[1]) Геологію. [2]) Ботанику. [3]) Зоологію. [4]) Миѳологію.

[5]) Небесный голосъ.

Школа Шаммая и школа Гиллеля.

Побѣда кроткаго.

Три года продолжался споръ между школою Шаммая и школою Гиллеля. Каждая настаивала на правильности своихъ толкованій Закона. Но раздался Батъ-Колъ:

— Устами и тѣхъ, и другихъ гласитъ слово Бога Живого, но поступать слѣдуетъ по толкованіямъ школы Гиллеля.

Но если ученіе и тѣхъ, и другихъ есть слово Бога Живого, чѣмъ-же удостоилась преимущества школа Гиллеля?

Тѣмъ, что ея послѣдователи отличались духомъ кротости и смиренномудрія и на ряду со своимъ ученіемъ преподавали также ученіе школы Шаммая. Мало того, мнѣнія школы Шаммая они излагали всегда ранѣе собственныхъ толкованій.

Это учитъ насъ, что того, кто самъ умаляетъ себя, Господь возвеличиваетъ и, напротивъ того, умаляетъ тѣхъ, кто самъ себя возвеличиваетъ. *(Эр., 13).*

Соперники во славу Божію.

Не взирая на рѣзкое различіе своихъ толкованій Закона,— при чемъ одними разрѣшалось то, что другими запрещалось, послѣдователи обѣихъ школъ не переставали родниться другъ съ другомъ, заключая между собою брачные союзы и служа примѣромъ единенія въ пріязни и дружелюбіи, въ исполненіе сказаннаго: „*Истину и миръ возлюбите*“. *(Іеб., 14).*

Іонатанъ бенъ Узіэль.

Божественный огонь.

Про Іонатана бенъ Узіэля разсказывали, что когда онъ вдохновлялся изученіемъ Торы, птицы, пролетавшія надъ нимъ, сгорали отъ пламени его воодушевленія. *(Сух., 28).*

Переводъ Св. Писанія.

Переводъ Пятикнижія былъ сдѣланъ прозелитомъ Онкелосомъ со словъ р. Эліэзера и р. Іошуи, а переводъ Пророковъ Іонатаномъ бенъ Узіэлемъ со словъ Хагги, Захаріи и Малахіи. Когда появился этотъ переводъ, заколебалась Св. Земля на протяженіи четырехсотъ парса въ длину и ширину, и раздался Батъ-Колъ:

— Кто онъ, дерзнувшій раскрыть тайны Мои людямъ?

Всталъ Іонатанъ бенъ Узіэль и сказалъ:

— Я тотъ, кто открылъ тайны Твои людямъ. Но Ты, Господи, знаешь, что не для своей славы и не для славы рода моего я сдѣлалъ это, но ради прославленія Тебя, Господи, дабы не возрастали разногласія въ Израилѣ. *(Мег., 3).*

Побѣда человѣколюбія.

Былъ такой случай:

Нѣкій человѣкъ лишилъ своихъ, не совсѣмъ безупречныхъ, дѣтей наслѣдства, а завѣщалъ все имущество свое Іонатану бенъ Узіэлю.

Какъ-же поступилъ Іонатанъ?

Треть имущества продалъ, треть пожертвовалъ на богоугодныя дѣла и треть возвратилъ наслѣдникамъ.

Узналъ объ этомъ Шаммай и возсталъ съ негодованіемъ противъ Іонатана (за возвращеніе наслѣдникамъ части имущества).

— Шаммай,—сказалъ ему въ отвѣтъ Іонатанъ,—если ты считаешь себя вправѣ отобрать то, что продано мною, и то, что посвящено мною Богу, тогда отбери, пожалуй, и то, что возвращено мною бѣднымъ наслѣдникамъ. А если ты перваго не можешь сдѣлать, то ты и послѣдняго сдѣлать не вправѣ.

И Шаммай могъ только сказать:

— Смѣло отвѣтилъ мнѣ бенъ Узіэль, смѣло отвѣтилъ, но побѣдилъ меня. *(Бава-Б., 133—134).*

Р. Акавія бенъ Магалалэлъ.

Мнѣніе большинства.

Акавія бенъ Магалалэлъ держался по четыремъ вопросамъ особаго мнѣнія, несогласнаго съ мнѣніемъ всѣхъ другихъ законоучителей.

Говорили ему:

— Акавія, откажись отъ своего мнѣнія—и мы абъ-бетъ-диномъ[1]) назначимъ тебя.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ,—лучше мнѣ всю жизнь называться глупцомъ, чѣмъ часъ одинъ преступникомъ передъ Господомъ. Ради почета и власти я дѣлать этого не стану.

Однако-же передъ смертью онъ сказалъ своему сыну:

— Ты отъ моего мнѣнія по тѣмъ четыремъ вопросамъ откажись.

— Отчего-же самъ ты не отказывался?—спросилъ сынъ.

— Видишь-ли, сынъ мой, — отвѣтилъ Акавія, — я свое мнѣніе воспринялъ отъ многихъ ученыхъ законовѣдовъ; противники мои, въ свою очередь, руководились мнѣніемъ также многихъ авторитетныхъ ученыхъ; каждая изъ спорящихъ сторонъ и оставалась при своемъ мнѣніи. Тебѣ-же предстоитъ выборъ между двумя мнѣніями: одно ты воспринялъ отъ цѣлой коллегіи ученыхъ, другое отъ единичнаго лица — и преимущество должно быть отдано мнѣнію большинства.

— Хорошо, отецъ, но повліяй на своихъ товарищей, чтобы они радушно приняли меня въ свою среду.

— Этого, сынъ мой, я не сдѣлаю.

— Знаешь ты какой нибудь проступокъ за мною?

— Нѣтъ. Но пусть сами дѣла твои создадутъ тебѣ въ жизни либо друзей, либо враговъ. *(Эд., 5)*.

---

[1]) Главный судья.

Рабанъ Іохананъ бенъ Заккай.

Въ школѣ и въ жизни.

Р. Іохананъ бенъ Заккай прожилъ сто двадцать лѣтъ. Сорокъ лѣтъ онъ занимался торговыми дѣлами, сорокъ лѣтъ учился и сорокъ лѣтъ обучалъ другихъ.

Про Іоханана бенъ Заккая разсказывали:

Ни разу за всю жизнь свою онъ не велъ разговора не научнаго; четырехъ локтей разстоянія не прошелъ безъ ученія и безъ тефилинъ. Никто раньше его не являлся въ академію. Не было случая, чтобы онъ вздремнулъ хотя на минуту за все время занятій въ академіи. Не уходилъ изъ академіи, пока тамъ оставался хотя одинъ человѣкъ. Никто не заставалъ его иначе, какъ занятаго ученіемъ. Никому не позволялъ открывать двери его ученикамъ, а дѣлалъ это самъ. Никогда не высказывалъ сужденія, не воспринятого имъ отъ своихъ учителей, и никогда не говорилъ: „Пора кончить занятія“, за исключеніемъ кануновъ Пасхи и Іомъ-Кипура.

Во всемъ этомъ ученикъ его р. Эліэзеръ подражалъ ему.

Про р. Іоханана бенъ Заккая разсказывали, что при встрѣчѣ онъ первый привѣтствовалъ каждаго, даже любого иноплеменника на улицѣ.

Про него-же разсказывали, что ничего не оставлено было имъ безъ тщательнаго изученія въ Писаніи, Мишнѣ, Гемарѣ, Галахѣ и Агадѣ, тончайшихъ деталяхъ Закона съ его комментаріями, методахъ логики и аналогіи, космографіи и астрономіи. Онъ изучилъ миѳологію и демонологію, притчи, басни, сказки—все, отъ великаго до малаго (великое—о Колесницѣ Небесной [1]), малое—въ духѣ диспутовъ Абаіи и Раввы). *(Р.-Гаш., 31; Сук., 28; Берах. 26).*

„Колесница Небесная“.

Однажды р. Іохананъ бенъ Заккай отправился въ дорогу верхомъ на ослѣ. Погонщикомъ шелъ ученикъ р. Іоханана р. Элазаръ бенъ Арахъ. И началъ р. Элазаръ просить р. Іоханана:

— Учитель, преподай мнѣ изъ ученія о Небесной Колесницѣ.

---

[1]) Мистическое ученіе.

— Сынъ мой,—отвѣтилъ р. Іохананъ,—этого предмета дозволено касаться только въ бесѣдѣ съ однимъ человѣкомъ и то съ такимъ, который способенъ многое постигать собственнымъ разумомъ.

— Въ такомъ случаѣ, разрѣши мнѣ, учитель, повторить передъ тобою кое-что изъ того, чему ты-же училъ меня.

— Хорошо,—сказалъ р. Іохананъ. И, сойдя съ осла, облачился и усѣлся на камнѣ подъ масличнымъ деревомъ

— Учитель, зачѣмъ ты спѣшился?—спросилъ р. Элазаръ.

— Допустимо-ли, чтобы въ то время, когда ты поведешь рѣчь о „Строеніи Колесницы“, Шехина[1]) сойдетъ на насъ и Ангелы-Служенія будутъ сопровождать насъ,—допустимо-ли, чтобы я въ это время верхомъ ѣздилъ!

Начиналъ р. Элазаръ излагать сказанія о Небесной Колесницѣ. И палъ огонь съ неба, и пламенемъ охватило всѣ деревья кругомъ. И запѣли деревья хвалебную пѣснь:

„Хвалите Господа отъ лица Земли,
Исполины морскіе и бездны всѣ,
Огонь и градъ, снѣгъ и туманъ,
Буря, творящая волю Его,
Горы, холмы, дерева плодоносныя
И кедры всѣ. Аллилуія!“

И голосъ ангельскій зазвучалъ изъ пламени:

— Во истину, таково, таково Строеніе Колесницы.

Всталъ р. Іохананъ, поцѣловалъ р. Элазара въ голову и сказалъ:

— Благословенъ Господь, Богъ Израиля, давшій праотцу нашему Аврааму потомка, сумѣвшаго изслѣдовать, постигнуть и объяснить „Строеніе Колесницы“.— Одинъ хорошо истолковываетъ, но плохо исполняетъ, другой исполняетъ безукоризненно, но неумѣетъ ясно истолковать. Ты-же, Элазаръ, и поучаешь хорошо, и хорошо исполняешь. Благо тебѣ, отецъ нашъ Авраамъ, что Элазаръ —потомокъ Твой!

Узнали объ этомъ р. Іошуа и р. Іосе-Когенъ въ то время, когда и они находились въ пути. И рѣшили они также повести между собою бесѣду о „Строеніи Колесницы“. Было это на исходѣ мѣсяца Тамузъ. И вотъ, все небо заволокло тучами, дивнаго вида радуга засвѣтилась вдругъ, и стали слетаться, сонмъ за сонмомъ, Ангелы-Служенія, чтобы послушать ихъ бесѣду, подобно людямъ, которые спѣшатъ толпами полюбоваться на веселье вѣнчальное.

Разсказалъ объ этомъ р. Іосе-Когенъ р. Іоханану бенъ Заккаю. И сказалъ р. Іохананъ:

— Благо вамъ и благо родившей васъ! И блаженны очи мои, видѣвшія это! А видѣлъ я во снѣ себя и васъ на горѣ Синаѣ, и Батъ-Колъ съ небесъ вѣщалъ намъ: „Взойдите сюда!

[1]) Святой Духъ.

Взойдите сюда! Покой роскошный отведенъ для васъ и ложа прекрасныя приготовлены вамъ и вашимъ ученикамъ, и ученикамъ учениковъ вашихъ почетное мѣсто назначено въ Третьемъ Сонмѣ праведниковъ въ раю". (*Хаг.*, *14*).

Ученики р. Іоханана.

Пять учениковъ было у р. Іоханана бенъ Заккая: р. Эліэзеръ бенъ Гирканъ, р. Іошуа бенъ Хананія, р. Іосе-Когенъ, р. Симеонъ бенъ Натанаилъ и р. Элазаръ бенъ Арахъ.

Качества ихъ р. Іохананъ опредѣлялъ такъ:

Эліэзеръ бенъ Гирканъ — водоемъ цементированный, не теряющій ни капли.

Іошуа бенъ Хананія—благо родившей его[1]).

Іосе-Когенъ—образецъ благочестія.

Симеонъ бенъ Натанаилъ страшится малѣйшаго грѣха.

Элазаръ бенъ Арахъ—неустанно бьющій родникъ знанія. (*Аб.*, 2).

„По человѣчески".

Когда у р. Іоханана бенъ Заккая умеръ сынъ, пришли ученики утѣшать его.

Первымъ вошелъ р. Эліэзеръ, сѣлъ передъ нимъ и сказалъ:

— Разрѣшишь-ли, учитель, сказать тебѣ слово утѣшенія?

— Говори.

— Прародитель Адамъ имѣлъ сына, и когда сынъ этотъ палъ мертвымъ, Адамъ утѣшился въ своей скорби, что̀ подтверждается его-же словами: „Богъ даровалъ мнѣ другое дитя вмѣсто Авеля."—Утѣшься и ты, учитель!

— Развѣ мало для меня моей собственной скорби,— отвѣтилъ р. Іохананъ,—что ты еще про скорбь Адама напоминаешь мнѣ?

Вошелъ р. Іошуа и сказалъ:

— Разрѣшишь-ли, учитель, сказать тебѣ слово утѣшенія?

— Говори.

Іовъ имѣлъ сыновей и дочерей, и всѣ они погибли въ одинъ день. И Іовъ утѣшился, говоря: „Богъ далъ и Богъ взялъ. Да будетъ благословенно имя Господне!" — Утѣшься и ты, учитель!

— Развѣ мало для меня моей собственной скорби,—отвѣтилъ р. Іохананъ,—что ты еще про скорбь Іова напоминаешь мнѣ?

Вошелъ р. Іосе и сказалъ:

— Разрѣшишь-ли, учитель, сказать тебѣ слово утѣшенія?

— Говори.

— Ааронъ имѣлъ двухъ, уже возмужалыхъ, сыновей; оба они погибли въ одинъ день. И Ааронъ утѣшился, что̀ подтвер-

---

[1]) См. ниже, объ Іошуѣ бенъ Хананіи.

ждается сказаннымъ: „И Ааронъ *молчалъ*“. А въ такія минуты возможность оставаться молчаливымъ есть уже сама по себѣ утѣшеніе.—Утѣшься и ты, учитель!

— Развѣ мало для меня моей собственной скорби,—отвѣтилъ р. Іохананъ,—что ты еще про скорбь Аарона напоминаешь мнѣ?

Вошелъ р. Симеонъ и сказалъ:

— Разрѣшишь-ли, учитель, сказать тебѣ слово утѣшенія?

— Говори.

— Царь Давидъ имѣлъ сына; сынъ умеръ—и Давидъ утѣшился, что̀ подтверждается сказаннымъ: „И Давидъ утѣшилъ жену свою Батъ-Шеба—и она родила. И онъ назвалъ сына именемъ Соломонъ“. Утѣшься и ты, учитель!

— Развѣ мало для меня моей собственной скорби,—отвѣтилъ р. Іохананъ,—что ты еще о скорби царя Давида напоминаешь мнѣ?

Входилъ р. Элазаръ бенъ Азарія. Завидя его, р. Іохананъ сказалъ слугѣ:

— Возьми скорѣй умывальный сосудъ и ступай за мною въ ванную. Я хочу уйти, потому что это великій человѣкъ — и мнѣ не устоять передъ нимъ.

Но р. Элазаръ успѣлъ войти и, сѣвъ передъ р. Іохананомъ, обратился къ нему съ такими словами:

— Скажу тебѣ притчу. Ты подобенъ человѣку, которому царь отдалъ сокровище на храненіе. День за днемъ человѣкъ этотъ со слезами и вздохами повторялъ: „Горе мнѣ! Когда, наконецъ, я благополучно освобожусь отъ обязанности оберегать отданное мнѣ на храненіе сокровище?“—Такъ и съ тобою, учитель: далъ тебѣ Богъ сына, который ревностно изучалъ и Тору, и слово пророческое, и поученія мудрецовъ нашихъ. И безгрѣшнымъ и чистымъ ушелъ онъ изъ міра. Не долженъ-ли ты утѣшиться тѣмъ, что безупречно возвратилъ сокровище, отданное тебѣ на храненіе?

— Элазаръ, сынъ мой!—радостно сказалъ р. Іохананъ, — *по человѣчески*[1]) утѣшилъ ты меня! (*Аб.-де-р. Н., 14*).

„Какъ не плакать?“

Когда р. Іохананъ бенъ Заккай заболѣлъ, ученики пришли его провѣдать. При видѣ ихъ слезы потекли у него изъ глазъ.

— Учитель!—заговорили они,—свѣточъ Израиля! Столпъ народный! Молотъ могучій! О чемъ плачешь ты?

Отвѣчалъ р. Іохананъ:

[1]) Т. е. просто и сердечно.

— Дѣти мои! Если бы меня повели къ царю смертному, который сегодня здѣсь, а завтра въ могилѣ, и гнѣвъ котораго не вѣченъ; и если онъ въ темницу заключитъ меня, то не на вѣки, и если казнитъ меня, то казнь та не вѣчная; и словами можно умилостивить его, и подарками задобрить,—я и тогда плакалъ-бы. Тѣмъ болѣе теперь, когда поведутъ меня къ Царю царей, святъ и благословенъ Онъ, живъ и сущъ во вѣки вѣчные! Если Онъ вознегодуетъ на меня, негодованіе это будетъ вѣчнымъ, и если Онъ въ темницу заключитъ меня, заключеніе это будетъ вѣчнымъ, казнитъ меня—казнь моя станетъ казнью вѣчною. И словами мнѣ не умилостивить Его и подарками не задобрить. И мало того: два пути лежатъ передо мною—одинъ въ рай, другой въ адъ, и не знаю я, которымъ изъ двухъ путей поведутъ меня. Какъ же не плакать мнѣ?

Предсмертное благословеніе.

— Учитель, благослови насъ!—стали просить ученики.

— Да будетъ воля Господня,—произнесъ р. Іоханан, — чтобы страхъ передъ Богомъ былъ также силенъ въ васъ, какъ страхъ передъ людьми!

— И этого достаточно, учитель?

— О, далъ-бы только Богъ! Вы знаете—совершающій преступленіе повторяетъ одно: „Только-бы *никто* не замѣтилъ сдѣланнаго мною!“ *(Берах., 28)*.

Со смерти рабанъ Іоханана бенъ Заккая погасъ блескъ Мудрости. (*Сот.*, *49*).

Кожанный мѣхъ и мыши.

Пока былъ живъ р. Іоханан бенъ Заккай, всѣ пятеро учениковъ оставались при немъ. Послѣ кончины его они переселились въ Ямнію, за исключеніемъ Элазара бенъ Араха, который возвратился къ женѣ своей, жившей въ мѣстности, богатой источниками и растительностью. Разсчитывалъ онъ, что товарищи прійдутъ къ нему, и послѣ напрасныхъ ожиданій рѣшилъ самому отправиться къ нимъ. Но жена воспротивилась этому, говоря:

— Кто нуждается въ комъ?

— Они во мнѣ.

— И такъ: кожаный мѣхъ[1]) и мыши—кто къ кому идетъ обыкновенно? Мыши къ мѣху, или мѣхъ къ мышамъ?

Послушался р. Элазаръ жены и остался дома, пока не позабылъ все, чему учился.

Черезъ извѣстное время явились товарищи и стали предлагать ему ученые вопросы. Но Элазаръ ужъ не умѣлъ отвѣчать имъ. (*Ког.-Р.*).

[1]) Для храненія пищевыхъ продуктовъ.

Р. Ханинъ бенъ Доса.

Горсть рожковъ.

Каждый день раздавался Батъ-Колъ:

„— Весь міръ получаетъ питаніе свое ради заслугъ сына Моего Ханины, а сынъ Мой Ханина довольствуется горстью рожковъ отъ одной субботы до другой. (*Таан*., *24*).

Самопекущая печь.

Каждый разъ въ канунъ субботы жена р. Ханины, стыдясь своей бѣдноты, клала въ печь дымящуюся головню[1]).

Была у нея злая сосѣдка и однажды въ канунъ субботы она сказала себѣ:

„— Знаю вѣдь я, что нѣтъ у нихъ ничего. Пойду-ка погляжу, съ чего это дымъ изъ трубы идетъ?“

Пришла и начала стучать въ дверь. Отъ стыда за свою бѣдность жена р. Ханины скрылась въ другую комнату. Въ это время произошло чудо: сосѣдка, войдя, нашла печь полною хлѣбами, а квашню тѣстомъ.

— Послушай, послушай,—закричала она,—неси скорѣе лопату,—хлѣбъ твой, подгораетъ!

— Я за лопатой и пошла,—спокойно отвѣтила жена р. Ханины. *(Тамъ-же)*.

Ножка золотого стола.

Говоритъ однажды р. Ханинѣ жена его:

— Доколѣ будемъ мы жить въ такой бѣднотѣ?

— Но что-же дѣлать?

— Помолись Богу и попроси дать намъ что-нибудь изъ тѣхъ сокровищъ, которыя пріуготованы для праведниковъ въ грядущей жизни.

Помолился р. Ханина. Появилось подобіе руки и бросила ему ножку отъ золотого стола. Въ ту ночь увидѣлъ р. Ханина во снѣ: сидятъ за райской трапезой праведники, каждый за золотымъ столомъ о трехъ ножкахъ, а онъ съ женою за столомъ о двухъ ножкахъ.

---

[1]) Чтобы, по дыму изъ трубы, думали, что она субботніе хлѣбы печетъ.

Разсказалъ онъ женѣ о своемъ снѣ и спрашиваетъ:

— Пріятно-ли тебѣ будетъ, когда всѣ праведники будутъ сидѣть, каждый за столомъ о трехъ ножкахъ, а у нашего стола одной ножки не будетъ доставать?

— Нѣтъ, нѣтъ!—заявила жена,—помолись, чтобъ взяли ее обратно.

Помолился р. Ханина — и ножка была взята обратно. *(Таан., 25)*.

Чудо съ кровельными балками.

Сосѣдка р. Ханины строила себѣ домикъ, и потолочные балки оказались недостаточно длинными. Пришла она и разсказала о томъ р. Ханинѣ.

— Какъ зовутъ тебя?—спросилъ р. Ханина.

— Эйху.

— Эйху,—сказалъ р. Ханина,—повелѣваю, чтобы балки сдѣлались достаточно длинными!

Такъ и произошло.

Пелеймо разсказывалъ:

— Я видѣлъ этотъ домикъ. Балки выступали на цѣлую локоть съ одного и съ другого конца, и сосѣди мнѣ говорили: „Это тотъ самый домикъ, балки котораго удлинились по молитвѣ р. Ханины бенъ Досы". *(Тамъ-же)*

Сказка о чудесныхъ козахъ.

Были у р. Ханины козы.

Приходятъ сосѣди и говорятъ:

— Козы твои вредъ намъ приносятъ.

— Если это правда,—отвѣчаетъ р. Ханина, — то пусть медвѣди растерзаютъ ихъ, а если нѣтъ, пусть вечеромъ каждая принесетъ медвѣдя на своихъ рогахъ.

И вечеромъ каждая коза принесла по медвѣдю на своихъ рогахъ[1]).

Откуда у бѣднаго р. Ханины взялись козы?

По словамъ равъ Пинхоса, дѣло было такъ:

— Однажды какой-то прохожій оставилъ у дверей р. Ханины нѣсколькихъ куръ и ушелъ. Найдя куръ, жена р. Ханины пріютила ихъ у себя въ домѣ, но мужъ запретилъ ей пользо-

---

[1]) Одна изъ тѣхъ легендъ Агады, къ которымъ (какъ и къ разсказу о чудѣ съ балками) сами агадисты не могли относиться иначе какъ къ невинной, забавной сказкѣ. Любопытно, однако, въ этихъ легендахъ то, что чудо вызывается даннымъ лицомъ не по непосредственному его почину, ради прославленія себя какъ чудо творца, а всегда вытекаетъ изъ желанія его оказать кому либо помощь и поддержку, вещественную или моральную—вплоть до защиты бѣдныхъ козъ отъ несправедливыхъ на нихъ нареканій.

ваться яйцами отъ этихъ куръ. Пошли цыплята, и куръ расплодилось столько, что не оставалось свободнаго мѣста въ домѣ. Тогда они продали куръ и купили козъ.

Вскорѣ послѣ этого явился хозяинъ куръ и говоритъ своему товарищу:

— Вотъ въ этомъ мѣстѣ я оставилъ своихъ куръ.

Услыхалъ это р. Ханина и говоритъ:

— А можешь-ли ты указать ихъ примѣты?

— Могу.

Указалъ тотъ человѣкъ примѣты куръ—и р. Ханина отдалъ ему козъ (*Таан.*, *25*).

Чудо съ горящимъ уксусомъ.

Однажды въ канунъ субботы, уже въ сумеркахъ, р. Ханина засталъ свою дочь чѣмъ-то огорченною.

— Чѣмъ,—спросилъ онъ,—огорчена ты, дочь моя?

— Вмѣсто сосуда съ масломъ я, по ошибкѣ, взяла сосудъ съ уксусомъ и налила изъ него въ лампаду.

— Не бѣда, дочь моя,—сказалъ р. Ханина,—Тотъ, Кто маслу повелѣлъ горѣть, прикажетъ горѣть и уксусу.

И лампада съ уксусомъ горѣла весь субботній день, до тѣхъ поръ, пока отъ нея-же взяли огонь для Авдалы[1]) (*Т.-же*).

Чудесные носильщики.

Былъ съ р. Ханиной такой случай:

Видя, какъ сограждане его отправляются въ Іерусалимъ съ разными приношеніями, онъ сталъ жаловаться на свою судьбу:

— Всѣ несутъ дары свои въ Іерусалимъ, а мнѣ и понести нечего.

Что-же онъ надумалъ? Отправился на пустырь за городъ и, высмотрѣвъ тамъ гранитную плиту, выломалъ ее, обтесалъ, отполировалъ—и рѣшилъ:

— Беру на себя доставить этотъ камень въ даръ св. граду.

Сталъ онъ искать носильщиковъ, встрѣтилъ пятерыхъ и спрашиваетъ:

— Возьметесь-ли доставить этотъ камень въ Іерусалимъ?

— За пятьдесятъ сэла[2]) доставимъ,—отвѣчаютъ носильщики.

Р. Ханина готовъ былъ-бы заплатить, но такой суммы у него не было.

Носильщики ушли.

Послалъ Господь пять ангеловъ въ образѣ людей.

— Доставите-ли вы камень этотъ въ Іерусалимъ? — спросилъ р. Ханина.

---

[1]) Восковая свѣча, зажигаемая на исходѣ субботы, праздника и поста Іомъ-Кипуръ при чтеніи молитвы того-же названія.

[2]) Древняя монета.

— За пять сэла,—отвѣтили они,—доставимъ, но только и ты хотя-бы одной рукой, хотя-бы однимъ пальцемъ подсоби намъ.

Сдѣлалъ такъ р. Ханина – и они мгновенно очутились въ Іерусалимѣ. Обратился р. Ханина къ носильщикамъ, чтобы отдать имъ плату, но ихъ не стало.

Пришелъ р. Ханина въ Синедріонъ и разсказалъ о случившемся.

— Не иначе,—сказали тамъ, — какъ Ангелами-Служенія доставленъ твой камень сюда. (*Когел.-Р.*, *1*).

Змѣя.

Появилось въ одномъ мѣстѣ чудовище-змѣя, искусавшая множество людей. Сказали объ этомъ р. Ханинѣ.

— Укажите мнѣ ея нору,—сказалъ р. Ханина.

Привели его туда. Наступилъ онъ ногою на отверстіе норы. Поднялась змѣя, ужалила его — и упала мертвой.

Взялъ ее р. Ханина на плечо и принесъ въ школу.

— Видите, дѣти мои,—сказалъ онъ ученикамъ, — не змѣя убиваетъ, а грѣхъ.

По этому поводу сложилась поговорка:

— „Горе человѣку, который наткнется на змѣю, и горе змѣѣ, которая попадется р. Ханинѣ бенъ Досѣ“. (*Берах.*, *33*).

„И тварь безсловесная“.

Однажды воры увели у р. Ханины осла, поставили его у себя во дворѣ на привязи и дали ему сѣна, ячменя и воды. Но оселъ стоялъ, не дотрагиваясь ни до корма, ни до воды.

— „Не стоитъ,—рѣшили воры,—и держать его дальше: того гляди, еще околѣетъ и весь дворъ заразитъ.

Отвязали осла и прогнали. Поплелся бѣдный оселъ домой.

Услышалъ крикъ его сынъ р. Ханины.

Отецъ! Отецъ!—позвалъ онъ,—похоже на крикъ нашего животнаго.

— Открой поскорѣе ворота, — откликнулся р. Ханина,— бѣдное животное давно умираетъ отъ голода.

Впустили осла во дворъ, дали ему сѣна, ячменя и воды, и онъ принялся ѣсть и пить.

Правду говорятъ: „Въ старину безупречны были не только сами праведники, но даже ихъ животныя“[1]). (*Аб. де-р. Н.*, *8*).

„Пощаженъ, или обреченъ“.

Про р. Ханину разсказывали, что, молясь за больныхъ, онъ предсказывалъ, кому выздоровѣть, кому умереть.

[1]) Примѣромъ чего можетъ служить оселъ р. Ханины бенъ Досы, не дотронувшійся до корма, даннаго ему ворами.

На вопросъ: какъ онъ это узнаетъ, онъ отвѣчалъ:

— Если плавно течетъ моя молитва, это служитъ мнѣ указаніемъ, что больной пощаженъ, если нѣтъ—что онъ обреченъ. *(Берах., 34)*.

Минута въ минуту.

Однажды, когда заболѣлъ сынъ у рабанъ Гамліеля, онъ послалъ двухъ ученыхъ мужей къ р. Ханинѣ просить его помолиться о милости Господней. Увидавъ ихъ, р. Ханина взошелъ въ верхнюю горницу и углубился въ молитву. Сойдя внизъ, онъ сказалъ посланнымъ р. Гамліеля:

— Вы можете идти: жаръ у больного прекратился.

— — — — —

Записали они, точно отмѣтивъ время, когда сказалъ это р. Ханина. А когда они возвратились и передали слова р. Ханины, р. Гамліель заявилъ:

— Клянусь, что это произошло ни раньше, ни позже: въ ту именно минуту жаръ у больного прекратился, и онъ попросилъ пить. *(Тамъ-же)*.

Слуга и вельможа.

Еще случай былъ съ р. Ханиной бенъ Досой.

Пришелъ онъ къ р. Іоханану бенъ Заккаю поучиться божественной мудрости, а въ то время у р. Іоханана заболѣлъ сынъ, и сталъ патріархъ просить р. Ханину, говоря:

—Ханина, сынъ мой! Помолись о милости Господней къ моему больному.

Низко, до самыхъ колѣнъ, склонилъ голову р. Ханина и углубился въ молитву.

Больной выздоровѣлъ.

—Если-бы я,—сказалъ р. Іохананъ женѣ,—хотя цѣлый день просидѣлъ, поникнувъ головой до колѣнъ, молитва моя не была-бы услышана.

— Но на столько развѣ Ханина достойнѣе тебя?

— Не въ достоинствѣ дѣло. Но Ханина кротостью своей подобенъ слугѣ передъ царемъ, а я и передъ Господомъ стою какъ вельможа передъ царемъ. *(Тамъ-же)*.

Со смертью р. Ханины бенъ Досы не стало болѣе людей *дѣятельнаго благочестія*. *(Сот., 49)*.

Рабанъ Гамліель II, Ямнійскій.

„Не власть, а рабство".

Рабанъ Гамліель и р. Іошуа ѣхали вмѣстѣ на одномъ кораблѣ. Р. Гамліель имѣлъ съ собою только печенный хлѣбъ, а Іошуа, кромѣ хлѣба, взялъ про запасъ и пшеничной муки. Когда вышелъ весь хлѣбъ у р. Гамліеля, онъ началъ пользоваться мукою р. Іошуи и при этомъ спросилъ:

— Развѣ зналъ ты напередъ, что мы задержимся въ пути, и запасся мукою?

— Есть одна звѣзда,—отвѣтилъ р. Іошуа,—которая появляется черезъ каждыя семьдесятъ лѣтъ, и при ея появленіи мореплаватели часто сбываются съ пути. Я и подумалъ, какъ бы не случилось это съ нашимъ кораблемъ.

— Удивляюсь тебѣ,—сказалъ р. Гамліель,—ты обладаешь столь разнообразными знаніями, а пускаешься въ плаваніе [въ поискахъ за заработкомъ].

— Вмѣсто того, чтобы удивляться мнѣ,—отвѣтилъ р. Іошуа,—не находишь-ли ты достойною удивленія судьбу двухъ твоихъ учениковъ, р. Іоханана бенъ Гудгоды и р. Элазара бенъ Хисмы? Люди эти умѣютъ вычислить, сколько капель содержится въ океанѣ, а у нихъ ни хлѣба нѣтъ, ни одѣться не во что.

Узнавъ объ этомъ, рѣшилъ р. Гамліель назначить тѣхъ учениковъ своихъ на какую нибудь почетную общественную службу.

Съ этой цѣлью, р. Гамліель, возвратясь изъ плаванія, позвалъ ихъ къ себѣ. Но они, узнавъ, зачѣмъ ихъ зовутъ, отказались прійти. Вторично послалъ за ними р. Гамліель, и они наконецъ явились.

— Вы считаете,—сказалъ имъ патріархъ,—что, назначая васъ на общественную службу, я власть вамъ даю? Рабство даю я Вамъ, по слову старѣйшинъ царю Рехаваму. „Нынѣ слугою ты будешь народу этому." *(Гор., 24)*.

Споръ о новолуніи.

Въ домѣ у р. Гамліеля висѣли на стѣнѣ двѣ таблицы съ изображеніями лунныхъ фазъ, и по нимъ онъ провѣрялъ показанія свидѣтелей о новолуніи [1]).

[1]) Въ то время установленной календарной системы еще не было, и наступленіе новомѣсячія, а въ зависимости отъ этого и наступленіе праздниковъ, устанавливалось по наблюденіемъ частныхъ лицъ за фазами луны.

Однажды между р. Гамліелемъ и р. Іошуей вышелъ споръ относительно момента новомѣсячія и, въ зависимости отъ этого, поста Іомъ-Кипуръ. Послалъ р. Гамліель къ р. Іошуѣ и велѣлъ сказать ему:

— Приказываю тебѣ явиться ко мнѣ съ посохомъ въ рукѣ и деньгами въ карманѣ въ тотъ самый день, когда, по твоему утвержденію, имѣетъ быть Іомъ-Кипуръ".

Въ это время къ р. Іошуѣ заходитъ р. Акиба и, видя его глубоко огорченнымъ, спрашиваетъ:

— Чѣмъ огорченъ ты, учитель?

— Акиба,—отвѣчаетъ р. Іошуа,—лучше-бы мнѣ годъ цѣлый лежать больнымъ въ постели, чѣмъ исполнить повелѣніе патріарха.

— Я-же—сказалъ на это р. Акиба, - считаю неоспоримымъ одно: всякое постановленіе р. Гамліеля должно оставаться въ силѣ. Ибо сказано: „Вотъ праздники Господни, священные дни, которые *вы должны опредѣлять*". Точно-ли, или не точно ихъ опредѣляютъ—эти праздники обязательны.

Приходитъ р. Іошуа къ р. Досѣ бенъ Гирканъ. И говоритъ ему р. Доса:

— Если начать обсуждать постановленія бетъ-дина [1]) рабанъ Гамліеля, мы должны будемъ подвергнуть пересмотру постановленія всѣхъ бетъ-диновъ со временъ Моисея и до настоящаго дня. — — — Нѣтъ, каждый бетъ-динъ, состоящій изъ трехъ судей, имѣетъ такое-же значеніе, какъ и бетъ-динъ временъ Моисея.

Отправился р. Іошуа въ Ямнію и съ посохомъ въ рукѣ и деньгами въ карманѣ явился къ рабанъ Гамліелю въ тотъ самый день, когда по утвержденію его-же, р. Іошуи, долженъ былъ быть Іомъ-Кипуръ. Увидя его, всталъ рабанъ Гамліель, поцѣловалъ его въ голову и сказалъ:

— Миръ тебѣ, учитель мой и ученикъ мой: учитель мой — въ мудрости, ученикъ мой—въ послушаніи. Благо тому поколѣнію, въ которомъ великіе подчиняются малымъ! *(Р.-Гаш., 24)*.

Лишеніе патріаршества [2]).

Между р. Гамліелемъ и р. Іошуей возникъ споръ по вопросу богослужебнаго ритуала; именно: слѣдуетъ-ли считать вечернюю молитву („Маарив ъ") обязательной, или нѣтъ. Во все

[1]) Ученая коллегія съ функціями законодательной и судебной.

[2]) Патріархъ, глава Синедріона, человѣкъ богатый и гордый знатностью рода—рабанъ Гамліель чрезвычайно сурово относился къ своимъ принципіальнымъ противникамъ, въ особенности къ р. Іошуѣ, и въ спорахъ съ ними не всегда оставался въ границахъ безпристрастія и справедливости. Это не могло не вызвать недовольства со стороны учениковъ и постороннихъ посѣтителей академіи. И недовольство это выразилось, наконецъ, въ весьма рѣзкой формѣ.

время спора рабанъ Гамліель сидѣлъ на своемъ предсѣдательскомъ мѣстѣ, заставляя р. Іошую продолжать пренія стоя. Такое явное пренебреженіе къ противнику вызвало взрывъ негодованія среди всѣхъ присутствующихъ. Въ видѣ протеста они прервали рѣчь тургемана [1]), и со всѣхъ сторонъ стали раздаваться голоса:

— До какихъ поръ еще онъ будетъ оскорблять и тиранить р. Іошую?— -— Пора, наконецъ, лишить его патріаршаго званія!

Тутъ-же стали обсуждать вопросъ о замѣстителѣ.

— Выберемъ,—предлагали одни,—р. Іошую.

— Неудобно, —возражали другіе:—онъ-же послужилъ причиной смѣщенія рабанъ Гамліеля.

— Изберемъ, быть можетъ, р. Акибу?

— Нѣтъ, онъ человѣкъ не знатнаго рода.

Избрать рѣшили р. Элазара бенъ Азарію, человѣка мудраго и богатаго, къ тому-же потомка, въ десятомъ колѣнѣ, пророка Эзры.

Пришли ученые къ Элазару бенъ Азаріи и говорятъ:

— Соблаговолитъ-ли учитель стать главою академіи?

— Я долженъ,—отвѣтилъ р. Элазаръ, —посовѣтоваться съ домашними моими.

Спросилъ онъ совѣта у жены.

— Опасаюсь,—замѣтила жена,—чтобы и тебя не смѣнили также, какъ и твоего предшественника.

— Пословица гласитъ,—сказалъ р. Элазаръ: „День одинъ пей изъ дорогого бокала, хотя бы онъ завтра и разбился".

— Но ты еще такъ молодъ,—продолжала жена,—ни одного сѣдого волоса не имѣешь.

Въ то время р. Элезару было всего восемьнадцать лѣтъ. И совершилось чудо: восемнадцать рядовъ сѣдыхъ волосъ вѣнцомъ окружили чело его.

Въ тотъ-же день былъ устраненъ привратникъ академіи и всѣмъ желающимъ учиться былъ открытъ свободный входъ. Не такъ, какъ было при рабанъ Гамліелѣ, который, не довольствуясь внѣшнимъ благоприличіемъ слушателей, требовалъ доказательства ихъ нравственной безупречности.

Немедленно-же академія наполнилась цѣлыми рядами новыхъ слушателей.

Видя это, палъ духомъ рабанъ Гамліель:

—„Не былъ-ли я со своими строгостями,—подумалъ онъ,— въ самомъ дѣлѣ причиною уменьшенія знанія въ народѣ?"

---

[1]) Лицо, излагавшее рѣчь ученаго въ доступной формѣ.

Но въ ту-же ночь было ему видѣніе: *урны бѣлыя, наполненныя пепломъ* [1]).

Въ тотъ-же день, когда р. Элазаръ бенъ Азарія былъ избранъ патріархомъ, приступлено было къ составленію свода рѣшеній „Эдуіотъ", и ни одной галахи, установленіе которой зависѣло отъ Синедріона, не осталось нерѣшенной.

Рабанъ Гамліель и послѣ устраненія его отъ патріаршества не переставалъ посѣщать академію и принимать участіе въ ея работахъ.

[Споры его съ р. Іошуей по прежнему возникали нерѣдко. Но, споря съ нимъ какъ равный съ равнымъ и высоко цѣня его обширныя знанія] рабанъ Гамліель рѣшилъ попросить у р. Іошуи прощеніе за всѣ нанесенныя ему обиды. Съ этой цѣлью рабанъ Гамліель отправился къ нему на домъ.

Пришелъ онъ и видитъ—стѣны въ домѣ черны отъ дыма и копоти.

— Судя по виду этихъ стѣнъ,—сказалъ рабанъ Гамліель,—ты, должно быть, занимаешься кузнечнымъ ремесломъ?

На это р. Іошуа отвѣтилъ:

— Горе поколѣнію, которому ты вождь, и горе кораблю, которому ты кормчій! Ибо не знаешь ты, въ какой нуждѣ живутъ обыкновенно ученые и какимъ мучительнымъ трудомъ добываютъ себѣ пропитаніе.

— Я виноватъ передъ тобою,—сказалъ рабанъ Гамліель,—прости меня!

Р. Іошуа не отвѣчалъ.

— Изъ уваженія къ предку [2]) моему сдѣлай это.

Смягчился р. Іошуа и помирился съ нимъ. *(Берах., 27)*

Виночерпій.

Однажды, на свадьбѣ у сына рабанъ Гамліеля сидѣло за столомъ трое ученыхъ—р. Эліэзеръ, р. Іошуа и р. Саддокъ, и самъ рабанъ Гамліель наливалъ гостямъ вино въ бокалы.

Подалъ рабанъ Гамліель бокалъ р. Эліэзеру, но тотъ бокала не принялъ; подалъ р. Іошуѣ—этотъ принялъ.

— Допустимо-ли это, Іошуа?—обратился къ нему р. Эліэзеръ,—мы сидимъ, а учитель нашъ рабанъ Гамліель стоитъ и вино намъ наливаетъ!

— Мы знаемъ человѣка болѣе великаго,—возразилъ р. Іошуа,—который прислуживалъ своимъ гостямъ: Авраамъ былъ величайшимъ человѣкомъ своего времени, и про него сказано: „И самъ *стоялъ* передъ ними". Скажешь, можетъ быть, тѣ

[1]) Символъ небезупречности нѣкоторыхъ изъ вновь допущенныхъ въ академію слушателей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и указаніе на то, что строгія отношенія рабанъ Гамліеля къ ученикамъ не всегда заслуживали порицанія.

[2]) Гиллелю.

странники были ангелами? Но Аврааму вѣдь явились они въ видѣ простыхъ аравитянъ. Такъ почему-бы и рабанъ Гамлiелю не послужить виночерпiемъ намъ?

— А я другое скажу,—отозвался р. Саддокъ: доколѣ,—забывая о величiи Всевышняго, вы будете спорить о почестяхъ людскихъ? Господь направляетъ вѣтры, возноситъ облака, изливаетъ дождь, оплодотворяетъ землю и каждой живой душѣ питанiе посылаетъ. Что-же обиднаго для рабанъ Гамлiеля въ томъ, что онъ прислуживаетъ намъ? *(Кид., 32).*

Проклятiе—благословенiе.

Рабанъ Гамлiель выдавалъ дочь замужъ.

— Благослови меня, отецъ!—попросила дочь.

Рабанъ Гамлiель произнесъ:

— Да будетъ воля Господня, чтобы ты болѣе не переступала моего порога.

Родивъ сына, она снова стала просить отца благословить ее.

— Да будетъ воля Господня,—произнесъ рабанъ Гамлiель,—чтобы слова „горе мнѣ!“ были обычнымъ твоимъ восклицанiемъ.

— Отецъ!—сказала дочь,—два торжества были у меня—и оба раза ты проклялъ меня!

— Нѣтъ, дочь моя,—отвѣтилъ рабанъ Гамлiель,—не проклятiя это были, но благословенiя: я пожелалъ тебѣ столь счастливой и радостной жизни въ домѣ мужа, чтобы никогда надобности не было тебѣ возвращаться въ мой домъ. Затѣмъ, я пожелалъ сыну твоему жить и расти, а тебѣ заботиться о немъ, то и дѣло восклицая:

„—Ахъ, горе мнѣ, я еще сына не накормила!“

„—Горе мнѣ, я еще сына не напоила!“

„—Горе мнѣ, я еще въ школу его не отправила!“ *(Бер.-Р., 27).*

Ради Торы.

Р. Акиба подарилъ своей женѣ золотое запястье. Увидала это жена рабанъ Гамлiеля и, мучимая завистью, пришла и разсказала о запястьи своему мужу.

— Другъ мой,—замѣтилъ ей рабанъ Гамлiель,—а подражала-ли ты женѣ р. Акибы въ то время, когда она косы свои отрѣзывала и продавала, чтобы дать возможность мужу спокойно заниматься изученiемъ Торы? *(Iеруш., Шаб.).*

Рабъ—святой человѣкъ.

Къ рабамъ не принято примѣнять почетныя наименованія. Слугъ-же рабанъ Гамліеля всѣ чествовали, обращаясь къ нимъ: „*Отецъ* такой-то!“—„*Мать* такая-то!“

Когда умеръ слуга его Тоба, рабанъ Гамліель справилъ по немъ трауръ. Видя это, ученики сказали рабанъ Гамліелю:

— Не самъ-ли ты поучалъ насъ, что по рабамъ траура не справляютъ?

— Слуга мой Тоба,—отвѣтилъ рабанъ Гамліель,—не чета всѣмъ прочимъ слугамъ: это безупречно честный человѣкъ. *(Берах., 16).*

Р. Эліэзеръ (великій) бенъ Гирканъ.

Первыя испытанія.

До двадцати двухлѣтняго возраста р. Эліэзеръ бенъ Гирканъ ничему не учился. Отецъ его былъ богатымъ поселяниномъ и, занимаясь въ обширныхъ размѣрахъ хлѣбопашествомъ, заставлялъ своихъ сыновей исполнять всѣ полевыя работы.

Однажды, когда братья были заняты на черноземной полосѣ, Эліэзеру досталось обработать участокъ каменистой почвы, и отецъ засталъ его за работой въ слезахъ.

— О чемъ ты плачешь?—спросилъ отецъ,—если для тебя эта работа тяжела, я переведу тебя на черноземное поле.

Но и за работой на новомъ мѣстѣ отецъ засталъ его плачущимъ и спрашиваетъ:

— О чемъ-же теперь ты плечешь? Быть можетъ, и эта работа тебѣ не подъ силу?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Эліэзеръ,—а плачу я потому, что меня влечетъ къ изученію св. Торы.

— Но вѣдь тебѣ уже двадцать два года, и въ такомъ возрастѣ вздумалъ ты начать учиться! Нѣтъ, жениться тебѣ пора. Будутъ, вотъ, дѣти у тебя, ты ихъ и посылай учиться.

Однажды приходитъ онъ къ отцу и заявляетъ:

— Ухожу учиться къ рабанъ Іоханану бенъ Заккаю.

— А я говорю тебѣ,—отвѣчаетъ отецъ,—что ты крошки въ ротъ не возьмешь, пока не распашешь весь участокъ!

На завтра, вставъ чуть свѣтъ, отправился Эліэзеръ въ поле и принялся за работу, но вдругъ животное, на которомъ онъ пахалъ, оступилось и сломало ногу.

„—Мнѣ-же ко добру случилось это“,—подумалъ Эліэзеръ и, бросивъ все, бѣжалъ съ поля и отправился въ Іерусалимъ, къ рабанъ Іоханану бенъ Заккаю.

Какъ преданіе гласитъ, это произошло въ канунъ субботы, и Эліэзеръ цѣлыя сутки [1]) оставался безъ пищи. Мучимый голодомъ, онъ бралъ въ ротъ кусочки полевого шпата, поднятые имъ на дорогѣ.

---

[1]) Во время остановки для субботняго покоя.

Прибывъ въ Іерусалимъ, онъ отправился въ академію и, представъ передъ рабанъ Іохананомъ, разрыдался.

— О чемъ рыдаешь ты?—спросилъ рабанъ Іохананъ.

— Я учиться хочу.

— Учился ты уже чему нибудь?

– Нѣтъ.

Началъ рабанъ Іохананъ обучать его молитвамъ, потомъ галахѣ, по два параграфа въ день.

Ревностно принялся Эліэзеръ за ученіе. Прошла цѣлая недѣля, впродолженіи которой онъ не переставалъ голодать. Ютился онъ въ это время въ бѣдной коморкѣ на постояломъ дворѣ и голодъ пытался утолить тѣмъ, что сосалъ черноземъ, принесенный имъ въ мѣшкѣ съ родного поля. Узнавъ объ этомъ, рабанъ Іохананъ позаботился относительно его пропитанія на дальнѣйшее время.

Три года продолжалъ р. Эліэзеръ свое ученіе въ академіи. И стали братья его говорить отцу:

— Ты подумай только, какъ поступилъ съ тобой сынъ твой Эліэзеръ: бросилъ старика-отца и въ Іерусалимъ ушелъ себѣ! ты доженъ пойти и лишить его наслѣдства.

Отецъ согласился и съ этой цѣлью отправился въ Іерусалимъ.

Прибылъ старикъ въ Іерусалимъ какъ разъ въ такое время, когда у патріарха былъ большой пріемъ почетныхъ гостей. Между прочимъ тамъ находились трое знатнѣйшихъ гражданъ Іерусалима: Бенъ Цицитъ-Гаксатъ, Накедимонъ бенъ Гуріонъ и Бенъ Калба-Шабуа. Узнавъ о приходѣ отца Эліэзера, рабанъ Іохананъ пригласилъ его въ домъ и посадилъ между почетнѣйшими гостями.

Сидитъ Гирканъ въ глубокомъ смущеніи отъ такого почета. А въ это время рабанъ Іохананъ обращается къ р. Эліэзеру и говоритъ:

— Скажи слово передъ нами.

— Учитель,—отвѣчаетъ р. Эліэзеръ,—что̀ я въ состояніи сказать? Не можетъ водоемъ дать воды болѣе, чѣмъ влито въ него. И могу-ли я сказать болѣе того, чему я научился отъ тебя-же?

— Нѣтъ, сынъ мой,—говоритъ рабанъ Іохананъ,—не водоему подобенъ ты, но роднику, который самостоятельно бьетъ непрерывной, живой струей.

Присоединились къ рабанъ Іохanану и ученики его. И, уступая общему желанію, всталъ р. Эліэзеръ и началъ говорить.

Зазвучала рѣчь столь вдохновенная, какой не слыхалъ никто до того времени. Какъ солнце сіяло лицо его, и лучи исходили отъ него, какъ отъ лика Моисея. Всѣ присутствующіе ослѣп-

лены были этимъ сіяніемъ настолько, что имъ трудно было-бы сказать, дневной-ли свѣтъ видятъ они, или ночь была—и вдругъ дивнымъ блескомъ озарилась она....

Всталъ рабанъ Іохананъ, обнялъ р. Эліэзера, прижался устами къ головѣ его и воскликнулъ:

— Слава, слава вамъ, Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ, что явился мужъ этотъ въ потомствѣ вашемъ!

— О комъ это,—спросилъ Гирканъ,—говоритъ патріархъ?

— О сынѣ твоемъ, Эліэзерѣ,—пояснили ему.

— Въ такомъ случаѣ,—заявилъ Гирканъ,—онъ не такъ выразился. Надо было сказать такъ: „Слава Гиркану, отъ котораго такой сынъ родился!"

Съ этими словами старикъ всталъ на стулъ и громкимъ голосомъ заявилъ:

— Жители Іерусалима! Слушайте: я пришелъ сюда для того, чтобы лишить сына моего Эліэзера его доли въ наслѣдствѣ. Теперь-же я заявляю, что все добро мое перейдетъ въ его исключительное владѣніе; братья-же его ничего получить не должны.

На эти слова р. Эліэзеръ отвѣтилъ такъ:

— Нѣтъ, отецъ! Если-бы я земли попросилъ у Господа, Онъ и безъ тебя могъ-бы дать мнѣ ея достаточно: „Господу принадлежитъ земля и все, что наполняетъ ее". И если-бы золота и серебра я пожелалъ, Господь и этимъ сумѣлъ-бы надѣлить меня: „Мое все серебро и Мое все золото—говоритъ Господь Саваоѳъ". Но я ничего, кромѣ знанія, не прошу у Господа. *(П. де-р. Э., 1, 2; Аб. де-р. Н., 6; Бер.-Р., 42; Т. Гак., Л.-Лехо; Беца, 13).*

Камень р. Эліэзера.

Зданіе, въ которомъ помѣщалась академія р. Эліэзера [1]), было круглой формы, въ видѣ ристалища, и лежалъ тамъ камень, на которомъ р. Эліэзеръ сидѣлъ во время занятій съ учениками.

Зашедшій туда р. Іошуа сталъ цѣловать этотъ камень, говоря:

— Камень этотъ подобенъ Синаю, а тотъ, кому онъ служитъ сидѣніемъ—Кивоту Завѣта. *(Ш. га.-Ш., 1).*

„Не женское дѣло".

Одна римская матрона задала вопросъ р. Эліэзеру:

— Справедливо-ли было за *одинъ* грѣхъ поклоненія золотому тельцу покарать народъ *тремя* родами казни?

— Вся мудрость женщины не идетъ дальше прялки,— проговорилъ, вмѣсто отвѣта, р. Эліэзеръ.

---

[1]) Въ г. Лиддѣ, куда р. Эліэзеръ переселился послѣ кончины р. Іоханана бенъ Заккая.

— Отецъ,—замѣтилъ ему сынъ его Гирканъ,—благодаря твоему отказу отвѣтить на ея вопросъ, мы лишимся ежегоднаго поступленія отъ нея десятиннаго сбора въ количествѣ цѣлыхъ трехсотъ коровъ.

— Пусть сгорятъ!—отвѣтилъ р. Эліэзеръ,—Тора не женское дѣло. *(Бам.-Р., 9)*.

„Чудеса—не доказательства".

Однажды возникъ большой споръ между учеными по закону о „чистомъ" и „нечистомъ". Р. Эліэзеръ былъ одного мнѣнія, прочіе ученые другого. Какихъ доказательствъ ни приводилъ р. Эліэзеръ, ученые оставались при своемъ.

— Слушайте-же!—воскликнулъ р. Эліэзеръ,—если мнѣніе мое вѣрно, пусть вонъ то рожковое дерево подтвердитъ мою правоту!

Въ ту-же минуту невидимою силой вырвало съ корнемъ дерево и отбросило его на сто локтей.

Это, однако, не убѣдило его противниковъ:

— Чудо съ деревомъ не можетъ служить доказательствомъ,—заявили они.

— Если правъ я,—сказалъ далѣе р. Эліэзеръ,—пусть ручей подтвердитъ это!

При этихъ словахъ вода въ ручьѣ потекла обратно.

— И ручей ничего не доказываетъ,—настаивали на своемъ ученые.

— Если правъ я, пусть стѣны этаго зданія свидѣтельствуютъ о моей правотѣ!

Накренились стѣны, угрожая обрушиться, но прикрикнулъ на нихъ р. Іошуа: „Тамъ, гдѣ ученые споръ ведутъ, не вамъ вмѣшиваться!" – И стѣны, изъ уваженія къ р Іошуѣ, не обрушились, но, изъ уваженія къ р. Эліэзеру, и не выпрямились, – такъ на всегда и остались въ наклонномъ положеніи.

— Пусть, наконецъ, само небо подтвердитъ мою правоту! воскликнулъ р. Эліэзеръ.

Раздался Батъ-Колъ:

— Зачѣмъ противитесь вы словамъ Эліэзера? Законъ всегда на его сторонѣ".

Всталъ р. Іошуа и говоритъ:

—Не въ небесахъ Тора. Мы и Батъ-Колу не подчинимся!

Встрѣтился послѣ этого р. Натанъ съ Иліей-пророкомъ и спрашиваетъ:

— Какъ отнеслись на небѣ къ этому спору?

Отвѣчаетъ Илія:

— Улыбкою озарились уста Всевышняго — и Господь говорилъ:

„— Побѣдили Меня сыны мои, побѣдили Меня!“

Разсказываютъ, что въ тотъ-же день все, что р. Эліэзеромъ признано было „чистымъ“, было собрано и сожжено, послѣ чего ученые торжественно провозгласили его отлученіе.

Возникъ вопросъ: кому идти объявить объ этомъ самому р. Эліэзеру, въ виду того, что, распаленный гнѣвомъ, р. Эліэзеръ могъ-бы накликать на всю страну неисчислимыя бѣдствія. Требовалось, по крайней мѣрѣ, чтобы пошелъ человѣкъ наиболѣе достойный и уважаемый. Пойти рѣшился р. Акиба.

Облачившись, въ знакъ печали, въ черныя одежды, онъ пришелъ къ р. Эліэзеру и сѣлъ въ четырехъ локтяхъ разстоянія отъ него.

Спрашиваетъ р. Эліэзеръ:

— Акиба, что особеннаго произошло сегодня?

— Мнѣ кажется,—отвѣчаетъ р. Акиба,—что твои товарищи *удалились* отъ тебя.

Услыша это, разорвалъ на себѣ одежды р. Эліэзеръ, снялъ обувь и опустился на землю. Горячія слезы обиды и гнѣва полились изъ глазъ его. И опасенія оправдались—тяжелыя бѣдствія обрушились на страну: цѣлая треть масличнаго урожая погибла; пропала также треть посѣва на пшеничныхъ и ячменныхъ поляхъ. Даже тѣсто въ рукахъ у мѣсильщицы както размокало и разлѣзалось. Великія бѣдствія произошли въ тотъ день: куда ни взглянетъ р. Эліэзеръ, все выгорало какъ отъ пожара.

Самъ патріархъ рабанъ Гамліель едва избѣгнулъ смертельной опасности:

Какъ разъ въ тотъ день онъ находился въ плаваніи. Совершенно неожиданно поднялся ужасный штормъ, грозя потопить корабль. „—Съ чего это?—сталъ размышлять рабанъ Гамліэль,—не иначе какъ изъ-за р. Эліэзера“. И воззвалъ онъ къ небесамъ:

„—Господи! Ты вѣдаешь, что не ради своей славы и не ради славы предковъ моихъ поступилъ я такъ, но только для прославленія Тебя, Господи, дабы не усиливались разногласія и распри среди Израиля“ ..

Прекратилась буря; море успокоилось.

Имма-Шаломъ, жена р. Эліэзера,—она-же сестра рабанъ Гамліеля, – все время слѣдила за тѣмъ, чтобы не давать р. Эліэзеру *пасть ницъ* во время молитвы. Ибо знала она, что *такая* молитва его всегда вызывала грозныя бѣдствія для его противниковъ.

Но случилось такъ, что къ дому ихъ подошелъ нищій, и она отлучилась на одну минуту, чтобы подать милостыню. Въ

это время терзаемый невыносимою скорбью, палъ р. Эліэзеръ на лицо свое, изливая въ горькихъ мольбахъ свои душевныя муки.

Вернувшись въ комнату и увидя это, Имма-Шаломъ воскликнула:

— Встань, Эліэзеръ! Братъ мой[1]) уже убитъ тобою!

И въ ту-же минуту раздались звукъ рога [и голосъ] изъ дома патріарха:

„Умеръ рабанъ Гамліель!"

Спрашиваетъ жену р. Эліэзеръ:

— Какъ предугадала ты его смерть?

— Еще отъ дѣда,—отвѣчаетъ Имма-Шаломъ,—въ нашей семьѣ сохранилось преданіе: всѣ врата небесныя время отъ времени закрываются, и только врата для жалобъ невинно скорбящихъ всегда остаются открытыми. (*Баба-М.*, *59*).

Всѣ плачутъ, одинъ радуется.

Когда р. Эліэзеръ заболѣлъ, пришли (не взирая на отлученіе) ученики провѣдать его. Видя страданія учителя, они заплакали. Одинъ р. Акиба стоялъ радостно улыбаясь.

— Чему радуешься ты?—спрашиваютъ товарищи.

А вы о чемъ плачете?—отвѣчаетъ вопросомъ р. Акиба.

— Какъ-же намъ не плакать при видѣ той скорби, въ которой находится передъ нами Тора? [2])

— По той-же причинѣ я и радуюсь. Видя до сихъ поръ, что у учителя нашего вино никогда не скисаетъ, ленъ не выбиваетъ градомъ, елей не горкнетъ и медъ не бродитъ, я тревожился мыслью, не послужитъ-ли земное его благополучіе наградой ему вмѣсто блаженства въ грядущей жизни? Нынѣ-же, видя его въ такой скорби, я спокоенъ за него. *(Санг., 101)*.

„Съ покорностью и любовью",

Пришли также провѣдать р. Эліэзера старѣйшины: р. Тарфонъ, р. Іошуа, р. Элазаръ бенъ Азарія и р. Акиба.

И, желая утѣшить его, говоритъ р. Акиба:

— Учитель! Ты для народа благодатнѣе, чѣмъ дождь для полей: дождь благотворенъ для насъ только на землѣ, а ты, учитель—и въ земной жизни, и въ грядущей.

— Учитель!—говоритъ р. Эліэзеръ бенъ Азарія,—ты для насъ дороже отца и матери: они для насъ только на землѣ, ты-же и въ земной жизни, и въ будущей.

Но вотъ раздался голосъ р. Акибы:

— Страданія должны быть принимаемы съ покорностью и любовью.

[1]) Санкціонировавшій отлученіе.
[2]) Въ лицѣ болящаго р. Эліэзера.

Услышалъ сказанное р. Эліэзеръ — сломили слова эти и его неукротимую волю.

— Поддержите меня,—обратился онъ къ своимъ ученикамъ,— дайте мнѣ получше разслышать слова ученика моего Акибы. Да, „страданія должны быть принимаемы съ покорностью и любовью!“ (*Санг.*, *101; Ял.-Ш.*).

Отлученіе снято.

При извѣстіи о близкой смерти р. Эліэзера, пришли снова навѣстить его р. Акиба съ товарищами и стали просить у него разъясненій по закону о „чистомъ“ и „нечистомъ“.

И умирающій давалъ имъ отвѣты, до послѣдней минуты поражая ихъ глубиною знаній и ясностью своего ума.

И съ послѣднимъ словомъ „чисто“ отлетѣла душа его въ вѣчность.

Тогда поднялся р. Іошуа и провозгласилъ:

„—Отлученіе снято! Отлученіе снято!“

На исходѣ субботы, когда погребальное шествіе направлялось изъ Кесаріи[1]) въ Лидду, на встрѣчу вышелъ р. Акиба. Въ непреодолимомъ отчаяніи онъ началъ истязать себя, обливаясь кровью.

И зазвучалъ надгробный плачъ его:

— „Отецъ мой! Отецъ мой! Колесница Израиля и всадники его!“[2]) Много у меня монеты мелкой, но не стало того, кто мнѣ вымѣнялъ-бы ее на чистое золото“... (*Санг.*, *68; Аб. де-р. Н.*, *25*).

[1]) Куда р. Эліэзеръ удалился послѣ отлученія.

[2]) II Цар., 2, 13.

Р. Іошуа бенъ Ханапія.

„Благо родившей его“.

„*Благо родившей его!*“ — говорили про р. Іошуа.

Встрѣтивъ впервые р. Іошую, старый Іонатанъ бенъ Гирканъ сказалъ про него словами пророка Исаіи:

„Кого поучитъ онъ знанію? Отнятыхъ отъ молока, отлученныхъ отъ груди“.

— Я помню, — пояснилъ р. Натанъ, — что мать приносила его въ колыбели въ школу, чтобы дать ушамъ его съ младенчества насытиться словами Торы.

Самъ-же р. Іошуа говаривалъ:

— Если-бы всѣ моря текли чернилами, всѣ тростники были перьями, земля и небо пергаментомъ и люди всѣ писцами, еще недостаточно было-бы, чтобы описать все, чему я учился. И при всемъ томъ зачерпнуть изъ родника знанія я успѣлъ не болѣе, чѣмъ кисточка, обмокнутая въ воды океана. (*Іевам.*, *81*; *Ш.га-Ш.*, *гл. 1*).

Мудрость и красота.

— О, прекрасная Мудрость въ некрасивомъ сосудѣ! — воскликнула дочь кесаря при видѣ р. Іошуи, не отличавшагося красотой лица.

— Дочь моя, — сказалъ ей р. Іошуа, — въ какихъ сосудахъ у твоего отца, у кесаря, хранится вино?

— Въ глиняныхъ.

— Какъ, вино кесаря — и въ такихъ же глиняныхъ кувшинахъ, какъ и у всѣхъ простыхъ людей!

— А въ чемъ-же слѣдовало-бы намъ держать наше вино?

— Вамъ, столь знаменитымъ и славнымъ, приличествуетъ держать ваше вино въ серебряныхъ и золотыхъ вазахъ.

Вино было перелито въ серебряныя и золотыя вазы — и скисло.

Спрашиваетъ кесарь:

— Кто посовѣтовалъ тебѣ сдѣлать это?

— Р. Іошуа бенъ Хананія, — отвѣчаетъ царевна.

Призываетъ кесарь р. Іошую:

— Какъ могъ ты посовѣтовать это моей дочери?

Разсказалъ р. Іошуа, по какому поводу онъ такъ поступилъ:

— Мой совѣтъ былъ только отвѣтомъ на ея вопросъ.

— Встрѣчаются, однако, мудрецы и съ красивой наружностью?

— Некрасивые—они были-бы еще болѣе мудрыми. (*Таан.*, 7).

Левъ и журавль.

Во времена р. Іошуи бенъ Ханаиіи императоромъ Адріаномъ разрѣшено было евреямъ вновь построить храмъ въ Іерусалимѣ. Двое гражданъ Папусъ и Луліанусъ открыли по всему пути отъ Аку до Антіохіи кассы для снабженія всѣхъ возвращающихся въ Іерусалимъ евреевъ деньгами и всѣмъ необходимымъ.

Когда объ этомъ узнали хутеи[1]), они оклеветали евреевъ передъ Адріаномъ, донося о будто-бы готовящемся противъ него возстаніи.

— Какъ-же быть?—задумался Адріанъ,—вѣдь разрѣшеніе уже вступило въ силу.

— Прикажи имъ,—посовѣтовали хутеи,—возобновить храмъ не на прежнемъ мѣстѣ, или-же вели измѣнить его размѣры, увеличивъ или уменьшивъ ихъ хотя-бы на пять локтей противъ прежняго. Тогда они отъ постройки храма сами откажутся.

Между тѣмъ, весь народъ собрался въ долинѣ Бетъ-Римонъ, и извѣстіе о новомъ указѣ Адріана вызвало общій плачъ и отчаяніе. Тутъ и тамъ начали раздаваться голоса противъ подчиненія указу. Необходимо было немедленно успокоить народъ. Кому-же поручить это? Выборъ палъ на р. Іошую бенъ Хананію, какъ на самаго популярнаго изъ ученыхъ.

Встаетъ р. Іошуа и, обращаясь къ народу, говоритъ:

—Однажды левъ, пожирая свою добычу, подавился костью.

И началъ левъ звать на помощь:

„Кто вытащитъ у меня кость изъ горла, того я вознагражу по царски!“

Прилетѣлъ журавль, засунулъ свой длинный клювъ въ глотку льву и, вытащивъ кость, сталъ требовать награды.

„Уходи поскорѣе,—отвѣтилъ левъ,—достаточно для тебя награды, что ты можешь похваляться, говоря: „Я былъ въ пасти у льва—и ушелъ, какъ видите, цѣлъ и невредимъ!“

— Такъ и мы, братья: будемъ довольны тѣмъ, что, подпавъ подъ власть Рима, мы хотя жизнь свою сохранили до сихъ поръ. (*Береш.-Р.*, *64*).

Среди семидесяти волковъ.

Адріанъ говоритъ однажды р. Іошуѣ:

— Какъ сильна должна быть овечка, остающаяся невредимой между семьюдесятью волками!

[1]) Самаритяне, непримиримые враги евреевъ.

Отвѣчаетъ р. Іошуа:

— Какъ могущественъ долженъ быть Пастырь, оберегающій ее отъ нихъ! *(Ял.-Ш.).*

Дитя въ темницѣ.

Прибылъ однажды р. Іошуа бенъ Хананія въ одинъ изъ большихъ римскихъ городовъ. Говорятъ ему тамъ, что въ темницѣ содержится еврейскій мальчикъ, чрезвычайно красивый, съ блестящими глазами и курчавыми локонами. Пошелъ р. Іошуа къ темницѣ, сталъ у дверей и громкимъ голосомъ прочиталъ стихъ изъ Исаіи:

„Кто предалъ Іакова на разореніе и Израиля грабителямъ?"

Отвѣчаетъ дитя изъ темницы словами того-же пророка:

„Не Господь-ли, противъ Котораго мы грѣшили, не желая ходить по Его путямъ и не слушая Завѣта Его?"

Услыша это, воскликнулъ р. Іошуа:

— О, дорогіе сыны Сіона, чистѣйшему золоту равноцѣнные! [1])

И со слезами на глазахъ продолжалъ:

— Я увѣренъ, что изъ этого ребенка выйдетъ великій ученый, и я клянусь, что не уйду изъ этого города прежде чѣмъ не освобожу бѣднаго ребенка, сколько-бы это ни стоило.

И онъ исполнилъ свою клятву, хотя и пришлось внести огромный выкупъ.

Не много прошло времени—и мальчикъ тотъ сталъ извѣстенъ какъ великій ученый.

То былъ Исмаилъ бенъ Элиша. *(Гит., 58; Эха-Р., 4).*

Дѣти смутили его.

Р. Іошуа бенъ Хананія разсказывалъ:

— Однажды мнѣ пришлось проходить полемъ. Замѣтивъ тропинку, проложенную черезъ ниву, я направился по ней.

Увидѣла это малютка-дѣвочка и говоритъ:

— Учитель, развѣ для того существуетъ нива, чтобы ходить по ней?

— Но вѣдь тутъ протоптана тропинка?

— Да, тропинка,—отвѣчаетъ малютка,—такіе-же, какъ и ты, разорители протоптали ее.

Другой разъ встрѣчаю одного мальчика на перекресткѣ двухъ дорогъ.

— Дитя мое,—спрашиваю,—не можешь-ли мнѣ указать, которою изъ двухъ этихъ дорогъ направиться мнѣ въ городъ?

Мальчикъ отвѣчаетъ такъ:

— Вотъ эта самая длинная и самая короткая, а та самая близкая и самая далекая.

[1]) Плачъ Іер., IV.

Пошелъ я по второй дорогѣ. Вскорѣ приближаюсь къ городу, но сады и огороды преграждаютъ мнѣ путь, и я вынужденъ вернуться назадъ къ перекрестку.

— Дитя мое,—говорю я мальчику,—не говорилъ-ли ты мнѣ, что этотъ путь самый близкій?

— А не прибавилъ-ли я: „и самый далекій“?

Въ третій разъ былъ со мною такой случай. Подъѣзжая къ одному селенію, я увидѣлъ дѣвочку-подростка, черпающую воду изъ ручья.

— Дай мнѣ напиться,—попросилъ я.

— Пей и ты, и оселъ твой,—отвѣтила дѣвочка.

Напившись, я сказалъ:

— Благодарю тебя, дочь моя, ты поступила со мною подобно Реввекѣ.

— Да,—отвѣтила дѣвочка съ лукавой улыбкой,—я то съ тобой поступила подобно Реввекѣ, а ты, вотъ, не поступилъ со мною подобно Элеазару . . . [1])

— Никогда,—говорилъ по этому поводу р. Іошуа,—я не чувствовалъ себя на столько смущеннымъ, какъ передъ этими тремья дѣтьми. *(Эр, 53; Эха-Р.)*

„Гляди на солнце!“

Однажды императоръ Адріанъ говоритъ р. Іошуѣ:

— Дѣйствительно-ли Богъ царитъ надъ міромъ?

— Безспорно.

— И Имъ-же небо и земля сотворены?

— Конечно.

— Отчего же Богу хотя-бы раза два въ годъ не являться людямъ, чтобы всѣ Его видѣли и проникались страхомъ передъ нимъ?

— Оттого, что глаза человѣческіе не въ силахъ выдержать ослѣпительнаго блеска Его.

— Нѣтъ, не повѣрю, пока ты мнѣ не покажешь Его.

Когда наступилъ полдень, вывелъ р. Іошуа Адріана на солнце и говоритъ:

— Вглянись хорошенько—и увидишь Его.

— Но кто-же можетъ глядѣть прямо на солнце?

— Вники-же въ то, что ты самъ говоришь. Если на солнце, которое является однимъ изъ тьмы темъ служителей Господнихъ, глядѣть невозможно, то мыслимо-ли *видѣть* Самого Господа, осіяющаго свѣтомъ Своимъ всю вселенную? И только въ тѣ моменты, когда людьми низвергается какое нибудь лжебожество, очи ихъ озаряются отблескомъ славы Господней. *(Хул., 60; Мид. Абх.; Ял.)*

[1]) См. Бытіе, XXIV, 22.

Пиръ для Бога.

Другой разъ говоритъ Адріанъ:

— Хочу устроить пиръ для вашего Бога.

— Не по силамъ тебѣ это будетъ,—отвѣчаетъ р. Іошуа.

— Почему?

— Слишкомъ много войска сопровождаетъ Его.

— А все-таки,—упорствуетъ Адріанъ.

— Хорошо. Выбери на берегу рѣки мѣсто посвободнѣе и приготовь тамъ свой пиръ.

Всю весну и все лѣто провелъ Адріанъ за работами по приготовленію пира. Но подули осенніе вѣтры, разрушили все и снесли въ рѣку. Снова началъ строить Адріанъ, всю зиму проработалъ. Но полили весенніе дожди и смыли все въ рѣку.

— Что-же все это значитъ?—спрашиваетъ Адріанъ.

— А это, видишь ли, Божьи заметальщики и поливальщики, предшествующіе Ему.

— Да,—согласился Адріанъ,—не по силамъ мнѣ затѣя моя. *(Хул., 60).*

Бей-Илаійскій левъ.

— Вашего Бога,—сказалъ Адріанъ р. Іошуѣ,—пророки ваши сравниваютъ со львомъ. Велико-ли, въ такомъ случаѣ, Его могущество? Вѣдь любой всадникъ можетъ на охотѣ убить льва.

— Въ этомъ уподобленіи подразумѣвается бей-илаійскій левъ [1]).

— Хотѣлось-бы мнѣ взглянуть на этого льва,—заявилъ Адріанъ,—покажи мнѣ его.

— Не по силамъ тебѣ это будетъ.

— Все таки.

Обратился р. Іошуа къ небесамъ—и вотъ, поднялся тотъ левъ изъ своего логовища. Находясь въ четырехстахъ миляхъ отъ Рима, онъ зарычалъ—и обрушились стѣны адріановой столицы, а всѣ беременныя выкинули. Въ трехстахъ миляхъ вторично зарычалъ онъ—у людей выскочили зубы изъ десенъ, а императора сбросило съ трона на землю.

— Будетъ! Довольно!—взмолился Адріанъ,—попроси своего Бога, чтобъ левъ ушелъ обратно.

Обратился р. Іошуа къ небесамъ—и вернулся левъ въ дебри Бей-Илаи. *(Хул., 59).*

[1]) Легендарный левъ, жившій въ сказочномъ лѣсу Бей-Илаи.

Нахумъ ишъ-Гамзо.

Ишъ-Гамзо.

Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ танаевъ, родомъ изъ іудейскаго города *Гимзо*. Прозванъ-же *„Ишъ-Гамзо“* потому, что что̀бы съ нимъ ни случилось, онъ говорилъ: „Gam so letowa“—и это къ лучшему. *(Санг., 108)*.

Чудесная землица.

Однажды задумали евреи поднести цѣнный даръ кесарю. Стали думать, кому поручить это дѣло, и выборъ палъ на Нахума, прославившагося своими чудесными приключеніями.

Вручили ему ларецъ, наполненный бриліантами и жемчугомъ. Въ дорогѣ ему пришлось заночевать на постояломъ дворѣ.

Выждавъ, когда онъ заснетъ, хозяева двора похитили драгоцѣнности, а ларецъ наполнили землею.

Проснувшись на завтра и увидя это, Нахумъ сказалъ: „И это къ лучшему“. И отправилси съ ларцомъ къ кесарю.

Открывъ ларецъ и увидѣвъ содержимое его, кесарь пришелъ въ негодованіе.

— Евреи дерзаютъ издѣваться надо мною! — воскликнулъ онъ,—и тутъ же приказалъ казнить Нахума.

„—И это къ лучшему“,—спокойно говоритъ Нахумъ. А въ эту минуту является Илія-пророкъ и, принявъ образъ одного изъ придворныхъ вельможъ, говоритъ:

— Государь, не та-ли самая земля это, которою такъ чудесно пользовался ихъ праотецъ Авраамъ въ схваткахъ съ непріятелемъ? Броситъ, бывало, горсть земли — и земля превращается въ мечи. Бывало также, броситъ соломенки—и становятся стрѣлами.

Въ то время какъ разъ велъ кесарь войну съ одной страной, и все не удавалось ему покорить ее. Рѣшено было испробовать принесенную Нахумомъ землю. И дѣйствіе ея оказалось такимъ, что непріятель немедленно сдался.

По повелѣнію кесаря, повели Нахума въ царскую сокровищницу и, наполнивъ принесенный имъ ларецъ брилліантами и жемчугомъ, отпустили съ большими почестями въ обратный путь.

Остановился онъ снова на томъ-же постояломъ дворѣ. И стали хозяева спрашивать:

— Что ты принесъ такое кесарю, что такихъ почестей удостоился?

— Что я унесъ отсюда, то и принесъ я туда,—отвѣтилъ имъ Нахумъ.

Услыша это, они раскопали весь дворъ, набрали земли какъ можно больше и понесли къ кесарю.

— Государь!—заявили они,—этой самой земли и взялъ у насъ Нахумъ, чтобы поднести тебѣ.

Испробовавъ принесенную ими землю,въ которой не оказалось, конечно, ничего чудеснаго, ихъ казнили. *(Санг., 108—109).*

Самъ на себя накликалъ.

Ослѣпшій на оба глаза, съ параличемъ рукъ и ногъ и весь покрытый вередами, доживалъ Нахумъ ишъ-Гамзо послѣдніе дни въ своей обветшалой, полусгнившей избушкѣ. Подъ ножки кровати, на которой онъ лежалъ, поставлены были лоханки съ водою, чтобы не давать муравьямъ всползать къ больному.

Ученики его, замѣчая, что избушка грозитъ обрушиться, собирались вынести больного, а затѣмъ и его вещи.

— Нѣтъ, дѣти мои,—сказалъ Нахумъ,—раньше вынесите вещи, а затѣмъ кровать: пока я здѣсь, изба—я надѣюсь—не обрушится.

Они такъ и сдѣлали. И какъ только была вынесена кровать съ больнымъ, избушка обрушилась.

Говорятъ ему ученики:

— Учитель! За что тебѣ, угоднику Божьему, такія ужасныя муки посланы?

— Дѣти мои,—отвѣчаетъ Нахумъ,—я самъ испросилъ себѣ у Бога эти муки. Дѣло было такъ:

Отправился я однажды въ гости къ моему тестю и на трехъ навьюченныхъ ослахъ везъ ему подарки: на одномъ— съѣстные припасы, на другомъ вина и разные напитки, на третьемъ плоды и сласти.

Въ дорогѣ останавливаетъ меня бѣдный, изможденный отъ голода странникъ и проситъ:

„—Учитель, дай мнѣ поѣсть чего нибудь!"

„—Подожди,—отвѣчаю я,—дай мнѣ развьючить сначала".

И пока я не спѣша началъ развязывать тюки, странникъ свалился съ ногъ и тутъ-же умеръ.

Увидя это, припалъ я къ трупу и воскликнулъ:

„—Глаза мои, которые не сжалились надъ твоими глазами,—пусть они ослѣпнутъ!“

„—Руки мои, не пожалѣвшія твоихъ рукъ, пусть отрѣзаны будутъ!“

„—Ноги мои, не пожалѣвшія твоихъ ногъ, пусть отсѣчены будутъ“!

Наконецъ я въ отчаяніи воскликнулъ:

„—И пусть все тѣло мое язвами покроется!“

Говорятъ ученики:

— Горе намъ, что мы въ такомъ положеніи видимъ тебя!

Отвѣчаетъ имъ на это Нахумъ:

— Горе было-бы *мнѣ*, если-бъ вы меня ***не видѣли*** въ этомъ положеніи. *(Таан., 21)*.

Р. Тарфонъ.

Пирамида изъ орѣховъ.

Р. Тарфонъ подобенъ былъ сложеннымъ въ пирамиду орѣхамъ: тронешъ одинъ—всѣ покатятся съ шумомъ одинъ за другимъ.

Предложитъ ему, бывало, ученикъ *одинъ* какой нибудь вопросъ—и р. Тарфонъ засыплетъ его изреченіями изъ Торы, изъ Мишны, Галахи, Агады. И ученикъ выходитъ отъ него съ богатымъ, благодатнымъ запасомъ знанія. *(Аб. де-р. Н., гл. 18)*.

Приключеніе съ сушенными фигами.

[Р. Тарфонъ владѣлъ многими садами, которые онъ посѣщалъ очень рѣдко, такъ что его-же садовники зачастую и въ лицо не знали его].

Однажды былъ съ нимъ такой случай:

Зашелъ онъ въ одинъ изъ своихъ садовъ, чтобы отвѣдать тамъ въ сушильнѣ винныхъ ягодъ. За этимъ дѣломъ засталъ его садовникъ и, не узнавъ въ немъ хозяина, закричалъ:

—А-а! Вотъ онъ, тотъ самый, кто постоянно виноградъ здѣсь воруетъ!

Съ этими словами, избилъ р. Тарфона садовникъ своей дубинкой и, засунувъ его въ мѣшокъ, потащилъ къ рѣкѣ топить.

Видя себя въ такой опасности, началъ р. Тарфонъ кричать изъ мѣшка:

— Заклинаю тебя, добрый человѣкъ, прежде чѣмъ утопить меня, ступай на домъ къ р. Тарфону и скажи, чтобъ приготовили для него саванъ.

Услыша это и, догодавшись о роковой ошибкѣ, упалъ садовникъ р. Тарфону въ ноги, началъ рвать на себѣ волосы и молить, заливаясь слезами.

— Прости меня, господинъ, прости меня!

— Успокойся,—сказалъ р. Тарфонъ,—Накажи меня Богъ, если я не прощалъ тебѣ каждый ударъ по мѣрѣ того, какъ ты наносилъ ихъ мнѣ. *(Іеруш., Шв., гл. 4; Аб. де-р. Н., гл. 25)*.

Покупка помѣстья.

Разсказываютъ о р. Тарфонѣ, что, сравнительно со своимъ колоссальнымъ богатствомъ, онъ мало жертвовалъ въ помощь бѣднымъ. Зная это, говоритъ ему однажды р. Акиба:

— Имѣются для продажя одно-два помѣстья. Не пожелаешь-ли, чтобъ я купилъ ихъ для тебя?

— Хорошо,—отвѣчаетъ р. Тарфонъ,—и тутъ-же передаетъ р. Акибѣ четыре тысячи золотыхъ динаріевъ.

Взялъ р. Акиба и роздалъ эти деньги нуждающимся ученымъ.

Черезъ нѣкоторое время встрѣчаетъ его р. Тарфонъ и спрашиваетъ:

— А гдѣ находится помѣстье, которое ты взялся пріобрѣсти для меня?

Беретъ его р. Акиба за-руку и, приведя въ школу, вызываетъ одного изъ учениковъ и велитъ ему читать изъ псалмовъ Давида. И когда ребенокъ дошелъ до стиха: „Широкой рукою раздавалъ онъ нищимъ; правда его пребываетъ во вѣки“, — говоритъ р. Акиба:

— Вотъ помѣстье, которое я пріобрѣлъ для тебя.

Кинулся къ нему р. Тарфонъ и говоритъ, обнимая и цѣлуя его:

— Учитель мой! Наставникъ мой! Учитель—въ Торѣ, наставникъ въ жизни!

И много сталъ онъ давать р. Акибѣ на щедрую помощь бѣднымъ.

Мать и сынъ.

Вышла однажды въ субботу мать р. Тарфона на прогулку по своему двору. Порвался у нея ремешокъ и свалился сандалій съ ноги. Увидя это, р. Тарфонъ нагнулся, положилъ обѣ руки ей подъ ноги и, давая ей ступать по своимъ ладонямъ, довелъ ее такимъ образомъ до ея ложа въ комнату.

Послѣ этого случая, когда р. Тарфонъ заболѣлъ и ученики пришли его провѣдать, подходитъ его мать и говоритъ:

— Помолитесь за моего сына. Вы не можете представить себѣ, какой онъ мнѣ почетъ оказываетъ.

— Что-же особеннаго,—спрашиваютъ они,—сдѣлалъ онъ для тебя?

Разсказала она о случаѣ съ сандаліемъ. А они говорятъ:

— Если-бы онъ и въ тысячи разъ бо́льшія услуги тебѣ оказывалъ, оно и на половину не состовляло-бы того почета, какой Тора повелѣваетъ оказывать родителямъ. *(Іеруш., Пеа., 81)*.

Радость вѣнчальная.

Былъ такой случай:

Мимо р. Тарфона, сидѣвшаго въ то время въ кругу своихъ учениковъ, проходила бѣдная дѣвушка-невѣста. Увидя ее, р. Тарфонъ велѣлъ пригласить ее въ домъ, а женѣ и матери сказалъ:

— Поведите ее въ купальню, умастите ее благовоніями, одѣньте въ вѣнчальное платье и съ пѣснями и пляской отведите ее въ домъ ея суженаго. *(Аб. де-р. Н., гл. 4).*

Р. Акиба.

„Вѣнчики Торы“.

Сказаніе равъ Іуды со словъ Рава:

Когда Моисей взошелъ на небо, ему открылось такое видѣніе: сидитъ на престолѣ Всевышній и украшаетъ буквы Торы вѣнчиками.

— Господи,—вопрошаетъ Моисей,—для чего эти вѣнчики?

Отвѣчаетъ Всевышній:

— Черезъ много поколѣній долженъ родиться человѣкъ по имени Акиба бенъ Іосифъ, и ему суждено изъ каждой черточки этихъ вѣнчиковъ извлекать многое множество законотолкованій.

Проситъ Моисей:

— Господи, дай мнѣ увидѣть этого человѣка.

— Гляди,—говоритъ Господь.

Видитъ Моисей: учитель—и передъ нимъ рядами ученики.

Занялъ Моисей мѣсто въ концѣ восьмого ряда, слушаетъ и недоумѣваетъ, о какомъ это [въ Торѣ *не написанномъ*] законѣ у нихъ рѣчь идетъ?

Но вотъ онъ слышитъ—на вопросъ учениковъ:

„—Раби, на чемъ основываешь ты это толкованіе?“—

Р. Акиба отвѣчаетъ:

„—Оно вытекаетъ изъ *принциповъ,* установленныхъ Моисеемъ на Синаѣ“.

Съ бодрымъ и радостнымъ духомъ снова представъ передъ Всевышнимъ, Моисей говоритъ:

— Господи! Ты показалъ мнѣ все величіе Торы у этого человѣка, покажи мнѣ и награду, назначенную ему.

— Смотри,—отвѣчаетъ Всевышній.

И видитъ Моисей—тѣло Акибы лежитъ растерзаннымъ на куски, какъ мясо на вѣсахъ рѣзничныхъ [1]).

— Господи!—восклицаетъ въ ужасѣ Моисей,—за такія заслуги—и такая награда?

— Не спрашивай,—слышитъ Моисей отвѣтъ Всевышняго,—такъ предопредѣлено Мною. *(Санг., 29).*

---

[1]) Р. Акиба—одинъ изъ принявшихъ мученическую кончину при императорѣ Адріанѣ.

Пастухъ и его жена.

Р. Акиба въ молодости служилъ пастухомъ у знаменитаго богача Калба-Шабуи. Дочь Калба-Шабуи, Рахиль, приглядываясь къ бѣдному пастуху и видя въ немъ честнаго и достойнаго юношу, полюбила его.

— Акиба,—сказала она ему однажды,—если я соглашусь стать твоею женой, поступишь ли ты въ школу, чтобы посвятить себя наукѣ?

— Да,—отвѣтилъ Акиба.

Они тайкомъ и обручились. А когда объ этомъ узналъ Калба-Шабуа, онъ выгналъ дочь изъ дому и объявилъ о лишеніи ея наслѣдства.

Молодые люди повѣнчались. Жили они настолько бѣдно, что на зиму вынуждены были искать пріютъ въ сѣнномъ сараѣ.

Сидитъ однажды Акиба и, выбирая соломинки, приставшія къ волосамъ Рахили, говоритъ:

— Имѣй я деньги, я подарилъ-бы тебѣ золотой „іерусалимъ“ [1]).

Въ это время у дверей сарая появляется Илія-пророкъ въ образѣ нищаго и начинаетъ молить:

„—Пожертвуйте охабку соломы,—жена моя родила и лежитъ на голой землѣ“.

— Видишь,—говоритъ женѣ Акиба,—у этого бѣдняка даже соломы нѣтъ. Въ сравненіи съ нимъ мы—богачи.

— Не о богатствѣ мечтаю я—отвѣчаетъ Рахиль,—единственное желаніе мое, это—чтобы ты отправился въ школу учиться.

Поступилъ Акиба въ школу р. Эліэзера и р. Іошуи.

Прошло двѣнадцать лѣтъ. Бѣдный пастухъ сталъ ученымъ законовѣдомъ съ аудиторіей изъ двѣнадцати тысячъ учениковъ. И тогда онъ рѣшилъ, что пора ему возвратиться къ женѣ.

Подойдя къ дверямъ избушки, въ которой жила въ одиночествѣ Рахиль, онъ слышитъ, какъ одинъ изъ сосѣдей, человѣкъ злой и безнравственный, говоритъ его женѣ:

— Что ни говори, отецъ твой вполнѣ правъ. Во первыхъ, нищій пастухъ вообще тебѣ не пара; а затѣмъ, подумай, столько лѣтъ оставлять тебя въ положеніи вдовы при живомъ мужѣ!

А Рахиль на это отвѣчаетъ:

— Если-бы Акиба послушался меня, онъ остался-бы въ академіи еще на двѣнадцать лѣтъ.

Получивъ такимъ образомъ согласіе жены, р. Акиба возвратился въ академію.

Прошло еще двѣнадцать лѣтъ.

Наставникомъ двадцати четырехъ тысячъ учениковъ возвращался р. Акиба въ родныя мѣста.

---

[1]) Діадема съ выгравированнымъ на ней изображеніемъ св. града.

Весь городъ вышелъ на встрѣчу знаменитому ученому.

Пошла и Рахиль.

— Ты-бы хотя одолжила у кого нибудь во что одѣться поприличнѣе,—стали говорить ей сосѣдки.

— Не бѣда и такъ,—отвѣчала Рахиль,—праведный знаетъ, что въ сердцѣ моемъ.

Приблизившись къ Акибѣ, она склонилась до земли и стала цѣловать ноги его. Видя незнакомую женщину, ученики бросились отгонять ее.

— Пустите ее ко мнѣ,—остановилъ ихъ р. Акиба,—всѣ мои и ваши знанія принадлежатъ этой женщинѣ.

Услышалъ о прибытіи какого-то знаменитаго ученаго и старый Калба-Шабуа и [раскаявшись въ жестокомъ отношеніи къ дочери] подумалъ:

„—Пойду къ нему, не разрѣшитъ-ли онъ меня отъ моего обѣта въ отношеніи дочери".

[Приходитъ онъ къ р. Акибѣ и разсказываетъ ему свое дѣло].

Спрашиваетъ р. Акиба:

— А если-бы тебѣ было извѣстно, что пастухъ тотъ сдѣлается знаменитымъ ученымъ, далъ-бы ты такой обѣтъ?

— Никоимъ образомъ,—отвѣчаетъ Калба-Шабуа,—даже если-бы онъ одну-единственную галаху взялся выучить.

— Если такъ,—говоритъ р. Акиба,—то знай-же, что мужъ твоей дочери это я.

Поклонился до земли старый Калба-Шабуа и, цѣлуя ноги у р. Акибы, заявилъ, что отдаетъ ему съ дочерью половину своего состоянія. *(Кетуб., 62; Нед., 50).*

Вода и камень.

По другому преданію, р. Акиба началъ учиться будучи уже сорока лѣтъ отъ роду. Побудилъ его къ этому такой случай:

Увидалъ онъ однажды у колодца плиту съ правильно выдолбленнымъ жолобомъ и спрашиваетъ:

— Кѣмъ это такъ хорошо сдѣлано?

— Не знаешь ты, Акиба,—отвѣчаютъ ему,—сказаннаго: „камни стираетъ вода". Капля за каплей падала она, изо дня въ день долбя этотъ камень.

И подумалъ р. Акиба: „Капли водяныя, жидкія, слабыя— и тѣмъ удалось камень выдолбить, тѣмъ болѣе крѣпкимъ какъ сталь словамъ Торы еще не поздно будетъ огранить живое сердце мое".

И засѣлъ р. Акиба за одинъ букварь рядомъ съ сыномъ своимъ.

Изучивъ Пятикнижіе, явился р. Акиба къ р. Эліэзеру и р. Іошуѣ и говоритъ:

— Наставники, помогите мнѣ изучить Мишну.

Объяснили они ему одну галаху изъ Мишны. Уединился р. Акиба и сталъ обдумывать данное ему учителями объясненіе: почему, дескать, такъ, и правильно-ли это? И сталъ онъ потомъ задавать имъ вопросы сложные и трудные.

Впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ проходилъ онъ ученіе у р. Эліэзера, но оставался почти не замѣченнымъ со стороны р. Эліэзера. Послѣ-же одного блестящаго объясненія, даннаго р. Акибою на заданный ему вопросъ, р. Іошуа сказалъ р. Эліэзеру: „Вѣдь это тотъ, которымъ ты пренебрегалъ; выходи-же теперь и сразись съ нимъ!“ [1]).

Говоря о р. Акибѣ, р. Симеонъ бенъ Элазаръ приводилъ такую притчу:

Однажды каменотесъ поднялся на гору и принялся отсѣкать топоромъ тонкія слойки почвы. Спрашиваютъ его люди:

— Зачѣмъ дѣлаешь ты это?

— Хочу,—отвѣчаетъ каменотесъ,—срубить всю эту гору и низвергнуть ее въ Іорданъ-рѣку.

— Нѣтъ,—говорятъ ему люди, - не срубить тебѣ всей горы этой.

А каменотесъ продолжаетъ свою работу: рубитъ, да рубитъ, пока не дошелъ до скалистаго основанія горы. Подрылся подъ него, расшаталъ, сдвинулъ и низвергъ въ Іорданъ всю гору: „вотъ такъ, молъ—не тамъ, а вотъ гдѣ мѣсто тебѣ!“

Точно такъ поступилъ и р. Акиба по отношенію къ р. Эліэзеру и р. Іошуѣ. *(Аб. де-р. Н., гл. 6; Іеруш., Песах.)*.

Тройная польза.

Во время пребыванія въ академіи р. Акиба ежедневно отправлялся въ лѣсъ и приносилъ связку дровъ, половину продавалъ и половину оставлялъ для собственнаго пользованія; между прочимъ, онъ щепалъ лучину для своихъ вечернихъ занятій, и сосѣди роптали, говоря ему:

— Акиба, ты насъ всѣхъ закоптилъ дымомъ. Лучше-бы ты продавалъ намъ свои дрова и покупалъ себѣ масла для лампады.

— Нѣтъ, друзья мои,—отвѣчалъ Акиба,—дрова лучше: въ каждомъ полѣнѣ заключаются цѣлыхъ три возможности: читать при лучинѣ, грѣться у очага, и, наконецъ, полѣно, въ случаѣ чего, можетъ и за подушку послужить.

А впослѣдствіи р. Акиба на серебряной и золотой посудѣ кушалъ, на кровати съ золотыми ступеньками спалъ, а жена его въ драгоцѣннѣйшія запястья и діадемы наряжалась.

— Раби,—замѣтили ему однажды ученики,—это для нашихъ женъ соблазномъ служитъ.

---

[1]) Судей, IX, 38.

— А сколько страданій ради св. Торы,—отвѣтилъ р. Акиба,— испытала Рахиль вмѣстѣ со мною въ прежніе годы?... *(Тамъ-же).*

Его удовольствіе.

Однажды въ субботу ученики застали р. Акибу въ слезахъ.

— Учитель!—удивились они,—не самъ-ли ты поучалъ насъ словами пророка: „И назовешь субботу *удовольствіемъ* своимъ?"

— *Это* и есть мое удовольствіе,—отвѣтилъ р. Акиба. *(Шиб. Гал. по Мидр.).*

„Нагибалъ голову" [1]).

— Однажды,—разсказывалъ рабанъ Гамліель,—съ корабля, на которомъ я находился, замѣчено было, какъ на далекомъ отъ насъ разстояніи разбился челнокъ и сидѣвшій въ немъ человѣкъ погрузился въ воду. Велико было мое огорченіе, когда мнѣ сказали, что утонувшій былъ р. Акиба. Когда-же я возвратился изъ плаванія, вижу—входитъ р. Акиба и какъ ни въ чемъ не бывало вступаетъ со мною въ ученую бесѣду.

— Сынъ мой, спрашиваю,—какъ удалось тебѣ спастись?

А онъ отвѣчаетъ:

— Ухватился за доску и при каждой набѣгающей волнѣ *нагибалъ голову. (Іебам., 121).*

Рознь въ средѣ ученыхъ.

[Дважды двѣнадцать тысячъ учениковъ были у р. Акибы отъ Гибѳона до Антипароса, и всѣ они умерли при жизни р. Акибы въ одинъ и тотъ-же промежутокъ времени, между Пасхой и Шемини-Ацеретъ. Постигло ихъ это за то, что они не оказывали уваженія другъ другу].

Опустѣлъ міръ знанія, пока школы на югѣ не посѣтилъ р. Акиба, учениками котораго тамъ сдѣлались р. Меиръ, р. Іуда, р. Іосе, р. Симеонъ и р. Элазаръ бенъ Шаммуа.

И, напутствуя ихъ, сказалъ р. Акиба:

— Прежнихъ моихъ учениковъ постигла ихъ судьба за то, что соперничество привело ихъ къ взаимной розни и враждѣ. Вы, я увѣренъ, не послѣдуете ихъ примѣру.

И слова его оправдались: отъ этой группы его учениковъ наполнилась знаніемъ земля Израильская. *(Іебам., 62; Ког.-Р.).*

„Все къ лучшему".

Однажды р. Акиба отправился въ дорогу верхомъ на ослѣ, взявъ съ собою пѣтуха [по пѣнію котораго опредѣлялись ночныя смѣны] и лампаду [для чтенія по вечерамъ].

[1]) О томъ, какъ велики были, при всѣхъ пережитыхъ имъ испытаніяхъ, выносливость и настойчивость р. Акибы въ стремленіи его къ намѣченной цѣли, даетъ представленіе этотъ разсказъ рабанъ Гамліеля.

Пришелъ онъ въ одинъ городъ, но остаться на ночлегъ тамъ ему не дали.

„—Что Богъ дѣлаетъ, все къ лучшему“,—сказалъ р. Акиба.

А на утро оказалось, что тѣмъ полемъ, гдѣ онъ ночевалъ, прошла шайка разбойниковъ, которые ограбили весь городъ, а жителей увели въ плѣнъ.

— Не правъ-ли я былъ?—сказалъ р. Акиба,—что́ Богъ дѣлаетъ, все къ лучшему![1]) *(Берах., 60)*.

„Долгъ повелѣваетъ“.

Когда опасно заболѣлъ сынъ его, р. Симеонъ, р. Акиба ни на одинъ день не прерывалъ занятій съ учениками и только посылалъ время отъ времени узнавать о положеніи больного.

Приходитъ посланный: больному плохо.

— Продолжайте,—говоритъ ученикамъ р. Акиба.

Второй посланный: больному хуже.

— Продолжайте,—повторяетъ ученикамъ р. Акиба.

Третій: больной при смерти.

— Продолжайте.

Наконецъ, сообщаютъ: скончался.

Тогда только всталъ р. Акиба, снялъ съ себя тефилинъ [2]) и разорвалъ одежды свои:

— До послѣдней минуты,—пояснилъ онъ ученикамъ,—мы не имѣли права прерывать св. ученіе. Теперь мы должны исполнить свой долгъ передъ умершимъ.

Несмѣтныя толпы народа собрались на погребеніе, горячо оплакивая смерть покойнаго. Когда народъ послѣ погребенія началъ расходиться, р. Акиба, вставъ на скамью, обратился къ присутствующимъ съ такими словами:

— Братья израильтяне, выслушайте меня. Если-бы сына моего даже женихомъ изъ подъ вѣнчальнаго балдахина похитила смерть, я почелъ-бы себя достаточно утѣшеннымъ за свою потерю тѣмъ почетомъ, какой вы теперь оказали ему. Не ради моей учености вы сдѣлали это,—здѣсь есть лица ученѣе меня; не ради богатства моего,—здѣсь многіе богаче меня. На югѣ Акиба извѣстенъ, а кто въ Галилеѣ знаетъ о немъ? Знакомъ онъ здѣсь мужамъ, но что знаютъ женщины и дѣти о немъ? Людей съ именемъ Акиба на любомъ базарѣ найдется не мало. Но знаю я, что всѣ вы не пожалѣли труда явиться сюда только во имя святого долга передъ умершимъ и изъ благовѣнія

[1]) Во время ночлега въ городѣ онъ подвергся-бы общей участи жителей, но и въ полѣ оселъ и пѣтухъ своимъ крикомъ и лампада своимъ свѣтомъ могли бы выдать разбойникамъ убѣжище р. Акибы.

[2]) Тефилинъ одѣвались законоучителями не только для утренней молитвы, но также на все время занятія ихъ съ учениками.

передъ Торой. И вдвойнѣ велики, поэтому, ваши заслуги. Вотъ что служитъ утѣшеніемъ для меня. Съ миромъ возвратитесь въ дома ваши. *(Симх., гл. 8; М.-К., 21).*

Вельможа обидѣлся.

Однажды начальникъ города Рима Руфусъ говоритъ р. Акибѣ:

— Въ вашемъ Писаніи сказано: „Исава возненавидѣлъ я". За что, скажи, вашъ Богъ такъ не любитъ насъ?

— Завтра я отвѣчу тебѣ на это,—заявляетъ р. Акиба.

На завтра спрашиваетъ Руфусъ:

— Что-же, было тебѣ сонное видѣніе и указано, что̀ отвѣтить мнѣ?

— Именно такъ,—отвѣчаетъ р. Акиба.—Двухъ собакъ я видѣлъ во снѣ; одну зовутъ Руфусъ, другую Руфина [1]). . .

— Какъ!—закричалъ возмущенный градоправитель,—ты для своихъ собакъ другихъ кличекъ не нашелъ, какъ имя мое и моей жены?! Смерти заслуживаешь ты за такую дерзость!

— А велика-ли разница,—спокойно отвѣчаетъ р. Акиба,— между тобой и ими? Ты кушаешь и пьешь, и онѣ ѣдятъ и пьютъ; у тебя рождаются дѣти, у нихъ также; ты умираешь, и онѣ умираютъ. А стоило мнѣ назвать одну изъ нихъ твоимъ именемъ, и ты въ такое негодованіе пришелъ! А Всевышній? Онъ небеса простеръ, Онъ землю основалъ, а ты берешь чурбанъ какой нибудь и Богомъ его называешь! Какъ-же Господу не возненавидѣть васъ, потомковъ Исава? *(Танх.).*

Лисица и рыбы.

Вышелъ отъ Рима указъ, запрещающій евреямъ заниматься изученіемъ Торы.

Нѣкій Папусъ бенъ Іуда, видя, какъ р. Акиба продолжаетъ по прежнему устраивать собранія и всенародно преподавать св. ученіе, говоритъ ему:

— Раби! Неужели ты не боишься гнѣва Императора.?

— Папусъ,—отвѣтилъ р. Акиба,—люди считаютъ тебя умнымъ человѣкомъ, а разсуждаешь ты не лучше любого глупца. Слушай, скажу тебѣ притчу:

Шла лисица по берегу рѣки и видитъ—рыбки мечутся туда-сюда въ большой тревогѣ. И спрашиваетъ лисица:

„—Отъ кого это вы бѣжите, рыбки?"

„—Спасаемся,—отвѣчаютъ онѣ,—отъ сѣтей, закинутыхъ въ рѣку, чтобъ изловить насъ."

„—Такъ выходите лучше на берегъ,—совѣтуетъ лисица,— заживемъ мы мирно вмѣстѣ, какъ жили когда-то мои и ваши предки."

---

[1]) Имя жены Руфуса.

Отвѣчаютъ рыбки:

„—Про тебя, лисица, говорятъ, что ты умнѣйшее изъ животныхъ, а разсуждаешь ты не лучше любого глупца. Ты разсуди: если въ рѣкѣ, гдѣ намъ жить назначено, мы очутились въ такой опасности, то какъ-же мы рѣшимся выйти на сушу, гдѣ вѣрная гибель насъ ждетъ?“.

Точно также и я отвѣчу тебѣ, Папусъ: если и теперь, продолжая изучать Тору, въ которой залогъ жизни и долгоденствія нашего, намъ приходится трепетать за свою жизнь, то что-же будетъ съ нами, когда мы сами откажемся отъ св. Торы нашей? *(Берах., 61).*

Казнь р. Акибы.

Вскорѣ послѣ этого схватили р. Акибу и посадили въ темницу.

На казнь повели его какъ разъ въ тотъ часъ, когда читается молитва „Шема“[1]). Желѣзными гребнями терзали палачи тѣло р. Акибы, а онъ, углубленный въ чтеніе „Шема“, стоялъ, съ покорностью и любовью принимая кару Божью.

— Учитель! Учитель!—восклицали ученики его,—гдѣ-же мѣра терпѣнію твоему?

— Дѣти мои,—отвѣчалъ р. Акиба,—всю жизнь не давало мнѣ покоя заповѣданное намъ: „И люби Господа *всей душою* твоею“. Это значитъ: люби Господа даже въ ту минуту, когда онъ душу отнимаетъ у тебя. „—О, когда-же, наконецъ, придется мнѣ исполнить это?“—думалъ я. И вотъ, сподобилъ меня Господь осуществить мечту мою! Такъ мнѣ-ли теперь роптать противъ Господа?

И до тѣхъ поръ звучало въ устахъ его слово „Единый“[2]), пока не отлетѣла душа его.

И прозвучалъ въ ту минуту Голосъ Небесный:

„—Благо, Акиба, душѣ твоей, отлетѣвшей со словомъ *„Единый“!*

— Господи!—возопили Ангелы-Служенія,—такова-ли Тора, и такова-ли награда ея?

И раздался въ отвѣтъ Голосъ Небесный:

— Благо тебѣ, Акиба! Жизнь грядущая уготована тебѣ. *(Тамъ-же).*

Ночлегъ блаженный.

Тотчасъ послѣ казни р. Акибы къ состоявшему при немъ ученику его р. Іошуѣ Гарсійскому явился Илія-пророкъ и, стоя въ дверяхъ, говоритъ:

— Миръ тебѣ, учитель!

— Миръ и тебѣ, учитель и наставникъ мой,—отвѣчаетъ р. Іошуа.

---

[1]) „Слушай, Израиль! Господь, Богъ нашъ—Богъ единый!“.

[2]) Изъ молитвы „Шема“.

— Не могу-ли я,—продолжаетъ Илія,—чѣмъ нибудь услужить тебѣ?

— Кто ты именно?—спрашиваетъ р. Іошуа.

— Священнослужитель я, и пришелъ сказать тебѣ, что смерть р. Акибы уже наступила.

Отправились оба въ темницу. Двери нашли они отпертыми, а тюремщика и всѣхъ заключенныхъ спящими. Положивъ тѣло на носилки, они вышли съ нимъ изъ темницы. Поднялъ Илія тѣло съ носилокъ и положилъ къ себѣ на плечи. Видя это, р. Іошуа говоритъ:

— Раби, вѣдь ты назвался священникомъ. Какъ-же ты оскверняешь себя прикосновеніемъ къ мертвому?

— Не безпокойся, сынъ мой,—отвѣчаетъ Илія,—какъ святъ Господь, говорю тебѣ: ни отъ праведника, ни отъ учениковъ его оскверненія быть не можетъ.

Дошли они такимъ образомъ до Антипароса. Тутъ они поднялись на три уступа въ гору, по тремъ-же уступамъ спустились внизъ—и открылась передъ нимъ пещера, а въ той пещерѣ стоятъ кресло, скамья, столъ и лампада. Опустили они тѣло на ложе и вышли. Тотчасъ-же загорѣлось пламя въ лампадѣ и входъ въ пещеру закрылся. Видя это, Илія воскликнулъ:

— Блаженны вы, праведники! Блаженны вы, подъемлющіе трудъ ученія! Блаженны вы, носители страха Божьяго! Ибо уготовано и сохранено для васъ пристанище райское въ грядущей жизни. И благо тебѣ, Акиба! Прекрасенъ ночлегъ, въ часъ кончины обрѣтенный тобою!“ *(Ял.-Ш.)*.

Десять великомучениковъ.

„Печать кары Господней“.

Когда отъ безпощадной въ своей жестокости власти римской вышло повелѣніе казнить еврейскихъ законоучителей, пришли къ р. Исмаилу-первосвященнику товарищи его и говорятъ:

— Взойди на небо и узнай, дѣйствительно-ли ниспослана отъ Господа кара эта?

Всталъ р. Исмаилъ и совершивъ очищеніе и, возложивъ на себя молитвенное облаченіе, произнесъ „Шемъ-га-Мефорашъ“. Въ ту-же минуту вѣтеръ поднялъ его и вознесъ на небо.

Встрѣтилъ его архангелъ Гавріилъ и спрашиваетъ:

— Это ты, Исмаилъ, которымъ Творецъ твой гордится постоянно, говоря, что есть у Него слуга на землѣ, являющійся вѣрнымъ отраженіемъ божественнаго образа? Ради чего явился ты сюда?

— Чтобы узнать, закрѣплена-ли печатью Господней кара та?

— Исмаилъ, сынъ мой!—отвѣчаетъ архангелъ,—клянусь, я самъ изъ за „Завѣсы Престольной“ слышалъ объ этомъ: десять законоучителей израильскихъ обречены на казнь властью злодѣйской.

— За что?

— За предателство Іосифа его братьями. День за днемъ Судъ Небесный вопіетъ передъ Престоломъ Всевышняго: „Можетъ-ли быть въ Торѣ хотя единная буква, напрасно написанная? Сказано: „Кто украдетъ человѣка и продастъ его, того должны предать смерти“. Родоначальники десяти колѣнъ продали Іосифа—и понынѣ Ты не взыскалъ за это ни съ нихъ, ни съ ихъ потомковъ“.

— Этимъ,—сказалъ въ заключеніи архангелъ,—и вызвана ниспосланная теперь на васъ кара.

— Отчего-же,—спрашиваетъ р. Исмаилъ,—Господь до сихъ поръ никого не покаралъ за Іосифа?

— Клянусь тебѣ, сынъ мой, понынѣ не нашелъ Господь праведниковъ въ народѣ, столь достойныхъ какъ вы, и поэтому возмездіе возложено на васъ.

Видя, что близко уже скрѣпленіе приговора печатью Господней, возликовалъ злой духъ Самаилъ[1]) и началъ похваляться, говоря:

— Я побѣдилъ Михаила, ангела-хранителя Израиля.

Вознегодовалъ Предвѣчный на Самаила. И призываетъ великаго Архангела Метатрона и говоритъ:

— Напиши и печатью Моей скрѣпи: „Сѣра и пламень на Римъ, городъ злодѣйскій! На людей и на животныхъ, на серебро его, на золото его и на все, что находится въ немъ!

Услышалъ это р. Исмаилъ—и сошелъ миръ въ сердце его. Сталъ онъ ходить по небу и видитъ подобіе жертвенника подлѣ Престола Всевышнаго. И спрашиваетъ онъ Гавріила:

— Что это?

— Алтарь,—отвѣчаетъ архангелъ.

— А какія жертвы приносятся на этомъ алтарѣ?

— Души праведниковъ.

— А кто совершаетъ жертвоприношеніе?

— Великій архангелъ Михаилъ.

Возвратился на землю р. Исмаилъ и разсказалъ товарищамъ о томъ, что приговоръ давно утвержденъ Господомъ. И стали скорбѣть они и радоваться стали въ то-же время, что поставилъ ихъ Господь на вѣсы противу всѣхъ колѣнъ Израиля.

Р. Симеонъ и р. Исмаилъ.

Первыми выведены были на казнь р. Симеонъ бенъ Гамліель и р. Исмаилъ-первосвященникъ.

Не выдержалъ р Симеонъ—заплакалъ.

— О, князь мой юный!—воскликнулъ р. Исмаилъ,—шагъ-другой—и въ лоно праведныхъ откроется доступъ тебѣ. А ты плачешь!

— Сердце мое слезами исходитъ,—отвѣтилъ р. Симеонъ,—вѣдь я не знаю даже, за что я муки принимаю.

— А ты постарайся вспомнить, не было-ли, напримѣръ, такого случая: пришелъ къ тебѣ кто нибудь съ тяжбой или съ требой, не терпящей промедленія. А ты не спѣша заставилъ того человѣка ждать, пока ты допьешъ свой кубокъ, пока ремень на сандаліи завяжешь, въ болѣе нарядную одежду облачишься. По Торѣ-же это значить подвергать человѣка мученіямъ, безразлично на долгое-ли, или на короткое время: И не за это-ли смертныя муки преждевременно ниспосланы тебѣ?

— Учитель, ты утѣшилъ меня[2]),—сказалъ р. Симеонъ.

И оба начинаютъ просить палача. Одинъ говоритъ:

---

[1]) Духъ зла, покровитель Рима.

[2]) Потому что болѣе тяжелаго грѣха я за собой не знаю.

— Я первосвященникъ, сынъ первосвященника, потомокъ Аарона, священнослужителя передъ Господомъ. Казни меня первымъ, чтобъ не видѣть мнѣ мукъ моего товарища.

И другой проситъ:

— Я князь, потомокъ князей, отпрыскъ Давидова дома. Казни меня раньше, чтобы не видѣть мнѣ мукъ товарища моего.

— Киньте между собою жребій,—предлагаетъ палачъ.

Жребій палъ на р. Симеона.

Взмахнулъ палачъ мечемъ и обезглавилъ его. Поднялъ р. Исмаилъ отсѣченную голову и, прижимая ее къ груди, воскликнулъ, заливаясь слезами:

— О, священныя уста, уста праведныя, уста изъ которыхъ яхонты, алмазы и перлы сыпались! Кѣмъ вы теперь въ прахъ повержены, кѣмъ пескомъ и пепломъ наполнены! О, горе, горе! Такова-ли Тора и такова-ли награда ея?

Пока р. Исмаилъ горевалъ такъ, выглянула въ окно дочь кесаря и остановилась очарованная красотой его, ибо р. Исмаилъ былъ однимъ изъ семи красивѣйшихъ мужей на свѣтѣ, и сіяло лицо его подобно лику ангельскому. Преисполнилось сердце царевны жалостью къ нему, и посылаетъ она просить кесаря:

— Отецъ, обѣщай исполнить одну мою просьбу.

Отвѣчаетъ кесарь:

— Исполню всякую просьбу твою, дочь моя; не проси только за р. Исмаила и его товарищей.

Посылаетъ снова она просить отца:

— Молю тебя, подари ему жизнь!

— Это невозможно,—отвѣчаетъ кесарь,—я поклялся казнить его.

Началъ палачъ сдирать кожу на головѣ у р. Исмаила. И когда онъ дошелъ до того мѣста, гдѣ возлагается тефилинъ— земля и небо содрогнулись; повторился стонъ—Престолъ Небесный пошатнулся.

— Господи!—возгласили, не выдержавъ болѣе, Ангелы-Служенія,—праведникъ, передъ которымъ Ты открылъ всѣ сокровищницы высшихъ міровъ и всѣ тайны низшихъ—ему-ли умирать такой ужасной смертью? Такова-ли Тора и такова-ли награда ея?

Отвѣчаетъ Всевышній:

— Какъ помочь мнѣ дѣтямъ моимъ? Это—гезера [1]) и некому изъ смертныхъ устранить ее.

Раздался Голосъ:

„—Еще одинъ вопль р. Исмаила—и я всю вселенную въ пустыню превращу!“

Услыша послѣднія слова, р. Исмаилъ умолкъ.

Говоритъ ему кесарь:

Роковое предопредѣленіе.

— Что-же, все еще уповаешь ты на своего Бога?

— Да, — отвѣчаетъ р. Исмаилъ, — словами Іова: „Если Онъ и убьетъ меня, я на Него уповать буду“.

И съ этими словами отлетѣла душа его.

Когда вѣсть о казни р. Симеона и р. Исмаила дошла до р. Акибы, онъ разорвалъ на себѣ одежды, облекся во вретище и сказалъ ученикамъ:

— Готовьтесь къ великимъ испытаніямъ. Ибо, если-бы милость Божія была суждена намъ, она пришла-бы не иначе какъ черезъ Симеона и Исмаила. Но вѣдомо Тому, Кѣмъ сотворена вселенная, что великая кара грядетъ на землю—и вотъ, взяты отъ насъ праведники эти.

Р. Акиба бенъ Іосифъ.

Повели на казнь р. Акибу—того, кто въ св. письменахъ каждую черточку изъяснялъ, почерпая въ ней истинный *смыслъ* синайскихъ завѣтовъ.

Но въ этотъ моментъ пришла вѣсть о нашествіи изъ Аравіи на римскія владѣнія, и кесарь, спѣша въ походъ, приказалъ отложить казнь и до его возвращенія съ войны держать р. Акибу въ заключеніи.

Возвратясь изъ похода, онъ не замедлилъ возобновить приказъ о казни.

Начали палачи рвать желѣзными гребнями тѣло р. Акибы. Съ любовью принималъ онъ муки и каждый разъ, когда острые зубья впивались въ него, онъ восклицалъ словами предсмертной пѣсни Моисея:

„Твердыня наша!—Совершенны
Дѣла Его, законны всѣ пути.
Богъ—Истина; нѣтъ кривосудья въ Немъ,
И справедливъ Онъ, и правдивъ!“

Раздался Батъ-Колъ:

„—Благо тебѣ, Акиба! Праведенъ ты былъ и правдивъ—и со словомъ „Правдивъ“ отлетѣла душа твоя“.

Р. Ханина бенъ Терадіонъ.

Настала очередь р. Ханины бенъ Терадіона.

Про р. Ханину бенъ Терадіона разсказывали, что это былъ человѣкъ пріятный и Богу, и людямъ. Никто не слышалъ отъ него дурного слова.

Когда вышло запрещеніе заниматься изученіемъ Торы, онъ не переставалъ собирать вокругъ себя народъ и преподавать свои поученія.

Больной р. Іосе бенъ Кисма, котораго онъ зашелъ провѣдать, сталъ увѣщевать его, говоря:

— Ханина, братъ мой! Не видишь-ли самъ, что этому племени [1]) Самымъ Богомъ дана власть надъ нами? Оно опустошило домъ Его, сожгло Его святыню, умертвило праведнѣйшихъ Его, погубило избранныхъ Его—и понынѣ племя это остается невредимымъ. А мнѣ сказали про тебя, что продолжаешь изучать самъ и другимъ преподавать Тору, устраивая собранія и публично держа свитки Завѣта раскрытыми передъ собою.

— Господь милостивъ,—отвѣчаетъ р. Ханина.

— Это не отвѣтъ, Ханина! Я дѣло говорю, а ты отвѣчаешь: „Богъ милостивъ". Чудомъ будетъ, если не сожгутъ тебя вмѣстѣ со свитками на кострѣ.

— Раби,—говоритъ Ханина,—удостоюсь-ли я блаженства?

— Развѣ ты знаешь какой нибудь тяжкій грѣхъ за собою?

— Завѣдуя благотворительными сборами, я однажды деньги, назначенныя на трапезу для неимущихъ въ Пуримъ, роздалъ по ошибкѣ, какъ обычную милостыню бѣднымъ.

— Только то? Я ничего лучшаго не желалъ-бы себѣ, какъ быть на твоемъ мѣстѣ.

Вскорѣ р. Іосе умеръ. На погребеніе его пришли знатнѣйшіе граждане Рима и на обратномъ пути застали р. Ханину читающимъ поученіе съ раскрытымъ свиткомъ Завѣта передъ многочисленнымъ собраніемъ. Привели его на судъ и спрашиваютъ:

— Какъ дерзнулъ ты нарушить приказъ кесаря?

— Я поступилъ такъ, какъ повелѣлъ мнѣ Господь.

Судъ постановляетъ: р. Ханину сжечь на кострѣ, женѣ его отрубить голову, а дочь отдать на публичное позорище.

Вывели р. Ханину на площадь, обернули въ свитокъ Торы и въ такомъ видѣ возвели на костеръ. Затрещалъ охваченный пламенемъ хворостъ. А палачи начали класть на грудь р. Ханинѣ волокна шерсти, напитанныя водою, дабы подольше поддержать въ немъ дыханіе и этимъ продлить мученія.

— Отецъ!—кричитъ въ ужасѣ дочь его,—я не въ силахъ муки твои видѣть!

— Дочь моя!—отвѣчаетъ р. Ханина,—если бы меня одного жгли на кострѣ, я возропталъ-бы, но вмѣстѣ со мною горитъ и св. Тора наша. И Тотъ, Кто явится мстителемъ за нее, отомститъ и за меня.

Спрашиваютъ ученики:

— Раби, что̀ видишь ты въ эти минуты?

— Вижу,—отвѣчаетъ р. Ханина: пергаментъ сгораетъ, а буквы возносятся въ вышину.

— Раби!—совѣтуютъ они,—вдохни въ себя пламя—и скорѣе наступитъ конецъ твоимъ мукамъ.

---

[1]) Римлянамъ.

— Пусть Тотъ, Кто далъ мнѣ душу, приметъ ее у меня,— отвѣчаетъ р. Ханина, а самъ я ускорять свою смерть не стану.

Тутъ уже и самъ палачъ не могъ дольше видѣть его муки и спрашиваетъ онъ р. Ханину:

— Раби, если я сниму мокрую шерсть и усилю пламя, введешь-ли ты меня въ жизнь вѣчную?

— Да,—отвѣчаетъ р. Ханина.

— Поклянись мнѣ въ этомъ.

— Клянусь.

Сдѣлалъ такъ палачъ. И отлетѣла въ вѣчность душа мученика. Въ ту-же минуту и палачъ бросился на костеръ и исчезъ въ пламени.

И зазвучалъ Батъ-Колъ:

„—Раби Ханина и палачъ его съ нимъ грядутъ въ жизнь вѣчную!“

По поводу этого Рабби [1]) говорилъ со слезами на глазахъ:

— Кому удастся одной минутой обрѣсти вѣчную жизнь, а кому долгими годами приходится выносить самыя мучительныя испытанія.

Р. Іуда бенъ Баба.

Про р. Іуду бенъ Баба разсказываютъ, что съ восемнадцати до восьмидесяти лѣтъ своей жизни онъ не знавалъ сна, довольствуясь, какъ это наблюдается у лошади, легкой и кратковременной дремотой. День и ночь онъ отдавалъ ученью.

Однажды вышелъ указъ, запрещающій выдавать семиху [2]), подъ страхомъ смерти какъ выдающаго, такъ и получающаго ее. Кромѣ того, указомъ налагалась строгая отвѣтственность на весь городъ и на окрестныя мѣстности, въ предѣлахъ которыхъ нарушено будетъ это запрещеніе.

Поразмысливъ надъ этимъ, р. Іуда прибѣгнулъ къ такому исходу: приглядѣлъ онъ мѣсто въ горахъ, лежащее между двумя городами съ ихъ округами и на полъ пути между Ушой и Сефареамъ. Тамъ пріютился онъ съ пятью учениками: р. Меиромъ, р. Іудою, р. Симеономъ, р. Іосе и р. Элазаромъ бенъ Шаммуа, чтобы подготовить ихъ къ семихѣ.

Когда убѣжище ихъ было открыто, говоритъ имъ р. Іуда:

— Дѣти мои, скорѣй бѣгите отсюда.

— Учитель, что-же съ тобой будетъ?—возражаютъ ученики.

— Обо мнѣ не тревожьтесь: я останусь здѣсь подобно скалѣ, которой не сдвинуть съ мѣста.

---

[1]) Такъ именовали въ сокращеніи р. Іуду Га-Насси.

[2]) Аттестатъ на званіе раввина.

Преданіе гласитъ, что когда явились римляне р. Іуда оставался на своемъ мѣстѣ, и триста дротиковъ, пущенныхъ въ него римлянами, изрѣшетали все тѣло его.

Р. Іуда бенъ Дамма.

Повели казнить р. Іуду бенъ Дамма. Тотъ день былъ канунъ пятидесятницы [1]).

Проситъ р. Іуда у кесаря:

—Отпусти меня на короткое время—дай встрѣтить святой праздникъ и поблагодарить Господа за дарованіе намъ Торы.

— Какъ, ты до сихъ поръ еще вѣришь,—восклицаетъ кесарь,—въ Тору и въ Бога, который далъ вамъ ее?!

— Вѣрую!—отвѣчаетъ р. Іуда.

— На какую-же еще награду за свою Тору можешь ты разсчитывать?

— На это уже давно данъ отвѣтъ Давидомъ,—миръ душѣ его: „Какъ велико благо Твое, которое Ты хранишь для боящихся Тебя!“

— Подобныхъ вамъ безумцевъ и на свѣтѣ не было. Неужели вы дѣйствительно вѣрите въ загробную жизнь?

Отвѣчаетъ р. Іуда:

— Безумцевъ, подобныхъ *вамъ,* дѣйствительно нѣтъ и не было на свѣтѣ. Возможно ли отрицать существованіе Бога Живого? И горе-же тебѣ будетъ, когда увидишь насъ въ сіяніи вѣчной жизни, а самъ, въ стыдѣ и позорѣ, поверженъ будешь въ преисподнюю!

Воспылалъ гнѣвомъ кесарь—и велитъ онъ привязать р. Іуду за волосы къ хвосту дикой лошади и влачить по улицамъ Рима, а затѣмъ изрубить тѣло его въ куски.

Когда казнь была совершена, явился блаженной памяти Илія-пророкъ и, подобравъ куски, предалъ ихъ погребенію въ пещерѣ у рѣки, протекающей вблизи Рима. И впродолженіи тридцати дней послѣ этого слышали римляне рыданія и стоны, доносившіеся изъ той пещеры.

Доложили объ этомъ кесарю. А онъ крикнулъ въ отвѣтъ:

— Если-бы и всему міру грозило разрушеніе, я до тѣхъ поръ не успокоюсь, пока не выполню волю свою надъ старѣйшинами еврейскими.

Раби Хуцпитъ Тургеманъ.

По преданію, р. Хуцпиту въ то время было сто тридцать лѣтъ, а онъ и тогда еще былъ красивъ лицомъ, какъ ангелъ Божій.

Доложили кесарю о красотѣ и глубокой старости осужденнаго и стали просить:

[1]) Шевуотъ—день полученія Моисеемъ Завѣта на Синаѣ.

— Жизнью твоей заклинаемъ тебя, государь, смилуйся надъ этимъ старцемъ!

Спрашиваетъ кесарь р. Хуцпита:

— Сколько лѣтъ тебѣ?

— Сто тридцать лѣтъ безъ одного дня,—отвѣчаетъ старецъ.—И я прошу тебя: отложи мою казнь до завтра и дай исполниться числу лѣтъ моихъ.

— Но развѣ тебѣ умирать не все равно,—удивляется, кесарь,—что днемъ раньше, что днемъ позже?

Отвѣчаетъ р. Хуцпитъ.

— Я хотѣлъ-бы еще два повелѣнія Божьи исполнить?

— Какія-же это повелѣнія?

— Еще дважды прочитать „Шема“, утромъ и вечеромъ, дважды еще признать надъ собою власть Единаго Бога, Великаго и Страшнаго.

—О, дерзкіе! О, неукротимые!—разражается крикомъ кесарь,—доколѣ вы еще будете уповать на вашего Бога. Вѣдь этотъ Богъ вашъ уже состарился и не въ силахъ больше защитить васъ отъ меня. Кабы не безсиліе Его, развѣ Онъ давно уже не разсчитался-бы со мною за Себя, за Свой народъ, за Свой храмъ, какъ Онъ сдѣлалъ это съ фараономъ, съ Сисарой и со всѣми царями ханаанскими?

Слыша такое богохульство, горько зарыдалъ р. Хуцпитъ и, разорвавъ на себѣ одежды, воскликнулъ:

— Горе, горе тебѣ, кесарь! Что станешь ты дѣлать въ тотъ день, когда придетъ Господь, чтобы воздать по заслугамъ Риму и богамъ его?

— Довольно препираться со мною этому старику!—крикнулъ кесарь.—Казнить его!

Р. Хуцпита сперва закидали камнями, а затѣмъ распяли!

Р. Ханина бенъ Хахинай.

Вывели на мѣсто казни р. Ханину бенъ Хахиная.

Преданіе гласитъ, что всю жизнь свою, съ двѣнадцати и до девяностопятилѣтняго возраста, онъ провелъ въ постѣ.

День, когда его повели на казнь, былъ канунъ субботы.

Стоя передъ палачами, онъ приступилъ къ чину „Встрѣчи Субботы“.

„И совершены были небо и земля,
И всѣ сонмы ихъ.— — —
И Богъ благословилъ день седьмой
И освятилъ его“.

И едва онъ произнесъ слово „освятилъ“, напали на него палачи и умертвили его.

И Батъ-Колъ возгласилъ:

„—Благо тебѣ, Ханина бенъ Хахинай! Ты святъ—и со словомъ „Святъ“ отлетѣла душа твоя!“

Р. Іешевавъ Га-Соферъ.

Когда повели казнить р. Іешевава Га-Софера, ученики стали говорить ему:

— Учитель, что съ Торою станется?

— Дѣти мои,—отвѣчаетъ онъ имъ,—наступаетъ время, когда Тора забыта будетъ въ народѣ. Недаромъ злодѣйское племя это принялось съ такой наглостью уничтожать лучшую красу нашу, достойнѣйшихъ и славнѣйшихъ среди насъ. О, если-бы моя смерть послужила уже послѣднимъ искупленіемъ для всего поколѣнія нашего! Но, увы, я предвижу, что не останется ни одной улицы въ Римѣ, гдѣ не валялись-бы кости еврейскія. О, много, много крови еврейской будетъ еще пролито этими злодѣями.

— Что-же слѣдуетъ намъ дѣлать, учитель?

— Стойте крѣпко одинъ за другого, живите между собою мирной и праведной жизнью. Можетъ быть не всѣ еще надежды потеряны.

Спрашиваетъ кесарь:

— Сколько лѣтъ тебѣ, старикъ?

— Сегодня,—отвѣчаетъ р. Іешевавъ,—мнѣ девяносто исполнилось. Но еще въ чревѣ матери надо мною произнесенъ былъ приговоръ—и мнѣ, и товарищамъ пасть отъ руки твоей. Но знай, кесарь, Господь взыщетъ съ тебя за кровь нашу.

— Сейчась-же казните и этого!—крикнулъ кесарь,—и посмотримъ, каковы власть и сила его Бога.

Р. Іешевава сожгли живымъ на кострѣ.

Р. Эліэзеръ бенъ Шаммуа.

Повели казнить р. Эліэзера бенъ Шаммуа.

По преданію, ему тогда было сто пять лѣтъ. Съ дѣтства и до послѣднихъ дней его никто не слыхалъ отъ него легкомысленнаго или дурного слова; ни съ кѣмъ ни разу не выходило у него ссоры. Это былъ человѣкъ величайшей скромности и миролюбія. Восемьдесятъ лѣтъ онъ провелъ въ постоянныхъ постахъ.

День, когда его повели на казнь, былъ Іомъ-Кипуръ.

Спрашиваютъ ученики:

— Учитель, скажи, что̀ въ эту минуту открыто очамъ твоимъ?

— Воды потока Шилоахъ вижу я, и душа каждаго праведника погружается въ нихъ, чтобы чистою войти въ Іешива-шелъ-Маала [1]) и слушать тамъ сегодняшнее поученіе р. Акибы.

---

[1]) Небесная школа, гдѣ души праведниковъ продолжаютъ заниматься изученіемъ Торы.

И вижу я: для каждаго праведника особымъ ангеломъ ставится золотой тронъ, чтобы возсѣдать на немъ въ чистотѣ небесной.

Велитъ кесарь казнить его.

И въ эту минуту звучитъ Батъ-Колъ:

„—Благо тебѣ, Элiэзеръ бенъ Шаммуа! Чиста была твоя душа—и со словомъ „чистота“ отлетѣла она въ вѣчность“.

Р. Iохананъ говоритъ:

„—Горе имъ, горе народамъ языческимъ, ибо нѣтъ достаточно грознаго искупленiя для нихъ. Пророкъ говоритъ: „Отнятую мѣдь я восполню золотомъ, желѣзо—серебромъ, серебро—мѣдью, камни—желѣзомъ. Чѣмъ-же могутъ враги за р. Акибу и его товарищей отвѣтить? Про нихъ и сказано: „И смою кровь ихъ, которая еще не смыта Мною“. *(Мид. Эл.-Эз.; Р. га-Ш., 23; Санг., 14; Аб.-з., 17; Аб. де-р. Н., гл. 38; Симх., гл. 7).*

Р. Меиръ (Негораи). Элиша бенъ Абуя (Ахеръ.) Берурія.

Ремесло р. Меира.

Р. Меиръ былъ переписчикомъ св. книгъ, и чрезвычайно искуснымъ. Зарабатывая три шекеля въ день, онъ тратилъ шекель на пропитаніе, шекель на одежду, а третій шекель отдавалъ въ помощь неимущимъ ученымъ.

Ученики однажды спросили его:

— Учитель, кто-же о твоихъ дѣтяхъ позаботится?

— Псалмопѣвецъ говоритъ, — отвѣтилъ р. Меиръ—: „Я былъ молодъ и состарѣлся, но не видалъ праведника оставленнаго и дѣтей его просящихъ хлѣба“.—Будутъ дѣти мои вести праведную жизнь—Господь ихъ не оставитъ, а если нѣтъ, то зачѣмъ стану я заботиться[1]) о врагахъ Божьихъ? *(Эх.-Р.)*.

Священная работа.

Р. Меиръ разсказывалъ:

— Когда я поступилъ въ число учениковъ къ р. Исмаилу, онъ спросилъ меня:

— Чѣмъ ты, сынъ мой, занимаешься?

— Перепискою св. книгъ,—отвѣтилъ я.

— Сынъ мой, — сказалъ учитель—будь чрезвычайно внимателенъ къ своей работѣ: пропустишь одну букву или прибавишь букву—и можетъ произойти переворотъ въ умахъ во всемъ мірѣ *(Эрув., 13)*.

Титанъ.

Видавшіе р. Меира во время его занятій св. наукой, говорили, что онъ пламеннымъ воодушевленіемъ напоминалъ титана, выламывающаго скалы, измалывая ихъ въ порошокъ одну о другую. *(Санг., 24)*.

[1]) Т. е. копить для нихъ.

Изъ за чинопочитанія.

Р. Симеонъ бенъ Гамлiель носилъ титулъ „Насси", р. Меиръ—„Хахамъ", р. Натанъ—„Абъ-бетъ-динъ". Въ обычаѣ было, что при входѣ каждаго изъ нихъ всѣ присутствующіе въ академіи вставали съ своихъ мѣстъ.

Не понравился обычай этотъ р. Симеону:

„—Недопустимо,—рѣшилъ онъ, чтобы между мною, патріархомъ, и ими не было никакой разницы чинопочитанія".

И ввелъ онъ новое правило:

При появленіи патріарха встаютъ всѣ и остаются на ногахъ, пока онъ не скажетъ: садитесь. При входѣ абъ-бетъ-дина ближайшіе къ проходу становятся двумя шеренгами и стоятъ, пока онъ не сядетъ на свое мѣсто. При входѣ-же хахама и слѣдованіи его къ своему мѣсту поднимаются поочередно—передніе встаютъ, а тѣ, которые позади, садятся.

Въ тотъ день, когда новое правило было введено, р. Меира и р. Натана какъ разъ не было въ академіи. На завтра-же, придя въ академію, видятъ они—не всѣ встали передъ ними, какъ бывало прежде, и спрашиваютъ:

— Что значитъ это?

— Такъ установилъ,—отвѣчаютъ имъ,—р. Симеонъ бенъ Гамлiель.

И говоритъ р. Меиръ р. Натану:

— Я хахамъ, ты абъ-бетъ-динъ. Придумаемъ что нибудь противъ него. И вотъ что пришло мнѣ на мысль: потребуемъ, чтобы онъ публично прочелъ лекцію по трактату „Окцинъ"—предмету ему мало знакомому. Онъ неизбѣжно растеряется. Этимъ мы воспользуемся, чтобы низвергнуть его съ патріаршества. И станешь ты патріархомъ, а я абъ-бетъ-диномъ.

О заговорѣ этомъ провѣдалъ р. Іаковъ бенъ Карши и рѣшилъ предупредить недостойное столкновеніе. Съ этой цѣлью онъ помѣстился рядомъ съ комнатой р. Симеона и принялся громко читать и повторять трактатъ „Окцинъ"? Слышитъ это р. Симеонъ и удивляется, по какому случаю ученикъ этотъ взялся за трактатъ „Окцинъ"? Не иначе, что тамъ, въ академіи, задумано противъ него, р. Симеона, что-то недоброе. Садится р. Симеонъ и усердно принимается за трактатъ „Окцинъ".

На завтра, когда онъ появился въ академіи, раздались голоса:

— Просимъ раби читать о трактатѣ „Окцинъ".

Прочиталъ р. Симеонъ свою лекцію, а затѣмъ обратился къ р. Меиру и р. Натану:

— И такъ, не изучи я предварительно этотъ трактатъ, вы опозорили-бы меня передъ всей академіей?

И приказываетъ удалить ихъ изъ академіи.

Стали послѣ этого р. Меиръ и р. Натанъ поступать такъ: напишутъ разные головоломные вопросы и черезъ окна бросаютъ записочки р. Симеону въ залъ академіи. На одни вопросы р. Симеонъ давалъ отвѣты, а на которые онъ отвѣчать не умѣлъ, р. Меиръ съ р. Натаномъ сами писали отвѣты и записки свои снова бросали черезъ окно въ залъ академіи.

Видя это, р. Іосе заявилъ громогласно:

— Что-же это, однако?—Тора—тамъ, на дворѣ, а мы здѣсь!

Поневолѣ пришлось патріарху вновь разрѣшить имъ свободный входъ въ академію. Но при этомъ онъ поставилъ условіемъ, въ видѣ наказанія для нихъ, имена ихъ ни съ какой галахой въ связи не упоминались. Съ тѣхъ поръ, вмѣсто „р. Натанъ говоритъ", произносили: „*одни* говорятъ", а вмѣсто „р. Меиръ говоритъ"—„*другіе* говорятъ".

Былъ обоимъ имъ сонъ: „Повелѣвается вамъ извиниться передъ р. Симеономъ!"

Р. Натанъ послушался, а р. Меиръ нѣтъ:

„—Сновидѣніямъ,—сказалъ онъ,—я значенія не придаю".

Сурово встрѣтилъ патріархъ явившагося съ повинной р. Натана:

— Стать абъ-бетъ-диномъ,—сказалъ онъ,—помогъ тебѣ золотой поясъ твоего отца[1]); но чтобы сдѣлаться патріархомъ—ты на что разсчитывать можешь?... *(Гор., 13)*.

Ахеръ. [2])

Въ одну изъ субботъ р. Меиръ проповѣдывалъ въ школѣ въ Тиверіадѣ, а бывшій учитель его Элиша катался въ это время верхомъ на лошади по базару. Сказали объ этомъ р. Меиру. Пошелъ онъ къ Элишѣ.

Спрашиваетъ Элиша р. Меира:

— Какой текстъ взялъ ты для сегодняшней проповѣди?

— Я началъ,—отвѣчаетъ р. Меиръ,—стихомъ изъ книги Іова: „И Господь благословилъ конецъ жизни Іова болѣе, чѣмъ начало ея"—т. е. удвоилъ богатство Іова.

— Учитель твой Акиба,—замѣчаетъ на это Элиша,—иначе толковалъ этотъ стихъ: „Господь благословилъ конецъ жизни Іова *въ награду за начало ея,* т. е. за прежнее благочестіе и добродѣтели Іова.—А дальше о чемъ говорилъ ты?

— Я говорилъ на стихъ изъ Еклезіаста: „Конецъ дѣла лучше начала".

— А что сказалъ ты по поводу этого изреченія?

— Бываетъ,—сказалъ я,—что человѣкъ въ молодые годы купитъ товару и потерпитъ убытокъ, а на старости лѣтъ при-

[1]) Отецъ р. Натана былъ экселархомъ въ Вавилонѣ.

[2]) Ахеръ—иной.—Такъ прозванъ былъ Элиша послѣ отпаденія его отъ религіи іудаизма. Былъ, какъ и р. Акиба, учителемъ р. Меира.

быль получить. Тоже бываетъ съ человѣкомъ, который въ молодости грѣшенъ, а на старости становится добродѣтельнымъ и благочестивымъ.

— Учитель твой Акиба,—говоритъ опять Элиша,—иначе объяснялъ это изреченіе „конецъ дѣла лучше начала“: „Конецъ дѣла говорилъ онъ, лучше, *если начало его доброе*“. Возьми, для примѣра, меня. Отецъ мой Абуя былъ однимъ изъ значительнѣйшихъ людей своего времени. Празднуя мое рожденіе, онъ разослалъ приглашенія знатнѣйшимъ людямъ Іерусалима. Между прочимъ приглашены были р. Эліэзеръ и р. Іошуа. Послѣ трапезы развеселившіеся гости принялись пѣть: евреи—каноны, эллины—забавные акростихи.

Говоритъ р. Эліэзеръ р. Іошуѣ:

— Эти добрые люди занялись пѣніемъ. Не займемся-ли и мы, чѣмъ намъ подобаетъ?

Завязалась у нихъ нравоучительная бесѣда; отъ Торы перешли къ пророкамъ, отъ пророковъ къ гаіографамъ. Свѣжими, новыми звучали слова Писанія, словно сейчасъ на Синаѣ провозглашенныя и божественнымъ огнемъ осіянныя. Видя это, отецъ мой сказилъ:

— Убѣждаясь, насколько могущественна власть Торы, обѣщаю: новорожденнаго сына моего, если онъ живъ будетъ, посвятить всецѣло священной наукѣ.

Небезкорыстно, какъ видишь, было это обѣщаніе. И поэтому-то я и не устоялъ передъ соблазнами жизни.—Разскажи, однако, о чемъ еще говорилъ ты въ своей проповѣди?

— Я говорилъ на стихъ: „То и другое создалъ Богъ“.

— Какъ объяснялъ ты этотъ стихъ?

— Планомѣрно все въ природѣ: горы—и равнины; моря—и рѣки.

— Нѣтъ, учитель твой Акиба иначе объяснялъ этотъ стихъ. „Господь,—говорилъ онъ,—создалъ праведниковъ и создалъ грѣшниковъ, создалъ рай и создалъ адъ. Каждому человѣку уготованы двѣ доли, одна въ раю, другая въ аду. Праведникъ получаетъ обѣ, за себя и за грѣшника, доли райскаго блаженства, грѣшнику-же достается возмездіе и за себя, и за праведника въ безднахъ преисподней.—И еще о чемъ говорилъ ты?

— О стихѣ: „Не равняется съ нею (Торою) золото и стекло, и не вымѣняешь ее на сосуды изъ золота чистѣйшаго“.

— Какъ объяснялъ ты этотъ стихъ?

— Тора,—сказалъ я,—подобна и золоту, и стеклу: пріобрѣсти ее трудно, какъ издѣлія изъ чистѣйшаго золота, а лишиться ее легко, какъ сосудовъ стекляныхъ.

— Клянусь Богомъ, даже какъ сосудовъ глиняныхъ. Ничего не можетъ быть легче. Однако, учитель твой Акиба давалъ этому изреченію другое объясненіе:

„—Золотые и стеклянные сосуды,—говорилъ онъ,—если и разобьются, ихъ можно починить. Также и ученый: если онъ и согрѣшитъ, для него возможно раскаяніе".

— Если такъ,—говоритъ р. Меиръ,—раскайся-же и ты!

— Для меня это уже невозможно.

— Но почему?

— Однажды въ Іомъ-Кипуръ, совпавшій съ субботнимъ днемъ, я проѣзжалъ верхомъ мимо бетъ-гамидраша, и услышалъ я оттуда Батъ-Колъ, громко возвѣщавшій:

„—Возвратитесь, заблудшія дѣти! Возвратитесь ко Мнѣ, и Я обращу лицо Мое къ вамъ. Всѣ возвратитесь, всѣ, кромѣ Ахера, познавшаго могущество Мое—и возставшаго противъ Меня!"

Замѣтивъ, что кончился техумъ[1]), говоритъ Элиша р. Меиру:

— Возвратись, Меиръ, домой; по шагамъ моей лошади я вижу, что мы прошли техумъ.

— *Возвратись* и ты, Элиша!—убѣждаетъ его р. Меиръ.

— Я уже говорилъ тебѣ,—отвѣчаетъ Ахеръ,—о слышанномъ мною Батъ-Колъ: „*Всѣ—за исключеніемъ Ахера*!".

Уступая настойчивымъ просьбамъ р. Меира, Элиша согласился посѣтить вмѣстѣ съ нимъ нѣкоторыя школы для дѣтей. Входятъ они въ ближайшую школу.

— Какой стихъ проходилъ ты сегодня?—обращается р. Меиръ къ одному изъ учениковъ.

„—Нѣтъ мира нечистивымъ—говоритъ Господь".

Входятъ въ слѣдующую школу—и ученикъ на тотъ-же вопросъ отвѣчаетъ:

„—Хотя-бы умыла себя щелокомъ и много потратила на себя мыла, нечестіе твое все останется пятномъ предо Мною, говоритъ Господь Богъ".

Въ третьей школѣ:

„—А ты, опустошаемая, что станешь дѣлать? Хотя наряжаешься въ пурпуръ, надѣваешь на себя золотыя украшенія, очерчиваешь глаза свои румянами, но напрасно украшаешь себя: презрѣли тебя любовники—они ищутъ души твоей".

Побывали они такимъ образомъ въ тринадцати школахъ, и вездѣ отвѣты учениковъ содержали дурное предзнаменованіе для Ахера.

Послѣдній изъ школьниковъ, къ которому р. Меиръ обратился съ тѣмъ-же вопросомъ, прочиталъ стихъ:

„Нечестивому-же сказалъ Богъ: „Что тебѣ до Моихъ уставовъ?".

Разсказывали про Ахера, что при посѣщеніи имъ школъ онъ, указывая на дѣтей, сидящихъ за учебниками, говорилъ:

[1]) Пространство въ 2000 локтей, которое дозволено пройти въ субботніе и праздничные дни въ окрестностяхъ города.

„—Къ чему они сидятъ за этими ненужными книжками? Этому лучше-бы сдѣлаться каменщикомъ, тому столяромъ, третьему малярому, четвертому портнымъ“.

Слыша это, дѣти оставляли книги и совершенно прекращали ученіе.

Еще разсказывали про Ахера, что онъ постоянно напѣвалъ какую нибудь греческую пѣсенку, а когда онъ находился въ бетъ-гамидрашѣ, ронялъ изъ кармановъ разныя книги еретическаго содержанія.

Какъ началось вѣроотступничество Ахера?

Разсказываютъ слѣдующее:

Однажды въ субботу онъ сидѣлъ, занимаясь св. ученіемъ, въ Генесаретской долинѣ. И видитъ онъ—нѣкій израильтянинъ влѣзаетъ на верхушку пальмы, беретъ изъ гнѣзда птицу-мать отъ едва вылупившихся птенцовъ и уходитъ благополучно. Въ ту-же субботу вечеромъ другой израильтянинъ влѣзъ на дерево, сперва согналъ съ гнѣзда птицу (какъ и повелѣвается Торою) и затѣмъ взялъ птенцовъ. Но едва онъ сошелъ съ дерева на землю, его ужалила змѣя, и онъ тутъ-же скончался.

Глубоко задумался Элиша надъ этимъ случаемъ:

„—Какъ-же такъ?—размышлялъ онъ,—въ Торѣ сказано: „Мать отпусти, а птенцовъ возьми себѣ—чтобы тебѣ было хорошо, и чтобы продлились дни твои“. Гдѣ обѣщанное добро и долгоденствіе этого человѣка?“

Это и послужило началомъ его вѣроотступничества.

Когда Элиша заболѣлъ, пришелъ къ нему р. Меиръ и началъ его убѣждать:

— Покайся и возвратись къ вѣрѣ.

— Но можетъ-ли еще быть принято мое раскаяніе?

— А развѣ не сказано: „Ты возвращаешь человѣка до сокрушенія“? Т. е. доведя человѣка до окончательнаго сокрушенія духа его.

Заплакалъ Элиша и со слезами на глазахъ скончался.

— Эти слезы показываютъ,—радостно воскликнулъ р. Меиръ,—что учитель мой умеръ раскаявшимся.

Едва его похоронили, палъ съ небесныхъ высотъ огонь на могилу и началъ охватывать ее пламенемъ.

Извѣстили р. Меира:

„—Могила твоего учителя вся въ пламени!“

Поспѣшилъ туда р. Меиръ. Разостлалъ онъ надъ пылающей могилой молитвенное покрывало свое, и громко и властно зазвучалъ голосъ его словами Ноемини:

„Lini halajlo"—проспи мирно ночь эту—проспи время, пока я, ученикъ твой, остаюсь въ темной какъ ночь земной юдоли до свѣтлаго утра воскресенія моего въ жизни вѣчной. Помилуетъ тебя Искупитель—хорошо; нѣтъ—клянусь: живъ Господь, я самъ спасу и избавлю тебя. Спи мирно до утра!"

И въ ту-же минуту пламя на могилѣ погасло.

Существуетъ еще такое преданіе:

Ученые были того мнѣнія, что Ахера на томъ свѣтѣ судить не будутъ, но не удостоится онъ и жизни грядущей: судить его не будутъ—потому что онъ занимался изученіемъ Торы, а блаженства онъ лишенъ будетъ за прегрѣшенія свои. Р. Меиръже говорилъ:

— Нѣтъ, справедливѣе, чтобы онъ искупилъ муками грѣхи свои, но и блаженства грядущей жизни удостоился-бы. Оно такъ и будетъ. И послѣ смерти моей, вы, въ знакъ этого, увидите, что дымъ пойдетъ изъ его могилы.

И послѣ кончины р. Меира пошелъ дымъ изъ могилы Ахера.

Видя это, сказалъ р. Іохананъ:

— Геройство-ли это—обречь на сожженіе учителя своего! Единственный въ своемъ родѣ былъ онъ среди насъ, и не могли уберечь его! Если-бы онъ подъ моимъ вліяніемъ находился, кто въ силахъ былъ-бы отнять его у меня? Когда я умру, я съумѣю прекратить дымъ изъ могилы его.

И послѣ кончины р. Іоханана дымъ изъ могилы Ахера прекратился.

Ради семейнаго мира.

Однажды въ канунъ субботы, вечеромъ, одна женщина до того заслушалась проповѣди р. Меира, что вернулась домой, когда лампады уже успѣли догорѣть.

— Ты гдѣ это была такъ поздно?—спрашиваетъ мужъ.

— Слушала проповѣдь р. Меира.

Мужъ, человѣкъ склонный къ грубымъ шуткамъ, крикнулъ ей:

— Пусть будетъ, что угодно, но ты не переступишь моего порога прежде чѣмъ не пойдешь и не плюнешь въ лицо этому проповѣднику!

[И выгналъ ее изъ дому].

Прошла недѣля, другая, третья. Говорятъ ей сосѣдки:

Ты все еще съ мужемъ въ ссорѣ? Соберись, пойдемъ съ нами къ проповѣднику.

Р. Меиру уже было извѣстно объ этомъ случаѣ, и, когда женщины пришли, онъ вышелъ къ нимъ съ повязкой на глазу и спрашиваетъ:

— Не умѣетъ-ли кто изъ васъ ячмень на глазу заговорить?

Сосѣдки и говорятъ тихонько той женщинѣ:

— Иди-ка ты, пошепчи и сплюнь ему въ больной глазъ— мужъ и помирится съ тобою.

Женщина направилась было къ р. Меиру, но, подойдя поближе, оробѣла.

— Учитель,—созналась она,—это неправда, я заговорить глазъ не умѣю.

— Ничего, не бѣда, дочь моя,—успокоилъ ее р. Меиръ,— ты только плюнь мнѣ въ лицо семь разъ, я и вылѣчусь.

Женщина такъ и сдѣлала.

— А теперъ,—заявилъ ей р. Меиръ,—иди къ своему мужу и скажи: „Ты приказалъ плюнуть разъ, а я цѣлыхъ семъ разъ плюнула".

— Раби!—взволновались ученики,—пристойно-ли ученому такъ унижать себя?

— Никакого тутъ униженія для меня нѣтъ,—отвѣтилъ р. Меиръ,—упроченіе мира между мужемъ и женой самъ Богъ считаетъ великимъ и святымъ дѣломъ. *(Ваик.-Р., гл. 9)*.

Убѣжище сатаны.

Были два человѣка, которыхъ сатана возстанавливалъ другъ противъ друга—и постоянно при наступленіи св. субботы люди эти затѣвали между собою ссору.

Случилось побывать въ томъ мѣстѣ р. Меиру. Три недѣли подрядъ въ канунъ субботы онъ удерживалъ ихъ отъ ссоры—и они наконецъ помирились и стали друзьями. И услышалъ р. Меиръ вопль сатаны:

— Горе мнѣ! Раби Меиръ изъ убѣжища моего изгналъ меня! *(Гит., 52)*.

Мой братъ Ки-Товъ.

Въ одномъ изъ южныхъ городовъ былъ содержатель заѣзжаго двора, который вмѣстѣ съ шайкою грабителей обиралъ своихъ постояльцевъ. Поступалъ онъ такъ: встанетъ ночью, одѣнется по дорожному и пойдетъ будить пріѣзжихъ, говоря:

— Вставайте, отправляйтесь по холодку въ дальнѣйшій путь. Я пойду провожу васъ.

Проѣзжіе отправлялись вслѣдъ за нимъ, а грабители уже подстерегали ихъ и всѣмъ награбленнымъ дѣлились съ содержателемъ заѣзжаго двора.

Случилось и р. Меиру заночевать тамъ. Встаетъ, по своему обыкновенію, хозяинъ и предлагаетъ проводить его въ дорогу. Р. Меиръ-же отвѣчаетъ:

— Мнѣ надо подождать здѣсь моего брата.

— А гдѣ онъ теперь находится?

— Въ синагогѣ.
— Какъ зовутъ его?
— Ки-Товъ.
Отправляется хозяинъ къ синагогѣ и начинаетъ звать:
— Ки-Товъ! Ки-Товъ! Гдѣ тутъ Ки-Товъ?

Никто не откликается. Всю ночь проходилъ онъ, ища Ки-Това.

Когда начало разсвѣтать, поднялся р. Меиръ, вывелъ своего осла и сталъ собираться въ дорогу.

— Гдѣ-же,—спрашиваетъ хозяинъ,—твой братъ, котораго ты здѣсь ждалъ?

— Да вотъ-же онъ и пришелъ,—отвѣчаетъ р. Меиръ,—указывая на восходящее солнце: „И видѣлъ Господь свѣтъ—*ки-товъ* (что онъ хорошъ)". *(Береш.-Р., гл. 92)*.

Отданное на храненіе.

Однажды на исходѣ субботы, когда р. Меиръ произносилъ проповѣдь въ бетъ-гамидрашѣ, внезапно умерли оба его сына. Положила ихъ Берурія, жена р. Меира, на ложе и покрыла ихъ простыней.

Возвратившись домой, спрашиваетъ р. Меиръ:
— Гдѣ дѣти?
— Въ бетъ-гамидрашѣ,—отвѣчаетъ Берурія.
— Странно,—говоритъ р. Меиръ,—я смотрѣлъ, но не видѣлъ ихъ тамъ.
Подаетъ ему жена кубокъ для „Гавдалы".
Послѣ „Гавдалы" р. Меиръ спрашиваетъ снова:
— Гдѣ-же, однако, дѣти?
— Должно быть, погулять пошли и скоро возвратятся.
Давъ мужу поужинать, Берурія говоритъ:
— Раби, позволь предложить тебѣ одинъ вопросъ.
— Спрашивай.

— На дняхъ нѣкто отдалъ мнѣ одну вещь на храненіе, а сегодня пришелъ взять ее обратно. Должна-ли я возвратить ее, или нѣтъ?

— Дочь моя!—говоритъ р. Меиръ,—надо-ли возвратить чужую собственность? Какъ ты можешь еще спрашивать объ этомъ?

— Безъ твоего вѣдома я не хотѣла сдѣлать это,—говоритъ Берурія,—и съ этими словами она беретъ мужа за руку, подводитъ его къ постели и сдергиваетъ простыню.

Горько зарыдалъ р. Меиръ, оплакивая смерть дѣтей:
— О, дѣти мои! Дѣти и наставники мои! Дѣти, милыя мнѣ добронравіемъ своимъ, а свѣтомъ Торы, сіявшимъ въ очахъ вашихъ, озарявшія меня!.

— Раби, --говоритъ ему жена,—не самъ-ли ты сказалъ мнѣ, что *отданное на храненіе* слѣдуетъ возвратить по принадлежности? „Господь далъ и Господь взялъ; да будетъ имя Господне благословенно!" *(Мид. Миш.)*.

Не грѣшники, но грѣхи.

Сосѣди у р. Меира были люди злые и безнравственные. Довели они его до того, что онъ сталъ просить Бога о ихъ смерти.

Слыша это, говоритъ ему Берурія:

– Нѣтъ, мужъ мой, не на грѣшниковъ надо гибель просить, а на грѣхи. Объ этомъ и просилъ Господа Псалмопѣвецъ, говоря: „Да исчезнутъ грѣхи съ земли—и нечестивыхъ не будетъ болѣе". Помолись-же лучше, чтобы люди эти раскаялись и исправились.

Воззвалъ р. Меиръ къ милости Господней—и злые сосѣди его сдѣлались людьми честными и добрыми. *(Берах., 10)*.

„Ликуй, неплодная!".

Нѣкій еретикъ говоритъ Беруріи:

— Написано у пророка: „Ликуй, неплодная, нерожавшая!" О чемъ-же ей ликовать? Не о томъ-ли, что неплодная она?

— Глупецъ! Прочти, что дальше сказано,—отвѣчаетъ Берурія:—„Потому что у покинутой дѣтей больше, чѣмъ у замужней". А смыслъ таковъ: ликуй, дщерь Израильская, не рожавшая для ада дѣтей, *тебѣ подобныхъ! (Тамъ-же)*.

Изъ басенъ р. Меира.

Р. Іохананъ разсказывалъ:

— Произнося свои проповѣди для народа, р. Меиръ дѣлилъ каждую проповѣдь на три части: треть посвящалъ галахѣ, треть агадѣ и треть притчамъ и баснямъ. Послѣднихъ имъ составлено было цѣлыхъ триста, но изъ нихъ у насъ сохранилось всего на слѣдующіе три текста.

а) „Отцы ѣли кислый виноградъ, а у дѣтей на зубахъ оскомина"

в) „Вѣсы вѣрные, гири вѣрныя"

с) „Праведный спасенъ отъ бѣды; вмѣсто него постигнетъ она нечестиваго".

„Отцы ѣли кислое".

Однажды говоритъ волку лисица:

— Зайди въ канунъ субботы въ какой нибудь еврейскій дворъ, предложи свои услуги на кухнѣ, и тебя тамъ пригласятъ къ обѣду.

Въ первомъ-же дворѣ волка встрѣтили съ кольями въ рукахъ.

Избитый волкъ набросился на лисицу.

— Но при чемъ-же я тутъ,—стала оправдываться лисица, — тебя побили за вину твоего отца, который, помогая имъ однажды на кухнѣ, самъ всѣ лучшіе куски сожралъ.

— Такъ меня за что-же бить?

— А ужъ это по правилу: „Отцы ѣли кислое, а у дѣтей на зубахъ оскомина". Забудь объ этомъ; лучше пойдемъ, я покажу тебѣ такое мѣстечко, гдѣ ты досыта накушаешься.

Привела она волка къ колодцу. А у того колодца журавецъ былъ въ видѣ коромысла съ двумя бадьями. Прыгнула лисица въ одну изъ нихъ и спустилась въ колодецъ, а другая бадья поднялась вверхъ.

— Зачѣмъ это ты спустилась туда?—спрашиваетъ волкъ.

— Да тутъ,—отвѣчаетъ лиса,—и мяса, и сыра сколько душѣ угодно.

И указываетъ она волку на отраженіе луны въ колодцѣ, похожее на кругъ сыра.

— А какъ,—спрашиваетъ волкъ,—мнѣ попасть туда?

— Полѣзай въ верхнюю бадью.

Едва волкъ влѣзъ, бадья подъ тяжестью его опустилась внизъ, а другая, съ лисицей, поднялась вверхъ.

Кричитъ волкъ изъ колодца:

— Послушай, какъ мнѣ выбраться отсюда?

А лисица отвѣчаетъ:

„Праведный спасенъ отъ бѣды; вмѣсто него постигаетъ она нечестиваго".—„Вѣрные вѣсы—вѣрныя гиры". *(Санг., 38 и Раши).*

Р. Симеонъ бенъ Іохай и сынъ его Элазаръ.

Два рта.

Р. Симеонъ бенъ Іохай говорилъ:

— Если-бы я былъ на Синаѣ въ моментъ Откровенія, я попросилъ-бы Бога дать людямъ по два рта каждому: одинъ исключительно для ученія, другой для обихода... Нѣтъ, нѣтъ! —прибавлялъ онъ тутъ-же,—если земля и такъ едва можетъ устоять отъ клеветы и сплетенъ,то что-же это было-бы, если бы каждый человѣкъ имѣлъ по два рта! *(Геруш. Берах.)*.

Въ пещерѣ и по выходѣ оттуда.

Сидѣли однажды за дружеской бесѣдой р. Іуда, р. Іосе и р. Симеонъ. Тутъ-же находился нѣкій Іуда бенъ Геримъ. Разговоръ зашелъ о римлянахъ.

— Сколько хорошихъ вещей устроено этимъ народомъ,—говорилъ р. Іуда,—обширные рынки, превосходные мосты, прекрасныя бани.

Р. Іосе промолчалъ. Р. Симеонъ-же возразилъ р. Іудѣ:

— Да,—сказалъ онъ,—устроить устроили, да только для собственной выгоды: устроили рынки—и насадили тамъ непотребныхъ женщинъ; бани—чтобы нѣжить свое тѣло; мосты—чтобы непомѣрную пропускную плату брать.

Пошелъ бенъ-Геримъ и разсказалъ объ этомъ разговорѣ тому-другому; дошло до римскихъ властей, и отданъ былъ приказъ:

Р. Іуду, за его похвальныя рѣчи, наградить.

Р. Іосе за то, что молчалъ, не выражая согласія со словами р. Іуды, сослать въ Сепфорисъ.

Р. Симеона-же, за хулу на римлянъ, казнить.

Заблаговременно узнавъ о приказѣ, р. Симеонъ со своимъ сыномъ скрылся въ одномъ уединенномъ бетъ-гамидрашѣ, куда жена р. Симеона тайкомъ доставляла имъ ежедневно хлѣбъ и кувшинъ съ водою. Этимъ они и питались.

Когда-же розыски усилились, сказалъ р. Симеонъ сыну:

— Женщины слабовольны: начнутъ ее пытать — она не выдержитъ и откроетъ наше убѣжище.

И ушелъ р. Симеонъ съ сыномъ и спрятались въ одной пещерѣ. Произошло чудо: появились въ пещерѣ рожковое дерево и родникъ свѣжей воды.

Чтобы не износилась ихъ одежда, они днемъ оставались раздѣтыми, зарывшись по горло въ песокъ, и занимались св. ученіемъ, одѣвались-же только на время молитвы.

Пробыли они такимъ образомъ въ пещерѣ двѣнадцать лѣтъ.

Однажды у пещеры зазвучалъ голосъ Иліи-пророка:

„—Кесарь умеръ, и приказъ его отмѣняется".

Услыша это, вышли они изъ своего убѣжища—и видятъ: люди пашутъ и сѣютъ.

— Вотъ,—сказалъ р. Симеонъ,—забываютъ о жизни вѣчной, а занимаются ничтожными земными дѣлами!

И куда ни упадалъ его негодующій взоръ, мѣсто то мгновенно выгорало какъ отъ пожара.

Зазвучалъ Батъ-Колъ:

„—Міръ Мой разрушить вышли вы? Возвратитесь въ свою пещеру!"

Пошли они обратно въ пещеру. Прошло еще двѣнадцать мѣсяцевъ. И возроптали они, говоря:

— Грѣшниковъ въ аду, и тѣхъ держатъ не болѣе двѣнадцати мѣсяцевъ.

Снова зазвучалъ Батъ-Колъ:

„—Выходите изъ пещеры!"

На этотъ разъ р. Симеонъ самъ уже сталъ возражать сыну противъ нападокъ его на суету людской жизни:

— Сынъ мой,—говорилъ онъ,—хорошо, что хотя мы съ тобою живемъ разумной жизнью въ этомъ грѣшномъ мірѣ.

Въ канунъ субботы встрѣтился имъ старичекъ, спѣшившій куда-то съ двумя букетами изъ миртовыхъ вѣтокъ въ рукѣ. Спрашиваютъ они:

— Для чего, дѣдушка, собралъ ты эти вѣтки?

— Въ честь субботы,—отвѣчаетъ старичекъ.

— А не довольно-ли одного букета?

— Нѣтъ: одинъ въ ознаменовеніе завѣта „Помни", другой—завѣта „Храни". [1])

— Видишь,—говоритъ р. Симеонъ сыну,—на сколько завѣты Господни близки еще и дороги народу!

И радостно стало на душѣ у обоихъ.

[1]) Повелѣніе о Субботѣ повторено въ Св. Писаніи дважды, при чемъ въ одномъ мѣстѣ (Исх. XX) оно начинается словомъ *„Помни"*, а въ другомъ (Втор., V) словомъ *„Храни"*.

Узнавъ о возвращеніи р. Симеона, вышелъ на встрѣчу къ нему зять его р. Пинхасъ бенъ Яиръ.

Повелъ онъ р. Симеона въ тиберіадскія бани, чтобы самому помыть его тамъ. Увидя тѣло его покрытымъ порѣзами и ссадинами (отъ песку), не могъ р. Пинхасъ удержаться отъ слезъ. Упали слезы на пораненное тѣло. Закричалъ р. Симеонъ отъ боли.

— О, горе мнѣ,—воскликнулъ р. Пинхасъ,—горе мнѣ, что вижу тебя такимъ.

— Нѣтъ, сынъ мой,—отвѣтилъ р. Симеонъ,—не горе, а благо тебѣ, что именно такимъ видишь меня; иначе я не былъ-бы тѣмъ, чѣмъ я теперь. *(Шаб., 34; Береш.-Р., гл. 79).*

Исцѣленіе черезъ бѣса.

Вышелъ указъ, воспрещающій евреямъ праздновать субботу и совершать обрѣзаніе.

[Желая добиться отмѣны указа] р. Рувимъ бенъ Истробулъ постригся [и одѣлся] по римски и, выдавая себя за римлянина, сталъ заводить знакомство съ властями.

Однажды, заведя съ ними разговоръ объ указѣ, онъ говоритъ:

— Какъ, по вашему, чего мы должны желать врагу: обѣднѣть или разбогатѣть?

— Обѣднѣть, разумѣется.

— Въ такомъ случаѣ, вы запретите евреямъ работать по субботамъ, и это будетъ для нихъ прямымъ убыткомъ.

— Ты совершенно правъ.

Спрашиваетъ р. Рувимъ далѣе:

А пожелаете-ли вы врагу быть слабосильнымъ, или-же, наоборотъ, здоровымъ и крѣпкимъ?

— Слабосильнымъ, конечно.

— Пускай-же евреи таки обрѣзываютъ своихъ сыновей на восьмой день отъ рожденія и вмѣстѣ съ кровью теряютъ и силы.

— И въ этомъ ты правъ.

Перестали исполнять указъ. Но вскорѣ узнали, что совѣтчикъ этотъ самъ еврей—и запрещеніе возобновили.

Стали евреи совѣщаться, кого послать въ Римъ добиться отмѣны указа. И рѣшено было послать р. Симеона бенъ Іохая, человѣка, испытаннаго въ чудесахъ, а вмѣстѣ съ нимъ р. Элазара бенъ Іосе.

По дорогѣ въ Римъ является имъ бѣсъ Бенъ-Темаліонъ и говоритъ:

— Хотите, пойду и я съ вами?

Заплакалъ Р. Симеонъ:

— Рабынѣ праотца нашего (Агари) трижды *ангелъ* являлся; я-же ни разу не удостоился этого [а является мнѣ на помощь

бѣсъ]. Пусть-же придетъ избавленіе черезъ кого бы то ни было.

Поспѣшилъ бѣсъ впередъ и вселился въ дочь кесаря. Пришелъ р. Симеонъ и крикнулъ:

„—Бенъ-Темаліонъ, выходи! Бенъ-Темаліонъ, выходи!“.

Услыша голосъ р. Симеона, бѣсъ оставилъ царевну и исчезъ.

Говоритъ имъ кесарь:

— Просите въ награду чего хотите; всѣ сокровищницы мои открыты передъ вами.

Получивъ свободный входъ повсюду, они розыскали тотъ указъ и разорвали его. *(Мегила, 17).*

Долина золотыхъ динаріевъ.

Одинъ изъ учениковъ р. Симеона отправился въ чужіе края и вернулся оттуда съ большимъ богатствомъ. Стали товарищи ему завидовать и захотѣли также отправиться въ поиски за счастьемъ. Узнавъ объ этомъ, повелъ ихъ всѣхъ р. Симеонъ въ долину за городомъ Мерономъ и, сотворивъ молитву, воскликнулъ:

— Долина! Долина! Повелѣваю тебѣ наполниться золотыми монетами!

И вся долина начала покрываться золотыми динаріями.

Обратился р. Симеонъ къ ученикамъ и говоритъ:

— Если золота хотите, то вотъ, передъ вами оно, берите. Но знайте: берущій теперь получаетъ это вмѣсто доли своей въ грядущемъ мірѣ, ибо награды Торы—только тамъ, въ Жизни Вѣчной. *(Шем.-Р., гл. 52).*

Носильщикъ и пророкъ.

Сынъ р. Симеона, Элазаръ, былъ въ молодости носильщикомъ тяжестей. Однажды подходитъ къ нему Илія въ образѣ старца и говоритъ:

— Приготовь-ка вьючное животное, чтобы повезти меня.

— А велика-ли кладь у тебя?—спрашиваетъ Элазаръ.

— Вотъ,—указываетъ старецъ,—тутъ моя котомка и тутъ мой плащъ. Ѣдемъ, что-ли?

— Что вы скажете объ этомъ старомъ чудакѣ!—расхохотался Элазаръ,—на одно плечо я могу усадить его со всей его поклажей и до конца свѣта унести, а онъ говоритъ: „вьючное животное приготовь для меня“. Верхомъ тебѣ, старичекъ, покататься захотѣлось? Садись.

Посадилъ его Элезаръ къ себѣ на плечи и пустился въ путь. Заходили ноги у Элезара, пути не разбирая, и въ гору, и подъ гору, по пустырямъ и колючимъ кустарникамъ, не остановиться ему. А въ то же время, старичекъ, замѣчаетъ онъ, все тяжелѣе и тяжелѣе становится.

— Послушай-ка, старый,—говоритъ, наконецъ, Элазаръ,— не наваливайся ты такъ, Бога ради! Иначе, не въ моготу мнѣ больше, сброшу тебя!

— Что, отдохнуть захотѣлось?—спрашиваетъ старецъ.

— Ну да.

Сошелъ Илія на землю, повелъ его въ открытое поле и, усадивъ подъ деревомъ, далъ ему изъ своей котомки поѣсть и попить. Когда Элазаръ насытился, Илія ему и говоритъ:

— Стоитъ-ли, сынъ мой, заниматься такимъ тяжелымъ дѣломъ? Лучше-бы ты поступилъ такъ, какъ отецъ твой.

— А согласился-бы ты учить меня?

— Охотно, сынъ мой!

Впродолженіи тринадцати лѣтъ—гласитъ преданіе—занимался съ нимъ Илія. Дойдя до „Сифра“ [1]) бывшій носильщикъ тяжестей обезсилѣлъ настолько, что собственный плащъ сталъ казаться ему непомѣрной тяжестью. *(Песикта де. р. К.).*

[1]) Сборникъ толкованій на книгу „Левитъ“.

Р. Пинхасъ бенъ Яиръ.

Чужого ни крошки.

Про р. Пинхаса бенъ Яира разсказывали, что онъ за всю жизнь не съѣлъ куска хлѣба, имъ самимъ не заработаннаго, и съ пѐрвыхъ минутъ своей сознательной жизни не бралъ ни крошки даже отъ отцовскаго стола. *(Хул., 7)*.

Для чужого урожая.

Въ городѣ, въ южной части страны, въ которомъ жилъ р. Пинхасъ, пришли два человѣка на заработки и попросили р. Пинхаса позволить имъ оставить у него на время двѣ мѣры ячменя. Прошло довольно продолжительное время, а люди эти все не являлись за ячменемъ. Тогда р. Пинхасъ рѣшилъ ячмень посѣять. Прошло семь лѣтъ, впродолженіи которыхъ онъ продолжалъ производить посѣвы и весь собираемый урожай откладывать въ амбары. Наконецъ, люди тѣ явились и попросили возвратить оставленныя ими двѣ мѣры.

— Приведите верблюдовъ иословъ,—сказалъ р. Пинхасъ, указывая на свои сараи,—и заберите добро свое. *(Деб.-Р., 3; Іеруш.-Дем.)*.

Дорожныя приключенія.

Отправился однажды р. Пинхасъ бенъ Яиръ на богоугодный подвигъ „освобожденія заключенныхъ".

Дошелъ онъ до глубокой рѣки Гинаи. Перевоза нѣтъ. Обращаясь къ рѣкѣ, р. Пинхасъ восклицаетъ:

— Гиная! Гиная! Да разступятся воды твои предо мною!

Отвѣчаетъ рѣка:

— Пинхасъ! Пинхасъ! Ты идешь исполнить волю Творца твоего, но и я исполняю волю моего Творца. Исполнишь-ли ты— еще неизвѣстно, а я уже исполняю.

Говоритъ снова р. Пинхасъ:

— Если ты сейчасъ-же не разступишься, я заклинаю тебя, чтобы воды твои остановили свое теченіе.

Тотчасъ-же рѣка разступилась, и р. Пинхасъ перешелъ на другой берегъ.

Въ это время къ рѣкѣ подоспѣлъ еще одинъ человѣкъ. Оказалось, что онъ несетъ пшеницу для мацы. И повелѣлъ р. Пинхасъ рѣкѣ:

— Разступись и передъ этимъ человѣкомъ, ибо онъ идетъ для совершенія святого дѣла.

Рѣка снова разступилась.

Но едва опять сомкнулись воды, на берегу появился третій путешественникъ, аравитянинъ, который шелъ той-же дорогой.

— И передъ нимъ повелѣваю тебѣ разступиться!—сказалъ рѣкѣ р. Пинхасъ,—дабы онъ не сталъ говорить: „Такъ-то поступаютъ они съ попутчикомъ!"

Разступилась рѣка и въ третій разъ.

На заѣзжемъ дворѣ, гдѣ р. Пинхасъ остановился для отдыха, дали его ослицѣ необмолоченнаго ячменя. Не стала она ѣсть. Дали ей овса въ зернѣ—опять не ѣстъ. Перебрали и очистили зерно—все-таки не ѣстъ.

— Возможно,—замѣтилъ р. Пинхасъ,—что отъ этого зерна не успѣли еще отдѣлить десятину [1]).

Десятина тутъ-же была отдѣлена, и тогда ослица принялась ѣсть.

— Вотъ,—сказалъ р. Пинхасъ,—примѣръ для васъ: тварь неразумная—и та покорна Божьей волѣ, а вы, разумныя существа, заставляете ее нарушить волю Божью!

Узнавъ о прибытіи р. Пинхаса бенъ Яира, вышелъ Раби къ нему на встрѣчу и сталъ просить:

— Войди въ домъ мой и поѣшь хлѣба со мною.

— Хорошо,—отвѣтилъ р. Пинхасъ.

У Раби лицо засіяло отъ радости.

Поглядѣлъ на него р. Пинхасъ и говоритъ:

— Ты думалъ, какъ видно, что я далъ себѣ зарокъ не ѣсть хлѣба въ еврейскомъ домѣ. Упаси меня Богъ. Дѣти народа моего всѣ святы для меня. Бываетъ, правда, такъ: одинъ желалъ-бы дѣлать добро, но не можетъ; другой могъ-бы, но не желаетъ. Ты-же и можешь, и желаешь. Я радъ посѣтить твой домъ, но сейчасъ я спѣшу по богоугодному дѣлу, а на обратномъ пути обѣщаю быть твоимъ гостемъ.

Возвращаясь изъ своего путешествія, р. Пинхасъ завернулъ въ усадьбу Раби. Тутъ ему пришлось проходить мимо стойлъ и въ воротахъ одного изъ нихъ онъ замѣтилъ муловъ бѣлой масти.

— Этотъ человѣкъ,—сказалъ р. Пинхасъ,—держитъ смерть въ своемъ домѣ [2]). За его столомъ я ѣсть не стану.

---

[1]) См. Числа, XVII, 21.

[2]) Мулы бѣлой масти считались чрезвычайно норовистыми и опасными для человѣка.

Услыша эти слова, вышелъ къ нему Раби и говоритъ:

— Обѣщаю тебѣ немедленно продать этихъ муловъ.

— Сказано: „Передъ слѣпымъ не клади препятствія". [1])

— Пущу ихъ на волю.

— Этимъ только увеличишь опасность.

— Велю перерѣзать у нихъ сухожилія на ногахъ.

— Нарушишь законъ о жалости къ животнымъ.

— Убью ихъ, наконецъ.

— Нарушишь повелѣніе „не порти" (ничего полезнаго).

Раби продолжалъ усиленно просить его войти въ домъ и раздѣлить съ нимъ трапезу. Но въ ту минуту видитъ Раби: точно гора выросла между ними и скрыла р. Пинхаса отъ глазъ его.

Заплакалъ Раби при видѣ этого. *(Хул., 6).*

Сказка о потерянной и найденной жемчужинѣ.

У одного сарацынскаго царя выпала дорогая жемчужина изъ вѣнца, и, прежде чѣмъ успѣли ее поднять, подскочила крыса, проглотила ее и убѣжала.

Обратился тотъ царь къ р. Пинхасу, прося его отыскать жемчужину.

— Что я, колдунъ, что-ли?—отвѣчаетъ р. Пинхасъ.

— Имя твое, учитель,—говоритъ тотъ царь,—славится повсюду, и къ тебѣ, какъ къ угоднику Божьему, обращаюсь я за помощью.

И было повелѣніе отъ р. Пинхаса всѣмъ крысамъ того мѣста явиться. Оказалась одна съ необыкновенно выгорбившейся спинкой,

„—Вотъ эта!"—заявилъ р. Пинхасъ.

И крыса, подчиняясь его велѣнію, отдала жемчужину обратно. *(Іеруш. Дем.).*

[1]) Второз., XX.

Р. Іуда-Наси (Раби, Рабену Га-Кадошъ).

Обмѣнъ дѣтьми.

Вышелъ указъ, воспрещающій совершать обрядъ обрѣзанія. А у р. Симеона бенъ Гамліеля какъ разъ къ тому времени родился сынъ, прозванный впослѣдствіи Рабену Га-Кадошъ [1]).

— Мыслимо-ли,—сказалъ себѣ р. Симеонъ,—повелѣніе Господа нашего нарушить, а приказаніе этихъ нечестивцевъ исполнить?

Не колеблясь нисколько, онъ совершилъ обрѣзаніе новорожденнаго.

Узналъ объ этомъ начальникъ того города и, призвавъ р. Симеона, спрашиваетъ:

— Какъ дерзнулъ ты нарушить повелѣніе кесаря?

— Я исполнилъ повелѣніе Бога,—отвѣчаетъ р. Симеонъ.

— Слушай,—говоритъ начальникъ,—я, правда, долженъ оказывать тебѣ всяческій почетъ и уваженіе, какъ главѣ народа. Но тутъ дѣло касается императорскаго указа, и я этого такъ оставить не могу.

— Что-же ты намѣренъ сдѣлать?

— Отправить тебя въ Римъ, и пусть кесарь самъ рѣшитъ, какъ поступить съ тобою.

Отправилъ начальникъ къ кесарю жену р. Симеона съ новорожденнымъ.

Послѣ цѣлаго дня пути остановилась мать съ ребенкомъ на ночлегъ въ домѣ одного знакомаго римлянина. У этого римлянина также былъ новорожденный сынъ, которому отецъ далъ имя Антонинъ. Мать Антонина, увидя жену р. Симеона, съ которою была дружна, спрашиваетъ:

— По какому случаю ты здѣсь?

Разсказала ей жена р. Симеона: такъ и такъ, вышелъ приказъ кесаря, но мы съ мужемъ не послушались, совершили обрѣзаніе, и вотъ везутъ меня съ ребенкомъ къ кесарю.

Услыша это, римлянка говоритъ:

— Если желаешь, возьми съ собою къ кесарю *моего* сына (онъ не обрѣзанъ, конечно), а твой пусть остается у меня до твоего возвращенія.

---

[1]) Нашъ святой учитель.

Жена р. Симеона такъ и поступила и съ подмѣненнымъ ребенкомъ отправилась къ кесарю.

Обнаружилось, что ребенокъ необрѣзанный. Разгнѣвался кесарь на того начальника и подвергъ его строжайшему наказанію, а мать съ ребенкомъ отпустилъ съ миромъ.

Вернулась она къ своей подругѣ, матери Антонина, и та сказала:

— Такъ какъ небесамъ угодно было черезъ меня совершить чудо тебѣ, а черезъ моего сына твоему сыну, то пусть эти дѣти наши станутъ добрыми друзьями на всю жизнь. *(Бетъ-Гам. 6; Тосеф., Аб.-З. 10).*

Восемь благъ.

Р. Симеонъ бенъ Менасія говорилъ:

— Восемь благъ насчитывали наши мудрецы въ награду благочестивымъ: красоту, силу, богатство, почетъ, глубину ума, долгоденствіе, сѣдину благословенную и многочисленное потомство. Всѣхъ этихъ благъ вмѣстѣ удостоился Раби и дѣти его. *(Аб., гл. 6).*

Изъ за теленка.

Впродолженіи тринадцати лѣтъ пораженъ былъ Раби тяжкой болѣзнью. И болѣзнь его, и исцѣленіе произошли отъ случая.

Однажды вели по улицѣ теленка на бойню. Когда рѣзники поровнялись съ проходившимъ въ то время Раби, теленокъ вырвался и, подбѣжавъ къ Раби, съ жалобнымъ ревомъ спряталъ голову въ полы его одежды, какъ-бы умоляя заступиться за него. Но Раби отогналъ теленка, говоря: „Ступай, куда тебя ведутъ— ты на то и созданъ!".

— Онъ не знаетъ жалости,—сказали на небѣ,—пусть-же онъ самъ испытаетъ страданія.

И въ ту-же минуту Раби поразилъ тяжкій недугъ.

Исцѣленіе-же его произошло отъ слѣдующаго случая:

Убирая въ домѣ, служанка нашла выводокъ хорьковъ и вознамѣрилась вымести крошекъ-звѣрьковъ вмѣстѣ съ мусоромъ. Увидя это, Раби закричалъ ей:

— Оставь ихъ! Милость Господа на всѣхъ твореніяхъ Его.

И тогда сказали на небѣ:

— Онъ смиловался,—смилуемся и надъ нимъ. *(Б.-М., 84; Береш.-Р., гл. 33).*

Въ голодный годъ.

Однажды въ голодный годъ Раби открылъ свои зернохранилища, заявивъ:

— Пусть приходитъ всякій, учившійся чему нибудь: Св.

Писанію, Мишнѣ, Талмуду—галахѣ-ли, или агадѣ. Круглымъ-же невѣждамъ входъ сюда закрытъ.

Съ трудомъ удалось пробиться туда р. Іонатану бенъ Амраму. Подошелъ онъ къ Раби и говоритъ:

— Учитель, дай мнѣ на пропитаніе.

— Учился-ли ты, сынъ мой, Св. Писанію?—спрашиваетъ Раби.

— Нѣтъ.

— Мишнѣ?

-- Нѣтъ.

— Какое-же право ты имѣешь на даровое пропитаніе?

— Учитель! Накорми меня, какъ ты накормилъ-бы собаку или ворона.

Велѣлъ Раби выдавать ему на пропитаніе. Но вскорѣ-же началъ раскаиваться въ этомъ: слѣдовало-ли, все-таки, давать хлѣбъ какому-то невѣждѣ?

— Отецъ,—замѣтилъ ему сынъ его р. Симеонъ,—если я не ошибаюсь, человѣкъ этотъ одинъ изъ твоихъ бывшихъ учениковъ. Зовутъ его Іонатанъ бенъ Амрамъ, и онъ извѣстенъ тѣмъ, что никогда за всю жизнь свою не позволялъ себѣ извлекать малѣйшую пользу изъ своего званія ученаго.

Удостовѣрившись въ этомъ, Раби объявилъ:

— Отнынѣ житницы мои открыты для всѣхъ безъ исключенія. *(Баба-Б., 5).*

Двѣнадцать вдовъ.

Было тринадцать братьевъ. Двѣнадцать изъ нихъ умерли бездѣтными. Приходятъ ихъ вдовы къ Раби и требуютъ, чтобы оставшійся въ живыхъ женился на нихъ, согласно закону [1]).

— Учитель!- говоритъ тотъ,—я не имѣю достаточно средствъ, чтобы кормить ихъ всѣхъ.

— Мы сами будемъ содержать домъ,—заявляютъ вдовы,—каждая изъ насъ по одному мѣсяцу въ году.

— А въ високосные годы кто-же возьметъ на себя издержки на лишній, тринадпатый мѣсяцъ?

-- Это я принимаю на себя,—заявляетъ Раби и, пожелавъ имъ счастливой жизни, отпускаетъ ихъ съ миромъ.

Проходятъ три года, и Раби сообщаютъ:

— Цѣлый таборъ дѣтей явился на поклонъ къ тебѣ.

Выглянулъ Раби въ окно и видитъ: двѣнадцать женщинъ и съ ними дѣтей цѣлыхъ три дюжины.

— Зачѣмъ,—спрашиваетъ онъ,—явились вы ко мнѣ?

— Чтобы ты далъ намъ на пропитаніе на тринадцатый мѣсяцъ нынѣшняго високоса.

1) Второзак., XXXV.

Раби ничего не оставалось, какъ исполнить ихъ требованіе. *(Геруш., Іеб.)*.

Дочь вѣроотступника.

Къ Раби явилась однажды женщина и говоритъ:

— Учитель, дай мнѣ на пропитаніе.

— Кто ты?—спрашиваетъ Раби.

— Я дочь Ахера.

— Какъ!—воскликнулъ Раби,—еще осталось потомство отъ него на землѣ? Не сказано-ли о ему подобныхъ: „Ни сына у него, ни внука въ народѣ его"?

— Учитель!—продолжала дочь Ахера,—вспомни великую его ученость и не вспоминай о поступкахъ его.

Въ эту минуту палъ огонь съ неба и опалилъ кресло, на которомъ сидѣлъ Раби.

Видя это, воскликнулъ Раби со слезами на глазахъ:

— Если ради человѣка, посрамившаго Тору, возможно подобное, то сколько-же возможно чудеснаго ради тѣхъ, кто почиталъ и прославлялъ ее! *(Хаг., 15)*.

Неоцѣнимый подарокъ.

Парѳянскій вельможа Артабанъ послалъ въ подарокъ Раби драгоцѣнный жемчугъ, разсчитывая, что Раби отдаритъ его чѣмъ нибудь не менѣе цѣннымъ. Раби-же послалъ ему мезузу [1]).

Посылаетъ Артибанъ сказать Раби:

— Я послалъ тебѣ вещь, которой цѣны нѣтъ, а отъ тебя я получаю бездѣлицу, стоющую какую нибудь мелочь!

Отвѣчаетъ Раби:

— Всѣ мои и твои драгоцѣнности ничего не стоютъ въ сравненіи съ этой бездѣлицей. Болѣе того, ты послалъ мнѣ вещь, которую *мнѣ* приходится оберегать, а то, что я тебѣ послалъ, будетъ и на яву, и во снѣ *тебя* оберегать. *(Береш.-Р., гл. 35)*.

Преждевременный Мессія.

Илія-пророкъ часто посѣщалъ школу Раби. Однажды, въ день новомѣсячія, онъ явился позже обыкновеннаго. Спрашиваетъ его Раби:

— Почему опоздалъ сегодня господинъ мой?

— Время прошло у меня,—отвѣчаетъ Илія,—пока я поднялъ праотца Авраама, изъ гробницы далъ ему совершить омовеніе и стать на молитву, послѣ чего я вновь уложилъ его. То же самое съ Исаакомъ, затѣмъ съ Іаковомъ.

— Отчего,—спрашиваетъ Раби,—господину моему не поднимать праотцевъ одновременно?

---

[1]) Свитокъ со свящ текстами, прибиваемый на дверномъ косякѣ.

— Изъ опасенія,—отвѣчаетъ Илія,—чтобы силою общей ихъ молитвы не былъ-бы Мессія *преждевременно* призванъ на землю. *(Бава-М.,85).*

Мухи.

Прибывъ однажды въ Кессарію, Антонинъ послалъ пригласить къ себѣ Раби. Проводить Раби пошли сынъ его р. Симеонъ и р. Хія Великій. По пути встрѣтили они легіонъ римскихъ воиновъ—всѣ на подборъ красавцы на рѣдкость и ростомъ до капителей колоннадъ.

— Полюбуйся,—говоритъ р. Симеонъ р. Хіи,—до чего откормлены эти тельцы Исавовы!

Повелъ его р. Хія на базаръ и, указавъ на корзину съ виноградомъ и финиками, обсыпанными роемъ мухъ, говоритъ:

— Въ моихъ глазахъ тотъ легіонъ и этотъ мушинный рой имѣютъ одинаковое значеніе.

Передалъ р. Симеонъ этотъ разговоръ отцу своему, Раби—такъ, молъ, сказалъ я и такъ отвѣтилъ мнѣ р. Хія.

— Удивляюсь р. Хіи,—замѣтилъ на это Раби,—можно-ли этимъ легіонамъ придавать значеніе даже наравнѣ съ мухами: мухи, какъ никакъ, а все-же выполняютъ волю Божію. *(Танх., Ваеш.).*

Пригодится для потомковъ.

Ежедневно Антонинъ посылалъ Раби мѣхи, наполненные золотымъ пескомъ, сверху засыпаннымъ пшеничнымъ зерномъ, и посланному говорилъ:

— Отнеси эту пшеницу къ Раби.

Говоритъ при встрѣчѣ Раби Антонину:

— Напрасно ты посылаешь мнѣ это золото,—у меня и своего достаточно.

— Нѣтъ, не напрасно,—отвѣчаетъ Антонинъ,—пусть унаслѣдуютъ это золото *твои* потомки, чтобы имѣть изъ чего давать *моимъ* потомкамъ. *(Аб.-З , 10).*

Холодъ и зной.

— Помолись за меня,—сказалъ однажды Антонинъ Раби.

— Да спасетъ тебя Господь отъ холода!—произнесъ Раби.

— Но стоитъ-ли объ этомъ молиться?—возразилъ Антонинъ,—одинъ теплый плащъ—и холода какъ не бывало.

— Пусть-же спасетъ тебя Господь отъ *зноя!*

— Вотъ это пожеланіе,—сказалъ Антонинъ,— имѣетъ, дѣйствительно, большое значеніе. И дай Богъ, чтобы молитва твоя услышана была. Ибо памятно мнѣ сказанное вашимъ псалмопѣвцемъ: „Ничто не укрывается отъ зноя Его“. *(Іеруш., Санг.).*

Патріархъ-сноповязъ.

Пришелъ однажды Раби въ одинъ городъ поучать народъ. Не нашлось въ томъ городѣ достаточно обширнаго помѣщенія, и Раби вышелъ съ учениками въ поле. Поле оказалось сплошь занятымъ свѣжескошеннымъ хлѣбомъ—и Раби тутъ-же принялся за работу и весь хлѣбъ перевязалъ въ снопы. *(Шаб., 127)*.

Причина долголѣтія.

Раби спросилъ однажды престарѣлаго р. Іошую бенъ Карха:

— Чему ты обязанъ своимъ столь необыкновеннымъ долголѣтіемъ?

— Да мнѣ это долголѣтіе мое давно надоѣло,—отвѣтилъ р. Іошуа.

— Учитель!—продолжалъ Раби,—это вопросъ весьма серьезный, и я долженъ его уяснить себѣ.

Отвѣчаетъ Р. Іошуа:

— Во всю жизнь мою взоръ мой не останавливался на обликѣ человѣка злого и порочнаго.

Передъ смертью р. Іошуи Раби пришелъ къ нему за послѣднимъ благословеніемъ.

Раби Іошуа произнесъ:

— Да благословитъ тебя Богъ дожить до половины моихъ лѣтъ.

— Почему не полностью?

— Но вѣдь и другимъ не пастухами-же только быть? [1]) *(Мег., 28)*.

Кончина Раби.

Чувствуя приближеніе смерти, Раби сказалъ:

— Я хочу видѣть моихъ дѣтей.

Когда дѣти явились, онъ обратился къ нимъ со слѣдующими словами:

„—Завѣщаю вамъ, дѣти мои:

„Оберегайте честь и покой матери вашей.

„Изъ за траура ко мнѣ не нарушайте ничѣмъ обычнаго порядка въ домѣ: лампады пусть горятъ, столъ стоитъ накрытымъ и ложе убраннымъ—все по прежнему.

„Іосифъ хайфянинъ и Симеонъ ефратянинъ, прислуживавшіе мнѣ при жизни, пусть займутся приготовленіями къ моему погребенію“.

Далѣе Раби заявилъ:

---

[1]) Т. е., вѣдь найдутся и другіе достойные занимать столь-же почетное положеніе.

— Прошу ученыхъ зайти ко мнѣ.

Когда ученые явились, онъ сказалъ:

„—Прошу васъ нигдѣ не устраивать по мнѣ траура.

„По истеченіи тридцати дней послѣ моей кончины приступите вновь къ обычнымъ занятіямъ въ академіи.

„Хахамомъ будетъ сынъ мой Симеонъ, патріархомъ мой сынъ Гамліель, главою академіи Ханина бенъ Хамма“.

Отпустивъ ученыхъ, Раби велѣлъ позвать младшаго сына, р. Симеона, и подробно объяснилъ ему правила, которыхъ долженъ придерживаться хахамъ.

Призвавъ затѣмъ старшаго сына, р. Гамліеля, и изложивъ ему правила патріаршества, Раби прибавилъ:

„—Завѣщаю тебѣ держать патріаршую власть на подобающей высотѣ и соблюдать строгое отношеніе къ ученикамъ“.

Въ послѣдній день передъ смертью Раби учеными объявленъ былъ постъ, и молебствія происходили безпрерывно.

Вѣрная служанка Раби взошла на кровлю и стала горячо взывать къ Господу, говоря:

„—На небесахъ ждутъ Раби, и на землѣ не желаютъ разстаться съ нимъ. Дай Господи земнымъ побѣдить небесныхъ!“.

Но когда она сошла внизъ и увидѣла, какъ тяжко страдаетъ любимый учитель, борясь со смертью, она страстно начала молить:

„—Нѣтъ, Милосердный, пусть уже побѣдятъ небесные!“

Съ этими словами она схватила глиняный кувшинъ и бросила его объ землю. При трескѣ разбитаго кувшина молебствіе прервалось—и въ ту-же минуту Раби почилъ на вѣки.

Посланный Баръ-Капара нашелъ Раби уже скончавшимся и, разорвавъ на себѣ одежды, началъ погребальный плачъ такими словами:

„Львы небесные спорили со земными твердынями
Изъ за Ковчега святыни.
Львамъ побѣда дана—и досталась въ добычу имъ
Слава Ковчега Святыни“.

Передъ послѣднимъ вздохомъ поднялъ Раби руки свои къ небесамъ, и уста его прошептали:

— Тебѣ, Властелину міровъ, извѣстно, что я всѣми силами своими служилъ св. Торѣ Твоей и даже краемъ мизинца не извлекалъ изъ того для земныхъ благъ моихъ. Да будетъ-же воля Твоя дать мнѣ отпущеніе съ миромъ для успокоенія вѣчнаго!

И прозвучалъ Батъ-Колъ:

„—Да грядетъ съ миромъ и покоиться будетъ на ложѣ своемъ“. *(Кет., 103—104)*.

Р. Хія.

Чтобы Тора никогда не забывалась.

Однажды, во время ученаго спора съ р. Хіей, у р. Ханины вырвались такія слова:

— Со мною споришъ ты? Но тебѣ слѣдовало-бы помнить, что если-бы Тора, чего упаси Богъ, совершенно оказалась забытой, я съ моимъ знаніемъ всѣхъ тонкостей ея, самъ снова возродилъ-бы ее въ народѣ.

— А я,—сказалъ на это р. Хія,—лучше повелъ-бы дѣло такъ, чтобы Тора никогда не забывалась. И сдѣлалъ-бы я вотъ-что: посѣялъ-бы ленъ, сплелъ-бы сѣти и сталъ-бы ловить оленей. Мясо ихъ отдавалъ-бы сиротамъ въ пищу, а изъ кожи приготовлялъ-бы пергаментъ. И написалъ-бы я пять свитковъ Пятикнижія и отправился-бы съ ними въ такія мѣста, гдѣ некому заниматься первоначальнымъ ученіемъ. Въ каждомъ такомъ мѣстѣ я пятерыхъ дѣтокъ обучилъ-бы Пятикнижію и шестерыхъ другихъ шести отдѣламъ Мишны. И каждому изъ нихъ былъ-бы наказъ отъ меня: „До слѣдующаго моего прихода сюда повторяйте сами и другъ друга обучайте тому, чему я научилъ васъ". Этимъ я достигъ-бы того, чтобы Тора никогда не забывалась въ народѣ. *(Сот., 49).*

Р. Хія и ангелъ смерти.

Пришло время р. Хіи умереть. Но не было у ангела смерти власти приблизиться къ нему. Принялъ ангелъ смерти образъ нищаго и, постучавшись въ дверь къ р. Хіи, сталъ молить:

— Вынеси мнѣ кусокъ хлѣба.

Когда ему дали хлѣба, онъ обратился къ р. Хіи, говоря:

— Надъ нищимъ ты сжалился, почему-же ты ко мнѣ жалости не имѣешь?

И при этихъ словахъ сверкнула огненная лоза въ рукахъ ангела.

Тотчасъ-же р. Хія покорно отдалъ ему душу свою. *(Моэдъ-К., 28).*

Тронъ праведника.

Р. Хабиба разсказывалъ:

— Я зналъ одного благочестиваго ученаго, котораго часто посѣщалъ Илія-пророкъ. Замѣтилъ я, что у этого ученаго глаза имѣютъ удивительное свойство: утромъ они совершенно ясны, а къ вечеру кажутся будто опаленными огнемъ. Спросилъ я его, отчего это происходитъ, и онъ разсказалъ мнѣ слѣдующее:

— Я попросилъ однажды Илію-пророка дать мнѣ увидѣть, какъ души праведниковъ восходятъ въ Синедріонъ Небесный. На это Илія отвѣтилъ:

— Хорошо. Но помни: ты можешь глядѣть на всѣхъ праведниковъ, за исключеніемъ того мѣста, гдѣ сидитъ р. Хія.

— А по какому признаку,—спросилъ я,—смогу я отличить его отъ другихъ?

— Вотъ по какому: всѣхъ праведниковъ туда и обратно сопровождаютъ ангелы, а кресло, на которомъ сидитъ р. Хія, само поднимается и опускается вмѣстѣ съ нимъ.

Но я не удержался, взглянулъ туда—и въ то-же самое мгновеніе двѣ огненныя брызги ударили мнѣ въ глаза, и я ослѣпъ. На завтра пошелъ я къ гробницѣ р. Хіи, простерся ницъ надъ склепомъ и сталъ молить:

„—Раби! Твою Мишну изучаю я. Смилуйся надо мною!"

И зрѣніе возвратилось мнѣ. *(Баба-М., 85).*

Р. Іохананъ и р. Симеонъ бенъ Лакишъ (Решъ-Лакишъ).

Кто желалъ-бы получить представленіе о красотѣ р. Іоханана, пусть возьметъ вазу чистѣйшаго серебра, наполненную гранатовыми зернами и съ розовой гирляндой по краю ея, и помѣститъ ее такъ, чтобы на нее падала игра лучей и тѣней. Это дастъ нѣкоторое представленіе о дивной красотѣ р. Іоханана.

Самъ р. Іоханань говорилъ о себѣ:

— Я послѣдній изъ красивыхъ людей Іерусалима. *(Баба-М., 84)*.

Власть жизни.

Къ заболѣвшему р. Элазару зашелъ р. Іоханань и засталъ его лежащимъ въ полутемной комнатѣ. Обнажилъ р. Іоханань одно предплечье свое, и отъ бѣлизны тѣла его точно свѣтъ во тьмѣ блеснулъ. При видѣ этого слезы появились на глазахъ у р. Элазара. Спрашиваетъ р. Іоханань:

— О чемъ слезы эти, Элазаръ? Если о томъ, что ты въ ученіи недостаточно успѣлъ, то давно мудрецами сказано: „Кто больше, кто меньше—безразлично, лишь-бы съ душою искренней". Если о томъ, что приходилось тебѣ нужду испытывать, то не каждому суждено въ жизни за двумя столами [1]) сидѣть. Если о томъ, что ты бездѣтнымъ остался, то погляди—вотъ зубокъ моего десятаго ребенка, единственное, что я могъ оставить себѣ на память о всѣхъ бывшихъ у меня десяти сыновьяхъ.

— Нѣтъ, Іоханань,—отвѣчаетъ р. Элазаръ,—я видѣлъ твою красоту и невольно заплакалъ при мысли о томъ, что и такой красотѣ суждено тлѣть въ могилѣ.

— Ты правъ, Элазаръ!—И у самого р. Іоханана при этихъ словахъ показались слезы на глазахъ,—*объ этомъ* и поплакать намъ, смертнымъ, не грѣшно. *(Берах., 5)*.

За богатствомъ.

Илпа и р. Іоханань учились вмѣстѣ и были оба очень бѣдны. Посовѣтывались они однажды другъ съ другомъ и рѣ-

[1]) Т. е. обладать одновременно и ученостью, и богатствомъ.

шили позаняться какимъ нибудь торговымъ дѣломъ,—„Авось, говорили они, исполнится на насъ сказанное: *„Не будетъ у тебя нищаго“*.

Отправились они въ поиски за счастьемъ. Проголодавшись въ пути, они присѣли закусить подъ стѣною какой-то ветхой постройки. Явились два ангела, и слышитъ р. Іохананъ, какъ одинъ ангелъ говоритъ другому:

— Обрушимъ на нихъ стѣну и умертвимъ ихъ: эти люди пренебрегли блаженствомъ вѣчности, предпочитая блага краткой земной жизни.

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ другой,—мы ихъ трогать не должны: одному изъ нихъ предстоитъ высокое назначеніе въ жизни.

— Слышишь?—спрашиваетъ р. Іохананъ Илпу.

— Я не слышу ничего,—отвѣчаетъ Илпа.

Подумалъ р. Іохананъ такъ:

Я слышалъ разговоръ ангеловъ, а Илпа нѣтъ. Значитъ, мнѣ именно и предстоитъ то высокое назначеніе, о которомъ у нихъ была рѣчь.

И говоритъ р. Іохананъ Илпѣ:

— Я, товарищъ, рѣшилъ возвратиться къ прежнимъ занятіямъ. А что касается нужды, то сказано вѣдь также: *„Нельзя-же не бывать нуждающемуся на землѣ“*.

Возвратился р. Іохананъ одинъ. И когда Илпа покончилъ со своими торговыми дѣлами и тоже вернулся обратно, р. Іохананъ уже былъ увѣнчанъ высокимъ титуломъ главы академіи. *(Таан., 21.)*

Выбралъ благую часть.

Р. Іохананъ отправился однажды на прогулку изъ Тиверіады въ Сепфорисъ Онъ шелъ, опираясь на плечо ученика своего р. Хіи баръ Аба. Проходя мимо воздѣланнаго поля, говоритъ р. Іохананъ:

— Вотъ этотъ участокъ прежде принадлежалъ мнѣ, и я продалъ его, чтобы получить возможность всецѣло посвятить себя ученью.

Дальше шла оливковая роща.

— И эта роща была моей собственностью, и я также продалъ ее ради той-же цѣли.

За рощей былъ виноградникъ.

— Когда-то и этотъ виноградникъ былъ моимъ, и я для той-же надобности продалъ его.

Слыша это, не могъ удержаться отъ слезъ р. Хія и говоритъ:

— Я невольно плачу, думая о томъ, что ты, учитель, остался на старости лѣтъ ничѣмъ не обезпеченнымъ.

— Что ты говоришь, Хія, сынъ мой! А развѣ въ твоихъ глазахъ не имѣетъ значенія то, что продано мною добро, цѣликомъ сотворенное впродолженіи шести дней, а пріобрѣтено

сокровище, на появленіе котораго потребовалось для самого Господа цѣлыхъ сорокъ дней! *(Шем.-Р., гл. 47; Песик.)*.

Всѣ люди—братья.

Р. Іохананъ считалъ за правило, что̀-бы онъ не ѣлъ самъ, дѣлиться со своимъ слугой, вспоминая при этомъ слова Іова: „Вѣдь Тотъ-же, Кто въ утробѣ создалъ меня, создалъ и его и равно образовалъ насъ во чревѣ". *(Іеруш., Кет.)*.

О томъ, какъ Решъ-Лакишъ спасся отъ людоѣдовъ.

Решъ-Лакишъ, находясь въ тяжелой нуждѣ, нанялся въ работники къ людямъ одного дикаго племени. Каковъ-же былъ его ужасъ, когда онъ узналъ, что хозяева его—людоѣды, и, какъ только его откормятъ хорошенько, онъ неминуемо будетъ ими убитъ и съѣденъ. Вспомнилъ онъ, однако, о существовавшемъ у этихъ людоѣдовъ обычаѣ: передъ тѣмъ, какъ убить своего плѣнника, безпрекословно исполнить все, о чемъ онъ ни попроситъ. По ихъ мнѣнію, отъ этого кровь его становится слаще.

Имѣя это въ виду, онъ взялъ мѣхи со спрятаннымъ въ нихъ увѣсистымъ камнемъ и, когда назначена была его казнь, онъ говоритъ людоѣдамъ:

— Имѣю одну просьбу. Дайте связать себя и посадить на землю, а я каждому изъ васъ вотъ этими мѣхами дамъ по полтора удара.

Дикари соглашаются. Перевязалъ ихъ всѣхъ Решъ-Лакишъ и пошелъ колотить ихъ своими мѣхами. Взвыли дикари, отъ боли при каждомъ ударѣ судорожно зубы скалятъ. А Решъ-Лакишъ бьетъ и приговариваетъ:

— Вы что-же это, зубы на меня еще скалите? По остальному полуудару получить вамъ хочется?

Такъ всѣхъ ихъ и перебилъ. *(Гит., 47)*.

„Левъ изъ Вавилона".

Когда равъ Кагана собрался переселиться изъ Вавилона въ Палестину, сказалъ ему учитель его Равъ (равъ Аба):

— Когда ты поступишь въ школу р. Іоханана, ты впродолженіи семи лѣтъ, при занятіяхъ его съ учениками, не вступай съ нимъ ни въ какіе ученые споры.

Явившись въ школу, равъ Кагана засталъ тамъ Решъ-Лакиша повторяющимъ съ учениками лекцію р. Іоханана. Не зная еще Решъ-Лакиша въ лицо, онъ сталъ спрашивать:

— Скажите, кто здѣсь Решъ-Лакишъ?

Спрашиваютъ ученики:

— А для чего тебѣ нуженъ Решъ-Лакишъ?

— Хочу сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія по поводу одной лекціи р. Іоханана. Такія-то положенія въ этой лекціи подлежатъ такимъ-то возраженіямъ, а другія требуютъ такой-то и такой-то аргументеціи.

Сообщили объ этомъ Решъ-Лакишу. И говоритъ Решъ-Лакишъ р. Іоханану:

— Изъ Вавилона левъ прибылъ сюда, и къ завтрашней лекціи тебѣ слѣдуетъ подготовиться особенно основательно.

На завтра, когда слушатели собрались на лекцію р. Іоханана, отвели равъ Каганѣ мѣсто въ первомъ ряду учениковъ, поближе къ лектору. Объяснилъ р. Іохананъ одну галаху и ждетъ, что скажетъ равъ Кагана. Но равъ Кагана молчитъ. Объяснилъ вторую галаху—равъ Кагана все молчитъ. Перевели его изъ перваго ряда во второй, затѣмъ въ третій, пока онъ наконецъ не оказался въ послѣднемъ ряду, въ седьмомъ.

Говоритъ р. Іохананъ Решъ-Лакишу:

— Левъ-то твой лисицей оказался

Этого уже равъ Кагана стерпѣть не могъ.

— Это пониженіе,—сказалъ онъ себѣ,—по всѣмъ семи рядамъ, до самаго послѣдняго, которому меня подвергли здѣсь, вполнѣ равносильно семи годамъ молчанія, возложеннаго на меня моимъ учителемъ Равомъ.

Съ этой мыслью онъ встаетъ и заявляетъ:

— Прошу р. Іоханана потрудится повторить свою лекцію.

Повторилъ р. Іохананъ объясненія свои къ первой галахѣ, и равъ Кагана тутъ-же оповергъ всѣ его доводы. Объяснилъ р. Іохананъ слѣдующую галаху—равъ Кагана опять началъ блестяще оспаривать его сужденія. И такъ далѣе, пока равъ Кагану постепенно вновь не перевели въ первый рядъ слушателей. Всѣ присутствующіе обыкновенно помѣщались сидя на полу, р. Іоханану-же клались для сидѣнія семь подушекъ одна на другую. По мѣрѣ того, какъ равъ Кагана возражалъ ему, р. Іохананъ, послѣ каждаго удачнаго возраженія, вынималъ одну подушку и отбрасывалъ ее въ сторону, пока наконецъ не остался сидѣть на полу наравнѣ со всѣми своими учениками. *(Баба-К., 117)*.

Четыре монумента.

Однажды пришлось Решъ-Лакишу въ дорогѣ перебраться черезъ залитое водою мѣсто. Случившійся тамъ незнакомецъ предложилъ перенести его на плечахъ.

Решъ-Лакишъ принялъ услугу и спрашиваетъ того человѣка:

— Учился ты Писанію?

— Да,—отвѣчаетъ тотъ.

— И Мишнѣ?

— Прошелъ четыре отдѣла.

— Какъ!—воскликнулъ Решъ-Лакишъ,—цѣлыхъ четыре утеса-монумента воздвигъ ты себѣ. Такъ тебѣ ли носить Решъ-Лакиша на плечахъ своихъ? Въ воду брось его! *(Мег., 28).*

Князю—свое, Богу—свое.

— Уличенный въ грѣхѣ патріархъ?—Мое мнѣніе таково,—заявилъ Решъ-Лакишъ: сорокъ ударовъ плетью и лишеніе патріаршества на всегда!

Доложили объ этомъ патріарху р. Іудану. Воспылалъ гнѣвомъ патріархъ и послалъ арестовать Решъ-Лакиша. Бѣжалъ Решъ-Лакишъ—одни говорили: въ какую-то башню, другіе: въ село Хитинъ.

Пришелъ на завтра въ коллегію р. Іохананъ; явился и р. Іуданъ. Видя, что р. Іохананъ долго не появляется на каѳедрѣ, р. Іуданъ спрашиваетъ:

— Отчего, раби, не начинаешь своей лекціи?

Началъ р. Іохананъ читать, но трудно вязалась рѣчь его, точно однорукій за работу взялся.

Р. Іуданъ такъ и выразился, обращаясь къ нему.

— Да,—сказалъ на это р. Іохананъ,—безъ Решъ-Лакиша я, точно, что безъ руки.

— Но куда-же дѣвался Решъ-Лакишъ?

— Находится, говорятъ, въ какой-то башнѣ.

— Завтра,—заявилъ, смягчившись, р. Іуданъ,—пойдемъ со мною къ нему.

Послалъ р. Іохананъ предупредить Решъ-Лакиша и сказать ему:

— Приготовь подходящее привѣтствіе къ приходу патріарха.

Когда патріархъ, въ сопровожденіи р. Іоханана и другихъ, приблизился къ башнѣ, Решъ-Лакишъ встрѣтилъ его такими словами:

— Мое освобожденіе отсюда, патріархъ, ты обставилъ по примѣру Всевышняго: для освобожденія Израиля изъ Египта Онъ не послалъ ни смертнаго, ни ангела, но явился Самъ со всѣмъ воинствомъ Своимъ.

Говорятъ ему:

— Какъ-же ты позволилъ себѣ такъ рѣзко выразиться относительно суда надъ патріархомъ?

— А вы какъ думали,—отвѣчаетъ Решъ-Лакишъ,—стану я изъ страха передъ вами измѣнять ученію Господа моего? *(Іеруш., Санг. 2).*

Равъ (равъ Аба).

Искры мудрости.

Когда Иси баръ Гуна прибылъ изъ Вавилона въ Палестину, встрѣтился съ нимъ р. Іохананъ и спрашиваетъ:

— Кто у васъ теперь въ Вавилонѣ главою академіи?

— Аба-долговязый [1],—отвѣчаетъ Иси.

— Долговязый!—восклицаетъ съ негодованіемъ р. Іохананъ,—я живо помню его еще въ то время, когда я учился съ нимъ въ школѣ Раби. Я помѣщался семнадцатью рядами ниже Рава,—и помню я, когда между нимъ и Раби, бывало, завяжется ученый диспутъ, искры божественнаго огня перелетали у обоихъ изъ устъ въ уста. Я за потокомъ ихъ ученыхъ рѣчей и услѣдить не въ состояніи былъ. А ты, кромѣ „долговязый", и названія другого не нашелъ для него! *(Хул., 117).*

Ложь недопустима никогда.

Жена Рава была чрезвычайно непокорливаго характера и всегда дѣлала на перекоръ ему: попроситъ онъ сварить ему чечевицы, она сваритъ гороху, попроситъ гороху—сваритъ чечевицы. Когда сынъ ихъ Хія подросъ и замѣтилъ это, онъ сталъ передавать ей просьбы отъ отца наоборотъ, такъ что выходило почти всегда такъ, какъ желалъ Равъ. Говоритъ онъ однажды сыну:

— Нравъ у твоей матери, я замѣчаю, куда лучше сталъ.

— Такъ вѣдь это-же потому,—отвѣчаетъ Хія,—что я твои распоряженія передавалъ ей какъ разъ наоборотъ.

— Такъ вотъ оно что!—улыбнулся Равъ,—не даромъ люди говорятъ: „У дѣтей учитесь мудрости". Это ты умно придумалъ, а все таки бóльше такъ не дѣлай: ложь недопустима никогда. *(Іеб., 83).*

[1]) Прозванъ былъ такъ въ народѣ за свой непомѣрно высокій ростъ.

Самуилъ (Ярхинаи[1]).

Сиротскія деньги.

Абѣ бенъ Абѣ, отцу Самуила, часто отдавались на храненіе сиротскія деньги. Умеръ онъ въ чужомъ городѣ, вдали отъ семьи. Самуилу не было извѣстно, гдѣ спрятаны были отцомъ тѣ деньги, и онъ не могъ возвратить ихъ сиротамъ. Стали люди упрекать Самуила, называя его „сыномъ пожирателя сиротскихъ денегъ".

Рѣшилъ Самуилъ во что бы то ни стало узнать, гдѣ находятся деньги и съ этой цѣлью отправился въ тотъ городъ, гдѣ умеръ его отецъ.

Приходитъ онъ на кладбище и начинаетъ допытываться:

— Гдѣ тутъ погребенъ Аба?

— Покойниковъ съ именемъ Аба,—отвѣчаютъ ему,—здѣсь много.

— Аба бенъ Аба.

— И Аба бенъ Аба не мало.

— Объ Абѣ бенъ Абѣ, отцѣ Самуила, спрашиваю я.

[И слышитъ онъ Голосъ]:

„—Отецъ Самуила вознесся въ Іешиба-шелъ-Майла".

Видитъ Самуилъ—отецъ явился передъ нимъ, на глазахъ его слезы, на устахъ радостная улыбка.

Спрашиваетъ онъ отца:

— О чемъ плачешь и чему радуешься?

Отвѣчаетъ отецъ:

— Плачу я оттого, что вскорѣ и тебѣ лежитъ дорога сюда, а радуюсь потому, что высокія почести ждутъ тебя въ жизни вѣчной.

Спрашиваетъ затѣмъ Самуилъ:

— Гдѣ спрятаны тобою сиротскія деньги?

— Ты найдешь ихъ,—отвѣчаетъ Аба,—въ мельничномъ поставѣ; сверху и снизу лежатъ наши собственныя, а въ серединѣ сиротскія.

— Для чего положилъ ты ихъ такимъ образомъ?

— А вотъ для чего: лежащія сверху деньги могутъ быть замѣчены кѣмъ нибудь и похищены, лежащія внизу—попорчены отъ сырости; и въ томъ, и въ другомъ случаѣ пострадаемъ мы, а деньги сиротскія останутся въ сохранности. *(Берах., 18)*.

---

[1]) Отъ слова „Jareach"—луна. Прозванъ былъ такъ за свои обширныя познанія въ астрономіи.

Равъ Гуна.

Въ общественной и частной жизни.

Рава просилъ однажды Рафрама баръ Папу подѣлиться съ нимъ своими воспоминаніями о равъ Гунѣ.

— Въ молодые годы,—отвѣтилъ Рафрамъ баръ Папа,—я съ равъ Гуной знакомъ не былъ, а зналъ его уже старикомъ. Помню я такую его привычку: когда наступало ненастное время года, равъ Гуна, несомый въ золоченомъ паланкинѣ, обходилъ всѣ улицы города, осматривая строенія, чтобы удостовѣриться въ достаточной ихъ прочности. Если гдѣ-нибудь стѣна или заборъ оказывались недостаточно прочными и угрожающими общественной безопасности, онъ приказывалъ тутъ-же ихъ повалить и возвести новые. Если-же хозяинъ не въ состояніи былъ произвести требуемый расходъ, равъ Гуна производилъ ремонтъ на собственныя средства.

Кромѣ того, въ каждый канунъ субботы, когда начнетъ вечерѣть, онъ посылалъ на базаръ съ порученіемъ скупать всѣ оставшіеся непроданными овощи и зелень. Дѣлалось это имъ съ той цѣлью, чтобы торговцы не терпѣли убытковъ и продолжали привозить зелени и овощи на каждую субботу.

Дома у себя равъ Гуна держалъ открытый столъ и передъ каждой трапезой приказывалъ открывать настежь двери своей столовой и всѣхъ желающихъ приглашать къ столу. *(Таан., 20).*

Четыреста бочекъ скисшаго вина.

У равъ Гуны однажды скисло четыреста бочекъ вина [1]).

Узнавъ объ этомъ, пришли къ равъ Гуна законоучители и говорятъ:

— Раби, изслѣдуй и взвѣсь поступки свои.

— А вы,—спрашиваетъ равъ Гуна,—считаете возможнымъ заподозрить меня въ какомъ нибудь дурномъ поступкѣ? Если кому о чемъ либо подобномъ извѣстно, пусть скажетъ.

---

[1]) Въ тѣ времена причину подобныхъ явленій склонны были видѣть скорѣе въ какой нибудь религіозной или нравственной погрѣшности владѣльца, чѣмъ въ естественныхъ условіяхъ порчи вина.

— Намъ передавали, что ты своему арендатору не выдаешь положенной ему доли хворосту при обрѣзкѣ виноградниковъ.

— Но вѣдь арендаторъ этотъ лучше дѣлаетъ—воруетъ все цѣликомъ.

— Вотъ видишь, люди и правы, говоря: „Укради хотя-бы и у вора—и войдешь во вкусъ воровства".

— Вы правы,—согласился равъ Гуна,—беру на себя отнынѣ отдавать ему все, что слѣдуетъ.

Вскорѣ послѣ того уксусъ настолько вздорожалъ, что равъ Гунѣ удалось продать всѣ сорокъ бочекъ по цѣнѣ настоящаго вина. *(Берах., 5).*

Кончина и погребеніе равъ Гуны.

Умеръ равъ Гуна скоропостижно, и это привело въ большое смущеніе его товарищей-ученыхъ [1]). Успокоило ихъ объясненіе, приведенное Зогой изъ Адіабена: „Особое значеніе имѣетъ скоропостижная смерть только въ возрастѣ *до* восьмидесяти лѣтъ. Послѣ-же этого, наоборотъ, внезапная кончина почитается сладостной какъ поцѣлуй отъ устъ Господнихъ".

Когда тѣло равъ Гуны прибыло въ Палестину, вышли отдать послѣдній долгъ умершему р. Ами и р. Иси (съ которыми, въ бытность ихъ въ Вавилонѣ, р. Гуна постоянно вступалъ въ ожесточенные диспуты). Стали обсуждать, гдѣ избрать мѣсто для его погребенія, и рѣшено было похоронить его въ склепѣ р. Хіи: оба они имѣли одинаково великія заслуги въ дѣлѣ насажденія св. знанія въ народѣ.

Кому-же поручить погребеніе? Вызвался равъ Хага:

— Я,—заявилъ онъ,—все время учился у р. Хіи, постоянно при немъ находился и хорошо изучилъ его отношеніе къ себѣ и къ людямъ.

Дали ему на руки гробъ съ тѣломъ равъ Гуны, и онъ спустился съ нимъ въ склепъ. А въ томъ склепѣ, кромѣ р. Хіи, покоились также двое сыновей его—по правой сторонѣ Іуда, по лѣвой Хизкія.

Обратился Іуда къ могилѣ Хизкіи и сказалъ:

— Встань, Хизкія! Не подобаетъ тебѣ покоиться въ мирѣ, когда снаружи ждетъ равъ Гуна.

Мгновенно показался изъ гроба Хизкія, а вмѣстѣ съ нимъ столпъ огненный всталъ передъ равъ Хагой. Дрожащими руками опустилъ равъ Хага гробъ съ тѣломъ равъ Гуны и радъ былъ, что ему удалось выбраться съ миромъ изъ склепа. *(Моэдъ-К., 28 и 29).*

---

[1]) Скоропостижная смерть, по ихъ мнѣнію, несоотвѣтствуетъ понятію „праведной кончины".

Равъ Шешетъ.

Зрячій слѣпой.

Равъ Шешетъ былъ слѣпъ на оба глаза. Черезъ каждые тридцать дней онъ повторялъ въ умѣ все, чему онъ прежде учился, и каждый разъ радостно восклицалъ послѣ этого:

„—Ликуй, душа моя! Торжествуй и радуйся! Для тебя учился я св. писанію, и Мишнѣ учился на радость тебѣ!“

Однажды все населеніе вышло на встрѣчу кесаря, прибытія котораго ожидалось въ томъ городѣ. Пошелъ и равъ Шешетъ. Замѣтилъ его нѣкій еретикъ и говоритъ:

— Кувшины по воду пошли, а черепки куда-же это?

— Идемъ, — отвѣчаетъ равъ Шешетъ, — и увидишь, что я, слѣпой, знаю больше тебя, зрячаго.

Съ шумомъ и звономъ оружія проходитъ легіонъ.

— Кесарь идетъ!—говоритъ еретикъ равъ Шешету.

— Нѣтъ еще, —отвѣчаетъ слѣпой.

Шумно проходитъ слѣдующій легіонъ.

— Вотъ уже кесарь прибылъ! — говоритъ еретикъ.

— Нѣтъ еще, — повторяетъ слѣпой.

Наступила торжественная тишина, и медленно сталъ приближаться третій легіонъ.

— Вотъ теперь дѣйствительно кесарь идетъ, —заявилъ равъ Шешетъ.

— Какъ-же ты это узналъ?

— Весьма просто. „Царство земное,—сказано нашими мудрецами, — подобно царству небесному“. И также было при явленіи Господа Ильѣ-пророку: была буря, но не въ бурѣ, а въ вѣяніи тихомъ шествовалъ Господь.

Когда кесарь приблизился, равъ Шешетъ торжественно произнесъ установленное на этотъ случай благословеніе.

— Удивляюсь тебѣ, —сказалъ насмѣшливо еретикъ, —расточаешъ благословенія тому, кого ты даже увидѣть не можешь.

Навелъ равъ Шешетъ на лицо его незрячіе глаза свои, брызнули искры изъ нихъ — и на вѣки погасъ свѣтъ въ глазахъ у еретика. *(Берах., 52)*.

Раба баръ Нахмани.

Испытанія и кончина его.

О Рабѣ баръ Нахмани донесли кесарю:

— Есть одинъ человѣкъ среди евреевъ, по винѣ котораго [1]) двѣнадцать тысячъ израильтянъ ежегодно одинъ лѣтній мѣсяцъ и одинъ зимній не платятъ царской подати.

Отправленъ былъ царскій посланецъ задержать Рабу баръ Нахмани и привести его. Но Раба бѣжалъ изъ Пумбедиты.— — — Добравшись, послѣ долгихъ скитаній по разнымъ мѣстамъ, до Агама[2]) Раба взобрался на верхушку пальмы и, притаившись тамъ, углубился въ св. ученіе. Въ это время происходилъ споръ въ Іешибѣ-шелъ-Майла по законамъ о ритуальной чистотѣ. — — — Для разъясненія спорнаго вопроса рѣшено было призвать на небо душу Раба баръ Нахмани, величайшаго авторитета по вопросамъ ритуальной чистоты. Однако, Ангелу Смерти невозможно было приблизиться къ нему, потому что Раба ни на мгновеніе не отвлекался отъ св. ученія. Но вотъ, повѣялъ вѣтеръ, въ тростникахъ зашумѣлъ. Подумалъ Раба: „отрядъ кесаровыхъ всадниковъ скачетъ“—и рѣшилъ: „лучше приму кончину отъ руки Ангела Смертнаго, чѣмъ отдаться въ руки кесаря“. И со словомъ „Чисто! Чисто!“ онъ умеръ.

Раздался Батъ-Колъ, вѣщая:

— Благо тебѣ, Раба баръ Нахмани! Чиста была плоть твоя, и со словомъ „чисто“ душа твоя отлетѣла.

Упали въ Пумбедитѣ письма съ неба: „Раба баръ Нахмани призванъ въ Іешибу-шелъ-Майла“. Отправились Абаія и Рава и всѣ прочіе ученые съ ними, чтобы совершить погребеніе усопшаго, но не знали они, гдѣ онъ находится. Пришли въ Агамъ и видятъ: птицы стоятъ и поднятыми крыльями мѣсто одно осѣняютъ. „Навѣрное тамъ онъ“—сказали они. Подошли и увидѣли его. — — —Семь дней кончину его оплакивали.

Въ тотъ день, когда умеръ Раба поднялась буря и одного аравитянина, проѣзжавшаго верхомъ на вереблюдѣ мимо рѣки Паппы, подняло и перебросило съ одного берега на другой.

---

[1]) Приходя слушать поученія Рабы, люди эти бросали свои обычныя занятія, лишались заработка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и средствъ для уплаты податей.

[2]) Предмѣстье Пумбедиты.

— Что это значитъ?—спросилъ аравитянинъ.

— Раба баръ Нахмани скончался,—отвѣтили ему.

Обратился тотъ аравитянинъ къ Всевышнему, говоря:

— Владыко вселенной! Весь міръ Тебѣ принадлежитъ и Раба баръ Нахмани принадлежитъТебѣ-же, Ты—его и онъ—Твой. Зачѣмъ же міръ разрушаешь?

И буря утихла. *(Баба-М., 86)*.

Р. Іосе изъ Юкрата.

Насиліе надъ природой.

Р. Іосе нанялъ работниковъ на свое поле. Случилось такъ, что онъ не могъ доставить имъ обѣдъ во время.

— Мы голодны!—заявили они сыну р. Іосе и, бросивъ работу, усѣлись подъ фиговымъ деревомъ.

Видя это, подходитъ сынъ р. Іосе къ дереву и говоритъ:

— Фиговое дерево! Фиговое дерево! Дай плоды свои, чтобы работники моего отца могли голодъ свой утолить.

Тотчасъ появились плоды на вѣтвяхъ, и работники поѣли и насытились.

Въ это время подоспѣлъ р. Іосе съ обѣдомъ.

— Простите меня,—сказалъ онъ, обращаясь къ работникамъ,—меня задержало одно доброе дѣло, и я опоздалъ съ вашимъ обѣдомъ.

— Пусть,—отвѣчаютъ работники,—Богъ насытитъ тебя также, какъ насъ насытилъ сынъ твой.

— Какимъ-же образомъ?

Разсказываютъ они ему, какъ дѣло было съ фиговымъ деревомъ.

Услыша это, говоритъ р. Іосе сыну:

— Сынъ мой, ты позволилъ себѣ утруждать Творца и совершить насиліе надъ природой, заставивъ дерево безвременно давать плоды свои. Увы, и тебѣ суждено безвременно изъ міра уйти.

Проклятіе красоты.

У р. Іосе была дочь замѣчательной красоты. Видитъ онъ однажды, какъ какой-то человѣкъ буравитъ отверстіе въ заборѣ и пытается увидѣть лицо дѣвушки. Спрашиваетъ его р. Іосе:

— Зачѣмъ ты это дѣлаешь?

— Прости, раби!—отвѣчаетъ тотъ,—не суждено мнѣ обладать ею, я хотя издали полюбоваться на нее хочу.

Говоритъ р. Іосе дочери:

— Лучше-бы тебѣ, дочь моя, въ прахъ обратиться, чѣмъ доставлять красотою своей мученія людямъ!

Прежніе и нынѣшніе.

Р. Хаги со словъ р. Самуила баръ Нахмана говорилъ:

— Люди былыхъ временъ умѣли дѣлать все въ совершенствѣ: они и вспахивали ниву Знанія, и засѣвали ее, и пололи, и корни выкорчевывали, и гряды окапывали, и жали, и въ снопы вязали, и молотили, и вѣяли, и зерно отъ примѣсей очищали, и мололи, и просѣвали, и тѣсто мѣсили, и на части его дѣлили, и готовые для насъ хлѣбы выпекали, а мы—мы не знаемъ даже, какъ ротъ открыть и готовымъ насытиться какъ слѣдуетъ. *(Іеруш., Шек.)*.

Раба баръ Земина говорилъ:

— Если прежніе наши ангеламъ подобны были, мы простымъ смертнымъ подобны; если-же они простыми смертными были, то мы недалеко отъ ословъ ушли, и не отъ такихъ, какимъ былъ оселъ р. Ханины бенъ Досы или р. Пинхаса бенъ Яира [1]), а отъ самыхъ обыкновенныхъ. *(Шаб., 112)*.

Р. Іохананъ говорилъ:

— У прежнихъ сердца широко, какъ притворъ предъ храмомъ [2]), распахивались, у послѣдующихъ—какъ двери храма [3]), а у насъ они игольному ушку подобны.

Спрашиваетъ равъ Папа Абаію:

— Почему ради прежнихъ совершались чудеса, а ради насъ не совершаются? Вѣдь то, что изучалось, напримѣръ, при равъ Іудѣ, и въ сравненіи не можетъ идти съ тѣмъ огромнымъ запасомъ знанія, какой успѣли мы пріобрѣсти съ тѣхъ поръ. Между тѣмъ, стоило во время засухи равъ Іудѣ простоять на молитвѣ о дождѣ не больше времени, чѣмъ требуется, чтобъ

[1]) См. выше.
[2] и [3]) Первый имѣлъ двадцать локтей въ ширину, втор. только десять.

шнурокъ на одномъ сандаліи развязать, -- и дождь лить начиналъ. А мы сколько ни скорбимъ, взывая и вопія къ небесамъ— и все напрасно.

— Дѣло не въ размѣрахъ знанія и не въ продолжительности молитвы,—отвѣчаетъ Абаія,—прежніе умѣли на муки и казнь идти для прославленія имени Божьяго, а у насъ на это силъ уже не хватаетъ. *(Берах., 20)*.

Въ честь учителя.

Оставляя школу и разставаясь съ любимымъ учителемъ, ученики р. Ами исполняли въ честь его слѣдующій гимнъ:

Познай въ свой вѣкъ всю радость міра.
Грядущій путь твой—къ жизни вѣчной,
Стремленья—въ даль и глубь вѣковъ.
Будь сердцемъ Разума герольдомъ.
Пусть голосъ твой вѣщаетъ Мудрость,
И ликованіе – уста,
Зѣницы путь твой озаряютъ,
И свѣтомъ Торы блещутъ очи,
И ликъ—сіяніемъ небесъ.
Будь Знанья вѣстникомъ для міра.
И, всей душой ликуя въ Правдѣ,
Гряди Предвѣчному внимать!

(Берах., 17).

Сапданы[1].

Когда скончались Раба баръ равъ Гуна и равъ Гамнуна, тѣла усопшихъ перевезли на верблюдахъ изъ Вавилона въ Палестину. Выйдя на встрѣчу погребальному шествію, сапданъ началъ рѣчь свою такими словами:

Въ столѣтьяхъ славный родъ грядетъ изъ Вавилона
И доблестей онъ лѣтопись несетъ.
Ежи ползутъ, слетѣлись пеликаны
На кару, что идетъ изъ Синеара [2])
О, какъ великъ и страшенъ Божій гнѣвъ!
Чистѣйшія отнявъ у міра души,
Онъ радуется какъ женихъ невѣстѣ.
На облакахъ Грядущій торжествомъ
И ликованьемъ каждую встрѣчаетъ
Чистѣйшую и праведную душу.

На смерть Раббины.

Поникли пальмъ вершины, о праведномъ скорбя,
Что пальмой стройной въ жизни такъ пышно расцвѣталъ.
Ночь въ день онъ превращалъ надъ вѣщей книгой Знанья,—
И нынѣ свѣтлый день намъ ночью темной сталъ.

На смерть равъ Оше.

Гдѣ кедры обяты пожаромъ,
Исопу-ли тамъ уцѣлѣть?

---

[1]) Плакальщики. Лица, произносившія надгробныя рѣчи, въ которыхъ изображались въ поэтической формѣ заслуги усопшаго.

[2]) Изъ Вавилона.

Гдѣ сѣти сомкнулись надъ левіаѳаномъ,
Тамъ рыбкѣ-ли малой спастись?
Раскинулся неводъ въ рѣкѣ многоводной,
Ручью-ли избѣгнуть его?

На смерть р. Зеры.

Въ странѣ Синеара увидѣлъ онъ свѣтъ,
Странѣ Красоты[1] украшеньемъ служилъ онъ.
И плачъ раздается въ Сепфорисѣ:
„—Горе!
Разбитъ мой безцѣнный, мой лучшій сосудъ!"

[1]) Палестинѣ.

Оглавленіе.

РАЗРЕШЕНО
К ВЫВОЗУ
14 УП

Сокращенія.

А.-Б. д. Сира—Алефъ-Бетъ дебенъ Сира.
Аб. д. Нат.—Аботъ дераби Натанъ.
Аба-Гур.—Аба Гуріонъ.
Абк.—Абкиръ.
Ав. З.—Трактатъ Авода-Зара.
Аг. Эс.—Агадатъ Эстеръ.
Б. Б.—Трактатъ Бава-Батра.
Б. К.— „ Бава-Кама.
Б. М.— „ Бава-Меціа.
Бам.-Р.—Бамидбаръ-Раба.
Бер.—Трактатъ Берахотъ.
Бер.-Р.—Берешитъ-Раба.
Бетъ-Гам.—Бетъ-Гамидрашъ.
Бик.—Бикуримъ.
Ваик.-Р.—Ваикра-Раба.
Введ.—Введеніе.
Гит.—Трактатъ Гитинъ.
Деб.-Р.—Дебаримъ-Раба.
Зеб.—Трактатъ Зебахимъ.
Іалк.—Іалкутъ (Шимони).
Іеб.—Трактатъ Іебамотъ.
Іеруш.—Талмудъ Іерушалми.
Кет.—Трактатъ Кетуботъ.
Кидд.— „ Киддушинъ.
Ког.-Р.—Когелетъ-Раба.
М. Авр.—Маасе Авраамъ.
Мак.—Трактатъ Макотъ.
Мег.— „ Мегилла.
Мен.— „ Менахотъ.
Мид., Мидр.—Мидрашъ.
Мид. Ас. Гад.—Мидрашъ Асеретъ Гадибротъ.
Мид. Миш.—Мидрашъ-Мишлэ.
Мидр. Сам.—Мидрашъ Самуилъ.
Нед.—Трактатъ Недаримъ.
П. (Аб.)—Пирке (Аботъ).
П. (Пир.) д. Ел.—Пирке дераби Еліезеръ.
Пес.—Трактатъ Песахимъ.
Пес. д. К.—Песикта деравъ Кагана.
Песик. (Р.)—Песикта (Рабоси).
Пон. Ах.—Понимъ Ахеримъ.
Р.—Раби.
Р. Гаш.—Трактатъ Рошъ-Гашана.
Санг.— „ Сангедринъ.
Сеф. Гаіаш.—Сеферъ Гаіашаръ.
Сиф.-З.—Сифре Зуто.
Сот.—Трактатъ Сотта.
Сук.— „ Сукка.
Т. д. Ел.—Танна дебэ Елія.
Таан.—Трактатъ Таанитъ.
Там.— „ Тамидъ.
Танх.—Танхума.
Танх. Гак.—Танхума Гакодумъ.
Тарг. Ш.—Таргумъ Шени.
Тиф. Иср.—Тифересъ Исроэль.
Тос., Тосеф.—Тосефта.
Хаг.—Трактатъ Хагига.
Хул.— „ Хулинъ.
Ш. Гаш. Р.—Ширъ Гаширимъ Раба.
Шаб.—Трактатъ Шабботъ.
Шек.— „ Шекалимъ.
Шем.-Р. Шемотъ-Раба.
Шох. Т.—Шохеръ Товъ.
Эр. Эрув.—Трактатъ Эрувинъ.
Эха Р.—Эха Раба.

Замѣчены опечатки: к части I

Стран.:	Строка:		Напечатано:	Читать:
25-ая	4-ая	сверху	тебѣ	тебя
30 „	10 „	—	Единственный	единственный
37 „	5 „	снизу	н	, и
41 „	21 „	—	говоритъ	говорилъ
55 „	4 „	сверху	Исара	Асира
62 „	11 „	снизу	чиркнетъ	чирикнетъ
74 „	3 „	сверху	ягнились	оягнились
79 „	9 „	снизу	пойти	пойте
84 „	10 „	сверху	оказалось	оказывалось
88 „	8 „	—	пройдешь	перейдешь
89 „	19 „	снизу	могъ	могло
95 „	12 „	—	внизу	снизу
106 „	12 „	сверху	славитъ	славить
119 „	13 „	снизу	міръ	міръ,
143 „	11 „	сверху	подобное	подобное бѣдствіе
144 „	7 „	—	тобою	Тобою
149 „	9 „	—	легкіе	легкія
151 „	2 „	—	народъ	, народъ
155 „	2 „	снизу	его	Его
161 „	1 „	—	трока доо	отрока до
163 „	8 „	—	разврата	развратъ
168 „	2 „	—	пепелѣ	пеплѣ
185 „	2 „	—	любовь	любви
187 „	15 „	—	бедрешку	бедрышку
196 „	10 „	сверху	наказать	напасть
— „	19 } „	—	Макковеевъ	Маккавеевъ
— „	21 } „			
203 „	12 „	снизу	спиною	стѣною
204 „	5 „	сверху	твой	свой